

Сказки
народов
Китая

**СКАЗКИ
НАРОДОВ
КИТАЯ**

ПЕРЕВОД С КИТАЙСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1961

Предисловие
М. ЧЕРКАСОВОЙ

Художник
Н. ШИШЛОВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В далеком прошлом земля, где жили чжуанцы, была погружена во мрак. Повсюду бродили тигры, шакалы и волки, гибло несметное количество народа. Уничтожить диких зверей черной ночью нечего и думать. Многие храбрецы вызывались идти за солнцем, но предстоял такой долгий и трудный путь, что одной человеческой жизни не хватало бы. И снарядили чжуанцы в дорогу молодую женщину, у которой должен был родиться ребенок: ведь в ней воплотились две жизни. Родится сын, вырастет в пути и, когда мать состарится, заменит ее и пойдет искать солнце один.

Окутала крошечная тьма землю народности гаошань: где-то на краю света злые драконы проглотили солнце и луну. Резвятся чудовища, играют светилками, точно большими шарами: то подбросят, то снова поймают. И отправился рыбак с женой спасать светила, спасти свой народ.

С древних времен ходят по Китаю, из уст в уста передаются легенды о поисках солнца. Каких-нибудь десять лет назад мечта о счастье, воплощенная в них, казалась несбыточной: ведь некоторые народности окраинных и горных районов находились на стадии феодального, а кое-где даже первобытно-общинного строя. Боги буддийской, даоской, мусульманской религий, души предков, духи гор, деревья, источники, дикая собака и буйвол — у кого только не искали защиты угнетенные и отсталые люди. Мотыжное земледелие, почти первобытные орудия труда, отсутствие письменности — таков вчерашний день нацменьшинств в Китае.

Во время династии Цин (1644—1911) китайские чиновники и солдаты врываются в юрты скотоводов Внутренней Монголии и, перевернув все вверх дном, сжигали на кострах каждый исписанный клочок бумаги. Но знание острее ножа, гласит мудрая китайская

поисковца. Оно пробилось сквозь все препона великоханьского повиновения и пошло прибрежием и устным народным творчеством, бережно передаваемым из поколения в поколение сокровищем народной мудрости.

Все это — уже перевернутая страница истории народов Китая. Согласно новым законам, «язык, письменность, нравы, обычаи и религиозные верования национальных меньшинств должны уважаться»¹. Национальная политика КПК, проводимая под лозунгом: «Через века к социализму, минуя классовые общества», всесторонняя помощь отстающим народностям вызвали их быстрый экономический и духовный рост. Подобно великану из нунского предания «Жемчужная капля», шагавшему через реки и горы, они перешагнули через века и вступили в эру социализма. Каждый год выпускники Центрального института нацменьшинств отправляются из Пекина в самые глухие уголки Китая — несут культуру своим народам. От первобытных обществ к кооперативам, от деревянной мотыги и каменного топора к молотилкам и тракторам, от поголовной неграмотности к созданию письменности и всеобщему образованию — таковы гигантские шаги новой исторической эпохи в Китае. И теперь профессиональные сказители — шошуды часто увязывают седую старину с сегодняшним днем.

Едва ли есть страна, где не знают восхитительных китайских «гуши» — преданий, легенд и сказок с их драконами и фениксами, всемогущими, подчас глуповатыми императорами и бедными, умудренными жизнью крестьянами. Но никто во всем мире, даже сами китайцы, или, как их еще называют, ханьцы, до сих пор не знали всего богатства фольклорного наследия пятидесяти народностей Китая. До последнего времени в этой огромной стране было много таких районов, куда не ступала нога исследователя устного народного творчества. Но сейчас уже и здесь протоптаны первые тропки, и заветные дарцы народной мудрости скоро станут достоянием всего человечества.

«Гуши» (буквально: истории) — удивительно емкое слово: это мифы и предания, легенды и сказки, сказы и сказания, а иногда и просто бытовые рассказы любовного или нравоучительного характера.

Одни «гуши» возникли в самом народе и веками передаются из уст в уста, обрастая новыми мотивами в зависимости от того, в ка-

---

¹ Мао Цзэ-дун, Избранные сочинения, М. И. Л. 1953, т. 4, стр. 551.

ких местах их рассказывали и кто рассказывал. Другие идут в народ со страниц древних классических книг и разносятся по свету знаменитыми шошудами, рассказчиками книг, прежде всего древних, классических, таких, как «Троецарствие», «Путешествие на Запад», «Речные заводи», известных по рассказам шошудов детям даже самых бедных крестьян. Но так как шошуды в большинстве своем были неграмотны, то даже при феноменальной памяти не могли в точности пересказывать классические книги. Они часто импровизировали, и книжные варианты соединялись с народными. Так появились «гуши» о Сунь У-куне и других героях китайских классических романов. Так возникла и поэтическая легенда «Алун ищет отца», повествующая о том, как народ И от полигамных браков перешел к моногамным. Эта история взята из четвертой главы «Обновление Алуна» классической книги «Носутэи».

Все народы на заре своей жизни создавали мифы и предания. В них отражены борьба первобытного человека со стихийными силами природы, его представление о мироздании, возникновении земледелия и ремесел, о появлении человека. Такие мифы есть и в Китае. Они встречаются в письменных источниках, из которых самым древним можно считать «Книгу о горах и морях» («Шаньхайцзин»), относящуюся к I тысячелетию до н. э. Сиванму — царица Запада — мифический образ, так часто встречающийся в средневековых романах и пьесах, впервые был описан в «Шаньхайцзине». Эта женщина, со звероподобным ликом, хвостом леопарда и клыками тигра, с драгоценными украшениями в растрепанных волосах, согласно преданию ведала небесными стихиями и наказаниями, ниспосылаемыми небом.

Удивительным оптимизмом проникнуты ранние творения народного творчества. Даже гибель богов и мифических героев означает, как правило, победу над силами природы, дает жизнь целым народам. Так, из разных частей тела творца мира Паньгу образовалась вселенная. Богиня Нюйва починила небо и налепила из глины человечков — ведь только разумные существа могли оценить ее тяжелый полезный труд! У мифического героя Ничжисяло было двенадцать сыновей, которые стали предками различных животных и трав, а также народа И.

Некоторые мифы и предания народов Китая основаны на одинаковых сюжетах и отличаются лишь именами героев и деталями их чудесных приключений. Таковы легенды о ярком стрелке Я-ла и китайском стрелке И. Особенно часто повторяются у народов Китая мифы и предания, где герои спасают людей от засухи и наводнений. В этом сказалась постоянная борьба земледельцев с природой.

Тысячелетними народы Китая были скованы ценными феодализма и колониализма, но крылатая мечта о свободе, независимости и счастье рождала образы бессмертных и могущественных, великодушных и мудрых мастеров простого человека. В этом нет ничего удивительного, потому что «подлинное искусство обладает правом преувеличивать. Геркулесы, Прометей, Дон-Кихоты, Фаусты — не плоды фантазии, а вполне закономерное и необходимое поэтическое преувеличение реальных фактов»¹.

Интересно, что древние мифы, легенды и предания не отражают страха человека перед природой; более того, они говорят о его способности трудом победить стихийные силы. Многие предания и сказки воспринимаются как гимн разуму и нестигаемой воле человека.

Легендарный император Юй благоустроил мир только потому, что работал не покладая рук, перенося на себе высокие горы и прокладывая в земле русла рек. Юноша Сан из народности мяо вместе с дочерью Повелителя медведей много потрудился, пока заколотил зубами дракона дыру в небе, из которой летом хлестали потоки дождя, а зимой сыпались ледяные глыбы.

В противовес литературе господствующих классов, призывающей к праздной жизни, воспевающей лишь вино и цветы, народ в своем устном творчестве превозносит труд, вдохновенный, изобретательный, виртуозный, и только в нем видит залог любого успеха.

В Китае существует множество сказов о мастеровых, среди которых особенно многочисленны сказы о Лу Бане, искусном плотнике VIII—V веков до н. э. Многому научил людей мудрый Лу Бань, и за это народ обожествил его. Подобно древнегреческому богу — кузнецу Гепесту, Лу Бань покровительствует каменщикам и плотникам. Но даже бог может потерпеть поражение, если он почит на лаврах и возомнит о себе. Так случилось и с Лу Банем, когда он в зените своей славы не внял дельному совету изобретательного ученика Тайшаня и в результате был посрамлен.

Хотя герои большинства волшебных и бытовых сказок различны, их объединяет одна общая черта: в какие бы тяжелые условия они ни попадали, какие бы ужасы ни переносили, какие бы невыполнимые задачи ни ставили перед собой, — они никогда не падают духом. О том, что они вышли из народа, говорят и типические черты внешнего облика: богатырское сложение, высокий рост, зоркий, меткий глаз, открытое, веселое лицо.

Иногда герой — не простой человек, а потомок бессмертных или становится бессмертным после свершения подвига. Это объясняется

¹ М. Горький, Собр. соч., Гослитиздат, 1953, т. 27, стр. 255.

отнодь не тем, что народ и на самом деле приписывал ему сверхъестественное происхождение, а тем, что он видел в нем высокий пример патриотизма и самопожертвования во имя счастья своей родины. Так, простой юноша, победив Черного дракона, наславшего на землю засуху, сам превращается в дракона и уже не может вернуть себе человеческий облик. Жители деревни Лутяоцунь обожают его, а в честь его матери возводят кумирню.

Герои не от рождения наделяются необыкновенными силой и мужеством: с юных лет они совершенствуются в фехтовании, джигитовке, в приемах кулачного боя, стрельбе из лука. Тщательная подготовка героя к свершению подвига, к решительной схватке с врагом — характерная черта фольклора народов Китая: с древних времен они вели непрерывную борьбу с иноземными захватчиками, посягавшими на свободу и независимость родины. Отсюда и пошел обычай устраивать ежегодные состязания в смелости, ловкости и смекалке. Описания этих праздников молодости и силы часто встречаются в произведениях устного творчества народов Китая.

Легендарные герои бескорыстны и скромны. Совершив подвиг, они не нуждаются в вознаграждении, так как ими движут не корысть, не чувство самосохранения, а высокие и гуманные идеи. Сестрица Длинные Волосы из одноименной сказки народности тун ради счастья своего народа по собственной воле обрекает себя на вечные муки.

Движимые чувством сострадания и справедливости, сказочные герои всегда заступаются за слабого, угнетенного или преследуемого, будь то человек, зверь или птица, и сами таким путем приобретают заступников и союзников. Иногда под личиной беззащитной земной твари скрывается существо мудрое и всесильное: феи и волшебники, дочь или сын дракона. В этой столь часто повторяющейся детали сказалось глубоко диалектическое мышление китайского народа, запечатленное в древнейшем философском трактате Лао-цзы (VI—V вв. до н. э.) «Даодэцзин»: «То, что ослабляют, — укрепляется, то, что уничтожают, — расцветает; мягкое преодолевает твердое, слабые побеждают сильных...»¹

Сказочный герой не одинок — только благодаря этому он побеждает. Подобно греческому Антею, который черпал силы в земле, породившей его, он неразрывными узами связан со своим народом. Добрые духи, звери и птицы — это посланцы народа; волшебные предметы — дары родной земли, которой он служит.

---

¹ Ян Хин-шунь, Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение, изд-во АН СССР, 1950, стр. 135.

Утверждение могущества коллективной силы — яркая черта народных сказок Китая. «Когда людей много, то это уже не люди, а бессмертные», — гласит мудрая китайская поговорка. Корифеи официальной китайской литературы не признавали коллектива — они были одиночками и воспевали одиночество. Идея всепобедимости коллектива вытекала из самой жизни — полевые работы, строительство плотин, борьба со стихийными бедствиями и угнетателями увенчивались успехом лишь при участии народных масс. О жизненной силе единства и дружбы говорится в ханьских сказках «Двуглазый феникс» и «Три брата», корейской сказке «Шесть братьев» и многих других.

Злые силы, с которыми приходится бороться героям, — змеи, драконы, чудовища — олицетворяют или стихийные, непонятные явления природы, или эксплуататоров. Некоторые сказки уже в неприкрытой форме клеймят ненавистных угнетателей и несправедливый царский суд (ханьские сказки «Железный петух роняет перья», «Золотой жеребенок и рубашка огненного дракона», чжуанская сказка «Лао-сань и чиновник», сказка народности И «Две радуги», тибетская сказка «Югуцзинь»). Особенно остро ощутима эта ненависть в сказках наиболее угнетенных национальностей — здесь классовый антагонизм дополняется национальной враждой.

Героини сказок — активные участницы борьбы против социальной несправедливости. Они преданны и великодушны, храбры и стойки, умны и находчивы. Они останавливают свой выбор на добрых и умных юношах, бесстрашно выступают против своих отцов и правителей, мешающих личному счастью, против скрепленного конфуцианской традицией отношения к женщине, как к рабыне («Любовь женщины», «Мудрая жена», «Две радуги», «Деревня согнутого рога», «Хитроумная жена» и другие).

В некоторых сказках женщина побеждает богатыря, одурачивает злого правителя, обводит вокруг пальца жадного, но падкого на лесть чиновника и передает управление страной справедливому и честному человеку из народа. И здесь нет ни капли преувеличения: ведь в истории Китая женщины не раз играли важную роль. Образ легендарной Мэн Цзян-ной, как и образ воспетой китайскими поэтами Му-лань, заменившей на поле битвы отца, будут вечно жить в памяти народа. Мэн Цзян-ной смело выступила против императора Цинь Ши-хуана, погубившего на строительстве Великой китайской стены сотни тысяч бедняков.

В фольклоре народов Китая очень много сказок о животных. Наиболее древние связаны с тотемизмом — мировоззрением древнего человека, обожествлявшего животных. У многих народностей Китая, основным занятием которых является земледелие, домашние животные (коровы, яки, быки, буйволы и т. д.) считались «священными».

Чжуанская сказка «Вол, который сам пахал и боронил» может служить ярким примером тотемистической сказки. В трудную минуту священный буйвол приходит на поля, возделывает и орошает их, приносит счастье своему народу. И горе тому, кто осмелится обмануть его или поживиться за его счет.

В сказках о животных более позднего происхождения тонко подмечены отличительные черты и повадки животных и птиц. Сказка находит ответ на любой вопрос: почему дикие гуси взлетают цепочкой, а летят косяком («Дикие гуси»); почему кошка живет с людьми, а барс никогда не поднимает голову («Кошка и барс»); почему птица баньчуй всегда сопутствует искателям женьшеня («Легенда о птице баньчуй»); почему у зайца раздвоенная губа и почему лошадь всегда спит стоя («Лис, обезьяна, заяц и лошадь»).

Сказки о животных клеймят человеческие пороки: зазнайство («Как заяц льву отомстил»), трусость («Гу-дун»), глупость и нерасторопность («Как жаба на небо хотела прыгнуть»), хвастовство («Хвастливая ласточка», «Улитка и заяц»).

Но особенно острой сатирой пронизаны сказки бытовые. Они развенчивают великих и сильных мира сего, сбрасывают с лицемера лохмотья несуществующих добродетелей. Нельзя не смеяться над жадным владельцем постоялого двора и его женой, которые мечтали ограбить проезжего, но сами остались в накладе: выпив волшебное средство, подсунутое хозяевами, проезжий забыл заплатить за постой — а они-то надеялись, что постоялец оставит им свой ценный багаж («Волшебное снадобье»)! И уж совсем комичен скряга, обреченный за непомерную жадность сосать грудь своей жены, чтобы не умереть с голоду. При виде этого камень и тот не выдерживает и разражается хохотом («Слиток золота»).

Даже при беглом знакомстве с фольклором Китая нетрудно заметить одну черту, общую для всех его жанров: будь то предания, сказы, бытовые или волшебные сказки — сюжет всегда тесно переплетен с описанием местного пейзажа, а иногда имеется более или менее точная ссылка на время действия. Особенно это относится к историческим сказаниям («Сказание о Мэн Цзян-нюй»). Они повествуют о взаимоотношениях разных народов Китая друг с другом или с соседними странами, о заимствовании тех или иных материальных или культурных ценностей («Как сватали китайскую принцессу»).

Местные предания и сказки, рисующие красоту природы, особенности климата, выражают глубокую любовь к родине. В Китае есть места, где почти о каждой горе, деревне, реке или кумирне сложены предания. Они знакомят с историей возникновения обычаев и праздников. Такова тайская легенда «Праздник обливания водой».

Местные достопримечательности, особенности рельефа, обычаи и нравы накладывают свой отпечаток на сказки разных народностей, придают им неповторимый колорит и даже меняют канву общезвестных сюжетов о жадных мачехах и бескорыстных падчерицах, о злых волшебницах и добрых богатырях. Байская сказка «Кранива и полянь» во многом напоминает русские сказки о бабе-яге, но здесь борьба между злой волшебницей и крестьянской девушкой Да Чжэнь-бао кончается тем, что волшебница превращается в кранину, а девушка в поляню. В местности, где живут байцы, кранива и поляня растут всегда рядом, и если злая кранива обстрекает кожу, люди натирают ее полянью — боль мгновенно стихает. Это нашло отражение в концовке сказки.

Преклонение отсталых народов перед грозными и непонятными явлениями природы привело к возникновению мифов, преданий и сказок, имеющих религиозную основу. Предметом обожествления нередко становились животные, звери, птицы, деревья и травы, которые давали людям средства к существованию. У земледельческих народов, у кочевников и скотоводов в ранг местного божества возводились драконы — повелители водных стихий и тягловый скот, у охотничьих племен — звери и деревья, женьшень — у искателей этого целебного корня. В некоторых легендах народов, среди которых распространен буддизм (ханьцев, байцев, тайцев, наси, шуйцзя и других), чертами народного героя наделяется бодисатва Гуаньинь — делитель всех бед и горестей. Но даже те легенды и сказки, которые проникнуты духом религии и мистики, имеют реальную основу: божества и духи только тем и отличаются от людей, что способны совершать невозможное, то, о чем люди пока еще только мечтают.

В галерее сказочных героев можно встретить и персонажи знаменитого китайского романа «Путешествие на Запад» — царя обезьян Сунь У-куна и свинью Чжу Ба-цзе. Обитатели волшебного мира — боги, местные божества, духи, бодисатва Гуаньинь и персонажи классических романов — у разных народов выглядят по-разному, воплощая их национальные черты и местные особенности; но, как правило, по своему внешнему облику, образу жизни и действиям они ничем не отличаются от человека. «В древние времена в Китае не было четкого разграничения между духами неба, земными божествами, людьми и демонами; их часто путали между собой»¹.

В связи с бесконечным жанровым разнообразием народные «гуши» сильно отличаются друг от друга и по языку. Рядом с точ-

---

¹ Лу Синь, Историческая эволюция китайской художественной прозы, журнал «Дружба», 1958, № 36, стр. 30.

ным и лаконичным языком сказок чисто народного происхождения встречаются легенды и предания «книжного происхождения», избыточные цветистыми оборотами и длинными описаниями.

Некоторые «гуши» изумляют своей поэтичностью, обилием стихов, певучестью слога, другие — краткостью и меткостью определений, пословиц и поговорок.

Для всех «гуши» характерно полное отсутствие словесных виньеток — присказок и сказочных концовок, не связанных с текстом; тяготение к достоверности даже в тех случаях, когда содержание совсем не требует этого. Здесь сказалась национальная черта всей китайской литературы — обязательная увязка описываемых событий, даже самых невероятных, со временем и местом действия.

Нельзя сказать, что до образования Китайской Народной Республики совсем не велась работа по собиранию и обработке устного народного творчества. Уже после «движения 4 мая 1919 года» во многих журналах появились записи сказок народа хань, но до такой степени литературно отшлифованных, что от них зачастую оставался лишь сюжетный стержень. Мастерством сказителей не интересовались, и «литературная обработка» почти начисто уничтожала стилевые и речевые особенности каждого из них.

В 1945 году в освобожденных районах Шаньси-Суйюань вышли в свет первые сборники китайских сказок («Все мы одна семья», «Помещик и работник» и др.), в которых впервые наряду с волшебными и бытовыми сказками уже появились сказки социального характера, бичующие помещиков, чиновников и других угнетателей китайского народа.

Проведенный недавно в Пекине всекитайский смотр сказителей разных народностей выявил новые таланты, позволил проникнуть в заповедные глубины устного народного творчества. Сотни фольклористов живут в разных концах страны, годами исследуя кладовые народной мудрости. В этой невиданной по своему размаху работе ярко проявилась мудрая политика КПК: «Пусть расцветают все цветы, в старом найдем новое». Скоро увидят свет подготавливаемые китайскими издательствами фольклорные произведения почти всех народностей.

В настоящий сборник вошли мифы, легенды, предания и сказки из китайских журналов последних лет, но в основном из книги «Избранные народные сказки Китая», опубликованной в 1958 году издательством «Писатель». В ней представлено устное творчество тридцати народностей, проживающих на огромной территории от Внутренней Монголии — на севере до Тибета и провинции Юньнань — на юге, от Джунгарских ворот — на западе до островов Хайнань и Тайвань — на востоке. Появление в печати такого рода материалов,

несомненно, открывает новую страницу в истории изучения народной литературы Китая. Почти все «гуши» даются в точной записи со слов сказителей. Это предоставляет возможность передать простоту и свежесть стиля, меткость и образность народного языка.

Среди «ста цветов» искусства Китая фольклор цветет особенно пышно. Через мифы, предания, легенды, сказки, пословицы и афоризмы народы, веками отрезанные друг от друга стеной национальной вражды, могут познать язык, обычаи и нравы друг друга.

«Гуши» — волшебный ключ к сердцу каждого народа, к взаимному пониманию и единству, без которых ни одна страна не сможет стать свободной и могучей. Ведь недаром в сказке народности шэ «Петухи» говорится: «Когда между братьями согласие — горы становятся нефритом, когда люди трудятся сообща — земля превращается в золото».

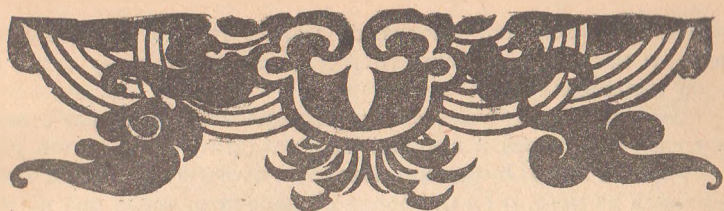
М. ЧЕРКАСОВА

СКАЗКИ
НАРОДОВ
КИТАЯ

ХАНЬСКИЕ СКАЗКИ

КАК ПОВЕЛИТЕЛЬ ДРАКОНОВ БЫЛ ПОВЕРЖЕН ДВУМЯ СТРЕЛАМИ

В древние времена Чанбайшань¹ весь год был покрыт снегом, в сумрачном первобытном лесу было много лютых волков, ползучих тварей, тигров и леопардов, и никто из людей не осмеливался подняться в горы.

В те времена жил у подножья гор юноша по имени Лю Юн-цзюнь. Все предки его были охотниками, а дед был знаменитым стрелком. Дед передал свое искусство его отцу, а отец, в свою очередь, — своему сыну, Лю Юн-цзюню, который прилежно изучал охотничье дело и к семнадцати годам уже мог натягивать лук, весивший триста цзиней².

Он целыми днями охотился, скакал на коне по близлежащим лесам, но в горные дебри забираться не решался. Он был ловок и смел, чего же ему было бояться? А он и не боялся. Просто он не забирался в горы, чтобы не нарушить наказа матери, а то чего доброго она разволнуется и рассердится.

Каждый раз, когда он, взяв тугой лук и полный колчан острых стрел, вскакивал на коня, собираясь ехать на охоту, его мать выбегала из дома и, ухватившись за повод, говорила:

— Сынок, ты у меня один! Крепко-накрепко запомни,

¹ Чанбайшань — горный хребет на северо-востоке Китая.

² Цзинь — китайская мера веса, около 0,5 кг.

что я тебе говорю: охотиться можно только под горой, а в горы не ходи! Это еще твой дед говорил твоему отцу, а отец наказывал тебе!

Бывало, далеко ускачет Лю Юн-цзюнь, а мать все стоит в тревоге у дверей и смотрит ему вслед.

Иногда Лю Юн-цзюню казалось, что мать слишком тревожится за него, и он пробовал ей перечить, тогда она начинала жалобно плакать. И до тех пор, пока он трижды не обещал ей не ездить в горы, она не отпускала повод.

Лю Юн-цзюнь был послушный сын и, чтобы не огорчать мать, никогда не поднимался в горы.

Но год от года Лю Юн-цзюнь мужал, день ото дня становился все более ловким охотником, и охотиться около гор ему уже становилось неинтересно, и он постоянно думал об охоте в горах. Когда ему исполнилось двадцать лет и он стал здоровенным парнем, ему надоело терпеть, и однажды он сказал матери:

— Матушка, почему ты не разрешаешь мне подниматься в горы? Ты, может, боишься, что я плохой охотник и меня загрызет тигр? Но ведь я уже добыл несколько десятков тигров!

Тяжело вздохнув, мать сказала:

— Сын мой, ты уже взрослый, и я скажу тебе всю правду. Знаешь ли ты, как умерли твой дед и твой отец?

— Разве они умерли не от болезней? — удивленно спросил Лю Юн-цзюнь.

— Сын мой, знай, что их погубил дракон! Твой отец весь почернел от яда дракона и умер, — матушка утерла слезы и продолжала: — горы Чанбайшань издавна принадлежат драконам, и ни один человек не смел туда подниматься. Твой дед, искусный охотник, пришел сюда с четырьмя своими братьями. Они изо дня в день бились с драконами и многих убили. Но драконов была тьма-тьмущая, они окружили братьев ночью и в конце концов сожрали четверых — остался в живых лишь твой дед. Он перебил под горой всех драконов, поэтому теперь здесь можно охотиться и спокойно жить.

Но в горах еще оставались два дракона — повелитель и повелительница драконов. Толщиной они были с хороший ушат и длиною в несколько десятков чжан¹. Узнав, что их дети и внуки уничтожены твоим дедом, они спустились

¹ Ч ж а н — китайская сажень — 3,2 метра.

с гор, чтобы отомстить за свое потомство. И однажды, когда твой дед охотился в предгорьях, со старой сосны вдруг спрыгнули два человека огромного роста — мужчина и женщина — в черных одеждах и черных шапках; они остановили коня твоего деда и сказали:

— Стой, охотник Лю! Мы — извечные, непримиримые враги!

Это были два дракона, они решили известить твоего деда и уговорились встретиться через три дня в одном месте, которое называется Красная скала.

В условленный день твой дед вскочил на коня и отправился в горы, захватив с собою лук и немного еды; вернулся он через три дня, лежа ничком на коне. Он весь почернел, на лицо его страшно было смотреть. Когда твоя бабка переносила его в дом, дед весь дрожал.

А случилось вот что. На второй день дед твой разыскал место, которое называется Красная скала, на его вершине была большая пещера, в этой-то пещере и жили драконы. Они охраняли два корня женьшеня десяти тысяч лет — бесценное сокровище. Тот, кто убил бы драконов, завладел бы сокровищами и, кроме того, глазами драконов — светящимися в ночи жемчужинами, которые тоже не имели цены.

Завидев твоего деда, драконы ринулись на него быстрее ветра. Разинув огромные кроваво-красные пасти, они извергали ядовитое дыхание, которое на расстоянии десяти с лишним чжан могло отравить человека. Твой дед в мгновение ока выпустил стрелу — она была нацелена верной и сильной рукой — и попал в голову повелителя драконов. Тот упал и скатился вниз, под гору. Твой дед снова натянул лук, чтобы выпустить вторую стрелу, но тут перед ним предстала повелительница драконов, ее ядовитое дыхание обдало твоего деда, он упал на коня. Твой дед уже далеко ускакал, а позади все еще слышался насмешливый голос:

— Что, не удалось добыть корень? Чанбайшань навсегда останется нашим царством, и никто из людей сюда не сможет прийти.

Твой дед обернулся и увидел обоих драконов, они снова были на своей горе. Подняв голову и высунув язык, они казались очень довольными. Пораженный стрелой, повелитель драконов, оказывается, не издох — повелительница драконов зачерпнула из родника под горой волшебной воды, брызнула ею на поверженного дракона, и он мгновенно ожил. Вода из этого источника могла оживлять мертвых.

Твой дед скоро умер, потому что люди, отравленные ядовитым дыханием дракона, не могут жить. Перед смертью он сказал твоей бабке:

— Когда сын вырастет, пусть отомстит за меня. Но крепко помни — сын должен много упражняться в охотничьем деле. Когда он научится пускать сразу две стрелы, когда из ста стрел все сто будут попадать в цель, лишь тогда пусть поднимется он в горы, иначе он зря себя погубит. Крепко помни, что я сказал!

Когда дед умер, твоему отцу было двенадцать лет.

Сначала твоя бабка ничего не говорила об этом наказе твоему отцу, и лишь когда ему исполнилось восемнадцать лет, она ему обо всем рассказала. Он хотел немедленно ехать в горы, чтобы отомстить драконам, но не умел еще одним выстрелом пускать две стрелы. С этих пор твой отец каждый день упражнялся в стрельбе из лука, но шли годы, тебе уже минуло двенадцать лет, а отец все не мог научиться выпускать одновременно две стрелы. Ему в ту пору было уже за тридцать; он сказал:

— Я уже не овладею этим искусством, но я должен отомстить за отца. Воспитаю сына отважным и смелым; если я погибну в пасти дракона, пусть он отомстит за меня!

Твой отец закинул за спину лук, наполнил колчан стрелами, взял еды и, вскочив на коня, отправился в горы; но не прошло и трех дней, как он вернулся, лежа ничком на коне, он весь почернел, лицо было страшным: его, как и твоего деда, отравило ядовитое дыхание драконов.

А случилось вот что: твой отец поднялся в горы и еще издали увидел Красную скалу, где жили драконы. Весь день он лежал в траве, наблюдая за драконами, а когда наступил вечер, глаза драконов начали излучать яркий свет, словно зажглись четыре больших фонаря, вся Красная скала осветилась, словно был день, а не ночь, и к ней никак нельзя было подобраться. На другой день утром драконы проголодались, разинули свои пасти и проглотили всех как есть диких зверей, которые находились на расстоянии нескольких ли¹. Даже тигров и кабанов они заглатывали целиком. Когда рассвело и уставшие драконы задремали, твой отец решил, что настал удобный момент, и храбро пополз вперед, но он забыл о коне, который всю ночь был привязан к дереву и теперь проголодался. Голодный конь

---

¹ Ли — китайская мера длины, около 0,5 км.

заржал, и драконы, сразу же проснувшись, поняли, что в горы пришел человек. Разинув пасти, они бросились на твоего отца, он успел выпустить одну стрелу и поразил повелителя драконов, который находился к нему ближе. Но в тот самый момент, когда он хотел пустить вторую стрелу, он услышал какой-то свист, поднялся в воздух и вдруг очутился в каком-то темном мешке. Твой отец понял, что попал в брюхо дракона, быстро вынул нож, несколькими ударами пробил себе выход и выбрался наружу. Он знал, что уже отравился ядом, вскарабкался на коня и поскакал домой. Он слышал, как вслед ему драконы шипели:

— Чанбайшань — наше царство...

Вскоре отец твой умер, тебе было тогда двенадцать лет. Перед смертью он сказал:

— Если вы хотите здесь жить, придется биться с драконами не на жизнь, а на смерть. Будут живы они — не станет вас, будете живы вы — не станет их. Скажи сыну, когда вырастет, пусть отомстит за меня.

После смерти твоего отца быстро шли годы, я в поте и слезах вырастила тебя, и нет у меня сил послать тебя в пасть к драконам.

Лю Юн-цзюнь, выслушав эту печальную историю, понял, почему мать запрещала ему ходить в горы. Но это не испугало его, наоборот — юноша еще больше укрепился в намерении отправиться в горы и отомстить за отца. С этих пор он первую половину дня проводил на охоте, а вторую половину упражнялся с луком перед своим домом, где росло толстое и высокое дерево, — его-то он и сделал своей мишенью. Сначала он пробивал стрелами листья на дереве, потом сбивал их на землю. Через несколько месяцев дерево стало совсем голым — на нем не осталось ни листика.

Упражнялся он и с мечом в сосновом лесу за домом. Сначала он одним ударом срубал сосенку толщиной с руку, потом мог срубить одним ударом сосну толщиной в две руки и, наконец, стал валить с одного удара сосну толщиной в обхват.

Учился он также бегать и прыгать. Сначала он мог взбегать только на небольшие холмы и перепрыгивать через небольшие потоки, потом научился одним духом взбегать на высокие горы и перепрыгивать через широкие реки.

Всему обучился Лю Юн-цзюнь, но не мог еще стрелять из лука двумя стрелами сразу, как наказал ему отец. Это

и не давало покоя молодому охотнику, он даже про еду забывал.

— Что с тобою, сынок? — сокрушалась мать.

— Матушка, — уныло отвечал Лю Юн-цзюнь, — не научился я еще стрелять сразу двумя стрелами, как же я могу отомстить за деда и отца?

Поглаживая сына по голове, мать успокаивала его:

— Не торопись, сынок! Не зря говорят: терпение и труд все перетрут; твой отец и дед из-за того и погибли, что поторопились, а ты не торопись.

Лю Юн-цзюнь кивал головой, соглашаясь с матерью. Мать продолжала:

— Сын мой, разве ты сейчас уже не превзошел отца и деда в охотничьем искусстве? Упражняйся — и ты добьешься успеха. Нет в Поднебесной трудного дела для упорного человека.

Лю Юн-цзюнь снял со стены лук и вышел. Он был полон решимости.

И снова начал Лю Юн-цзюнь упорно упражняться, с весны до осени, с утра до вечера, — так незаметно пролетело три года. День ото дня он стрелял все лучше и лучше, он мог уже, одновременно стреляя двумя стрелами, сбивать с дерева два листа. Юноша радовался про себя, чувствуя, что приближается день отмщения. Но еще одно его беспокоило: из десяти стрел в цель попадали лишь восемь или девять. Лю Юн-цзюнь, как и прежде, продолжал упражняться. Глядя, как он упорно трудится, мать радостно говорила:

— Верю, сынок, что ты не обманешь моих надежд.

— Будь спокойна, матушка. В конце концов я научусь стрелять как следует.

Однажды упражнялся он допоздна, устал, лег на землю и заснул. Вдруг слышит, кто-то зовет его:

— Юн-цзюнь, Юн-цзюнь, проснись скорее!

Лю Юн-цзюнь сел, протер глаза, видит — стоит перед ним старичок во всем белом, а лицо черное, и лопочет:

— Вставай, паренек, хватит спать, иди скорее в горы Чанбайшань.

— Кто ты, дедушка?

— Разве ты не узнаешь меня? Я ведь то дерево, что стоит перед твоим домом. Нужна тебе моя помощь?

— Дедушка, я хочу убить повелителя и повелительницу драконов, не можешь ли ты мне помочь?

Старичок закивал головой:

— Помогу, помогу, только будь смел.

Старичок вдруг исчез, а Лю Юн-цзюнь, изумленный, остался один. Снова он почувствовал усталость и заснул.

Когда он открыл глаза, то увидел, что перед ним стоит старушка с черным, заостренным, как у птицы, лицом.

— Кто ты, бабушка?

— Разве ты не узнал меня? Я ведь старая ворона, мое гнездо на старой сосне, мы с вами соседи. В чем тебе нужна моя помощь?

— Бабушка-ворона, я хочу убить повелителя и повелительницу драконов, они приносят вред людям. Не можешь ли ты мне помочь?

Старушка закивала головой:

— Храбрый паренек, иди и ни о чем не беспокойся, я помогу тебе!

Старушка замолкла и вдруг исчезла. Лю Юн-цзюнь опять стало клонить ко сну, и он задремал. Открыл глаза, а перед ним стоит длинное, тонкое существо желто-зеленого цвета.

— Разве ты не узнал меня? — сказала это существо. — Я ведь тысячелетняя лиана, растущая на северном склоне. Если ты убьешь драконов, то сделаешь для нас, горных жителей, доброе дело. Все горные существа будут рады, а я от всей души помогу тебе, ты ни о чем не беспокойся и будь храбр. Ты победишь.

Тысячелетняя лиана исчезла. Не успел Лю Юн-цзюнь снова сомкнуть глаза, как услышал крик погонщика:

— Иди, ослик! Иди, мой ослик!

Верхом на косматом ослике показался мальчуган лет четырех-пяти. Маленький голопузый толстячок в одном красном жилетике смеялся и махал рукой Лю Юн-цзюню.

— Братец! Здравствуй, братец!

Малыш хлестнул ослика хворостинкой, тот взвился, крича «яа-яа!». Очутившись перед Лю Юн-цзюнем, ослик остановился.

Лю Юн-цзюнь поднялся и снял мальчика с ослика.

— Ты кто, малыш?

— Я — клад, придавленный горой.

— Что значит клад, придавленный горой?

— Я — женьшень, которому десять тысяч лет; уже много лет, как драконы заперли меня под Красной скалой, скорее спаси меня!

— Не торопись, малыш, и не беспокойся, я убью этих драконов.

— А ты знаешь, как эти драконы люты? Они в один день могут слопать двадцать кабанов, десяток тигров и бесчисленное множество козлов и олсней, глаза у них с таз величиной, а языки длинные-предлинные. Справишься ли ты с ними один?

— А что же мне делать, малыш? — Лю Юн-цзюнь призадумался.

— Не бойся, братец, — я помогу тебе одолеть драконов. И толстенький малыш, хлопая в ладоши, запел песенку:

Хочешь драконов сразить —
Жди первого полдня лета¹,

Стрелы свои покрась
Краской желтого цвета².

Кончив песенку, малыш похлопал себя по животу и вдруг исчез вместе с осликом.

Придя в себя, Лю Юн-цзюнь посмотрел на звезды, — Большая Медведица уже ярко сияла на небе, было за полночь, он заторопился домой.

С этих пор он еще больше уверовал, что сможет убить драконов, еще упорней стал упражняться с луком и вскоре научился из ста выстрелов одновременно двумя стрелами сто раз поражать цель.

* * *

Наступил первый день лета, и драконы, прожившие несколько тысяч лет на Красной скале, вдруг забеспокоились. Дело в том, что лиса уже рассказала им, будто Лю Юн-цзюнь стал искусным воином и собирается отомстить им. Драконы со страхом взирали на свой женьшень, думая о том, что он достанется кому-нибудь другому.

Разгневались царь и царица драконов, пасти их изрыгали черный дым, заставший весь Чанбайшань, — за дымом ничего не было видно; потом они стали изрыгать огонь, чтобы сжечь все находившееся в горах.

Опечалились старые деревья, охваченные беспокойством за свою молодую поросль; змеи, тигры, леопарды с пере-

¹ Первый день лета — пятое мая по лунному календарю.

² Стихи здесь и далее в переводе Г. Ярославцева.

пугу забились в свои логова. Даже орлы не осмеливались взмывать ввысь с Красной скалы, боясь найти смерть в ядовитой пасти драконов.

Повелитель драконов пустился еще на одну уловку: вдруг поднялся бешеный вихрь, загрохотал гром, содрогнулись небо и земля.

Но и на этом не успокоился повелитель драконов. Все реки вокруг гор он отравил своим ядом, — стоило лишь выпить кому-нибудь глоток воды — и он сразу умирал.

Но отважный Лю Юн-цзюнь ничего не боялся; на этот раз он не стал даже слушать предостережения матери. В первый день лета, взяв немного еды, лук и стрелы, он вскочил на коня и помчался в горы.

Долго мчался он сквозь черный дым, не встретив ни одного человека. Всадник и лошадь изнемогали от жажды. Лю Юн-цзюнь спрыгнул с коня и нашел ручеек; обеими руками он зачерпнул воды, чтобы напиться. Вдруг пролетавшая над ним ворона каркнула:

— Кар-кар-кар! Вода отравлена, выплесни ее.

Лю Юн-цзюнь выплеснул воду, но пить ему захотелось еще сильнее. Вдруг перед ним оказалась жаба.

— Ква-ква-ква! — проквакала она. — Под каменной плитой есть чистая вода, ею утоли жажду.

Жаба поскакала впереди, юноша последовал за ней. Вскоре они очутились перед большой каменной плитой. Лю Юн-цзюнь, умиравший от жажды, быстро приподнял плиту, и из-под нее забил родник с чистой, вкусной водой.

Торопливо зачерпывая пригоршнями воду, молодой охотник пил, пока не утолил жажду. Здесь же у источника он поел, напоил коня и немного отдохнул.

Вечером Лю Юн-цзюнь стал искать место для ночлега. Вдруг впереди он увидел в скале пещеру. В ней было выстелено ложе из веток. Обрадовавшись, юноша устремился к пещере, но с дерева раздался тревожный крик птицы баньчуй:

— Не входи, не входи, это логово драконов.

Лю Юн-цзюнь отпрянул от пещеры. Внезапно ветки взметнулись с ложа и рассыпались бесчисленными красными языками — это были маленькие драконы, которые только и ждали, чтобы Лю Юн-цзюнь улегся и они смогли бы загрызть его. Но птица баньчуй спасла юношу.

Лю Юн-цзюнь быстро вскочил на коня и помчался искать другое место для ночлега. Ехал он, ехал, пока не

увидел впереди какое-то удивительное дерево, совершенно голое, без единого листика, лишь на верхушке его была какая-то развилка с перекладиной. Лю Юн-цзюнь решил, что лучшего места для ночлега и не сыщешь. Он уже стал думать, как бы втащить туда коня, но тут услышал тревожный стрекот сороки:

— Ча-ча-ча! Это страшное дерево! Ча-ча-ча! Не взбирайся на него!

Лю Юн-цзюнь сразу догадался, в чем дело, и быстро поскакал назад. Страшное дерево закачалось, развилка наверху исчезла. Это был большой дракон, обернувшийся деревом. Тело его было стволом, развилка — раскрытой пастью, а перекладина — языком. Если бы юноша влез на это дерево, он очутился бы в пасти дракона.

Всюду ловушки!

Лю Юн-цзюнь скачет на коне, а дракон мчит за ним. Но вот молодой охотник выпускает стрелу и поражает его насмерть. Юноша несется дальше — он знает, что это чудовище послано повелителем драконов, чтобы погубить его. Не оглядываясь на поверженное чудовище, он скачет вперед в поисках ночлега.

Вдруг перед ним вырос дом. Большие двери широко распахнуты, внутри темно; лишь два окна светятся слабыми красными огоньками. Откуда в этих горах, где никогда не ступала нога человека, мог взяться дом? Лю Юн-цзюнь сразу понял, что это новая ловушка повелителя драконов, который хочет погубить его. Юноша хлестнул коня и поскакал прочь.

Лю Юн-цзюнь выбился из сил, конь его едва дышал, а ночлега не было. Юноша уже совсем было приуныл, но тут откуда ни возьмись появился олененок. Вытянув шею и прядя ушами, олененок сказал:

— Чу-чу-чу! Не беспокойся о ночлеге. Чу-чу-чу! Не беспокойся о ночлеге.

Олененок стрелой помчался вперед, Лю Юн-цзюнь за ним. Вскоре они достигли песчаной отмели на берегу большой реки, протекавшей под горой. Роя копытцем песок, олененок сказал:

— Ничего не бойся, здесь безопасно. Ничего не бойся!

Лю Юн-цзюнь соскочил с коня и, повалившись на песок, уснул. Спал он долго. Проснулся — видит, что лежит он на спине огромной рыбы. Вынесла его рыба на середину

реки и поплыла вверх по течению. Испугался юноша, схватил лук и стрелы и спрашивает:

— Рыба, а рыба, что ты хочешь сделать? Хочешь погубить меня?

Замотала рыба головой, чешуя на ней зашевелилась. Только теперь догадался Лю Юн-цзюнь, что песчаная отмель и была чешуей рыбы.

— Убери лук и стрелы, — говорит рыба. — Я доставлю тебя на Красную скалу. А лук и стрелы тебе еще пригодятся. Я помогу тебе убить этих чудовищ, чтобы они не причиняли вреда людям, не отравляли своим ядом воду в реках и не морили рыб.

Лю Юн-цзюнь успокоился, приготовил лук и стрелы, взял лошадь за поводья и обеими ногами встал рыбе на спину. Взмахнула рыба плавниками, ударила хвостом; вода кругом забурлила, и понеслись они вперед. Вскоре показалась Красная скала.

Лю Юн-цзюнь соскочил на берег, свел коня со спины рыбы, лег в траву и огляделся. Видит — скала огненно-красная в самое небо упирается, а внизу ярким пламенем полыхает. Густой дым от нее вокруг стелется. А над пламенем высоко-высоко две драконьи головы торчат, смотрят, что вокруг делается. Лю Юн-цзюнь знал, что это и есть враги, погубившие его деда и отца. Сейчас бы и убить их, но как прорвешься сквозь пламя? Хоть он и меткий стрелок, до цели слишком далеко.

Лю Юн-цзюнь был вне себя от ярости, но придумать ничего не мог. Вдруг он вспомнил слова голопузого малыша о том, что месть может свершиться только в полдень первого дня лета. Посмотрел он на солнце и стал терпеливо ждать.

Время шло медленно, солнце неторопливо двигалось по небу, и как только тени от деревьев стали клониться к югу, небо покрылось облаками, грянул гром, хлынул ливень; огонь, окружавший Красную скалу, мгновенно погас, драконы растянулись на земле и задремали.

Наконец наступил долгожданный момент, Лю Юн-цзюнь быстро вынул стрелу, мазнул ее желтой краской, вскочил на коня и помчался к Красной скале. Юноше было очень жарко, конь весь покрылся пеной. Скакал, скакал Лю Юн-цзюнь, а до Красной скалы все еще было далеко, стрелы юноши не могли долететь до драконов.

Но вот миновал полдень, дождь прекратился, небо стало ясным, гром перестал греметь, и оба дракона проснулись —

почуяли, что пришел мститель. Тут появился и сам Лю Юн-цзюнь на коне с луком наготове.

— А! Наконец-то пожаловал раб, не боящийся смерти! — злобно зашипели драконы.

Лю Юн-цзюнь, не останавливая коня, встал во весь рост, расправил широкие плечи, натянул лук и крикнул в ответ:

— Вы убили моего деда, погубили моего отца, но сегодня настал час расплаты!

Драконы презрительно рассмеялись:

— Это ты, малявка, смеешь говорить о мести? Да ты у нас и в зубах не застрянешь. Испокон веку Чанбайшанем владеем мы, драконы. И всех, кто сюда приходит, мы выпальваем словно сорную траву.

Тут повелитель драконов соскользнул с Красной скалы к ее подножью, приняв при этом большую рощу деревьев, треск и грохот раздались вокруг. Повелительница драконов соскользнула с Красной скалы, угодила в реку, расплеснулись волны, захлестнули половину горы. Но не испугался Лю Юн-цзюнь, подстегнул коня и устремился вперед.

Драконы бросились ему навстречу с криком:

— Попьем твоей крови, поедим твоего мяса, погрызем твои косточки!

Но Лю Юн-цзюнь бесстрашно крикнул:

— Я вспорю вам брюхо, сдеру шкуру, вырву ваши глаза!

Не дожидаясь, пока Лю Юн-цзюнь пустит в ход лук и стрелы, драконы раскрыли пасти, собираясь отравить воздух своим ядовитым дыханием. Но в этот момент вдруг налетел вихрь, он сорвал листья со всех деревьев, которые росли на горах; листья заплясали в воздухе, заслонили солнце и залепили глаза дракону.

Забеспокоились драконы, наострили уши, чтобы услышать, с какой стороны приблизится Лю Юн-цзюнь, и обдать его ядовитым дыханием. Но в это время появились огромные стаи ворон, которые огласили горы своим карканьем. Кроме карканья ничего не было слышно.

Еще больше забеспокоились драконы и решили пустить в ход свои хвосты, чтобы задуть Лю Юн-цзюня, но хвосты драконов оказались крепко привязанными к земле тысячеклетными лианами. А Лю Юн-цзюнь между тем уже приблизился к драконам, положил на тетиву две стрелы, натянул лук, и стрелы пронзили головы драконов. Корчась от боли, драконы стали кататься по земле, все сметая: где был лес — осталось ровное место, лишь слышались треск

и грохот. Рухнула и Красная скала, на ее месте оказался камень, на котором бездыханные лежали повелители драконов. Они издохли так скоро потому, что Лю Юн-цзюнь окрасил стрелы желтой краской.

Из-под того камня, где прежде высилась Красная скала, вдруг выпрыгнул голопузый малыш, ведя на поводу осла, — тот самый малыш, которого Лю Юн-цзюнь видел во сне. Малыш тянул осла за поводья и покрикивал:

— Иди попей водицы, попей водицы!

Лю Юн-цзюнь быстро подскочил к ним, связал малыша и осла красным шнурком, и они сразу же превратились в два бесценных сокровища: человеческий женьшень и звериный женьшень.

Потом Лю Юн-цзюнь вырезал у драконов глаза — это тоже были сокровища: четыре светящиеся в ночи жемчужины.

С этих пор в горах наступил покой. Радовались и цветы, и травы, и деревья, и птицы, и звери. Даже камни и те улыбались. С того дня, как издохли драконы, никто уже в горах не боялся, что его сожрут или поработят эти чудовища.

Жабы, вороны, птицы баньчуй, сороки, деревья и лианы благодарили Лю Юн-цзюня и поздравляли его с победой. Лю Юн-цзюнь, в свою очередь, благодарил их всех за помощь. Потом все они вместе пели и плясали.

Когда Лю Юн-цзюнь прискакал на коне домой, его старая мать, узнав, что он убил злых драконов, крепко прижала его к груди и, обливаясь слезами, сказала:

— Сын мой, то, чего не смогли сделать твой дед и отец, сделал ты!

С тех пор как Лю Юн-цзюнь убил драконов, в горах Чанбайшань стали появляться люди — одни охотились, другие собирали лекарственные травы; они были благодарны юному герою за то, что он уничтожил драконов, и слагали о нем легенды и сказки.

Красной скалы уже не было на том месте, где Лю Юн-цзюнь убил драконов, но там, где текла кровь драконов, камни стали красного цвета. А тела драконов превратились в скалы, образовав два длинных хребта. Эти хребты люди зовут Драконовы хребты.

СКАЗКА О СОСНЕ

В старину в одной местности возвышалась огромная гора. На ее вершине была мрачная пещера. В ней жил большой полосатый тигр, обладавший волшебной силой; когда он злился, то от его рыка дрожали горы и земля. У подножия горы было большое глубокое озеро. В его мрачных водах жила гигантская черепаха; когда она сердилась, то одним движением могла поднять волны; голова у нее была больше чжана в длину. На склоне горы росла тысячетлетняя сосна, ее изогнутый ствол поднимался на несколько десятков чжан; сосна старалась протянуть свои ветви как можно дальше, чтобы около нее не могли расти молодые деревья.

Тигр и черепаха в течение многих лет были хорошими друзьями. Если они не виделись два дня, то начинали скучать и на третий день навещали друг друга. Каждый раз, когда тигр спускался с горы или черепаха поднималась на гору, они всегда останавливались около сосны и приветствовали ее. Сосна каждый раз отвечала им, хотя и ненавидела их. Тигра она не любила за его мощь, черепаху — за ее силу и обоих вместе за то, что они жили в мире и согласии. Сосна все время хотела что-нибудь придумать, чтобы навредить им, сделать их врагами. Наконец с великим трудом она придумала одну хитрость. Однако на это она потратила много сил, ствол ее наполовину почернел, иглы пожелтели.

В этот день черепаха отправилась проведать тигра. Около сосны она остановилась и поздоровалась.

— Куда идешь, сестрица? — спросила сосна.

— К брату тигру, — отвечала черепаха.

Сосна тяжело вздохнула. Черепаха забеспокоилась.

— Что ты так тяжело вздыхаешь, сестрица? — спросила она.

Сосна еще раз тяжело вздохнула и говорит:

— Мне кажется, что тебе лучше не ходить к нему.

— Почему бы мне не пойти к нему? — удивилась черепаха.

— Ты ведь не знаешь, — понизив голос, сказала сосна, — тигр вчера так ругал тебя, просто неловко было слушать.

— Как же он ругал меня? — спросила черепаха.

— Только ты не гневайся, — таинственно сказала сосна, — он называл тебя черепашьям отродьем и грозился оторвать тебе башку, если ты еще придешь к нему.

Черепаха, услышав это, разгневалась, вытянула шею и вернулась в свое озеро.

Тигр ждал-ждал в своей пещере. «Что-то не идет сестрица черепаха», — думал он. Тигр вышел из пещеры, поглядел, но черепахи не было видно. «Схожу-ка я к ней сам», — и он большими прыжками начал спускаться с горы.

— Куда ты, братец, собрался? — окликнула его сосна.

— Сестрица черепаха обещала сегодня навестить меня, но почему-то не пришла, — сказал тигр, — и я решил сам ее проведать.

Сосна тяжело вздохнула. Тигр забеспокоился.

— Что ты так тяжело вздыхаешь, сестрица? — спросил он.

Сосна еще раз тяжело вздохнула и говорит:

— Мне кажется, что тебе лучше не ходить к ней.

— Почему бы мне не пойти к ней? — удивился тигр.

— Ты ведь не знаешь, — понизив голос, сказала сосна, — она только что здесь ругала тебя, ее ругань просто неловко было слушать.

— Как же она ругала меня? — спросил тигр.

— Она называла тебя тигриным отродьем, — таинственно сказала сосна, — и грозилась утопить тебя, если ты еще придешь к ней.

Тигр, услышав это, разгневался, ударил хвостом и вернулся к себе на гору.

Прошло несколько дней, тигр и черепаха не ходили друг к другу. Тигр был взбешен, и чем дальше, тем сердился все больше и больше. Не находя себе места, он выскочил из пещеры и пустился к озеру.

Сосна хихикала от удовольствия.

Тигр, не добрав еще до озера, начал ругаться:

— Я тебе покажу, черепашьё отродье, грозилась меня утопить!

Черепаша высунула из воды голову и тоже начала ругаться:

— Я тебе покажу, тигриное отродье, грозился оторвать мне башку!

Чем больше они ругались, тем больше злились и, не попытавшись разобраться кто прав, кто виноват, бросились друг на друга. Дрались они, дрались, черепаха столкнула тигра в воду, тот оторвал ей голову. Черепаха погибла, утонул и тигр.

На другой день утром мертвый тигр и мертвая черепаха всплыли на поверхность воды. Проходивший мимо парнишка увидел тигра и черепаху, позвал людей, они выловили животных и отнесли их в деревню.

— Много понадобится дров, чтобы сварить такого большого тигра и такую черепаху, — сказал кто-то.

Парнишка, услышав эти слова, позвал несколько человек, которые захватили пилы и топоры, и повел их на гору.

На склоне горы парнишка остановился около тысячетлетней сосны и сказал своим спутникам:

— Эта сосна наполовину уже сгнила, расти она больше не будет, а молодые деревья она лишает света, срубим ее — на дрова сгодится.

Они принялись за дело и срубили дерево.

Вот вам и сказка о сосне.

ЗОЛОТОЙ ЖЕРЕБЕНОК И РУБАШКА ОГНЕННОГО ДРАКОНА

Жил когда-то помещик, который любил богатство больше всего на свете. Он не брезговал ничем и хватался за любое дело, если оно сулило выгоду. С крестьянами, которые арендовали у него землю, он был жаден и жесток. Поэтому его и прозвали «Жилой».

В тот год была засуха — не выросло ни травинки. В домах нечего было есть: кора с деревьев, корешки — все было съедено. Делать нечего, и пошли крестьяне к Жиле просить зерна в долг. А у Жилы зерна — видимо-невидимо, амбары и закрома полным-полны; и хотя зерно уже начало прорастать, а в муке завелись черви, Жила не дал ни зернышка. Разозлились крестьяне и решили проучить помещика.

Собрали они сколько было серебра, нашли худую-прехудую клячу, запихали ей это серебро под хвост, заткнули патой, и крестьянин побойчее повел клячу к помещику. Крестьянина этого звали Балагуром. Он на все находил ответ и черное мог назвать белым.

Приволок Балагур клячу прямо во двор помещика. Никому не разрешалось заходить во двор к Жиле; увидев там Балагура с клячей, помещик рассвирепел, выпучил глаза, дернул себя за ус и закричал:

— Испоганил мне весь двор, подлец! Убирайся прочь! Крестьянин ухмыльнулся и сказал:

— Тише, хозяин, тише, а то напугаешь моего коня, который стоит дороже всего твоего дома!

— Что ты там мелешь, брехун? Что в этой кляче особенного? — удивился Жила.

— Ничего особенного нет, только из нее каждый день сыплется серебро и льется золото!

Услышав об этом, Жила сразу утих и быстро спросил:

— Где ты ее добыл?

— Позавчера приснился мне сон, — отвечал Балагур, — старец с белой бородой говорит мне: «У бога Богатства удрал золотой жеребенок, беги скорей за ним! Из него сыплется серебро и золото, поймаешь его — станешь богатым!» Сказал это старец, толкнул меня, и я проснулся. Я подумал, что это только сон, повернулся на другой бок и хотел снова заснуть. Только я закрыл глаза, как опять снится мне старец с белой бородой. «Торопись! — говорит он. — А то уведет его кто-нибудь другой!» Толкнул меня, и я опять проснулся. Оделся, выбежал, гляжу — красный огонь. Пригляделся, а это конь, стоит и жует траву. Привел я его домой. На другой день он помахал хвостом — и посыпалось серебро.

— Не врешь? — торопливо спросил Жила.

— Пословица говорит: правда не станет кривдой, а кривда — правдой. Не веришь — убедись сам! — ответил Балагур.

Помещик зажег благовония, торопливо поднес блюдо к хвосту клячи, крестьянин потихоньку вынул вату, и — динь-динь-динь — на блюдо посыпалось серебро. Увидев, что сыплется серебро, Жила спросил:

— Сколько серебра из этого золотого жеребенка может высыпаться за целый день?

— Я неудачник, — ответил крестьянин, — мне перепадало только три-четыре лана¹. А старец говорил, что если он попадет в руки к счастливцу, то в день можно получить тридцать — сорок лан!

Жила подумал: «Я — счастливый, если этот золотой жеребенок перейдет ко мне в руки, то каждый день я буду получать — ну, пусть двадцать лан, в месяц, значит, шестьсот, а в год — семь тысяч двести лан серебра!» Чем больше он считал, тем больше его охватывала жадность. Он решил купить коня и сказал об этом крестьянину.

Тот сначала притворился, будто не хочет продавать. Жила стал его уговаривать и наконец сказал, что даст за коня столько денег, сколько крестьянин захочет. Тут Балагур, вздохнув, сказал:

— Эх!.. Ладно! Раз я неудачник, так продам коня тебе. И не надо мне ни серебра, ни денег, дай мне двадцать даней² зерна — и конь твой!

¹ Лан — около 31 грамма.

² Дань — немного больше ста литров.

Жила, радуясь такой дешевизне, охотно согласился. Тут же и состоялся обмен.

Балагур, получив двадцать даней зерна, разделил его поровну между крестьянами, которые этому были очень рады. Помещик, купив золотого жеребенка, радовался еще больше. Он не знал, куда лучше поместить клячу, таскал ее то сюда, то туда. Наконец решил поставить ее под своей комнатой, приказал расстелить красный ковер и принести благовония. Все домашние, вытаращив глаза, ждали, когда из золотого жеребенка посыплется серебро. Ждали они долго, до полуночи, и вот видят: лошадь расставила задние ноги. Жила, зная, что сейчас посыплется серебро, быстро приблизил к хвосту клячи большой лаковый поднос. Стоял он так, стоял — нет серебра. Жила от нетерпения задрал кляче хвост и нагнулся, чтобы посмотреть, в чем же дело. И в этот момент в лицо Жилы хлынула мерзкая жижа, обдав его с ног до головы. Жила, ругаясь и прыгая, стал отплевываться. Глянул на пол — и видит, что его большой великолепный красный ковер окончательно испорчен. В комнате стояла невыносимая вонь. Только теперь Жила понял, что его обманули. Со злости он тут же убил клячу.

На другой день он послал своих людей, чтобы те схватили обманщика. Но крестьяне уже спрятали Балагура. Помещик злился и хотел отомстить, но нигде не мог найти Балагура.

Быстро летело время, глядь — уже и зима. Однажды Балагур вылез из убежища, но его тут же схватили. Увидев своего врага, Жила ослабился и без лишних слов велел запереть крестьянина в помещение, где мололи зерно, да приказал сорвать с него всю одежду, оставив ему только одну рубашку, пусть замерзнет. Стоял декабрь месяц, дул сильный ветер, шел снег. Крестьянин забился в угол, дрожа от холода. Когда ему стало не вмоготу, он вдруг вскочил, схватил жернов и стал с ним ходить взад и вперед. Скоро с него полил пот, и он уже не чувствовал холода. Так, таская жернов, то отдыхая, дотянул до утра.

На рассвете Жила открыл дверь и остолбенел: он думал, Балагур замерз, а с того градом катился пот. А Балагур, увидев, что пришел Жила, быстро вскочил и сказал:

— Хозяин, смилуйся! Дай мне веер, а то я помру от жары!

— Почему тебе так жарко? — спросил Жила.

— Эта рубашка — бесценное сокровище, ее зовут

Рубашкой Огненного дракона, — чем сильнее холод, тем теплее человеку, который ее надел, — отвечал крестьянин.

— Откуда ты ее взял? — спросил Жила.

— Это шкура, содранная с Огненного дракона, — отвечал крестьянин, — из нее потом сделали эту рубашку. Как она попала в руки к моим предкам — не знаю, но она стала нашей семейной драгоценностью, передавалась из поколения в поколение и вот теперь попала ко мне.

Выслушал Жила, видит: крестьянину и правда очень жарко. Как тут не поверить? И, забыв историю с золотым жеребенком, захотел получить эту рубашку. Он предложил в обмен за нее свой халат на лисьем меху. Крестьянин не соглашался. Только после того, как Жила прибавил еще пятьдесят лап серебра, крестьянин сказал со вздохом:

— Эх! Не получают теперь мои потомки эту семейную драгоценность!

Говоря так, он снял рубашку, надел халат помещика, взял пятьдесят лап серебра и ушел.

Жила был очень рад, заполучив рубаху Огненного дракона. Через несколько дней у тестя Жилы был день рождения; желая похвастаться своим сокровищем, помещик разделся догола, надел рубаху Огненного дракона и отправился поздравлять своего тестя. Когда Жила прошел полпути, поднялся ветер, посыпал снег, Жила начал замерзать. До деревни еще далеко, назад — тоже, а спрятаться некуда. Он оглянулся и увидел недалеко от дороги дерево, в котором было выжжено большое дупло. Жила быстро подбежал к дереву. Забрался в дупло. Неизвестно, сколько он там сидел, но тело его стало деревенеть, и он замерз.

Через несколько дней родственники нашли труп помещика и, поняв, что были снова обмануты крестьянином, послали людей схватить его. Балагур сказал:

— Хозяин приблизился в этой рубахе Огненного дракона к дереву, оно загорелось, и он сам сгорел. Это и не удивительно, кто его заставлял залезать в дерево? Посмотрите — дерево наполовину сгорело!

Родственники Жилы посмотрели — дерево действительно наполовину обгорело. Делать нечего — пришлось отпустить Балагура.

ЛЕГЕНДА О ПТИЦЕ БАНЬЧУЙ

В лесах Чанбайшаня живет птица баньчуй. Она похожа на голубя, только немного поменьше, с серебристо-серым оперением, на макушке у нее желтое пятнышко — очень красивая птица. Прислушайтесь, когда она кричит, и вы услышите: «Брат Ван-сань, здесь ищи баньчуй».

Вот какую легенду рассказывают об этой птице.

В давние времена в Шаньдуне жила семья Ли, одного из братьев звали Ли-у — Ли пятый; по соседству от семьи Ли жила семья Ванов, в которой одного звали Ван-сань — Ван третий. Оба парня вставали рано и работали допоздна — пололи, выравнивали грядки, жали, молотили... Работали они круглый год, а ели не досыта и в лохмотьях ходили. Думали они, думали, как быть, и однажды, в конце двенадцатого месяца, собрали у родственников и друзей несколько связок медных монеток, покинули родину своих предков и отправились на восток.

Рассказывали, что на востоке земли много, а людей мало, места там богатые, живетя легко, говорили даже, что там «палками бьют сайгу, ковшом ловят рыбу». Жители в тех краях возделывают землю, собирают женьшень, некоторые вырубают лес и охотятся, плавают на джонках, ловят рыбу, делают из глины утварь. Много разного народа шло на восток, одни на время, чтобы разбогатеть, другие оставались там, обзаводились семьей, выбирали себе ремесло.

«Чем же мы займемся там?» — думали Ли-у и Ван-сань по дороге. И решили искать баньчуй — так называют местные жители женьшень. Женьшень — одна из трех драгоценностей тех мест, другие две — соболь и панты.

Они переправились через Хуанхэ — Желтую реку, миновали Шаньхайгуань, за которым начинаются богатые земли, прошли город Ляоян и отправились в верховья реки Сун-

гари. Днем шли, ночью отдыхали, извели голод и жажду, а когда наступила весна и распустились цветы, то добрались наконец до Чанбайшаня, где растёт баньчуй — женьшень.

На южном склоне горы они нашли ручеек и построили хижину, соорудили себе ложе для сна, сделали очаг. Они нарубили больших крепких сучьев и соорудили из них чаштокол. Из диких трав свили веревки; бормоча себе что-то под нос, сделали из них несколько ловушек и теперь могли не опасаться, что к ним забредут волк, тигр или медведь...

И они начали жизнь охотников за женьшенем. Выходили из дома, лишь когда совсем рассветало, а возвращались до захода солнца. Это вовсе не значило, что они ленились, просто они боялись встречи с дикими зверями.

Каждый день они находили женьшень, иногда большой, иногда маленький. Маленький был с двумя или четырьмя отростками, большой — с шестью, восьмью отростками, а иногда попадался и двойной женьшень. Выкопанные корни они заворачивали в бересту и засыпали землей, взятой отсюда, где рос корень, а все добытые корни складывали в небольшом шалаше.

Ван-сань был на год старше Ли-у, и поэтому Ли-у звал своего друга старшим братом, а Ван-сань называл Ли-у младшим братом. Здесь, на Чанбайшане, где редко встретишь человеческое жильё, они дружно жили и трудились. Когда приходило время готовить пищу, один мыл рис, другой разводил огонь. Или один возился с овощами, а другой варил кашу. В горах росло много диких овощей и трав, годных в пищу, ими и питались названные братья. Иногда им удавалось поймать съедобную лягушку, тогда ее варили на медленном огне, и каждый съедал по ножке. Если удавалось поймать двух лягушек, то на каждого приходилось по целой. Они собирали цветы и лекарственные травы, развешивали их в своей хижине, поэтому в хижине всегда стоял аромат цветов и трав.

До наступления холодов братья с добытым женьшенём отправлялись в Гирин и продавали его купцам за несколько десятков серебряных монет, часть из которых откладывали до тех времен, когда они вернутся домой.

Но вот однажды случилось несчастье.

Ли-у вышел один. Он нашел несколько хороших больших корней, но в поисках новых все дальше и дальше уходил от хижины. К тому же он, выйдя из дому, забыл делать зарубки на деревьях. Ли-у заблудился в густом лесу, где

не увидишь солнца, даже когда поднимешь голову, где травы высотой почти в рост человека, где бегут горные реки с каменистым дном.

Ли-у кричал, но лишь эхо вторило ему; он звал на помощь, но никто ему не ответил. Ли-у блуждал день, два, три дня, но не мог выбраться из этого зеленого моря деревьев. Его мучила жажда, но пить было нечего; он хотел есть, но есть тоже было нечего. Ли-у ослабел, не мог ни идти, ни ползти и через несколько дней умер от голода в горах Чанбайшань.

После смерти Ли-у превратился в птицу баньчуй, но помнил брата Ван-сяня, разыскивающего в горах женьшень; когда птица увидит, что где-нибудь растет женьшень, она взлетает высоко в небо и звонким голосом сообщает своему другу: «Брат Ван-сянь, здесь ищи баньчуй!», «Брат Ван-сянь, здесь ищи баньчуй!» Она зовет брата раз, другой, чтобы Ван-сянь побольше нашел женьшеня.

По сей день птица баньчуй так зовет друга, но Ван-сяня уже давно не стало. Однако нынешние сборщики женьшеня очень внимательно прислушиваются к крикам птицы. Потому что в том месте, где она кричит, непременно растет женьшень.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПЕТУХ РОНЯЕТ ПЕРЬЯ

Помещик по имени Те Гун-цзи, что значит Железный Петух, нанял себе батрака, которого звали Чжан Эр, и обещал ему платить двадцать четыре дяо¹ в год. Но помещик сказал, что деньги он заплатит и прибавит столько же, если батрак выполнит в каждое время года определенную работу, а за невыполненную работу будет вычитать по шесть дяо. Не выполнит все четыре работы — не получит ничего. Чжан Эр подумал — парень он был молодой и сильный, чего такой не сможет сделать, — и согласился.

Прошлый год был неурожайным, и помещик ел только два раза в день, — то, что ему причиталось от «казны». Однажды позвал он батрака и говорит ему:

— Год был неурожайный, зерно кончилось, с завтрашнего дня будешь есть навоз. Хорошо, что недолго до урожая, соберем пшеницу — будешь есть белые лепешки.

Как услышал это Чжан Эр, даже побелел от гнева. А помещик спрашивает:

— Так как?

Чжан Эр ничего не оставалось, как отказаться. Железный Петух расхохотался:

— Хорошо! Шесть дяо долой!

Летом стояла такая жара, словно с неба огонь падал. У помещика было несколько десятков лошадей, и каждый день они выпивали много воды. Однажды Железный Петух позвал батрака и говорит ему: -

— Ты, наверно, очень усташь, таская по этакой жаре воду лошадям, с завтрашнего дня ты опускай их в колодец. Им будет хорошо, и ты сбережешь силы.

---

¹ Дяо — в старом Китае связка в тысячу мелких медных монет (раньше в середине монеты было квадратное отверстие, и деньги нанизывались на шнурок).

Батрак выслушал, подумал: «Как же это так, опускать лошадей в колодец?» Покусал губы и сказал:

— Этого сделать я не могу, вычитай деньги!

Когда дикие гуси потянулись на юг и все стали сеять пшеницу, Чжан Эр работал прилежнее всех. Однажды Железный Петух сказал ему:

— Помнишь, как весной я говорил, что придется есть навоз? Чтобы избежать этого в будущем году, нынче я придумал, как можно посеять побольше...

— Каким образом? — спросил батрак. — Не иначе как все идет к тому, чтобы не заплатить мне денег.

— Вот что я придумал, — сказал Железный Петух, — в этом году надо часть пшеницы посеять на крышах домов. Домов у нас много, посеем на крышах пшеницу, и на будущий год нам ее хватит.

Разумеется, Чжан Эр этого не сделал, и помещик вычел у него еще шесть дяо.

Зимой, когда из-под земли показались зеленые всходы пшеницы, пришла пора подкормить землю навозом. Железный Петух сказал батраку:

— Земли у меня много, от дома она далеко — возить навоз в такую даль трудно. Отправляйся-ка завтра с самого утра в поле к западу от деревни и перетащи сюда те сто му земли, что там есть. Здесь и будешь ее удобрять, дело быстрее пойдет.

Чжан Эр выслушал помещика и говорит:

— Не нужно мне и последних шести дяо, поди-ка сам перетащи сюда землю!

Так, проработав целый год, Чжан Эр ничего не получил и, едва сдерживая слезы, вернулся домой. Увидев старшего брата, он заплакал и рассказал все, что с ним произошло за минувший год.

— Ничего, теперь я пойду, — сказал старший брат, — через год я принесу сорок восемь дяо.

На другой день он пришел к Железному Петуху. Тот, увидев, что пришел старший брат, спросил:

— Почему же не пришел твой младший брат?

Чжан-старший ответил:

— Он молод и не умеет работать, я пришел вместо него. Ты останешься доволен мною.

Железный Петух кивнул:

— Ладно!

Пришла весна, и помещик послал батрака есть навоз. Тот охотно согласился. Взяв большое ведро, он наполнил его до краев навозом, пришел в кухню и собрался было вывалить навоз в котел, в котором готовили пищу.

— Эй, — окликнул его Железный Петух, — зачем ты вываливаешь навоз в котел?

— Как же можно есть холодный навоз, — сердито сказал батрак, — его надо подогреть.

И снова собрался было опрокинуть ведро в котел. Тут Железный Петух сообразил, что опоганить котел нет расчета, и торопливо сказал:

— Ты нашел выход, шесть дяо твои!

Летом Железный Петух велел батраку опустить лошадей в колодец. Тот согласился, пригнал всех лошадей к колодецу, привязал к иве и ну хлестать их кнутом. Железный Петух увидел это и громко закричал:

— Эй, ты что, взбесился? Зачем бьешь лошадей?

— Они не понимают слов, — отвечал батрак, — не лезут в колодец, вот и приходится их бить.

Лошади ржали, брыкались, покрылись пеной. Железный Петух вынужден был сказать:

— Перестань! Считай, что выполнил работу, шесть дяо твои!

Осенью Железный Петух велел Чжану сеять пшеницу на крышах домов. Батрак взял железный котел, забрался на крышу, развел огонь как раз над покоем помещика и начал греметь котлом. Помещик лежал и курил опиум, когда на крыше послышался странный шум и вдруг — трах: потолок обвалился, и комната наполнилась пылью и землей. Железный Петух сломя голову выскочил из комнаты. Увидел, что батрак разбирает крышу, крикнул:

— Ах ты такой-сякой, бунтовать вздумал?..

А батрак отвечает:

— Ведь еще рано, вот кончу возиться с разбитой черепицей, приготовлю поесть.

— Я отведу тебя к судьбе! — гневно крикнул Железный Петух.

Батрак отвечает:

— Я сею пшеницу, закон не нарушаю!

Только теперь помещику все стало ясно.

— Слезай! — крикнул он. — Шесть дяо твои. Слезай!

Остался у помещика еще один способ, как обмануть батрака. Как только появились всходы пшеницы, помещик говорит батраку:

— Тащи-ка сюда мое поле, что к западу от деревни, надо удобрять землю.

Батрак кивнул головой, взял железную лопату и пошел. В полдень он еще не вернулся, наступил вечер, а он все не возвращался. Помещик испугался — как бы не стряслось беды! Трижды батраку удалось подзаработать, а с четвертым делом, наверно, не управился. Умрет человек — хлопот не оберешься, скорее пойти посмотреть, в чем дело! Прибежал Железный Петух на поле — видит: сидит батрак на корточках, покуривает.

— Эй! — крикнул ему Железный Петух, торжествуя заранее, — тащи скорее, я заждался тебя к ужину!

Батрак поднял голову и сказал:

— Вот тебя-то я и жду! Помоги мне взвалить поле на плечи. Я его уже подкопал с четырех сторон.

Помещик молча покачал головой, тогда батрак сказал:

— Чего стоишь? Давай помогай!

Он поднялся, готовый принять ношу. Помещик вытаращил глаза и сказал:

— Сорок восемь дяо твои! Впредь я буду осторожней, а ты к моему дому лучше не подходи!

— Не пугай, — сказал батрак, — если и позовешь — не приду.

ДЕВУШКА ИЗ ДВОРЦА

В Тиншаньских горах есть долина Семи Драконов, а рядом с ней долина Девяти Драконов. В этой долине и жила старушка со своим сыном Тянь-таем. Жили они бедно. Когда Тянь-таю исполнилось девять лет, он стал охотиться в горах на барсуков. А десяти лет уже отваживался залезать в волчьи логова за волчатами.

Тянь-тай вырос здоровым, шустрым малым, богатырского сложения, был высок ростом, глаз имел верный, лицо веселое, открытое. Рано утром уходил он в горы за хворостом и возвращался лишь поздно вечером. Чего только не повидал он! И через высокие горы ему приходилось лазить, и через горные реки перебираться, и карабкаться по узким тропкам на неприступных скалах. Как-то в жаркую пору, когда только что начался сезон больших дождей, несколько дней подряд не переставал ливень. Не стало в лачуге Тянь-тая ни дров, ни еды. Несколько дней они с матерью кое-как перебивались, пока наконец дождь не перестал. Едва дождавшись рассвета, Тянь-тай взял веревку, коромысло, топор и отправился в горы за хворостом. Топор был не простой, его выковал кузнец по особому заказу, и был он раза в три тяжелее обычных топоров. Тянь-тай миновал горные грохочущие водопады, вскарабкался на отполированные до блеска дождевой водой скалы, прошел горными тропами, которые висели в воздухе, как нити, и наконец добрался до леса. Едва нарубил он вязанку дров, как снова поднялся ветер и хлынул проливной дождь. Огромные валуны, увлекаемые горным потоком, срывались и катились вниз. Когда дождь наконец утих, юноша взобрался на верхушку дерева и взглянул вниз. Вся долина была залита водой. Тянь-тай увидел свою крошечную хижину, и сердце его сжалось: наверное, мать

ждет сына и беспокоится. А он сидит здесь и не может спуститься вниз, в то время как им грозит наводнение. Думал он так, думал, да нечаянно и выронил свой топор. Упал топор и ударился о замшелый камень. Тянь-тай быстро нагнулся и ахнул от изумления: камень зашевелился и тихонько отодвинулся в сторону. На открывшемся месте сидела старуха. Она громким голосом трижды спросила:

— Кто стучится ко мне в ворота?

Тянь-тай набрался храбрости, слез с дерева и ответил:

— Это я стучался к вам.

— Что тебе надо? — снова спросила старуха.

Тогда Тянь-тай высказал ей то, о чем много раз думал:

— Добрая бабушка! Каждый день я хожу в горы за дровами. Каждый день перелезаю через глубокие рвы, через высокие горы, часто выбиваюсь из сил, но не жалею. А вот сегодня полил дождь и отрезал мне путь, а там моя мать ждет не дождется, пока я принесу хворосту, чтобы продать его и купить рису. Как же мне вернуться обратно?

Старуха выслушала его, потом поднялась, вынула из-под себя тростниковую циновку, отдала ее Тянь-таю и говорит:

— Стоит только сесть на эту циновку и подумать про то место, где бы ты хотел быть, как желание твое исполнится.

Сказала это старуха и исчезла. Камень снова передвинулся и занял старое место. Тянь-тай сел на циновку и, едва подумал о том, чтобы подняться в воздух, как в то же мгновение циновка вместе с ним взлетела и повисла в воздухе. Тогда он подумал о том, чтобы опуститься, и циновка тут же беззвучно опустилась на прежнее место. Тут Тянь-тай схватил вязанку хворосту, уселся на циновку и со скоростью ветра примчался домой. Раньше, чтобы нарубить вязанку дров, ему приходилось тратить целый день, и возвращался он всегда домой затемно. Теперь он стал летать по воздуху и каждый день привозил домой по четыре-пять вязанок дров. В несколько дней он завалил свой дом дровами. Затем обменял дрова на зерно, и теперь они с матерью были обеспечены всем необходимым на несколько дней. Тут Тянь-тай и говорит матери:

— Мама, я уже совсем взрослый, а еще нигде не бывал. Сейчас у тебя есть и еда и одежда. Мне хочется побывать в чужих краях, повидать свет.

— Мальчик мой, куда же ты хочешь отправиться? — спросила мать.

Тянь-тай подумал и отвечает:

— Я слышал, в столице очень красиво! Вот поеду туда и посмотрю.

— В столице сам император живет. Будь осторожен и поскорее возвращайся.

Тянь-тай обещал помнить ее совет, сел на свою циновку, поднялся в воздух и в мгновение ока оказался в столице. Посмотрел сверху: действительно очень красиво. Ряд за рядом высятся городские стены, стоят красивые восьмиугольные башни, на улицах народу видимо-невидимо, на территории Запретного города¹ блистают росписью дворцы, сквозь изумрудную зелень сверкают белизной островерхие башни.

По прозрачной водной поверхности скользят джонки редкой красоты. Долго смотрел Тянь-тай, потом опустил вниз и начал расхаживать по городу. Сколько здесь было интересного! Никогда в жизни не видел Тянь-тай ничего подобного; через некоторое время ему захотелось попасть в Запретный город. Дождавшись, когда на больших улицах закрылись все лавки, когда ночные сторожа забили в колотушки, возвещая о третьей страже², он снова сел на свою циновку и полетел в Запретный город. Там было так красиво, столько драгоценностей блистало вокруг, что ни словом сказать, ни пером описать. Под навесом против лotosового пруда висел круглый красный фонарь. На перилах из драгоценных камней были вырезаны свирепые драконы, стены были не как-нибудь размалеваны, а выписаны высокой кистью, и резьба на них была не простой, а редкого мастерства, с тончайшими узорами. Тянь-тай прошел мимо бронзовых львов, которые были выше него ростом, мимо причудливых каменных гротов, сделанных в искусственных горках, затем очутился под узорчатой тенью деревьев и, наконец, вышел ко дворцу с двойным навесом из изумрудной черепицы, с красными колоннами и разно-

---

¹ Запретный город — резиденция императора, куда не было доступа простому народу.

² В Китае ночное время, с 7 часов вечера до 5 часов утра, делится на ночные стражи, по два часа каждая.

цветными окошками. Оглянувшись вокруг и убедившись, что никого нет, Тянь-тай стал подниматься по ступеням из драгоценных камней. Ему нестерпимо хотелось поближе рассмотреть цветы и травы, которыми были разрисованы стены зданий под навесом. Он мечтал хоть прикоснуться к этим блестящим круглым колоннам, а еще больше ему хотелось узнать, что находится за стенами дворца. Он посмотрел травы и узоры, потрогал круглые колонны, потом подошел к разноцветному окошку и тихонько откинул закрывавшую его шелковую занавеску.

Внутри царила кромешная тьма, ничего нельзя было разглядеть. Тянь-тай уже хотел уходить, как вдруг послышался какой-то шум, и вся комната мгновенно озарилась разноцветными огнями. Смотрит Тянь-тай — на стене картина висит: терем на ней из слоновой кости нарисован, золотой тростник и прекрасная девушка. На руке у нее сверкает золотой браслет, а в волосах искрятся лунным светом цветы. В ушах горят рубины, плечи прикрывает разноцветная накидка, тонкая талия перехвачена шелковым поясом. Вдруг девушка сошла с картины. По прелестному личику ее катились слезы. Тянь-таю стало жаль девушку. Кто мог обидеть такое хрупкое создание? В полночь, в третью стражу, она сидит одна в доме, где нет ни кана, ни циновки, ни подстилки, ни одеяла. Вдруг налетел ветерок и шаловливо приподнял юбку красавицы. Тянь-тай уже хотел идти прочь, как вдруг услышал слабый голос девушки:

— Что ты уходишь? Мне нужно тебе кое-что сказать. Тянь-тай остановился.

— Много лет я здесь сижу в заточении, оторвана от всех близких людей, лишена свободы и терплю всякие мучения. Спаси меня, добрый человек!

Тянь-тай понимал, что надо помочь девушке, но как спасти ее? Ведь кругом сторожа, окна крепкие, двери толстые. Тянь-тай молчал, но не уходил. Девушка снова обратилась к нему с мольбой:

— Только ты один можешь вызволить меня из неволи.

Тянь-тай хотел спросить девушку, куда ее отвезти, но позади раздалась шаги, в комнате сразу стало темно, и девушка исчезла. В испуге Тянь-тай присел на свою циновку, поднялся в воздух и, увидев, что уже светает, подумал, что надо возвращаться домой.

В тот же миг он очутился у своих ворот. Дома Тянь-тай пробыл недолго; поговорил с матерью, сел на свою циновку и отправился на Тиншаньские горы. Там он взобрался на высокую сосну, выпустил из рук топор, топор упал на камень, и, когда камень отодвинулся, снова появилась старуха.

— Кто стучится в мои ворота? — спросила она.

Не дожидаясь, когда старуха снова задаст этот вопрос, Тянь-тай спрыгнул с сосны и ответил:

— Это я стучусь в ворота.

— Я ведь уже дала тебе свою циновку, — рассердилась старуха, — чего же тебе еще надобно?

— Не сердись на меня, бабушка, выслушай лучше, что я тебе скажу. На свете, куда ни пойдешь, — везде зеленеет травка, цветы распускаются, однако не все люди живут счастливо. Ты помогла мне, благодаря тебе я больше не голодаю, не надрываюсь от усталости и не знаю горя, но, сама подумай, как же мне не помочь несчастной девушке? Прошу тебя, дай совет, как вызволить ее из дворца?

Старуха выслушала, перестала сердиться и растроганно сказала:

— Ты хороший человек и правду говоришь: повсюду зеленеет трава, распускаются цветы, и все люди на земле должны быть счастливы. Я охотно помогу твоей беде, юноша. Слушай, что я тебе скажу. Если хочешь спасти девушку, отправляйся на гору Таинств и разыщи там духа Пустыни. Найти его не так-то легко. Сперва нужно отыскать тростник длиной в три чжана, вырвать его и только тогда можно попасть к Пустыннику. Если душа Пустынника спит, не жди, пока он проснется. Заснув однажды, он спит по сто двадцать лет. Если он спит, не пытайся его растолкать, отправляйся на Красную реку и найди там царицу Черных рыб. У царицы возьми волшебную иглу.

Сказав это, старуха тут же исчезла, а камень отодвинулся на прежнее место. Следуя совету старухи, Тянь-тай сел на свою тростниковую циновку и отправился на гору Таинств. Гора эта была расположена среди глубоких пропастей, высоких круч, горных пиков и озер. На склонах гор раскинулись леса. Каких тут только не было деревьев! Меж ними — буйные травы и цветы, и даже на склонах ущелий росли золотые и серебряные цветы с дурманящим ароматом. Не разгибая спины, Тянь-тай искал тростник среди горных ручьев, среди горных лесов. Он взбирался

на вершины, где редко ступала нога человека, рыскал среди лесных болот, которые никогда не освещало солнце; на полпути в гору, на крутом взгорье, где даже козуля не могла бы устоять, Тянь-тай нашел наконец тростник высотой в три чжана. Стоило ему лишь слегка потянуть его, как перед ним открылся вход, ведущий в глубину горы. Он смело пошел вперед и шел до тех пор, пока не очутился в огромной пещере с высокими сводами. В глубине пещеры стоял каменный стол и каменная кровать с каменной подушкой. Дух Пустыни, длиною в целый чжан, лежал на каменной постели, положив голову на каменную подушку, и крепко спал. Его храп был подобен раскатам грома. Тянь-тай подошел ближе и, убедившись, что великан крепко спит, стал трясти его за плечи. Но руки его были так тяжелы, что юноша не мог даже приподнять их. Тогда Тянь-тай попытался растормошить его, но тело великана оказалось тверже камня. Постоял-постоял он возле великана, да ничего не поделаешь, — пришлось отступить. Сел Тянь-тай на свою циновку и отправился на поиски Красной реки.

Словно белое облако, несся он по воздуху. Перелетел одну реку, затем другую. Увидел бурную реку с желтой водой, затем реку с темно-синей водой... миновал пенящийся горный поток, горный ручей, по которому бежали волны, напоминающие единорога. Так он перелетел девяносто девять рек, девять тысяч девятьсот девяносто девять дорог, пока наконец однажды утром не долетел до берегов реки, воды которой были так прозрачны, что сквозь них ясно было видно дно, покрытое красным песком, который так и переливался, так и горел, и от этого вода в реке тоже казалась красной. Множество черных рыб сновали в воде. Едва Тянь-тай увидел эту реку, как сразу же смекнул, что это и есть та самая Красная река. Но как же все-таки увидеть царицу Черных рыб? Тянь-тай стал прохаживаться по берегу реки. Вдруг его осенило: недолго думая, он отправился в деревушку, расположенную недалеко от берега. Услышав, что он хочет поймать в сеть черных рыб, сельчане стали отговаривать его: — Ты такой молодой, зачем тебе рисковать жизнью? Ведь рыбы этой реки все дети царицы Черных рыб. Сеть мы тебе дадим, но помогать не посмеем!

Тянь-тай выслушал их советы, сердце его дрогнуло, но он не изменил своего решения и, постояв мгновение,

взял у крестьян сеть и отправился на берег. Встав на циновку, он закинул сеть в воду и стал медленно тянуть ее обратно. В сеть попало очень много рыбы, она билась и трепыхалась в ней. Не успел Тянь-тай как следует рассмотреть свою добычу, как спокойная гладь реки забурлила, подул сильный ветер и поднял на реке высокие волны, которые грозили поглотить Тянь-тая. Видит он — дело плохо, крикнул, и тотчас же циновка взвилась в воздух. Но волны тоже поднялись высоко в воздух вслед за Тянь-таем. Вцепившись обеими руками в сеть, Тянь-тай не переставая повторял:

— Выше! Выше!

Циновка взлетела на высоту в сто чжанов, но водяной смерч поднялся на девяносто девять. Тогда Тянь-тай поднялся еще выше, выше самых высоких гор. Наконец ветер стих, и вода снова вошла в берега. Тянь-тай взглянул вниз и увидел на поверхности воды царицу Черных рыб с золотой короной на голове. Подняв голову вверх, она крикнула:

— Эй, кто там? Отпусти только моих детей, и я дам тебе все, что ты пожелаешь!

Не успел Тянь-тай подумать о том, чтобы спуститься, как циновка почти коснулась верхушек деревьев.

— Не надо мне ни золота, ни серебра, — отвечает Тянь-тай, — дай мне волшебную иглу и скажи, как этой иглой разбудить духа Пустыни с горы Таинств.

— Чтобы разбудить его, — отвечает царица Черных рыб, — достаточно кольнуть его волшебной иглой. Раньше у меня была эта игла, но в этом году, во время большого разлива в верховье реки, хозяйка Драконовой бухты выкрала ее у меня. Но ты не тревожься. Вот тебе моя ухвертка. Зачерпнешь ею раза три из бухты и найдешь иглу.

С этими словами царица Черных рыб вытащила из головы блестящую ухвертку и передала ее Тянь-таю. Он выпустил ее детей из сети, и царица тут же исчезла в водных глубинах. Тянь-тай отдал сеть рыбакам, сел на ковер и полетел вдоль реки, сворачивая то вправо, то влево и осматривая все вокруг. В конце реки высилась горка, покрытая красными валунами и зелеными соснами, здесь было очень красиво. В одном из горных потоков Тянь-тай увидел большую бухту, вода в ней была темно-зеленого цвета с желтым оттенком. Тянь-тай спустился на землю и

окунул в воду сверкающую ухвертку. Обмакнул один раз — вода в бухте спала наполовину, обмакнул второй раз, третий — и воды осталось совсем немного, но на дне не было ничего, кроме огромной черепахи, весом самое меньшее в несколько сотен цзиней. Черепаха спрятала голову и превратилась в старуху с синим, как у утопленника, лицом.

— Если ты сейчас же не отдашь мне волшебной иглы, — сказал ей Тянь-тай, — то этой бухте придет конец.

Черепаха сердито сверкнула глазами, но делать нечего, пришлось расстаться с волшебной иглой. Тянь-тай взял иглу в руку и сразу ощутил, как она тяжела, хотя была всего в два пальца длиной.

После этого Тянь-тай помчался к горе Таинств. Он, как и в первый раз, без труда вырвал тростник и направился в глубь горы. Дух Пустыни по-прежнему лежал на каменном ложе и громко храпел. Но не успел Тянь-тай коснуться иглой его руки, как великан перевернулся на другой бок и поднялся.

— Кто это укусил меня? — заревел он.

— О добрый дух Пустыни! Никто не кусал тебя, просто я разбудил тебя, чтобы ты помог мне в одном справедливом деле.

Дух Пустыни в ответ захохотал:

— Все ясно, это старуха с Тиншаньской горы научила, где меня найти. Ну да ладно! Говори, что тебе нужно!

— Помоги мне спасти девушку, которую заперли в императорском дворце! — взмолился Тянь-тай.

— Ну, это пустяки, — махнул рукой великан, — я охотно помогу тебе, только помни, я ни одно дело не довожу до конца. Скоро стемнеет, и я уйду. А ты ложись на мою подушку и спи. Во сне увидишь, что я буду делать.

С этими словами великан подтолкнул Тянь-тая, тот упал на подушку и сразу захрапел.

Чего только не видел Тянь-тай во сне! Он видел, как великан вдруг закачался и превратился в крошечную белую кошечку. В мгновение ока она уже оказалась в столице и перескочила через красную стену. Близилась полночь, и кошка, никем не замеченная, проскользнула во дворец. Император и императрица уже спали. Служанки, которые им прислуживали, стояли за златотканым пологом. Ноги у них затекли, глаза слипались от усталости, но

они не осмеливались ни присесть, ни вздремнуть. Неслышно ступая, белая кошка пробралась к постели, схватила яшмовый пояс императрицы и бесшумно скрылась. Затем она перескочила через стену императорского дворца, через одну городскую стену, через другую и, оказавшись за городом, побежала к пересохшему колодезю. В этот колодезь она и бросила яшмовый пояс. Не успел Тянь-тай ахнуть от изумления, как тут же проснулся и увидел перед собой духа Пустыни. Тянь-тай поспешно вскочил, а великан, широко разинув рот, зевнул и сказал:

— Ну, парень, я сделал все, чтобы помочь тебе, дальше все зависит от твоей сообразительности. А теперь отправляйся-ка ты в столицу, мне спать пора.

Едва Тянь-тай соскочил с кана, как великан улегся на его место и, чуть коснувшись головой подушки, тут же захрапел.

Когда рассвело, Тянь-тай сел на свою циновку и отправился в столицу. Солнце поднялось уже довольно высоко, царица наконец встала и начала совершать свой туалет. Вдруг она обнаружила, что исчез яшмовый пояс. Поднялся неслыханный переполох. Неведомо сколько людей было послано на поиски, многих обвинили в краже и тут же взяли под стражу, — но, несмотря на все это, пояс не находился. На улицах и в переулках были расклеены императорские указы, в которых говорилось, что тот, кто найдет яшмовый пояс императрицы, получит в награду либо пост чиновника, либо золото и серебро. Прочитав этот указ, Тянь-тай тут же сорвал его со стены. Императорские чиновники схватили его, связали и привели к императору.

— Я с детства был ясновидцем, и вот вчера ночью увидел во сне, как какой-то человек бросил яшмовый пояс императрицы в пересохший колодезь за городом, — бесстрашно сказал Тянь-тай императору.

И Тянь-тай повел императорских чиновников и генералов к колодезю. В колодезь спустили человека, и тот вытащил оттуда яшмовый пояс.

— Что ты хочешь — денег или место чиновника? — спрашивает император Тянь-тая, а тот ему в ответ:

— Не надо мне ни богатства, ни почестей. А вот слышал я, что во дворце висит картина, а на ней царица нарисована. Дай мне эту картину. Ничего больше мне не надо.

Обрадовался император, что Тянь-тай ни золота, ни серебра не взял, велел слугам тотчас же принести картину, даже не взглянув на нее, отдал Тянь-таю.

А Тянь-тай взял картину, сел на свою волшебную циновку и полетел к себе домой. Дома он развернул картину — изображенная на ней девушка была точь-в-точь как та, что он видел ночью во дворце. Взглянул Тянь-тай на эту картину и пригорюнился. Вдруг девушка сошла с картины. Золотой браслет на ее руке засверкал, серебряные цветы в волосах засияли. Ее белое личико озарилось счастьем, и от этого она стала еще красивее. Она ничуть не огорчилась, увидев, как бедно живет Тянь-тай, и тут же начала помогать его матери готовить обед. Вскоре Тянь-тай и царевна поженились и никогда больше не покидали Тиншаньских гор.

ХИТРОУМНАЯ ЖЕНА

Жил когда-то на склоне горы молодой крестьянин по имени Чуан. Он много трудился, но почти весь свой урожай должен был отдавать злему императору. Поэтому он не мог взять себе жену.

Его друзья пели:

У императора много добра,
Бедный Чуан не имеет двора.
У императора полон гарем,
Бедный Чуан не женился совсем.

Один художник, жалея Чуана, нарисовал прекрасную девушку и подарил ему эту картину, чтобы тот смог украсить стены своего одинокого жилища.

Чуан влюбился в прекрасное изображение. Когда он на следующее утро собирался в поле, то посмотрел на нарисованную девушку и сказал со вздохом:

— Если бы ты могла приготовить обед!

Когда Чуан возвращался вечером домой, он был очень удивлен, увидев поднимающийся из трубы дым.

Он вошел в дом и видит: на печке стоят дымящиеся пельмени! Чуан был поражен, однако все их съел. Он не заметил, как улыбалась девушка на картине, глядя, с каким аппетитом он ест.

На другой день он оставил дома свою рваную куртку и сказал:

— Вчера какая-то девушка пожалела меня и приготовила обед. Может быть, она сегодня починит мою куртку.

Он нарочно пришел пораньше домой и заглянул в окно. Прекрасная девушка латала его куртку. А на стене вместо картины висел чистый свиток бумаги.

Чуан вбежал в дом и схватил девушку за руку.

— Послушай, — попросил он, — не возвращайся больше на картину.

Она смущенно согласилась.

— Ты добрый и честный, — сказала она. — Я останусь с тобой.

Обрадованный Чуан свернул пустую картину и спрятал ее в сундук. Они опустились на колени перед очагом и поклялись быть мужем и женой. Девушка оказалась бережливой и хорошей хозяйкой, и супруги стали жить нужды не зная. Все называли ее умницей. Чуан был очень счастлив.

Однажды, когда она была дома одна, двое мужчин проходили мимо дверей ее дома, громко жалуясь на свою судьбу. Она спросила, в чем дело. Мужчины назвались императорскими охотниками и сказали, что никак не могут добыть ни одного голубя для императора, а император очень любит жареных голубей и ест их каждый день. Они боятся, что император рассердится и отрубит им головы.

— Только-то и всего! — сказала молодая женщина. — Я могу помочь вам. Подождите немного.

Она вошла в дом и вырезала из бумаги двух голубей. Затем подула на бумажных птиц, они ожили и вылетели из дверей. Охотники быстро поймали их и, поблагодарив хозяйку, удалились.

Вечером, когда император отведал жареных голубей, он спросил, где нашли таких вкусных птиц. Так он узнал о молодой женщине.

Он приказал министру, ведавшему птицами и зверями, проследить за тем, чтобы женщина каждый день доставляла во дворец двух голубей.

— Хорошо, я это сделаю, — сказала она, когда министр передал ей повеление императора, — если вы освободите от налогов бедняков, живущих на склоне горы.

Министр вынужден был согласиться.

На другой день утром жена дала Чуану двух бумажных птиц, чтобы он отнес их императору.

— А что будет? — спросил Чуан.

— Ты только передай их и ни о чем не беспокойся, — сказала жена.

Во дворце Чуан вынул бумажных голубей, а они вдруг ожили. Министр птиц и зверей, а также все другие придворные вскочили и стали ловить птиц.

— Как осмелился этот оборванец войти в мой дворец! — гневно воскликнул император. — Велите его жене, чтобы завтра она сама принесла птиц!

На другой день жена Чуана пришла во дворец. Когда император увидел, как она красива, он чуть не свалился с трона.

— Ты слишком красива, чтобы быть женой простого крестьянина, — сказал он. — Почему бы тебе не остаться здесь и не стать первой среди моих жен?

— Мой муж лучше тебя, — ответила молодая женщина, — и я не покину его. — Она так быстро ушла из дворца, что никто не успел остановить ее.

Император пришел в ярость.

— Как она смела сказать, что ее муж лучше меня?

Он послал гонца передать Чуану, что завтра император и Чуан будут скакать на лошадях и победителю достанется эта женщина.

Жену Чуана это не смутило.

— Не отчаивайся, — сказала она мужу, смастерила из бамбука и бумаги лошадь, дунула на нее, и та превратилась в белую кобылу.

В начале состязания вороной конь быстро вынес императора вперед. Император оглянулся на Чуана и усмехнулся, уверенный в победе. Но под конец белая кобыла Чуана вдруг вырвалась вперед и первая достигла цели. Народ приветствовал победителя, хлопая в ладоши.

— Теперь все, император? — спросил Чуан.

— Нет, не все! — ответил жестокий император. — Завтра устроим гонки на лодках. Если победишь, твоя жена останется с тобой.

Чуан и его жена трудились всю ночь напролет, и к утру лодка была готова. Корму лодки они сделали по настоянию жены твердой и заостренной.

В день гонок лодка Чуана быстро оказалась впереди. Хитрый император хотел ударить лодку Чуана и перевернуть ее. Но люди с берега предостерегли Чуана криками. Лодка императора, ударившись о твердую корму лодки Чуана, раскололась.

Император упал в реку, и министрам пришлось вытаскивать его. Его стошнило, потому что он наглотался слишком много воды.

— Ты испортил мою одежду, — закричал император. — Достань мне новое платье, сотканное из перьев

птиц, и чтобы на нем были вышиты дракон, феникс, море и солнце. Даю тебе три дня сроку, не принесешь — отрублю голову!

Чуан и его жена вырезали из бумаги множество разных птиц. Затем молодая женщина подбросила их в воздух, приговаривая:

— Летите, маленькие сестры, летите, только дайте мне немного своих перьев.

В тот же миг тысячи птиц поднялись в вечернее небо, их расправившиеся крылья заслонили свет луны.

Сверху посыпались разноцветные перья и густо устлали землю перед Чуаном и его женой. Этими перьями супруги выткали платье. Потом они вышили на нем феникса и дракона, но к вечеру третьего дня на платье все еще не было моря и солнца. Чуан даже заплакал от огорчения. Его слезы падали на ткань и тут же превращались в море. Жена Чуана работала так усердно, что из пальцев стала сочиться кровь. Капая на ткань, она превращалась в солнце. Так супруги завершили свой труд.

Императору очень понравилась новая одежда. Но ему хотелось оставить молодую женщину у себя во дворце.

— Я хочу увидеть собственными глазами, как она делает мне другое платье, — с коварством сказал император.

— Я могу тебе сделать хоть десять платьев, — сказала женщина, — но сначала примерь это. Мы с мужем много потрудились над ним и хотим посмотреть, как оно сидит на тебе.

— Ладно, — сказал император и надел роскошное платье.

Вдруг молодая женщина дунула на него, и море на ткани заходило настоящими волнами. Все выше и выше вздымались волны. Министр птиц и зверей, а также и другие придворные и генералы бросились спасать императора. И все они потонули в морских волнах.

Чуан и его жена освободили девушек, которые должны были против своей воли стать женами императора. Стоя на берегу, они смотрели, как над морем восходит большое красное солнце.

Тысячи птиц снова появились в небе и запели:

Парим свободно в вышине,
Встречаем мы рассвет,
Чуану и его жене
Желаем долгих лет!

ТРИ БРАТА

В тех краях, где не ступала еще нога человека, жили три брата. Старшего звали Чуткое Ухо, потому что он за тысячи ли мог слышать, как ветер колышет траву. Среднего брата звали Зоркий Глаз за то, что он мог разглядеть все, что происходит на тысячу ли вокруг. А младшего брата прозвали Длинные Ноги, так как он одним прыжком мог вскочить на вершину высокой горы и перешагнуть реку.

Братья жили в любви и согласии, и никто не осмеливался притеснять их.

Но небесный волшебник люто возненавидел братьев и решил сжить их со света. Задумал он напустить на братьев водную стихию и утопить их, но Чуткое Ухо услышал об этом и сразу предупредил братьев:

— Будет наводнение! Куда бы нам спрятаться?

— Там вдалеке я вижу высокую гору. Братец Длинные Ноги, перенеси нас туда!

Старший брат ухватился за левое плечо младшего брата, а средний брат — за правое. Длинные Ноги сделал с десяток шагов в направлении, указанном Зорким Глазом, и опустил обоих братьев на самой вершине горы.

Бушующая вода, словно дикий зверь, накинулась на землю и затопила ее. С каждым мгновением она поднималась все выше и выше, затопила склоны горы, добралась до самой вершины. Вот она поднялась до колен, потом до пояса брата Длинные Ноги, добралась до груди, но дальше не пошла, иначе затопила бы самого волшебника с его дворцом, который находился в облаках, окутавших гору.

Пришлось волшебнику смириться, и он приказал воде уйти в океан. Однако от своего намерения погубить

братьев он не отказался и однажды, когда поднялся сильный ветер, напустил на них силы огня.

Зоркий Глаз сразу же заметил пожар и говорит братьям:

— Видите? Там вдалеке горит! Куда бы нам спрятаться?

— Сегодня ветер дует на юго-восток, — ответил Чуткое Ухо. — Бежим-ка, братья, на северо-запад! Там никакой огонь нам не будет страшен.

Следуя его совету, Длинные Ноги подхватил своих братьев и помчался на северо-западную равнину.

Между тем огонь охватил добрую половину неба и стал распространяться на юго-восток. Ветер крепчал и все сильнее раздувал пламя. Скалы трескались от жары, глина раскалилась докрасна. Однако, дойдя до берегов океана, огонь погас.

Братья поздравили друг друга с победой и стали жить еще дружнее.

Но злой волшебник не дремал. Он придумал наконец, как погубить братьев. Тихонько, чтобы Чуткое Ухо не услышал его, приказал он своей дочери обернуться красивой пташкой и велел ей лететь туда, где жили братья.

Пташка села на дерево, под которым отдыхал Чуткое Ухо. Он перед этим собирал в лесу хворост и устал. Пташка запела. Пела она так хорошо, что Чуткое Ухо проснулся и стал слушать.

— Братец Чуткое Ухо! Ты такой хороший, такой талантливый. Если бы не твои уши, твои братья непременно утонули бы или сгорели!

— Поешь ты красиво, но слушать тебя неприятно! — сказал Чуткое Ухо и снова стал собирать хворост, а когда кончил работу, лег под дерево и уснул.

Птичка притворно вздохнула и перелетела к колодцу, из которого Зоркий Глаз в это время черпал воду. Здесь она уселась и стала петь. Пела она так хорошо, что Зоркий Глаз отставил ведро в сторону и сел послушать.

— Братец Зоркий Глаз! Таких умных и способных, как ты, нет на свете! Если бы не твои глаза, твои братья давно бы утонули или сгорели!

— Да что тут считаться, ведь мы братья!

— Ах, братец Зоркий Глаз! У тебя такое доброе сердце! Просто удивительно, как могли твои братья

говорить... Ах! — Тут пташка вздохнула. — Они о тебе совсем не заботятся!

— А что они говорят обо мне?

— Каждый из них твердит: «Если бы не я, его давно пожрал бы огонь или рыбы!»

— Эх, братья, братья! Так вот вы, оказывается, каковы! Ну, погодите же!..

И Зоркий Глаз снова принялся черпать воду, а когда закончил свою работу, прилег у колодца и уснул.

Пташка притворно вздохнула и полетела к реке. Там третий брат, сидя на берегу, мыл ноги. Пташка опять запела так хорошо, что Длинные Ноги не выдержал и похвалил:

— Ах, птичка, как прекрасно ты поешь!

— Милый братец Длинные Ноги! Что мой голос по сравнению с твоими ногами! Вот они у тебя действительно прекрасны!

— Да что в них хорошего! Спой еще!

Пташка спела еще одну песенку, опустила головку и с виноватым видом говорит:

— Если бы здесь были твои братья, я ни за что не согласилась бы петь!

— Но почему же, дорогая птичка?

— Они бессовестные! Вот ты, дорогой братец Длинные Ноги, совсем другой: сердце у тебя доброе, голова умная, да к тому же ты такой красивый!

— За что же ты ругаешь моих братьев, пташка?

— Как же мне не ругать их, дорогой братец? Все они хвастуны: «Если бы не я, — говорит каждый из них, — этот Длинные Ноги давно бы пошел на корм рыбам или огонь пожрал бы его. Надо прогнать его и дело с концом!» Только смотри, не говори братьям, что я тебе про них сказала. Умоляю тебя, милый братец!

Рассердился Длинные Ноги и говорит:

— Да если бы не мои ноги, их давно бы пожрал огонь или рыбы!

Разгневанный, он вскочил и, так и не домыв своих ног, бросился искать брата Зоркий Глаз.

Едва они завидели друг друга, как между ними вспыхнула ссора. Старший брат Чуткое Ухо проснулся и поспешил мирить братьев.

— Ах ты лицемер, обманщик! — накинулись на него младшие братья. — Ты еще смеешь притворяться!

Так и не удалось старшему брату помирить младших. В отчаянии он опустился на землю и горько заплакал.

Длинные Ноги тут же взял из общего хозяйства свою долю и в несколько шагов очутился далеко-далеко от братьев. Зоркий Глаз направился в противоположную сторону: братья думали, что чем дальше они уйдут друг от друга, тем лучше им будет.

А злой волшебник не дремал. Он решил утопить братьев и наслал на них наводнение.

Чуткое Ухо сразу узнал об этом, но у него не было зорких глаз и длинных ног, чтобы спастись. А Зоркий Глаз, хотя и мог увидеть гору, скрытую за облаками, но не знал о том, что ему грозит опасность, да если бы и знал, все равно не смог бы спастись, потому что у него не было длинных ног. А у брата Длинные Ноги не было ни зорких глаз, ни чутких ушей. Он не видел спасительной горы в облаках и не знал о том, что наводнение грозит ему смертью.

Так и сжил злой волшебник со свету трех братьев.

МИМОЗА

Жил в прежние времена парнишка, довольно красивый. Каждый раз, приходя к реке, он видел сидящего там старика, который удил рыбу и все время приговаривал: «Ловись, ловись, рыбка! Не ловись рыбка маленькая, а ловись большая!» Парнишка украдкой поглядел: к старику подплывали большие рыбы. Однажды парнишка не выдержал:

— Дедушка! Я хочу научиться этой твоей уловке.

Старик поднял голову и говорит:

— Паренек, тебе незачем учиться у меня ловить рыбу. Я вижу, ты человек честный, ступай вдоль берега, иди, иди, и с тобой, быть может, случится что-нибудь хорошее.

Говоря так, старик неторопливо вытянул леску, по воде пошли круги, и он вдруг исчез.

Парнишка очень удивился, решил, что этот старик добрый волшебник, и пошел вдоль берега реки. Село солнце, взошла луна, и вот перед глазами парнишки открылась заводь, вся заросшая лотосами. Здесь было светлее, и он не знал, то ли это от света луны, то ли от лотосов; вдруг он заметил яркий след светлячка, спускавшегося с неба. Подул легкий ветерок, зашевелились листья лотосов, закачались цветы, парнишка сделал было шаг вперед, но поскользнулся и упал. Когда он поднялся, то кругом уже все изменилось, звезды падали с неба, светлячки сидели на тутовых деревьях, среди деревьев стоял домик, а в домике сидела девушка и ткала. На девушке была красная кофта и зеленого цвета юбка; освещаемая лучами светильника, девушка походила на цветок лотоса, возвышающийся среди зеленых листьев. Паренек постоял-постоял, потом подошел и спрашивает:

— Как называется эта местность?

Девушка приостановила работу, подняла голову. Она действительно была похожа на цветок лотоса, освещенный луной.

— Не буду тебя обманывать, — отвенала девушка, — это деревня лотосов, я — девушка-лотос; если ты устал, то войди, отдохни.

Парнишка с радостью вошел, девушка сказала ему несколько слов и, опустив голову, продолжала ткать. Как быстро она ткала! Что у девушки в руках, не было видно, лишь блестел серебром наперсток, надетый на палец. Посидев немного, паренек встал, девушка не удерживала его, проводила улыбкой. Парнишка сделал два шага, обернулся — девушка и домик исчезли.

Он вернулся домой, все у него валилось из рук. На другой день еще до наступления темноты он пришел к заводу лотосов. С трудом дождался он темноты, когда снова появилась девушка-лотос. На этот раз она была приветливей, сказала, чтобы он снял свою разорванную куртку, и зашила ее. Принимая зачиненную куртку, парнишка сказал, глядя на девушку:

— Я сирота.

Будто не слыша этих слов, девушка безмолвно проводила его до дверей. Юноша вернулся домой уже за полночь, дома он не мог найти себе места и снова побежал на берег реки. Над рекой поднимался туман, от росы его ноги стали мокрыми, но юноша все бежал вдоль реки, пока не добежал до заводи лотосов. На зеленых ивах защебетали птицы, взошло солнце, и туман рассеялся; вода в реке стала еще прозрачнее, листья лотосов еще ярче, на свежих лепестках дрожали, как жемчужины, капли росы. Юноша шел по берегу, воздух был напоен ароматом цветов, посреди заводи он увидел самый большой, самый прекрасный лотос.

— Быть может, — гадал он, — девушка превратилась в этот лотос.

Только он это подумал, как огромный лотос качнулся и на поверхности воды показалась девушка. Ступая по волнам, с развевающейся юбкой, она шла к нему. Вне себя от радости юноша подошел к берегу. Девушка со счастливым и в то же время печальным лицом сказала:

— Мой отец не хочет, чтобы я встречалась с людьми, и мы теперь с тобою не сможем видаться.

Эти слова поразили юношу как удар грома; через некоторое время он очнулся и заплакал. Видя его горе, девушка быстро подняла голову и сказала:

— Если ты будешь верен мне, то я уйду вместе с тобой на далекий остров.

— Лишь бы вместе с тобой, — отвечал юноша, — я с радостью буду жить в горах и лесах.

Девушка вынула из волос бутон лотоса, дунула на него, и бутон распустился. На каждом лепестке цветка дрожали светлые жемчужины; золотой пестик цветка окружали зеленые язычки. Девушка подняла лотос как раскрытый зонт, протянула юноше руку, и они полетели в небо. Мимо них проносились облака, внизу парили орлы. Вскоре юноша и девушка опустились среди гор.

Юноша посмотрел себе под ноги — дикая трава и камни, оглянулся вокруг — высокие горы. Ему стало грустно.

— Я буду ткать, ты охотиться, — радостно сказала девушка, — и у нас не будет недостатка ни в еде, ни в одежде.

— Но ведь здесь негде жить, нет даже дома.

— Об этом ты не беспокойся, — сказала девушка.

Она сняла верхнюю зеленую юбку и швырнула ее вперед; кружась, юбка опустилась на землю и в тот же миг превратилась в большую зеленую заводь, посредине которой был виден домик, от него к берегу перекинулся мостик. Девушка взяла юношу за руку, они прошли по мосту, вошли в домик. Там было просторно, все стояло на своих местах: различная утварь, постель — все, что нужно, а у стены даже стоял ткацкий станок.

На другой день юноша собрался на охоту, девушка вышла к нему, вынула из волос бутон лотоса и, передавая юноше, сказала:

— Возьми его; если тебе встретятся дикие звери, то лишь махни бутоном, и они не посмеют подойти к тебе. Но ни в коем случае не отдавай его другому человеку.

Юноша взял бутон и ушел. Он отправился в горы, на восток, там добыл много фазанов и зайцев; возвращаясь обратно, он еще издали увидел рощу тутовых деревьев, выросшую у подножья горы; юноша прошел дальше и только тогда увидел свою подругу: она обламывала ветки с сосны, втыкала их в расщелины между камнями и в мгновение ока они превращались в большие тутовые деревья. От непрерывной работы руки девушки

были исколоты сосновыми иглами, лицо обожжено солнцем.

— Пойдем отдохнем! — заботливо, с любовью сказал юноша.

— Ведь мы будем здесь жить, — с улыбкой отвечала девушка, — и я хочу превратить эту впадину в озеро, а подножье горы — в тутовую рощу.

На следующий день юноша отправился в горы на запад, там он увидел стада диких лошадей и баранов; поймав лошадь и барана, он вернулся домой. На кане лежали зеленые ленты, девушка расстелила их на земле, и в мгновение ока ленты превратились в зеленый поток.

Стемнело, а девушка продолжала ткать ленты, ноги у нее ныли, руки болели.

— Уже темно, ты бы отдохнула, — заботливо, с любовью сказал юноша.

— Ведь мы будем здесь жить, — с улыбкой отвечала девушка, — и я хочу превратить эту впадину в озеро, а подножье горы — в тутовую рощу.

Шли дни за днями, юноша стал замечать, что его подруга уже не так красива, как прежде, что ее черные волосы потеряли прежний блеск, а румянец на лице утратил свою свежесть.

— Ты состарилась от работы, — вздыхал юноша.

Но подруга его лишь головой качала.

Однажды юноша отправился на охоту, он взбирался с одной скалы на другую, переходил через ручьи и, наконец, остановился в одном ущелье. Подняв голову, он посмотрел вверх — на склоне горы не росло ни одного цветка, ни одной травинки, лишь зияла мрачная пещера. Юноша, нащупав бутон лотоса, храбро вошел в пещеру; чем дальше он шел, тем становилось темнее, в пещере стоял тяжелый запах крови. Пройдя еще немного, он столкнулся с тигром. Глаза зверя горели как два фонаря. Раскрыв пасть, тигр хотел было схватить юношу, тот в испуге поспешно выхватил бутон лотоса и махнул им в сторону тигра, из бутона блеснул красный луч, длинный и тонкий, как молния, тигр мотнул головой и скрылся. Юноша отправился дальше. Через некоторое время на него напала стая волков, он снова достал бутон лотоса, блеснула красная молния, и волки в страхе разбежались. Юноша снова пошел дальше, впереди вдруг забрезжил свет и стала видна какая-то дверь, юноша распахнул ее, заглянул внутрь. Ой!

Там, освещенная лампой, на кане сидела женщина с бело-снежным лицом и ярко-красными устами. Она быстро соскочила с кана и ласково пригласила юношу войти. И он вошел и сел на кан. Женщина болтала и смеялась, наливала гостю вино в золотой кубок; накладывала угощенья на серебряные тарелки. Юноша ел с серебряных тарелок и пил вино из золотого кубка, а женщина шептала ему, что хочет стать его женой. Юноша подумал, что эта женщина красивее той, и согласился.

Промелькнули три дня, юношу словно подменили, он предавался удовольствиям и забыл о дружбе девушки-лотоса. На четвертый день его новая подруга сказала, что хочет навестить своих родственников, и прибавила, что боится диких зверей, тогда юноша, недолго думая, достал бутон лотоса и отдал его женщине. Как только она перешагнула порог, двери с шумом захлопнулись, в доме наступила темнота. Юноша протянул руку вправо, рука нащупала камень, протянул руку влево — там тоже камень; снаружи доносились рев тигра и волчий вой, юноша закричал, но никто ему не ответил; в страхе он упал на колени около камня.

Девушка-лотос сидела дома и ткала; видя, что юноша три дня не возвращается домой, она очень обеспокоилась. Погадав по пальцам, она узнала, что юноша женился на другой женщине. Она сердилась и мучилась, сначала, в гневе, не хотела идти его спасать, но потом подумала: «Какой он ни есть, я все равно спасу его».

С быстротой ветра девушка-лотос мчалась через горы, через реки и наконец очутилась перед пещерой; вход в пещеру был завален огромными камнями. Девушка, не переводя дух, поднялась на вершину горы, сняла с пальца свой серебряный наперсток, дотронулась им до камня, и в скале вдруг образовался круглый глубокий колодец, доходивший до пещеры. Девушка спустилась по нему в пещеру, схватила юношу и вытащила его на вершину горы.

Юноше было стыдно и неловко, но девушка-лотос не сердилась, а лишь плача сказала:

— Я никогда не думала, что ты такой неблагодарный!..

Не успела девушка договорить, как в ущелье поднялся вихрь — это вернулась хозяйка пещеры. Девушка-лотос схватила юношу и пустилась в обратный путь. Как быстро они понеслись! Юноша чувствовал, что ноги его не

касаются земли. Хозяйка пещеры гналась за беглецами и кричала:

— Юноша, вернись!

Девушка-лотос сказала юноше:

— Ни в коем случае не оборачивайся, стоит тебе повернуть голову — и ты погиб!

А хозяйка пещеры все кричала:

— Юноша, вспомни, как хорошо нам было вместе! Вспомни, как я красива!

Сердце у юноши забилося, он обернулся, красавица махнула платком в его сторону, и ноги юноши сами понесли его к этой женщине. Та кликнула огромную змею, схватила юношу, вскочила с ним на спину змее, и они вихрем помчались к пещере.

— Разве я не спасла бы тебя, — причитала девушка-лотос, — но ты сам не послушался, и теперь все пропало!

А через несколько дней одежда и кости юноши валялись перед пещерой. Добрая девушка-лотос подобрала их и похоронила около своего домика.

Шли дни. И однажды, подойдя к могиле, девушка-лотос увидела, что на холмике вырос стебелек с зелеными листочками, девушка дотронулась до них пальцами, и листья стыдливо поникли. Люди стали называть это растение мимозой.

ВОЛШЕБНОЕ СНАДОБЬЕ

Жили на свете муж да жена; целыми днями они только и думали, как бы разбогатеть.

— Давай откроем портняжную мастерскую, будем шить людям, — скажет, бывало, жена, а муж ей отвечает:

— Не хочу! Целый день иголку втыкать да нитку тянуть, устанешь к вечеру, а заработаешь немного!

— Тогда откроем красильню!

— Еще хуже, сами измажемся краской, кругом будет краска, что за жизнь! Да и потом — разве так разбогатеешь?

Спорили они, спорили и наконец решили открыть постоянный двор. Так и сделали. Дела у них шли неплохо, но настоящее богатство все не приходило.

Богатые гости увозили свои сокровища с собой, а у бедных постояльцев вообще ничего не было.

Зашел как-то раз на постоянный двор почтенный старик с белой бородой, он опирался на длинный посох, на котором красной тушью были выведены иероглифы: «Избавляю от печалей и забот». Увидал муж надпись на посохе и решил, что это волшебник и прорицатель.

— Господин, — не вытерпев, спросил он, — как ты избавляешь людей от печалей и забот?

— У меня есть такой порошок, — ответил старик, — если человек примет его, то сразу забудет обо всем неприятном: о заботах и о невзгодах, о печалях и о тоске, о хлопотах и о неудобствах!

Услыхав это, муж с женой стали просить старика продать им чудесное снадобье. Тот согласился и отвесил им пол-лана.

Получив волшебное средство, жена сказала мужу:

— Ну, теперь мы разбогатеем, надо только подсыпать

этого снадобья богатым гостям в рис или в чай, и они забудут у нас свои тяжелые тюки!

На другой день заехал на постоялый двор богатый купец. Чего только не было в его ларцах, мешках и ящиках! И жемчуга, и яшма, и кораллы, и бирюза, а сколько золота и серебра! У жадных хозяев глаза разгорелись. Гость сложил все свое добро прямо около кана. Муж следил за каждым движением купца, а жена тем временем на кухне всыпала в чай и в рис порошок.

Съев весь рис и выпив целый чайник чаю, купец отправился спать, а жадные хозяева, дрожа от нетерпения, всю ночь не сомкнули глаз.

Наутро купец рано встал и уехал. Хозяева сразу же побежали к нему в комнату, но ни около кана, ни на самом кане ничего не оказалось. Они обыскали все углы комнаты, разворотили пол, разломали кан, но все было напрасно.

— Обманул нас проклятый старик! — в ярости завопила жена. — Не волшебный этот порошок, ничего купец не забыл!

— Ах, черепаший сын! — еще громче закричал муж.

— Забыл! — завопила жена. — Заплатить забыл! Ведь говорил же нам старик: «Если человек примет порошок, то сразу же забудет обо всем неприятном!» А мы-то об этом и не вспомнили!

Видно, жадность память отбивает!

ЗОЛОТЫЕ КАШТАНЫ И БУЛЫЖНИКИ

Жили на свете два брата. Младший был честным и трудолюбивым, а старший — жадным и ленивым. После смерти отца старший брат и говорит младшему:

— Братец! Когда дерево вырастает, оно дает плоды; когда человек становится взрослым, он обзаводится семьей. Ты уже не трехлетний ребенок, пора нам делиться!

Старший брат забрал себе землю, одежду, утварь — все, что было ценного в доме, а младшему оставил только мотыгу да два шэна¹ гороха. Взял младший брат мотыгу, перекинул через плечо котомку с горохом и побрел в лес. Недалеко от ручья, под развесистым деревом, построил он себе шалаш из камыша и стал там жить.

Ранним утром, когда на небе еще мерцали звезды, а сороки сладко спали в своих гнездах, он с мотыгой на плече отправлялся на склон горы. Колючки впивались ему в руки и ноги, одежда была мокрой насквозь от росы, но он ничего не замечал и упорно копал землю. Когда одолевала усталость, он садился под деревом и отдыхал в тени. Когда мучила жажда — вышивал несколько глотков родниковой воды, а когда давал себя знать голод, съедал горсть поджаренных горошин.

Наконец он посеял свой горох и, как только появились ростки, начал неустанно поливать их и уничтожал полевых вредителей. Только поздним вечером он покидал свой участок.

Начались дожди, и горох зацвел. Каких только цветов не было на нем! И красные, и белые, и фиолетовые, и желтые, а некоторые были какого-то удивительного цвета, даже трудно сказать какого. Вскоре показались и стручки, красиво изогнутые в форме полумесяца.

¹ Шэ н — китайская мера объема, равная одному литру.

Наступило лето. Стручки стали лопаться, и из трещин выкатывались прямо на землю горошины. Младший брат собирал их и складывал в мешок. Вдруг он заметил, что некоторые горошины отливают матовым блеском.

«Да ведь это серебро!» — догадался он.

Младший брат собрал урожай, пришел к старшему брату и попросил у него мерку. Тот дал ему мерку, но вначале смазал ее тонким слоем масла, чтобы узнать, для чего она понадобилась младшему брату.

Когда младший брат возвратил мерку, старший осмотрел ее и обнаружил две прилипшие к ней серебряные горошины.

Взяла старшего брата зависть, решил он отнять у младшего брата возделанную им землю и говорит:

— Младший братец, ты живешь не тужишь! Отдай мне гороховое поле! Ведь оно мое. Отец подарил его мне, когда тебя еще не было на свете.

Младший брат не стал перечить, отдал старшему гороховое поле, а сам с мотыгой на плече отправился в горы искать целебные травы. За три дня он исходил лесную чащу вдоль и поперек, переправлялся через широкие реки, взбирался на неприступные утесы, искал, искал, но так ничего и не нашел.

Однако юноша не отчаивался и все дальше уходил в горы. Однажды он поднялся на голую сопку, усеянную камнями. Только одно каштановое дерево росло на ней. Каштан был старый-старый. Его увядшие желтые листья падали на землю, некоторые ветки совсем засохли. Юноша расположился под каштаном и стал носить воду из источника под горой. Обнажившиеся корни дерева он присыпал свежесрытой влажной землей и целыми днями поливал их.

Его соломенные сандалии порвались, ноги покрылись волдырями и горели, будто их жгли огнем, но он продолжал трудиться.

Скоро каштан покрылся густой зеленой листвой и зацвел. Наконец появились плоды. Согретые солнцем коричневые каштаны, созревая, падали на землю. Юноша стал собирать их, взглянул и — ахнул от удивления. Некоторые каштаны вспыхивали на солнце золотыми огоньками. Да ведь это настоящее золото!

А тем временем старший брат, отнявший у младшего его землю, кое-как разбросал по полю горох и стал ждать

урожаем. Целыми днями сидел он в тени деревьев и клевал носом, а поливать и не думал. Листья гороха сморщились и пожелтели, но он продолжал дремать.

Урожай погиб от засухи, ни одной горошины не получил старший брат. А младший брат снова пришел к старшему за меркой. Услышав, какое несчастье постигло старшего брата, он тут же дал ему несколько мерок каштанов, среди которых было много золотых.

Тут старший брат снова стал приставать к нему:

— Ну и везет же тебе, братец! А вот ко мне судьба несправедлива! Скажи, когда ты посадил этот каштан?

Тогда младший брат рассказал ему все как было от начала до конца.

— Братец! — воскликнул старший брат. — Да ведь этот каштан я посадил собственными руками! Это тот самый, что на каменистом склоне? Ну, конечно, это он! Такой здоровенный? И высокий-высокий! Правильно! Все приметы сходятся! Он высотой в два бамбуковых шеста! Я посадил его, когда ты говорить еще не умел! — И старший брат стал умолять жалобным голосом: — Братец, возьми обратно гороховое поле! Боюсь я людских пересудов. Уж и так болтают, что я, старший брат, не забочусь о младшем. Какое горе, что наш отец умер так рано...

И старший брат, похлопав младшего по плечу, начал громко всхлипывать.

Младший брат не сказал ни слова и отдал каштановое дерево старшему, а сам вскинул мотыгу на плечо и опять зашагал на гороховое поле.

Как и в первый раз, он посадил на нем горох, который вскоре зацвел, а когда стручки налились и созрели, из них выкатились серебряные горошины.

А старший брат, захватив мешки побольше, уселся под деревом и целыми днями распивал вино в ожидании золотых каштанов.

Когда пришло время, дерево зацвело и покрылось плодами. Но под жаркими лучами солнца плоды засохли и дождем посыпались вниз, прямо на плечи, руки, лицо и грудь старшего брата, так что он весь покрылся багровыми синяками, а на голове у него вскочили шишки величиною с каштан.

Посмотрел старший брат, а это вовсе и не каштаны, а увесистые булыжники.

Вне себя от гнева, схватил старший брат кривой нож и стал рубить дерево. После первого удара голова старшего брата превратилась в птичью. После второго — руки его стали крыльями.

Удары сыпались один за другим — и вот старший брат превратился в черного дятла.

С тех пор прошли века, а дятел стучит и стучит по стволам, ищет себе пищу, чтобы не умереть с голоду.

«Тук-тук-тук», — непрерывно разносится по лесу.

ЛИС, ОБЕЗЬЯНА, ЗАЯЦ И ЛОШАДЬ

Лис пользовался в лесу дурной славой: то одного обманет, то другого проведет — на все был готов ради собственной выгоды. И насмешничать очень любил. В окрестных лесах не было ни одного жителя, который бы не пострадал от лиса. Но никто не мог придумать, как отомстить ему.

По соседству с лисом жила обезьяна. Она сидела на дереве и все думала-думала, как бы отплатить лису. От этих дум у нее вся голова покрылась морщинами, и в конце концов она все-таки придумала хитрый план. Когда она его как следует обмозговала, то ее охватила такая радость, что она не выдержала, кубарем скатилась с дерева и тут же выложила свой коварный замысел зайцу, который сидел в траве под деревом. Заяц слушал и недоверчиво моргал. Увидев, что заяц ей не верит, обезьяна сказала:

— Пойдем! Я найду лиса, а ты спрячься на вершине горы и наблюдай!

Обезьяна разыскала лиса и, качая головой, сказала:

— Дорогой братец лис, знаешь ли ты, что на свете самое вкусное?

Услышав слова «самое вкусное», лис сразу же насторожился и говорит:

— Самое вкусное? Интересно бы узнать! Что же потвоему на свете самое вкусное?

— Я только сегодня услышала, — отвечает обезьяна, — самое лучшее лакомство на свете — это мясо с конского зада. Но его очень трудно добыть. Для этого нужно крепко-накрепко связать свой хвост с хвостом лошади.

— А это еще зачем? — с любопытством спросил лис.

— Чтобы лошадь не ускакала. Разве за ней потом угонишься? — пояснила обезьяна и шепотом добавила: — Кстати, я только что видела лошадь. Она спала прямо на земле.

Лис задумался, но вид у него по-прежнему оставался равнодушным.

— Не так-то легко решить, — помедлив, сказал он, — что на свете самое вкусное. Да и не к чему спешить. Мы еще встретимся и поговорим об этом. Только смотри, чтобы никто больше не узнал о нашем разговоре. — С этими словами лис удалился, помахивая длинным хвостом.

Обезьяна отправилась дальше, а лис, отбежав, оглянулся и, убедившись, что обезьяна ушла, крадучись побежал обратно искать лошадь, о которой рассказала ему обезьяна.

Искать пришлось недолго. Лошадь трудилась целый день и теперь спала крепким сном. Лис подкрался к ней и осторожно привязал свой хвост к ее хвосту. Потом он нацелился на лошадиный зад и впился в него зубами. Почувствовав острую боль, лошадь вскочила и, не понимая спросонья, в чем дело, лягнула копытами землю и помчалась во весь дух, волоча за собой лиса. Лисий хвост был крепко привязан к лошадиному, и пришлось лису, кувырякаясь, волочиться вслед за лошастью.

Это оказалось далеко не приятным занятием! Лис сам не знал, что ему жалеть больше, свою шкуру или свой великолепный хвост.

А обезьяна, расставшись с лисом, не стала уходить далеко. Она залезла на дерево и осмотрелась. Увидев, как лис волочится по земле, она пришла в такой восторг, что забыла про всякую осторожность. Она хлопала в ладоши и прыгала до тех пор, пока не сорвалась с ветки. Шлепнувшись с высоты на землю, она сильно ушиблась, и от удара ягоды ее стали ярко-красными. Заяц, сидевший на самой верхушке горы, все видел: и как лошадь волочит лиса по земле, и как шлепнулась обезьяна. Глядя на это, он так хохотал, что от смеха у него губа треснула.

С тех пор у обезьяны зад так и остался красным, а заяц так и живет с раздвоенной губой. Лошадь с того времени спит только стоя. А когда сильно устанет, касается по земле и, отдохнув, снова встает. У лиса с тех пор, как его потрепала лошадь, шкура пестрая: в одних местах рыжая, в других — серая. Лисы с однотонной шерстью встречаются очень редко.

Мораль сей сказки такова: дурные люди рано или поздно будут наказаны. Даже во время сна надо остерегаться злых людей. Победителю не следует слишком радоваться, а любопытному следует поберечь свои губы.

СКАЗАНИЕ О МЭН ЦЗЯН-НЮЙ

Жила в старину семья по фамилии Цзян. Посадили они тыкву-горлянку, а одна ветвь ботвы ее через стену к соседям по фамилии Мэн перелезла, и завязалась там большая тыква. Созрела тыква, и Мэны сняли ее. Разрезали, смотрят, а там девочка сидит. Вот и назвали ее Мэн Цзян-ньюй, что значит девочка семей Мэн и Цзян.

Со временем Мэн Цзян-ньюй выросла и стала такой красивой, как спустившаяся с небес фея. Взглянешь — сразу влюбиться можно, да вот только никто не мог ее увидеть. Мэны были людьми богатыми, девушка жила в саду в высоком тереме. За ворота ее не пускали, а в комнату к ней никто не смел войти.

Одному только Фань Си-ляну посчастливилось увидеть ее, и они стали любящими супругами.

Как же Фань Си-лян повстречался с Мэн Цзян-ньюй? А вот как! В то время император Цинь Ши-хуан как раз строил Великую Стену длиной в десять тысяч ли. Строительство было огромное, людей на нем умирало без счета, вот целыми днями и хватали мужчин, чтобы угнать на постройку. А уж схватят, так не рассчитывай вернуться домой. Никому не хотелось попадаться. В этот день стражники пришли за Фань Си-ляном, но он удрал, добежал до дома Мэнов, перепрыгнул через садовую ограду и спрятался там за искусственной горкой. Мэн Цзян-ньюй со служанкой как раз в это время вышла в сад погулять! Увидели они пару разноцветных бабочек и давай ловить их. Вытащила девушка шелковый платочек, бросила его, да угодила в пруд, а бабочку так и не поймала. Стало ей обидно. Она почувствовала усталость, села на большой серый камень и велела служанке выловить платок из воды. Но служанка не захотела, и пришлось Мэн Цзян-ньюй

самой доставать платок. Она подобрала рукава и пошла к пруду.

— Увидела, увидела, — вдруг, смеясь, закричала служанка — это она заметила за горкой юношу, который, пригнувшись, подглядывал за барышней.

Мэн Цзян-ньюй покраснела, подняла голову, видит: на другом берегу за горкой прячется прекрасный юноша — это и был Фань Си-лян. Юноша не знал, как ему поступить: бежать — стражники схватят, прятаться в саду у незнакомой девушки — неловко. Наконец он решился: смело вышел вперед и, отбивая земные поклоны, стал умолять.

— Барышня, спасите меня! Спасите!

Служанка еще больше разошлась:

— Ты — дикарь, откуда взялся?

Фань Си-лян задрожал от страха, пал ниц и говорит:

— Меня зовут Фань Си-лян, я прячусь от стражников, вот и забежал сюда.

А служанка все не унимается:

— А известно ли тебе, что это сад моей барышни?

— Не известно! — поспешно ответил Фань Си-лян.

Мэн Цзян-ньюй понравился юноша: и собою степен и лицом пригож. Видит она, что служанка так невежливо обращается с ним, и прикрикнула на нее:

— Нельзя быть такой невежливой, проводим его к отцу, пусть скажет ему, где спрятаться от стражников.

И Мэн Цзян-ньюй со служанкой проводили Фань Си-ляна к хозяину.

Видит старый Мэн, юноша и собою степен и лицом пригож; стал проверять его знания — тот отвечает без запинки. Обрадовался хозяин и тут же решил сделать его своим зятем, в тот же день свадьбу сыграть и поклониться в цветочном зале.

Кто мог подумать, что не успеют они войти в зал, как явятся стражники и схватят Фань Си-ляна.

Увели они юношу, заплакала тут вся семья. Мэн Цзян-ньюй поклялась не выходить ни за кого другого и непременно дожждаться Фань Си-ляна.

С тех пор возненавидела она Цинь Ши-хуана и его Великую Стену, возненавидела и стражников, которые схватили ее мужа. Горестно вздыхала Мэн Цзян-ньюй, голос ее был печален, брови скорбно сошлись на переносице. Целыми днями тосковала она в девичьей спальне, не пила,

не ела, ночи не спала, все думала о своем Фань Си-ляне и досадовала на себя за то, что не пошла вместе с ним строить Великую Стену, чтобы вместе умереть.

Прошла весна, наступило лето, его сменила осень. Оглянуться не успела девушка, как наступил первый день десятой луны. В этот день надевают теплую одежду, так в песнях поется. Вспомнила тут Мэн Цзян-нуй, что муж ее в легкой одежде ушел, и решила отнести ему теплую одежду. Ни отец, ни мать не могли удержать ее, не помогли и уговоры служанки. Старику отцу ничего не оставалось, как приказать слуге сопровождать дочь к Великой Стене.

Мэн Цзян-нуй не стала красить лицо и пудриться, собрала волосы в большой пучок, надела темное платье и поверх белую юбку, привязала на спину узел с теплой одеждой, упала на колени и промолвила:

— Если я не найду муженька своего, не вернусь домой.

Так Мэн Цзян-нуй покинула родительский дом. Они прошли одну деревню, затем другую, миновали поле, прошли другое и очутились у заставы, через которую лежал путь к Стене. Приглянулась Мэн Цзян-нуй чиновнику, и захотел он взять ее себе в жены, но Мэн Цзян-нуй стала так ругать да поносить чиновника, что ему пришлось ее пропустить. А чиновник этот мечтал разбогатеть и получить повышение, вот он и написал начальству доклад, что есть-де такая красивая и мудрая Мэн Цзян-нуй. Думал он, обрадуется начальство, заберет девушку себе, а ему повышение даст. Кто мог знать, что его начальник тоже хочет разбогатеть и продвинуться по службе и напишет доклад самому императору Цинь Ши-хуану?

А еще рассказывают, что Мэн Цзян-нуй и ее верный слуга миновали заставу и подошли к пропасти. Тут им грозила смертельная опасность. По узкой горной тропинке мог пройти только один человек, так как по обеим сторонам ее были глубокие ущелья. И надо же было случиться, чтобы как раз в это время слуга задумал недоброе. Решил он силой заставить Мэн Цзян-нуй стать его женой.

А Мэн Цзян-нуй поистине была умна, она не струсила, улыбнулась и сказала:

— Что ж, я согласна, только свахи не хватает.

— Где же здесь сваху отыщешь? — заскреб в затылке слуга.

Мэн Цзян-ньюй с улыбкой указала на маленький красный цветок, который рос на склоне горы, и говорит:

— Возьми этот цветок вместо свахи, сорви его, и я стану твоей женой!

Глянул слуга, растет цветок на середине горы и своей красотой манит к себе. Забыл слуга об опасности, полез вниз, а Мэн Цзян-ньюй как толкнет его. Полетел слуга «с волчьим сердцем» прямо в пропасть.

Осталась девушка совсем одна. Она не знала, жив Фань Си-лян или умер, опустилась на землю у Великой Стены и заплакала. Три дня и три ночи плакала она, обвалилась от ее слез Великая Стена, и увидела Мэн Цзян-ньюй останки Фань Си-ляна.

А император Цинь Ши-хуан в это время получил доклад и отдал приказ найти красавицу — он хотел во что бы то ни стало сделать Мэн Цзян-ньюй своей женой. Не посмели стражники медлить, разыскали Мэн Цзян-ньюй и доставили ее прямо в большую императорскую канцелярию.

Увидела Мэн Цзян-ньюй императора Ши-хуана, разгневалась и еще сильнее возненавидела его; а императору Мэн Цзян-ньюй понравилась. Приказал он ей сесть рядом и говорит:

— Будь моей женой, Мэн Цзян-ньюй.

— Ладно, — отвечает девушка, — только прежде выполни три моих условия.

— Говори, чего ты хочешь, — сказал император, — и я не то что три, а триста условий готов выполнить, только говори скорее.

— Во-первых, ты должен разрешить мне три месяца носить траур по мужу, — сказала Мэн Цзян-ньюй.

— Подумаешь, дело какое, — обрадовался император, — носи пожалуйста. А теперь говори скорее второе условие.

— Во-вторых, ты должен устроить моему мужу пышные похороны.

— И это можно, — согласился император. — Я прикажу купить хороший гроб, сто двадцать восемь шестов и велю читать молитвы сорок девять дней. Говори скорее третье условие!

— А в-третьих, ты должен сам надеть простое холщовое платье и шапку с трауром, нести траурные флаги и приказывать всем придворным и военным чиновникам тоже одеться в траур.

Выслушал третье условие император и призадумался. Ведь это значило признать себя сыном Фань Си-ляна. «Но если я выполню все три условия, — тут же подумал Цинь Ши-хуан, — она тотчас же станет моей. Ладно, стану сыном Фань Си-ляна!»

Так согласился император и на третье условие.

Наступил день похорон. Забыв о всяких приличиях, нарядился император в холщовое платье, надел шапку с трауром, словно почтительный сын, который отца хоронит. Мэн Цзян-нуй тоже надела траурное платье и сопровождала повозку с телом. Чиновники и военные — все в трауре на похороны явились. В трубы дуют, в барабаны бьют, прямо к кладбищу семьи Фань движутся. По пути попала им река — большая, глубокая. Сошла тут Мэн Цзян-нуй с повозки, бросилась в реку и утонула.

Остался Цинь Ши-хуан ни с чем, в ярость пришел, словно ума лишился, целые дни только и думает о Мэн Цзян-нуй, казнить стал всех без разбора. Вышел как-то он в залу и спрашивает одного сановника:

— А что, каменный конь у ворот ест траву?

— Каменный конь не ест травы, — ответил тот.

— Как это не ест?! — рассердился император и крикнул: — Казнить!

Так каждый день по одному и казил. Сановники все трепетали от страха. Был среди них один честный сановник, на другой день как раз был его черед идти к императору. Вернулся он домой мрачный, хмурый.

А в это время дух звезды Тай-бо превратился в ничего даоса и давай стучать в деревянную колотушку у ворот сановника.

Вышел тут старый привратник и говорит:

— У нашего господина доброе сердце, обычно, когда ты приходишь, всегда получаешь доу риса и доу муки. Но сегодня ты пришел некстати, у нашего господина горе, и не до тебя ему.

— А мне не надо ни риса, ни муки, я пришел спасти нашего господина, — ответил даос.

Старый привратник побежал в дом с докладом, затем вернулся и пригласил даоса войти. Даос вытащил из рукава кнут и говорит чиновнику:

— Это кнут, «погоняющий горы»! Завтра, когда пойдешь во дворец, спрячь его в рукав. Император спросит тебя, а ты отвечай, что каменный конь ест траву. Скажешь

это, и кнутом взмахни. Конь тотчас же начнет жевать траву. А еще расскажи, что этот кнут может погонять горы и с его помощью можно отыскать Мэн Цзян-ньюй.

Сказал это даос и вмиг исчез. А чиновник на другой день сунул в рукав кнут и отправился ко двору.

— А что, каменный конь у ворот ест траву? — спросил у него император.

— Ест, — ответил он.

Все придворные так и замерли от удивления, а Цинь Ши-хуан спрашивает:

— Как может каменный конь есть траву?

— Не верите, сами посмотрите, — сказал сановник.

Все в миг оказались у ворот, конюшие принесли травы и положили перед каменным конем. Сердце сановника тревожно забилося — а вдруг не выйдет ничего? Ладно, все равно умирать! Взмахнул он кнутом и громко крикнул:

— Каменный конь, ешь траву, каменный конь, ешь траву!

И в самом деле, каменный конь начал жевать траву. Все зашумели, захлопали в ладоши. Император попросил сановника объяснить, в чем дело. Тогда сановник поспешно передал ему кнут и рассказал про даоса.

Повеселел Цинь Ши-хуан. Покинул дворец и отправился искать Мэн Цзян-ньюй. Он загонял маленькие горы в реки, а большие — в море. Целыми днями «бегал по востоку и носился по западу».

Встревожился тут царь драконов четырех морей: каждый день в хрустальном дворце все ходуном ходит, по всему дворцу звон идет, — и послал двух маленьких драконов — морских стражников — разузнать, в чем дело. Вернулись они и докладывают:

— Император Ши-хуан схватил кнут, «погоняющий горы», и ищет Мэн Цзян-ньюй! Над нашим хрустальным дворцом нависла страшная опасность. Того и гляди упадет гора прямо нам на крышу!

Растерялся тут царь драконов, испугались рыбы-воины, крабы да раки, спастись надо, но никто не знает, куда бежать. Мэн Цзян-ньюй нет в живых, куда делось ее тело — неизвестно, где же им взять еще одну Мэн Цзян-ньюй?

Тут, блистая красотой, в зал вошла дочь царя драконов и сказала:

— Отец, твоя дочь избавит тебя от напасти!

— Как же ты избавишь меня от напасти? — спросил царь.

— Разреши мне принять вид Мэн Цзян-ньюй, увидит меня император и перестанет гонять горы.

Опечалился царь, да делать нечего, пришлось согласиться.

Цинь Ши-хуан как раз в это время гнал гору, вдруг видит — в воде труп женщины плавает. Вытащил его император, смотрит — действительно Мэн Цзян-ньюй. Потрогал грудь — еще теплая. Обрадовался император, привел Мэн Цзян-ньюй в чувство, вернулся с ней во дворец и сделал своей женой.

Прошел год, родился у них сын, и жена рассказала Цинь Ши-хуану всю правду, что она не Мэн Цзян-ньюй, а дочь дракона и должна вернуться в свой дворец. И вот однажды ночью она украла волшебный кнут Цинь Ши-хуана, взяла на руки ребенка и покинула дворец. Сына она бросила в далеких горах, а сама прыгнула в воду.

В горах этих жила старая тигрица, увидела она ребенка и стала каждый день кормить его молоком. Прокормила год, а потом отнесла его к большой дороге и положила там.

Поблизости жила семья Сян — старик и старуха. Ни сына у них, ни дочери не было, целыми днями они трудились — соевый сыр делали. А по утрам старик ходил продавать его. Идет он как-то и видит — на дороге ребенок лежит, обрадовался и вернулся с мальчиком домой. Так и вырос мальчик в доме Сяна: голова у него здоровенная, уши длинные, а силища такая, что может гору свернуть. Старик назвал его Сян Юй. Через много лет стал Сян Юй Чуским баваном. Он уничтожил династию Цинь и отомстил за Мэн Цзян-ньюй и Фань Си-ляна.

ВОЛШЕБНЫЙ КНУТ

Старики рассказывают, что давным-давно большие и маленькие острова Восточного моря были большими и маленькими горами, и стояли они на берегу, а паренек по имени Ван-син кнутом загнал их в море.

Когда Ван-син был совсем маленьким, умерли его отец и мать, а в десять лет он стал пастухом, пас овец помещика. Он гнал стадо на горные пастбища, когда солнце еще не всходило, и возвращался, когда солнце уже садилось. В холод и дождь Ван-син мерз и голодал. Так в горестях прошло несколько лет, маленькое стадо помещика стало большим, а Ван-син так и ходил в старой, залатанной одежде.

Помещик, видя, что овец стало много, дал в помощь Ван-сину мальчика. Чтобы мальчик мог побегать и поиграть, Ван-син всегда делал всю работу сам. Жадный помещик, выжимавший из бедняков все соки, приказал Ван-сину еще плести веревки. Ван-син в душе возмущался и думал про себя: «Цветы и трава на вершине горы и то живут лучше бедняка, они хоть получают дождевую воду, когда же придет конец нашим горестям?»

Однажды Ван-син и подпасок гнали овец на горное пастбище, вдруг неизвестно откуда послышался грохот, от которого задрожали горы, подпасок испугался. Ван-син внимательно прислушался, и ему показалось, что где-то блеет баран. Велев подпаску присмотреть за стадом, Ван-син направился к вершине горы.

Взобравшись на самый верх, он увидел на склоне противоположной горы белого как снег барана. Баран казался очень большим и очень жирным, его длинные изогнутые рога отливали серебром, баран смотрел на Ван-сина и блеял.

Ван-син удивился и обрадовался: «Я еще никогда не видел такого барана! Чей же он? И почему не видно пастуха?» Только он это подумал, как баран заблеял и стал взбираться на гору.

Ван-сину очень хотелось узнать, откуда взялся баран, но когда он взобрался на гору, где только что был баран, тот был уже на другой горе. А пастуха все еще не было видно.

Ван-син взбирался с горы на гору, и чем быстрее он это делал, тем быстрее бежал баран. Ван-син замедлял бег, баран тоже бежал медленнее; Ван-син не заметил, как солнце село за горы, он весь взмок и стал беспокоиться, сможет ли подпасок угнать стадо в деревню. А вдруг помещик заметит его отсутствие и начнет допрашивать мальчика. Чем больше он думал, тем больше волновался, уж лучше бы он не гнался за этим бараном. Только он подумал, что надо возвращаться, как снова послышался оглушительный грохот. Скалы, окружавшие Ван-сина, казалось, сдвинулись с места, баран исчез. Ван-син стоял в недоумении, затем вспомнил, что ему надо идти, тряхнул головой и двинулся в путь; сделал несколько шагов и остановился — огромная отвесная скала сдвинулась с места и загородила ему дорогу. Он хотел обойти ее и пошел налево, но и там была скала. Пошел направо, там тоже была отвесная стена. Тогда пастух остановился и внимательно осмотрелся — вокруг вздымались мрачные горы. Он поднял голову и увидел, что на небе уже зажглись звезды. Засучив рукава, Ван-син ухватился за ползучие растения и стал карабкаться вверх; он взобрался так высоко, что казалось, стоит протянуть руку — и дотронешься до луны. Но всякий раз перед ним вырастала гора. Сюда не залетали птицы, не взбирались серны. Ван-син выбился из сил и присел на камень, его мучила жажда. Незаметно он уснул.

Верно говорят: снится то, о чем думаешь. Приснилось Ван-сину, что пришел он в деревню, а там помещик безжалостно хлестает кнутом подпаска. Загорелось сердце Ван-сина гневом, подбежал он и отнял у помещика кнут. Как раз в это время его разбудил какой-то шум. Он гневно сверкнул глазами, но перед ним не было злого помещика, кругом высились лишь дикие горы, а луг, покрытый мягкой травой, которая блестела, как зеленые воды озера, смыкался со сверкающей гладью моря.

Чем больше он смотрел, тем больше удивлялся — куда он забрел? Вдруг за его спиной послышался грохот. Он быстро обернулся: прямо на него двигалась большая гора. Вот она очутилась перед ним и, едва не задев его, подпрыгивая, устремилась к морю.

На том месте, по которому пронеслась гора, среди травы распустились всевозможные цветы. Большое стадо белых как снег баранов щипало траву. Посреди стада стояла девушка-пастушка с блестящим кнутом в руках.

Ван-син очень обрадовался: «Наконец-то живого человека увидел, хоть спрошу, что это за место», — и он направился к девушке, но девушка уже заметила Ван-сина и пошла ему навстречу. Лицо у нее было румяное, а глаза большие, блестящие — на редкость красивые.

Не дожидаясь, когда Ван-син заговорит, пастушка первая обратилась к нему, словно к старому знакомому:

— Как ты рано пришел!

Ван-син не знал, что ответить, а пастушка продолжала:

— В полдень пойдем поедем!

Посмотрел Ван-син на девушку — платье на ней нарядное, шапочка красивая — и говорит:

— Ты, верно, обозналась, приняла меня за другого.

Рассмеялась девушка. Ван-син стал сердиться, он думал, что девушка смеется над его ветхой одеждой, но, оглядев себя, обнаружил, что одет в новое, сверкающее платье; никогда не было у Ван-сина нового платья, и ему стало не по себе.

Девушка перестала смеяться, она словно догадалась, что творится в сердце Ван-сина, и участливо сказала:

— Ты долго терпел нужду, а теперь будешь носить хорошее платье и есть досыта.

Затем она протяжно крикнула.

Подбежало стадо, бараны прыгали от радости. Все они были белые как снег, огромные и очень жирные, их длинные загнутые рога отливали серебром.

Ван-син с восхищением сказал:

— Бараны, видно, любят тебя! Чьи они?

— Если ты останешься здесь, мы будем вместе пасти их, и они будут принадлежать нам, — улыбаясь, ответила девушка.

Ван-син подумал: «Конечно, мне здесь будет хорошо, но как же подпасок?» И, покачав головой, он сказал:

— Не могу, должен вернуться.

Девушка опять словно прочитала мысли Ван-сина и поспешно сказала:

— Пусть и твой подпасок приходит сюда жить!

Обрадовался Ван-син и хотел было сказать: «Вот хорошо», — но слова замерли у него на устах, и он снова опечалился. Он вспомнил, что у подпаска есть старая мать, и если он уйдет, кто о ней будет заботиться? Есть у него еще и сестра, которая тоже живет в бедности и не может помогать родной матери: у мужа сестры много родственников. Ван-син думал-думал и решил, что звать сюда пастушонка не к чему.

— Что с тобой? — участливо спросила девушка. — Ты то радуешься, то печалишься. Расскажи о своих горестях.

— Не стану тебя обманывать, — со вздохом отвечал Ван-син, — я подумал, что хорошо будет лишь тогда, когда все бедняки будут хорошо жить.

Девушка выслушала его, подумала и говорит:

— Возьми этот волшебный кнут. Он исполнит любое твоё желание. Хлестнешь гору этим кнутом — гора тотчас же отодвинется; ударишь по ровному месту — образуется пропасть глубиной в десять тысяч чжан.

С этими словами девушка передала кнут Ван-сину.

Ван-син взял кнут, и чем больше смотрел на него, тем больше радовался. Это был поистине замечательный кнут: кнотовище сверкало золотом и было легче дерева, сам же кнут блестел серебром и был мягче кожи. Ван-син чуть было не запрыгал от радости. Только он хотел поблагодарить пастушку, как та наклонила голову, вынула из волос маленький белый цветок, оторвала лепесток, потянула его три раза пальцами, и он превратился в шелковый платок, белый как снег; девушка разостлала платок на земле, намочила палец росой, провела им три раза по платку, и на шелке появилось изображение: девушка с румяным лицом и большими блестящими глазами, точно такими, как у самой пастушки.

Ван-сину очень хотелось получить платок, но он постеснялся сказать об этом.

— Если хочешь, возьми его, — улыбнувшись, сказала девушка.

Ван-син взял платок и спрятал его за пазуху.

— Только смотри не потеряй, а то мы никогда больше не увидимся, — весело сказала пастушка.

Затем она сняла с себя ленту и сделала несколько шагов. Вокруг Ван-сина закрубились облака, и девушка и

бараны вдруг исчезли. Жаль было Ван-сину расстаться с этой доброй девушкой, и он громко крикнул:

— Когда мы встретимся?

Но голоса девушки не было слышно, лишь посвистывал ветерок. Вдруг Ван-син почувствовал, что поднимается в воздух, некоторое время его слегка покачивало, но вскоре он почувствовал, что ноги его снова коснулись земли. Ветер утих, облака рассеялись. Смотрит Ван-син — далеко в море вспыхивает красный свет, сам он стоит на вершине горы, а внизу, под горой, то самое место, где он с подпаском пас овец. День только занимался, и внизу еще никого не было.

Ван-син топнул ногой по скале и осмотрелся, перед ним расстилалось море. Он взглянул на кнут, сверкнувший золотом, нащупал платок, лежавший за пазухой, и радостно подумал: «Если загнать эти горы в море, не надо будет больше мальчугану пасти овец помещика, и на всех наших бедняков хватит земли». С кнутом в руках Ван-син побежал вниз.

Подбежав к подножью горы, Ван-син поднял кнут и крикнул:

— Горы! Горы! Ступайте в море!

С этими словами Ван-син взмахнул кнутом. Послышался грохот, от которого даже небо содрогнулось. И — о чудо! Горы, большие и малые, словно стадо послушных баранов, сталкиваясь и налетая друг на друга, со страшным грохотом двинулись в море. Поднялись голубые волны высотой в десять тысяч чжан, и из волн показалось много больших и маленьких островов.

В это время из моря поднялось красное солнышко. И увидел перед собой Ван-син бескрайнюю равнину — землю, похожую на черное масло, и пастбища с ярко-зеленой травой.

Запрыгал Ван-син от радости. И разделил всю землю между бедняками. Теперь не нужно было мальчику-подпаску пасти овец помещика, а крестьяне не стали арендовать помещичью землю.

Испугался помещик, пришел к Ван-сину и говорит:

— Уступи мне эти земли, а я дам тебе десять тысяч ланг золотом.

Но Ван-син не стал его слушать и ушел.

Видит помещик, что золотом не смутить сердца пастуха, и послал к нему сваху дочь свою сватать за Ван-

сина. Рассердился Ван-син и прогнал сваху. Вынул из-за пазухи платок, а с платка девушка ему улыбается. Смотрел он, смотрел, никак налюбоваться не мог. Ведь с тех пор, как он расстался с пастушкой, не было дня, чтобы он не думал о ней. И с кнутом ее не расставался.

Злой помещик разными хитростями узнал, что у Ван-сина волшебный кнут есть и что кнутом этим он загнал горы в море. Сообщил об этом помещик уездному чиновнику. А чиновник, услышав о такой удивительной вещи, решил, что посылать кого-нибудь ненадежно, и поехал сам.

Ван-син в это время работал в поле. Чиновник, помещик, стража, солдаты с мечами и копьями — все бросились на Ван-сина, чтобы отнять у него волшебный кнут. Хотел было Ван-син хлестнуть кнутом, да побоялся, что испортит поля земляков, и гневно крикнул:

— Пришло время отведать вам моего кнута!

И Ван-син побежал к берегу моря. Чиновник, помещик, стража и солдаты погнались за ним, сверкали копья, блестя мечами.

Ван-син добежал до берега моря, обернулся, золотые отсветы кнута легли на его лицо, он поднял кнут и с ненавистью хлестнул помещика и чиновника. Раздался удар грома, морской берег опустился, набежала огромная волна, которая поглотила чиновника, помещика, стражу и солдат и увлекла их на дно морское. Только Ван-син держался на поверхности моря, сжимая в руках легкий, сверкающий волшебный кнут.

Волны то поднимали Ван-сина, то опускали вниз, платье его намокло, намок и шелковый платок. Рискуя утонуть, Ван-син полез рукой за пазуху и вытащил платок, а платок вдруг затвердел и превратился в лодку, похожую на лепесток; в лепестке сидела девушка с румяным лицом и большими блестящими глазами. Она протянула Ван-сину руку и втащила его в лепесток.

Волны ударялись о лепесток, а лепесток все плыл и плыл и достиг, наконец, берега. Девушка помогла Ван-сину выбраться из лепестка. Сразу же со всех сторон к ним бежали белые как снег бараны. Девушка повернулась, взяла лепесток, на котором они приплыли, и он вдруг стал совсем маленьким. Тогда она воткнула его в цветок, а цветок прикрепила к волосам. Юноша с девушкой вместе пошли вперед. Ван-син шел, прижимая к груди сверкающий золотом волшебный кнут.

КАК ПАСТУШОК ДОБЫЛ У СОЛНЦА ТРИ ВОЛОСА

Жил когда-то князь по имени Лан Дан, и была у него дочь. Созвал однажды князь народ и говорит: «Решил я выдать дочь замуж. Брошу во дворце золотой шарик, кто его найдет — тот станет моим зятем и получит мой трон».

В назначенный день у дворца собралось множество людей. Князь взял золотой шарик и бросил его вверх. Шарик улетел очень далеко и упал около пастушка, который пас в горах овец. Пастушок подобрал шарик и поспешил к князю, рассчитывая жениться на его дочери.

— Иди достань у солнца три волоса, тогда и бери мою дочь, — сказал князь.

Приуныл пастушок, но делать нечего, собрался в путь и пошел на запад добывать у солнца волосы. Шел, шел и вдруг видит: вокруг дерева толпа собралась.

— Куда идешь? — спросил кто-то пастушка.

— Князь приказал мне добыть у солнца три волоса, — ответил пастушок.

А люди и говорят ему:

— Прежде плоды этого дерева могли оживить мертвых, а теперь оно засохло. Спроси у солнца, почему это произошло.

Пошел пастушок дальше. Шел, шел и вдруг видит: вокруг колодца люди собрались и о чем-то спорят.

— Куда идешь? — спросил один из них пастушка.

— Князь приказал мне добыть у солнца три волоса, — ответил пастушок.

А люди и говорят ему:

— Прежде вода из этого колодца могла оживлять мертвых, а теперь колодец пересох. Спроси у солнца, почему это произошло.

Побрел пастушок дальше, шел-шел и пришел к большой реке. Лодочник, седовласый старец, спрашивает пастушка:

— Куда идешь?

— Князь приказал мне добыть у солнца три волоса, — ответил пастушок.

А старый лодочник и говорит ему:

— Всю жизнь я занимаюсь тем, что перевозжу людей через реку. Мне уже шестьдесят лет. Узнай у солнца, почему никто не приходит сменить меня.

Пастушок обещал спросить, переехал через реку и скоро пришел к дому солнца.

Вошел — старушка седая сидит, мать солнца. Увидела она пастушка и спрашивает:

— Ты зачем пришел сюда?

Тогда пастушок рассказал ей о приказе князя и о том, что случилось с ним в дороге. Мать солнца была очень добрая женщина, она позвала юношу в дом, напоила его, накормила, а когда стемнело, сказала ему:

— Сын скоро вернется, ты спрячься в сундук.

Не успел пастушок шмыгнуть в сундук, как послышался страшный грохот и весь дом озарился ярким светом. Солнце-сын вошел в дом и спрашивает у матери:

— Почему это здесь человеческим духом пахнет?

— Ты день-деньской светишь для людей, вот и принес их дух в дом, — ответила мать.

Сын не стал спорить, поел и лег спать. Мать подождала, пока он заснул, и выдернула у него один волос. Сын проснулся и спрашивает:

— Что случилось?

— Мне только что приснилось, будто растет большое дерево, а вокруг стоят люди и говорят, что раньше плодами этого дерева можно было оживить умершего, а теперь дерево неизвестно почему засохло. Поэтому я и разбудила тебя, — сказала мать.

— В корнях дерева живет большая змея, от нее и засохло дерево, надо выгнать эту змею, и дерево оживет, — сказал Солнце-сын и захрапел.

Немного погодя мать выдернула у него второй волос, сын снова проснулся и спрашивает:

— Что случилось?

— Мне приснилось, будто вокруг колодца стоят люди и говорят, что раньше вода этого колодца исцеляла боль-

ных и оживляла мертвых, а теперь неизвестно почему вода пропала. Поэтому я и разбудила тебя, — сказала мать.

— На дне колодца живет большая лягушка, из-за нее-то в нем и нет воды. А если выгнать лягушку, то вода в колодце снова появится, — ответил сын и заснул.

Тогда мать выдернула третий волос. Солнце-сын снова проснулся и спрашивает:

— Что еще случилось?

— Никак не могу уснуть, сны одолевают. Только что я видела сон, будто на берегу большой реки живет старик, ему уже шестьдесят лет, всю жизнь он перевозит людей, а сменить его никто не приходит. Почему это? — спросила мать.

— Кто возьмет у этого старика весла, тот и заменит его, — сказал сын.

Рано утром, когда было еще темно, Солнце-сын ушел из дому. Старушка позвала юношу, рассказала ему все, что узнала у сына, и отдала ему три выдернутых волоса. Пастушок поблагодарил ее, простился и отправился на восток.

Когда он подошел к реке, старый лодочник спросил его:

— Узнал ты, о чем я тебя просил?

— Перевези меня на тот берег, тогда скажу, — ответил пастушок. Очутившись на другом берегу, он сказал:

— Кто возьмет у тебя весла, тот и сменит тебя, — и, боясь, как бы старик не отдал весла ему, пастушок бросился бежать.

Затем он пришел к колодцу, вокруг которого стояло множество людей, и сказал им:

— На дне колодца живет большая лягушка, выгоните ее — и в колодце снова будет вода.

Люди так и сделали, и в колодце снова появилась вода. В награду за хлопоты пастушку дали шесть ослов и двенадцать тюков с подарками.

Вскоре пастушок подъехал к тому месту, где стояло засохшее дерево, а вокруг множество людей.

— В корнях дерева поселилась большая змея, убейте ее — и дерево оживет, — сказал пастушок людям.

Люди послушались пастушка, сделали так, как он говорил, и дерево зазеленело. Пастушку подарили много золотых и серебряных вещей, и он отправился дальше.

Возвратившись на родину, пастушок отдал князю три волоса. Князь увидел, что у пастушка много всякого добра, отдал ему в жены свою дочь и уступил ему трон. Но в сердце князя поселилась зависть. Узнав, какой дорогой надо идти к солнцу, он захватил еду и пошел на запад. Когда он подошел к реке, старик лодочник отдал ему свои весла, с тех пор князь стал перевозчиком на этой реке и никак не может добраться до солнца.

МА-ЛЯН И ВОЛШЕБНАЯ КИСТЬ

Рассказывают, что давным-давно жил мальчик и звали его Ма-лян. Совсем маленьким остался он сиротой и жил тем, что собирал хворост и траву рвал. Мальчику очень хотелось выучиться рисовать, но он был так беден, что не мог даже кисть купить.

Однажды, проходя мимо школы, Ма-лян увидел, как учитель рисует. Мальчик вошел и говорит:

— Я очень хочу научиться рисовать. Не могли бы вы дать мне кисточку?

Учитель глянул на мальчика, плюнул ему в лицо и обругал:

— Ах ты оборвыш, рисовать хочешь? И не мечтай!
И выгнал Ма-ляна за ворота.

«Как же так? — подумал Ма-лян. — Неужели бедный мальчик не имеет даже права рисовать?»

Но Ма-лян был настойчивым. Каждый день, собирая в горах хворост, он веточкой рисовал на песке летящих птиц; на берегу реки, где рвал траву, рисовал на скале плывущих рыб, обмакнув палец в воду; вернувшись в пещеру, где жил, рисовал на стенах утварь и посуду — все четыре стены пещеры были сплошь покрыты рисунками.

Так, год за годом, не пропуская ни одного дня, Ма-лян учился рисовать и делал очень большие успехи: птицы, нарисованные им, казалось, вот-вот запоют, рыбы — вот-вот поплывут.

Однажды вечером Ма-лян лег на циновку и сейчас же заснул — он целый день работал и очень устал. Вдруг перед ним предстал седобородый старик, протянул ему кисть и говорит:

— Это волшебная кисть, рисуй ею.

Ма-лян взглянул на кисть — она сияла золотым светом. Мальчик обрадовался: «Какая хорошая кисть!» Он вскочил и сказал:

— Спасибо тебе, дедушка...

Не успел он договорить, как седобородый старик исчез. Ма-лян так удивился, что даже проснулся. Да, это был сон. Однако в руках у мальчика осталась волшебная кисть!

Этой кистью Ма-лян нарисовал птицу — она сразу же взмахнула крыльями, поднялась в небо и запела песню. Нарисовал рыбку — она вильнула хвостом, нырнула в воду и стала плескаться и играть. Мальчик очень радовался.

Теперь Ма-лян каждый день рисовал для бедняков: у кого не было плуга, для тех рисовал плуг; у кого не было мотыги, для тех — мотыгу; у кого не было светильника, для тех — светильник; у кого не было ведра, для тех — ведро...

Нет такого плетня, который не продувался бы ветром, — весть о волшебной кисти Ма-ляна дошла до ушей местного богача. Приказал богач своим прислужникам схватить и привести мальчика.

У Ма-ляна был твердый характер, и он знал, что у богатых жестокие сердца. Как богач ни запугивал, как ни уговаривал, он отказался рисовать. Тогда богач запер Ма-ляна в конюшню и велел морить его голодом.

Прошло три дня. Повалил густой снег и покрыл землю толстым слоем. Богач думал: если Ма-лян не умер с голода, то, наверно, замерз. Пошел посмотреть. Сквозь щели конюшни пробивался красный свет и доносился вкусный запах. Заглянул в щелку, видит, Ма-лян топит большую печь и ест жареные лепешки. Удивился богач: откуда взялись в конюшне печь и лепешки? «Не иначе как мальчик нарисовал их волшебной кистью». Разгневался богач, призвал слуг, велел им убить Ма-ляна и завладеть волшебной кистью.

Десять свирепых слуг ворвались в конюшню, но мальчика там не оказалось. У восточной стены они увидели лестницу и Ма-ляна, который взбирался по ней все выше и выше. Богач бросился по лестнице вслед за ним, но не успел сделать и трех шагов, как рухнул вниз. Поднялся с земли, а лестница уже исчезла.

Мальчик знал, что в деревне не спрячешься, только зря доставишь хлопоты людям; лучше всего спрятаться в другом месте. Он помахал в сторону своей деревни рукой и сказал, опечаленный: «До свидания, дорогие друзья!»

Потом нарисовал волшебной кистью коня, вскочил на него и поскакал вперед.

Проскакав немного, он услышал топот копыт, обернулся и в красном свете факелов увидел богача на быстром коне со стальным мечом в руке и человек десять — двадцать слуг.

Ма-лян, не торопясь, нарисовал лук и стрелу. Как только стрела коснулась тетивы, раздался свист — и богач упал с коня. А Ма-лян хлестнул своего коня хлыстом, и тот, словно на крыльях, помчался вперед.

Несколько дней и ночей подряд скакал Ма-лян и наконец очутился в небольшом городе, где и решил поселиться. Жил он тем, что рисовал картинки и продавал их на улицах. Он боялся, как бы его не узнали, и, чтобы картинки не оживали, рисовал животных и птиц либо без рта, либо со сломанными ногами.

Однажды нарисовал он аиста без глаз и нечаянно капнул тушью на голову птицы. Аист моргнув глазом, захлопал крыльями и улетел. Это всполошило весь городок. Завистники донесли императору, император послал чиновников, чтобы привезли мальчика в столицу. Ма-лян не хотел ехать, но чиновники разными хитростями все же увезли его.

Мальчик слышал много историй о том, как император обманывал бедных людей, и эти истории запали ему в душу. Разве можно рисовать для такого человека?

Император велел Ма-ляну нарисовать дракона — Ма-лян нарисовал жабу; велел нарисовать феникса — мальчик нарисовал ощипанную курицу. Жаба и курица получились гнусными, и на них противно было смотреть. Они запрыгали вокруг императора, распространяя ужасное зловоние. Скоро во дворце стало нечем дышать. Император разгневался, приказал стражникам отнять у Ма-яна волшебную кисть, а его самого бросить в тюрьму.

Овладев волшебной кистью, император стал сам рисовать ею. Прежде всего он нарисовал золотую гору. Нарисовав одну золотую гору, жадный император стал рисовать множество золотых гор. Но золотые горы вдруг превратились в груды больших камней, и один из них, со-

рвавшись с самого верха, упал императору прямо на ногу.

Но император был алчным. «Раз не получают золотые горы, — подумал он, — буду рисовать золотые кирпичи!» Нарисовал маленький кирпич, потом — побольше и, наконец, — длинный-длинный. А тот вдруг превратился в длинного-длинного удава, который, раскрыв пасть, бросился на императора. И если бы не подоспели чиновники, удав проглотил бы перепуганного насмерть владыку.

Пришлось императору отпустить Ма-ляна. Притворившись добрым, он дал мальчику золота и серебра и пообещал выдать за него замуж свою дочь и сделать его своим наследником.

А Ма-лян уже придумал хитроумный план и согласился.

Император обрадовался и отдал ему волшебную кисть.

Император думал: «Чем рисовать горы, где водятся дикие звери, лучше уж рисовать воду». И приказал Ма-ляну нарисовать море.

Ма-лян взмахнул кистью, и перед императором появилось безбрежное, прозрачное море. Голубая вода сверкала, как нефритовое зеркало.

Император спросил:

— А почему в море нет рыб?

Ма-лян поставил волшебной кистью несколько точек, и в море появилось множество разных рыб. Виляя хвостами, играя, они медленно уплыли в глубины моря.

Император еще больше обрадовался и сказал Ма-ляну:

— Скорее рисуй корабль! Я хочу выехать в море.

Ма-лян нарисовал большой деревянный корабль, и император вместе со своими женами, сыновьями, дочерьми и множеством чиновников взошел на него. Ма-лян несколькими взмахами кисти нарисовал ветерок, по морю пошли волны, и деревянный корабль поплыл.

Император стоял на носу корабля и, видя, что корабль плывет медленно, закричал: «Больше ветра! Больше ветра!»

Ма-лян сделал несколько резких мазков кистью — подул ветер, море взволновалось, паруса надулись, и корабль понесся в открытое море.

Ма-лян взмахнул кистью еще несколько раз — ветер стал сильнее, море забурило, заходили волны, корабль накренился.

— Хватит ветра, хватит ветра! — закричал император во все горло.

Но Ма-лянь, не обращая на него внимания, добавил еще ветра — и волны захлестнули корабль.

Император, промокнувший до костей, ухватился за обломок мачты, кричал и махал рукой Ма-ляню.

Ма-лянь притворился, что не слышит его, и продолжал рисовать. Ветер стал еще сильнее, появились тучи и закрыли небо и землю; разбушевались волны, они вставали как стены и обрушивались на корабль. Корабль перевернулся, рассыпался на куски, император и все чиновники пошли ко дну.

С тех пор как утонул император, из уст в уста стала передаваться сказка о Ма-ляне и волшебной кисти. Но куда девался после этого сам Ма-лянь, никто не знает.

Некоторые говорят, что он вернулся в свою деревню и живет вместе с крестьянами.

ЖЕНИТЬБА ФЕНИКСА

Говорят, что пионы в Лояне — самые красивые во всей Поднебесной. Я не был там. А вот в Шаньдуне, в округе Цаочжоу, каких только пионов нет: и темно-красные, и бледно-розовые, и желтые, словно вылепленные из янтарного воска. Некоторые люди даже живут тем, что выращивают пионы, а потом продают их. История, которую я хочу рассказать вам, как раз и случилась в округе Цаочжоу.

Жил на свете юноша, и звали его Ван Юй. Жил он один-одинешенек на восточной окраине деревни и выращивал там пионы. Славным садовником был Ван Юй! И семена у него, кажется, обыкновенные, как у других, а таких прекрасных пионов ни у кого не было: головки большие, яркие и сочные зеленые листья.

Однажды весной пошел Ван Юй к речушке по воду, чтобы цветы свои полить. Вода в реке чистая, прозрачная, а берега зеленые, изумрудные. Подошел он к реке, глядь, а под ивой девушка сидит, одежду стирает. Платье на ней старое, рваное, а сама красивая — будто ветка цветущей сливы. И молоденькая такая! Подняла она голову, взглянула на Ван Юя и снова принялась стирать. Сколько коромысел воды перетаскал Ван Юй, сколько веток нарезал, трудно сказать. Время уже к полудню близилось, а девушка все работала и работала. Хотел было Ван Юй окликнуть ее, да раздумал, — неловко как-то. Пошел он домой, пообедал, вернулся — видит, девушка все еще стирает. Опять стал Ван Юй воду носить, цветы поливать. Пригляделся повнимательнее к девушке, а у нее слезы глаза застилают. «Что печалит ее, — подумал Ван Юй, — может, я смогу чем-нибудь помочь ей?»

— Почему ты все работаешь и не идешь обедать, ведь время уже за полдень? — спросил он девушку.

Поняла красавица, что спрашивает ее Ван Юй от чистого сердца, и рассказала ему всю правду о себе. Звали девушку Ин-чжу. Ее мать вышла второй раз замуж и взяла Ин-чжу с собой в деревню, что к востоку отсюда. Жестокий отчим обращается с ней хуже чем со скотиной. Даже овощей и рисовых отрубей не дает поесть досыта.

Выслушал ее Ван Юй, и гнев закипел в сердце его. Жалко ему стало девушку. Быстро сбежал он домой, принес супа и риса. Обрадовалась Ин-чжу. Вот уж поистине: в первый раз люди увидятся — чужими себя чувствуют, во второй раз встретятся — друзьями становятся. Ван Юй частенько, украдкой от отчима, приносил девушке еду, а она также тайно одежду ему стирала. Полюбили они друг друга. И вот однажды Ин-чжу спрашивает Ван Юя:

— Ван Юй, а Ван Юй, уж не бессмертный ли ты шэньсянь, спустившийся с неба, или, может быть, ты сын царя драконов?

Не понял Ван Юй, почему она его так спросила, улыбнулся и отвечает:

— Я не шэньсянь и не сын царя драконов, я — простой смертный.

Рассмеялась Ин-чжу, покраснела и говорит:

— Ну, раз ты не шэньсянь и не сын царя драконов, то какая жена тебе нужна?

Тут Ван Юй догадался, в чем дело, и на другой же день послал сваху в дом Ин-чжу. Отчим зло рассмеялся и говорит:

— Кто в моем доме живет, тот мне и принадлежит. Дашь за Ин-чжу восемьдесят лянов серебра — сговоримся, не дашь — не о чем нам с тобой разговаривать.

— Раз моя Ин-чжу так хороша, — добавила мать, — то уж лучше я найду ей дом с большими воротами и высокими дверьми.

А Ин-чжу в это время притаилась под окном и все слышала. Опечалилась она и рассердилась. Обидно и горько ей стало. В глазах потемнело, и упала она без чувств.

Ван Юй был беден, где мог он раздобыть столько серебра? Сватовство не вышло, и Ин-чжу от горя захворала.

Вернулся Ван Юй домой и снова стал воду таскать, ионы поливать. Но что бы он ни делал, все думы его об одной Ин-чжу были. Смотрит на речку и вздыхает: «Вода в реке течет быстро, когда же, Ин-чжу, твоя болезнь прой-

дет?» Ухаживает Ван Юй за пионами, а сам об Ин-чжу грустит: «Пионы вот-вот распустятся, когда же наша любовь расцветет?» Еда не казалась Ван Юю такой вкусной, и не видел он больше сладостных снов.

Никто не знал, почему Ван Юй сохнет.

А пионы расцвели на редкость красивые, там были и красные и фиолетовые, всех цветов и оттенков не перечтешь — зеленые листочки поддерживали бутоны и были похожи на изумрудные блюдца, а Ван Юй ходит около цветов и поливает их горячими слезами. Никто не видел, чтобы он хоть раз улыбнулся. Стали люди уговаривать Ван Юя:

— Забудь, Ван Юй, о ней. Ведь если собрать все твое маленькое хозяйство, и даже все, что есть у твоих родственников и друзей, все равно не выручить и ста лянов.

Но Ван Юй в ответ лишь печально улыбался, а сам думал: «Из-за меня Ин-чжу заболела. Как мне выволочить ее от злого отчима? Где взять столько серебра?»

В тот вечер Ван Юю и еда в рот не шла, и дома ему не сиделось. Вышел он во двор — до чего же луна яркая! «Может быть, пойти в сад поработать, все на сердце легче станет». Вышел он из дому и сам не заметил, как пришел к пионам. Озаренные лунным светом, пионы блестили, словно хрустальные. Ветерок едва шевелил тени кустов. Но Ван Юй не замечал всей этой красоты. Вдруг он заметил в глубине сада мужчину и женщину. Ван Юй догадался, что это влюбленные, и, чтобы не помешать им, тихонько пошел к дому. Всю ночь не сомкнул Ван Юй глаз. А на другой день рано утром снова пошел в сад. Бутоны все распустились, а один куст, тот, что в середине сада, был особенно высок и прекрасен: на одном стебле распустились пионы пяти оттенков. Казалось, солнце освещало этот куст ярче, чем остальные, и жемчужинки росы на лепестках распространяли едва уловимый нежный аромат. Подошел Ван Юй к этому кусту и вспомнил, что влюбленные стояли именно здесь. Посмотрел кругом и видит, что земля разрыхлена и нет на ней даже самого легкого следа. Подивился юноша: ведь люди не бабочки и не пчелы, не могли же они стоять на лепестках или на листьях. Нагнулся, посмотрел, — нет, никаких следов не видно. Лишь под одним листочком заметил он изумрудное перышко. Взял его Ван Юй в руки, упал тут на перышко луч солнца, и стало оно излучать такой яркий свет, что даже ладони

Ван Юя покраснели. Понравилось Ван Юю перышко, взял он его с собой, чтобы показать потом Ин-чжу. Вернулся домой, положил перышко на столик и ушел в сад. Вернулся поздно вечером из сада, взглянул на столик, а перышко сияет словно звездочка. Подошел Ван Юй к столу, а перышко вдруг на пол упало, сверкнуло и стало расти, расти и превратилось в сверкающего всеми цветами Феникса.

— Я — царь птиц, вчера вечером ты сделал для меня доброе дело — не помешал нам. Какая у тебя печаль, расскажи мне обо всем, — сказал Феникс.

Ван Юй обрадовался и спросил:

— А можешь ли ты сделать так, чтобы я увидел Ин-чжу?

Не успел он это проговорить, как Феникс улетел.

А Ин-чжу, как упала тогда без чувств, так не скоро пришла в себя. Целыми днями думала она о Ван Юе, и болезнь ее день ото дня становилась все тяжелее. Потом девушка и вставать не могла...

В тот день лежала она на кане и слезы лила: никогда не увидит она больше Ван Юя. Сердце ее пылало огнем. Вдруг комната наполнилась светом, протерла Ин-чжу глаза, а перед ней Феникс стоит. Словно по волшебству, поднялась она с кана и, плавно летя по воздуху, опустилась во дворе Ван Юя. То ли потому, что увидела Феникса, то ли потому, что обрадовалась Ван Юю, забыла Ин-чжу о своей болезни.

Феникс улетел на восток, а Ван Юй и Ин-чжу радостные вошли в дом. Прежде Ван Юю ночи казались длинными, тут он досадовал, что время так быстро летит. Не успели они наговориться, как пробило полночь и прилетел Феникс.

— Ты побудь на улице, — попросил его Ван Юй. — Луна так хороша, и пионы расцвели, а мы посидим еще немного.

Согласился Феникс и улетел.

Раньше Ин-чжу ждала рассвета, и он долго не наступал, а сейчас небо быстро посветлело, исчезла луна и опять прилетел Феникс.

— Лети, Феникс, обратно. Будь тут кирпич вместо подушки и небо вместо одеяла, я все равно не вернусь в дом к отчиму, — сказала Ин-чжу.

Согласился Феникс и улетел. А Ван Юй и Ин-чжу собрали свои вещи и хотели было убежать в другую де-

ревню, как вдруг в дом вошли мужчина и женщина. Ван Юй тут же узнал их — это были те самые влюбленные, которых он видел ночью у себя в саду. Женщина была настоящей красавицей. На мужчине был ослепительно яркий, разноцветный наряд. Ван Юй и Ин-чжу даже привстали от удивления, а женщина обратилась к Ван Юю:

— Ты много лет ухаживал за мной, и вот сегодня я пришла проститься с тобой.

Ван Юй недоумевал, ведь раньше он никогда не видел эту женщину, как же он мог ухаживать за ней. Сомнение закралось в его сердце.

— Я дам тебе три плоских камня, — сказал мужчина, — поставь их в виде больших ворот, заходи туда и бери, что понравится, только помни хорошенько: как войдешь — не произноси ни слова.

С этими словами он протянул Ван Юю три темных камня, блестящих и гладких. Не успел юноша слова сказать, как мужчина и женщина исчезли.

Ван Юй и Ин-чжу вышли заворота, но и там ничего не увидели. Только в небе сверкнули два расписных паланкина, окруженные множеством птиц, а через мгновение и они исчезли. Близился рассвет. Ван Юй и Ин-чжу побежали в сад, смотрят, а самого большого куста пионов нет. Понял тут Ван Юй, что женщина и была самым красивым и высоким пионом в его саду, а мужчина — Фениксом.

Поставил Ван Юй три камня, и выросли перед ним высокие ворота. Вошел, а там — налево лежит золото, направо — серебро, дальше — медь, железо, изумрудная яшма и драгоценные камни. Чего только там не было! Взял Ван Юй горсточку серебра и вышел, а на земле попрежнему лежат три камня. Ин-чжу с нетерпением ждала его. Увидела она, что Ван Юй принес серебро, удивилась и обрадовалась. Пошел Ван Юй в дом к Ин-чжу и отдал серебро отчиму. Тот взял серебро и согласился отдать Ин-чжу.

С тех пор Ин-чжу и Ван Юй стали жить вместе. Жили они дружно. Ван Юй усердно работал в саду, а Ин-чжу разводила огонь и готовила ему пищу.

Однажды в дом к Ван Юю пришли мать и отчим Ин-чжу. Не успел отчим сесть, как сразу же заговорил о том, что хочет получить еще серебра. Достал Ван Юй свои камни, поставил их, и сразу же появились большие ворота. Ван Юй и говорит отчиму:

— Войди в ворота и бери все, что понравится, только ни слова не произноси.

Отчим вошел в ворота, выбрал большой слиток золота, вынес его, положил и говорит жене:

— Теперь давай войдем вместе, так мы сможем унести гораздо больше золота.

Вошли они в ворота вдвоем. Опять взял отчим большой слиток золота. И вдруг видит, что у жены в руках медь. Заволновался, забыл о словах Ван Юя и как крикнет:

— Да это же медь!

Только произнес он это, как стало совсем темно и вокруг выросли каменные стены.

Ван Юй и Ин-чжу увидели, как рухнули ворота, три камня исчезли, и лишь где-то вдалеке гулко отозвалось эхо. Перепугались они, а вскоре узнали, что рухнула большая гора, где-то на северо-западе.

С тех пор отчим и мать Ин-чжу больше не появлялись и никто не знал, где они.

ТАЙ-ШАНЬ

Жил на свете один бедный мальчик, звали его Тай-шань. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, его послали в обучение к плотнику Лу Баню. А у плотника этого было правило: каждый ученик должен был сначала поработать несколько лет у него в доме, и только после этого Лу Бань начинал обучать его ремеслу. С самого детства Тай-шань был очень смысленным и теперь стал думать: «Я пришел сюда, чтобы учиться, зачем же выполнять различные поручения по дому?» Думал он, думал и придумал хитроумный план. С тех пор Тай-шань стал нарочно разбивать чашки, горшки, чем очень сердил жену плотника. Но вот наконец приехал еще один ученик, и жена Лу Баня отпустила Тай-шаня в мастерскую.

В то время Лу Бань славился на всю Поднебесную. Учеников у него было очень много и обучать каждого в отдельности он не мог. Поэтому во время работы ученики стояли рядом и смотрели, что он делает. Много вопросов задавать им не разрешалось. Однако Тай-шань очень часто задавал вопросы. То об одном спрашивал, то о другом. «Этот топор очень тяжел и неудобен, — скажет он, бывало, — нельзя ли переделать его так, чтобы он был легким и удобным? Этот верстак чересчур длинный, нельзя ли сделать его немного короче?» Часто его вопросы так злили Лу Баня, что он хватал какой-нибудь инструмент и, зло тараща глаза, кричал:

— Ах ты болван! Глупец! Всю жизнь я работаю именно так! Не спрашивай больше ни о чем, не то я тебя выгоню!

Однажды утром Лу Бань с несколькими учениками отправился в горы рубить деревья. Когда они проходили

через густую бамбуковую рощу, Тай-шань не выдержал и сказал:

— Учитель, взгляните, здесь так много хорошего бамбука. Он покрывает все горы. Разве он не годится для нашей работы?

Услышал это Лу Бань и очень рассердился:

— Разве настоящие плотники делают что-нибудь из этого бамбука? Когда ты перестанешь задавать мне всякие дурацкие вопросы? Мне не нужен такой глупый ученик. Забирай свои вещи и убирайся!!

Так учитель и выгнал Тай-шаня...

Окрестные помещики часто приглашали Лу Баня к себе работать. В пути его нередко заставали дождь и ветер, поэтому он построил вдоль дороги много беседок. Однажды, когда Лу Бань возвращался домой с работы, его застала гроза, и он побежал прятаться в беседку. Радостно стало у него на душе: «До чего же я умен, понастроил беседок и теперь не боюсь никакого дождя». Дождь шел до самого вечера. Стало холодно. Лу Бань замерз и проголодался. Вдруг он увидел человека. В руках у него была какая-то круглая вещь, которую он держал над головой, чтобы укрыться от дождя. «Какой умный человек! Выдумал такую хорошую штуку. Я всю жизнь работаю, а выдумал всего лишь беседки, которые не возьмешь с собой. Кто же этот человек? Попрошу-ка я его поучить меня». Человек вошел в беседку, сложил свою круглую штуку, низко поклонился Лу Баню и сказал: «Учитель!» Лу Бань удивился, внимательно присмотрелся и вдруг увидел, что это — дурак Тай-шань, которого он когда-то выгнал. Горько и обидно стало ему, и он сказал:

— Есть у меня глаза, а горы Тайшань не заметил!

Затем он вытащил из своего мешка уровень и выбил себе один глаз. С тех пор плотники, когда проверяют, ровно ли оструганы доски, прищуривают один глаз. А круглая штука, которую сделал Тай-шань, — самый обыкновенный зонтик. Тай-шань, после того как его выгнал учитель, неустанно думал над тем, что можно сделать из бамбука. И придумал очень много полезных вещей.

ДИКИЕ ГУСИ

Дикие гуси никогда не живут спокойно: весной они перелетают с севера на юг, а осенью — с юга на север. Взлетают они друг за другом, образуя цепочку в виде иероглифа «—», а затем выстраиваются в воздухе косяком в виде иероглифа «人».

Просто удивительно, до чего же строгий порядок сохраняют они при полете. Однако, если разобраться, то в этом нет ничего удивительного.

Было время, когда гуси летали без всякого порядка. Днем, пока еще было светло, они летели без передышки и очень уставали, а к ночи опускались стаями на берегах рек и крепко засыпали, забившись в траву, схоронившись за камышом. Но не все гуси засыпали — один из них, когда наступал его черед, оставался сторожить на ночь.

Старые гуси хорошо знают: днем, когда летишь высоко и все вокруг хорошо видно, охотнику не достать тебя; ночью же, когда усталость сморит и все заснот, охотник легко может застать спящих врасплох и убить. Наученные горьким опытом, гуси стали оставлять на ночь сторожевых.

Говорят, была одна стая диких гусей, крепко спянных родством. Целый день без отдыха летела эта стая, возглавляемая старым вожаком, а к вечеру садилась в зарослях травы на речном берегу и засыпала. Назначив на ночь сторожевого, старый гусак никак не мог успокоиться, — недаром говорят, что «старики не отдыхают душой, а молодые — телом».

Стал гусак наставлять сторожевого:

— Сегодня пришла твоя очередь сторожить. Смотри, не смыкай глаз до самого рассвета. Будь все время настороже, зорко смотри по сторонам. Как только услышишь шаги или заметишь вспышку огня, так немедленно хлопай

крыльями и кричи: «Это охотник зажег фитиль¹, чтобы убить нас!»

— Дедушка, — нетерпеливо прервал его сторожевой, — успокойся и иди спать, я все знаю.

— Знаешь, ну и ладно. Ты еще молодой и не испытал горя. Так смотри, будь осторожен.

— Я буду осторожен. Что еще? Только и твердишь об одном, лучше поспал бы.

Старому гусаку нечего было больше сказать, и он отправился спать вместе с другими гусями.

Стояли последние осенние дни, начиналась зима. Ночи были холодные, а тут еще погода испортилась, завыл ветер и с неба хлопьями повалил снег.

Дозорный сторожил до полуночи, устал, измучился и продрог. Глядя на дедушку, бабушку, отца, мать, братьев и сестер, которые сладко спали в траве, выгнув шеи и спрятав головы под крыло, он злился и завидовал им.

«Вот не везет! Как нарочно, в мое дежурство выпала такая скверная погода, — сказал он самому себе, взглянул на небо и добавил: — Скоро рассветет, кто в такое ненастье решится пойти на охоту? Столько ночей сторожу и ни разу не встретил охотника. Было бы просто удивительно, если бы он именно теперь явился. Скоро ночь кончится, а я все бодрствую. А как сладко в такую погоду спать!»

Задумано — сделано. Сторожевой поворчал еще немного, но усталость сморила его, и он недолго думая залез в траву и тут же заснул.

А у тех, кто охотится на гусей, есть свой расчет: они знают, что на рассвете сторожевым гусям приходится очень трудно, особенно в плохую погоду. Тогда-то охотники с огнестволками и выходят на промысел.

Кто стремится к чему-то, тот своего добьется. Охотник пришел к берегу реки, поискал-поискал — и нашел стаю диких гусей. Он поднял ружье, прицелился и поднес к нему фитиль. Раздался выстрел, взметнулось вверх облачко дыма. В воздух взлетел только один гусь, остальные были убиты. Улететь удалось только вожаку. Старый гусак даже во сне не переставал тревожиться за судьбу своих близких и был все время начеку. Услышав шорох, он тут

---

¹ Раньше при охоте на гусей охотники всегда носили с собой горящий фитиль, которым в момент выстрела поджигали порох. Делалось это ловко и быстро в любую погоду невзирая на ветер и снег.

же проснулся, но не успел разбудить остальных, — охотник уже выстрелил. Ему пришлось улететь, хотя горе снадало его.

Эту печальную историю старый гусак передал всем другим гусям. Из-за неосторожности «одного» все его родные были убиты «человеком». А гуси, узнав эту печальную историю, стали не только осторожнее, но и сделали так, чтобы и будущие поколения никогда не могли ее забыть: стали летать или цепочкой в виде иероглифа «один» или косяком в виде иероглифа «человек».

И теперь каждый раз, когда приходит весна или кончается осень, в небе можно заметить косяки диких гусей. Их стройные ряды рисуют на синем небе четкие иероглифы «один» и «человек». Огибая белые облака, они летят вперед в поисках лучшей жизни.

ХВАСТЛИВАЯ ЛАСТОЧКА

Случилось это у речки, на берегу которой росли ивы, а возле самой воды зеленела трава. Одна маленькая ласточка села на ветку, захлопала крыльями и весело закричала:

— Цзи-ва, цзи-ва, цзи-ва...

А на другом берегу на иву села кукушка и тоже весело закуковала, вытянув шею:

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Услышала ее ласточка и рассердилась:

— Как смеет эта безголосая кукушка кричать при мне! Вот бессовестная!

Не успела она сказать это, как из травы, квакнув, выскочила жаба.

— Ласточка, ты прямо заворзжила меня, — такое прекрасное произношение!

— Да, голос у меня неплохой! — отвечает та. — Не знаю, найдется ли среди птиц кто-нибудь искуснее меня? И едва ли есть на свете птица, у которой был бы такой грубый голос, как у кукушки!

— Э! — поторопилась вмешаться жаба. — Словам не всегда можно верить.

— Если б не было гор, то не было бы и равнин, — рассердилась ласточка. — Ну, ладно! Зови кукушку, посмотрим, кто из нас гора, а кто равнина.

— Вот это правильно, — сказала жаба, переплыла реку и спросила кукушку, хочет ли она соревноваться с ласточкой. Та в знак согласия кивнула головой и вслед за жабой перелетела на другой берег.

— Ну, в чем же вы будете соревноваться? — спросила жаба.

— Ясно в чем, в искусстве произношения! — сказала

ласточка, не дав кукушке и слова вымолвить. — Давайте считать до десяти. А вы, сестрица жаба, подадите нам знак и будете судьей. Кто первым закончит счет, тот значит и искусней, а кто закончит счет последним — тот болван!

— Пусть будет по-твоему, — согласилась кукушка.

Когда переговоры были закончены, жаба квакнула, и соревнование началось.

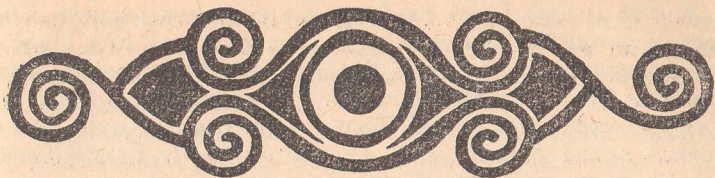
Ласточка наклонила головку, разинула клюв и зачистила, будто жемчужины рассыпались:

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь...

Кукушка вытянула шею, раскрыла клюв и, не торопясь, начала считать:

— Два пятка, два пятка, два пятка и еще два пятка...

— Ласточка, скорее закрой свой клюв, — расхохоталась жаба, — пока ты досчитала до «восьми», кукушка добралась уже до четвертого десятка!

МОНГОЛЬСКИЕ СКАЗКИ

СКРИПКА «МАТОУ»¹

Говорят, первую скрипку «матоу» сделал молодой пастух из Чахарских степей по имени Сухэ.

Жил Сухэ вдвоем с матерью, и не было у них ничего, кроме двадцати овец. Днем Сухэ пас стадо, а утром и вечером помогал матери готовить еду. В семнадцать лет Сухэ выглядел совсем взрослым; у него был чудесный голос, и все пастухи в округе любили слушать его пение.

Однажды Сухэ долго не возвращался с пастбища. Солнце уже начало садиться, с каждой минутой становилось все темнее, а Сухэ все не было. Не только старая мать Сухэ, но и все соседи-пастухи начали тревожиться, как вдруг Сухэ появился. Он нес что-то белое и пушистое. Соседи обступили его со всех сторон. На руках у Сухэ лежал крошечный жеребенок. Заметил Сухэ удивленные взгляды и говорит:

— Возвращался я домой и вдруг увидел этого малыша. Лежит себе, растянувшись, на земле. Вижу, никто за ним не смотрит, матери поблизости нет, побоялся я, что ночью его волки загрызут, и решил взять с собой.

Дни бежали за днями, Сухэ заботился о жеребенке, и вскоре тот превратился в красивого и сильного коня с белоснежной шерстью; все любили его, но больше всех любил его Сухэ.

¹ Матоу — буквально: кости лошади.

Как-то ночью Сухэ разбудило тревожное ржание. Он сразу вспомнил о Белом Коне и выскочил из юрты. Из заюта доносилось испуганное бляение овец. Осмотрелся Сухэ и заметил большого серого волка. Тот собирался броситься на свою жертву, но Белый Конь преградил ему путь. Сухэ прогнал волка и подошел к своему любимцу. Белый Конь был весь в мыле. Понял Сухэ, что волк пришел сюда уже давно и Белому Коню пришлось немало претерпеть, охраняя овец. Сухэ осторожно отер с коня пот и тепло проговорил:

— Белый Конь! Сколько тебе пришлось вынести!

С тех пор Сухэ и Белый Конь стали друзьями и никогда не разлучались.

Быстро бежало время. И вот однажды весной в степь пришла весть, что хан устраивает около кумирни конные состязания. Говорили, что дочь хана хочет выбрать себе в мужья лучшего наездника, что хан отдаст ее в жены тому, кто будет на скачках первым. Услыхал об этом и Сухэ. Друзья стали уговаривать его отправиться на состязание со своим Белым Конем. Наконец Сухэ согласился и тронулся в путь.

И вот состязания начались. Много там было ловких и лихих наездников; их кони под ударами кожаных хлыстов летели вперед, словно ветер, но Сухэ на своем Белом Коне всех оставил позади.

— Приведите ко мне всадника, скакавшего на белом коне! — приказал хан.

Когда Сухэ поднялся на возвышение, где сидел хан, тот увидел, что победитель простой пастух. Не захотел хан родниться с ним и решил схитрить:

— Я дам тебе три серебряные монеты, оставь мне лошадь, а сам возвращайся домой!

Услышал это Сухэ и рассердился:

— Я приехал состязаться, а не торговать. Да и как могу я продать Белого Коня?!

— Ты осмеливаешься перечить мне, нищий пастух?! Эй, люди! Схватить этого голодранца да задать ему хорошую трепку!

Не успел хан договорить, как на Сухэ градом посыпались удары.

Сухэ избили до полусмерти и бросили на землю. А хан забрал его лошадь и с гордым видом отправился во дворец.

Друзья отнесли Сухэ домой. Его старая мать так заботливо ухаживала за ним, что через несколько дней он уже поправился. И вот однажды вечером, когда Сухэ

собирался лечь спать, услышал он у юрты шорох. Спросил, кто там — никто не отвечает. Шум снаружи не утихал. Тогда мать откинула полог, и — о радость! — перед ней стоял Белый Конь!

Сухэ выскочил из юрты. Это действительно вернулся Белый Конь. Семь или восемь острых стрел торчали у него в боках, он весь обливался потом. Стиснул Сухэ зубы и с болью в сердце принялся вытаскивать стрелы. Из ран ручьями хлынула кровь. На другой день Белый Конь умер.

А произошло вот что. Заполучив такого хорошего коня, хан страшно обрадовался. И вот в один прекрасный день приказал он накрыть праздничные столы и пригласил своих друзей отпраздновать это событие. Ему хотелось показать всем, какая у него прекрасная лошадь, — и он приказал стражникам привести Белого Коня.

Только хан взобрался на него, как Белый Конь поднялся на дыбы и сбросил его на землю. Освободившись от всадника, Белый Конь вырвался из толпы и помчался прочь.

— Ловите его! А не поймаете, пристрелите! — закричал хан.

Стрелы лучников бешеным градом посыпались на Белого Коня. Но тот все-таки добежал до дому и умер на глазах у своего любимого хозяина.

Долго горевал Сухэ после смерти Белого Коня, несколько ночей подряд не смыкал он глаз. И вот однажды ночью приснилось ему, что Белый Конь ожил. Он гладил его, а конь, ласкаясь, говорил:

— Хозяин, как ни печалься, а ничего ты не придумаешь. Хочешь, мы всегда будем вместе и я буду помогать тебе разгонять скуку? Сделай скрипку из моих костей и сухожилий!

Проснулся Сухэ и, как велел ему Белый Конь, взял его кости, сухожилия и хвост и сделал скрипку. Всякий раз, когда он брался за смычок, он вспоминал о своей ненависти к хану, о том, как весело было скакать верхом на Белом Коне, который несся как ветер. И когда он думал об этом, звуки скрипки становились еще прекраснее. С тех пор скрипка «матю» стала утешением степных пастухов: волшебные звуки заставляют их забывать об усталости, и они могут слушать скрипку часами.

ЛЕГЕНДА ОБ ОХОТНИКЕ

Когда-то среди степей Монголии стоял дремучий Черный лес. Жили в этом лесу ядовитые змеи и хищные звери. Они часто выходили из леса и нападали на людей. Все обходили этот лес за много ли, а местные охотники не решались в нем охотиться — полгода назад тигры и леопарды загрызли там двух юношей. Все это очень беспокоило охотников, их мучил стыд, но что делать, они не знали.

И вот один молодой охотник по имени Уэнь решил избавить людей от беды. Как только люди заговаривали о Черном лесу, Уэнь поднимался и уходил, не говоря ни слова. Все ночи напролет при лунном свете он упражнялся в стрельбе из лука и через сто дней так наловчился, что без промаха попадал в цель на расстоянии ста двадцати шагов. Но об этом никто не знал, кроме его матери.

И вот однажды решил Уэнь попробовать свои силы — пострелять зверей. Взял он лук и стрелы и рано утром отправился в небольшой лесок. Смотрит: кругом пусто, даже заяц не пробежит. Встревожился Уэнь, вдруг видит: старый коршун за маленьким жаворонком гонится. Решил Уэнь спасти жаворонка и наказать хищника. Быстро вскинул лук, стрела засвистела и пронзила голову коршуна. Жаворонок был спасен.

С радостью в сердце повернул было Уэнь к дому, чтобы обо всем рассказать матери, как вдруг увидел прекрасную девушку — платье на ней так и сверкает. Вспомнил Уэнь рассказы стариков о фее-жаворонке и так и застыл на месте: не знает, радоваться ему или бояться. Только хотел он вымолвить слово, как девушка заговорила:

— Добрый юноша! Я фея-жаворонок. Ты спас мне жизнь, и я хочу отплатить тебе за это добром. Говори, что тебе надо, и я исполню любое твое желание.

— Ничего мне не нужно. Дай только коня, самого лучшего в мире.

— Хорошо, — проговорила фея. — Я знаю, где найти такого коня. Конь этот волшебный. Кто завладеет им, будет счастлив всю жизнь. А теперь слушай внимательно, что я тебе скажу. Иди на север, иди, пока не увидишь озеро. Каждый день, когда восходит солнце, волшебный конь приходит на берег этого озера. Тут ты и должен поймать его. Но запомни: как бы конь ни упрямился, как бы ни вставал на дыбы — ни за что не отпускай его.

У юноши разгорелись глаза, а фея вдруг исчезла, только над головой белый жаворонок пролетел.

Уэнь стоял и повторял про себя слова феи. В душе у него все пело. Он со всех ног бросился домой.

Увидела мать сияющее лицо Уэня и спрашивает:

— Какая у тебя радость, сынок? Скорее расскажи мне, хорошо пострелял?

Уэнь взглянул на доброе морщинистое лицо матери и после минутного колебания рассказал ей о своей встрече с феей и о своем решении. Услышав эти слова, мать и обрадовалась, и испугалась.

— Неужели ты завтра один пойдешь в Черный лес? Будь осторожней, сынок, бей наверняка, — сказала ему она.

— Знаю, знаю! — ответил Уэнь. — Не беспокойся, мать, ничего со мной не случится.

Но разве могла мать не беспокоиться! Однако она не желала мешать сыну и твердо проговорила:

— Иди уничтожь всех зверей диких, сделай это ради людей!

На другой день Уэнь обошел все юрты, несколько старых охотников предложили ему пойти вместе с ним, но Уэнь решительно отказался, — ведь он шел на опасное дело. Однако эти честные люди не хотели отпускать его одного! Пришлось в конце концов Уэню согласиться и взять с собой трех молодых, но сильных и опытных охотников. Остальные тоже потихоньку стали собираться. Они спрятались у подножья горы, готовые каждую минуту прийти на помощь.

Долго ли, коротко, Уэнь и три его товарища пришли в Черный лес. Вокруг высокой стеной стояли деревья, не слышно было ни звука. Уэнь забеспокоился и стал оглядываться по сторонам, но даже следов тигра или леопарда не нашел. Тогда Уэнь закричал что было сил,

Вдруг из лесной чащи налетел порыв ветра. Посмотрел Уэнь, видит, тигр прямо на него летит, кустарник на ходу ломает. Выстрелил Уэнь и попал тигру в правый глаз. Не успел тигр опомниться, как Уэнь выбил ему левый глаз. От боли тигр зарычал, да так, что лес задрожал. Затем сделал отчаянный прыжок и тут же рухнул на землю. Три охотника бросились на него с ножами и убили. В этот момент над головой их послышалось шипение: с дерева сползала огромная змея. Вмиг обвила она кольцом трех молодых охотников. Ее красное жало длиной в целый чи протянулось к одному из них... Уэнь быстро повернулся, стрела засвистела и вонзилась в голову змеи. Змея зашипела, разжала свои смертельные объятия и выпустила охотников. Те повалились на землю.

Уэнь быстро подбежал к ним, двое из них уже очнулись, а у третьего из носа текла кровь — он был мертв. Уэнь подхватил его на руки, сердце юноши разрывалось от боли, горькие слезы заливали лицо. Вдруг раздался страшный грохот, горы вокруг ходуном заходили. Из чащи леса огромными прыжками неся громадный золотисто-черный леопард. Уэнь положил на землю мертвого охотника. «Вовремя пожаловал», — проговорил он сквозь зубы и схватил лук. Просвистели подряд три стрелы. Двумя стрелами он выбил леопарду оба глаза, а третьей попал в переносицу. Леопард подпрыгнул как бешеный, но Уэнь подскочил к нему и вонзил ему в грудь нож, а потом нанес еще несколько ударов...

Уэнь стоял неподвижно, точно святой, сошедший с небес. И только когда рев стих и зверь перестал шевелиться, он опять подошел к мертвому охотнику.

В это время прибежали охотники, спрятавшиеся под горой. Они бросились обнимать Уэня, а потом подняли его на руки.

Когда они увидели, что два других молодых охотника живы, они снова принялись обнимать Уэня.

Весь окровавленный, вернулся Уэнь домой и подробно рассказал обо всем матери. Мать прижала его к своей груди и, заливаясь счастливыми слезами, поцеловала в лоб.

Через день отвел Уэнь свою мать к одному из старых охотников, простился со всеми и отправился в путь на север.

Шел Уэнь ровно три дня и три ночи, сколько трудностей пришлось ему преодолеть на своем пути! Наконец

пришел он к озеру. Спрятался Уэнь в зарослях на берегу и стал ждать. Вот и солнце взошло. Вдруг поднялся ветер, и на землю спустился вороной конь с длинной блестящей шерстью. Не успел конь встать на ноги, как Уэнь выскочил из своей засады, вихрем взлетел коню на спину и вцепился руками ему в гриву. Конь заржал, наклонил голову и попытался сбросить седока. Но тут Уэнь вспомнил слова феи и припал к шее коня. Как ни брыкался Волшебный конь, а Уэня сбросить не смог.

Тогда Волшебный конь взмыл вверх и понес Уэня за тридевять земель, а потом неожиданно камнем рухнул вниз. Так повторилось несколько раз, но Уэнь все же удержался. Тут Волшебный конь остановился и спросил Уэня:

— Куда путь держать велишь, мой отважный хозяин?

— Куда хочешь, — ответил Уэнь. — Хочу я посмотреть на мир, узнать, как живут люди, собственными глазами увидеть их радости и горести... Лети, куда сам пожелаешь.

И взмыл Волшебный конь к самым облакам, а через некоторое время опустился в Афганистане, окруженном высокими горами.

— О мой хозяин, — проговорил конь. — Дальше следуй один, а как только я тебе понадобится, крикни — и я прилечу.

Соскочил Уэнь с коня и зашагал вперед. Видит: прямо у юрт лежат люди, а одна старуха забралась под лошадь и пьет мочу. Пораженный, подошел к ней Уэнь и спрашивает:

— Мамаша, что здесь случилось?

Старуха взглянула на него помутившимся взором, качала головой и скорбно проговорила:

— О чужеземец, разве ты не знаешь, что люди здесь умирают от жажды?

— А что здесь произошло? — спросил Уэнь. — Расскажи мне. Я хочу помочь вам.

Старуха глубоко вздохнула.

— Лучше и не вспоминай! Видишь, вон там, у подножья Западной горы, бьет источник? Рядом с ним есть озеро, из этого озера мы и брали воду. Но вот несколько дней назад поселился там огромный дракон, многих он уже проглотил, и теперь люди не решаются больше ходить за водой... — Старуха заплакала.

— Я пойду на ваше озеро! — сказал разгневанный Уэнь. — Посмотрим, что он со мной сделает!

С этими словами он взял ведро и пошел к горе.

Старуха попыталась задержать его, но не успела. Она бессильно опустила на землю, утирая рукой горючие слезы.

Уэнь быстрым шагом подошел к подножью горы и увидел под большим камнем огромного дракона. Дракон удивленно поднял голову и покосился на Уэня одним глазом, но не шевельнулся. Уэнь спокойно наполнил ведро, вернулся к старухе и весело проговорил:

— Вот и вода! Пусть все пьют!

Вмиг набегали люди и глоток за глотком выпили все ведро.

Весть о том, что снова появилась вода, быстрее ветра облетела всех, старые и малые сбежались со всех концов, но воды в ведре не осталось ни капли.

Увидел Уэнь исхудавшие скорбные лица, и огнем запылало его сердце. Схватил он ведро и помчался к озеру. Дракон удивленно повернул свое огромное тело, посмотрел на Уэня красными глазами и сердито фыркнул.

Не обращая на него внимания, Уэнь набрал воды, но и она была выпита в одно мгновение.

А люди все прибывали — даже хан приехал верхом на коне. Тогда Уэнь сказал людям:

— Чтобы все жили спокойно, я пойду убью дракона!

Едва успел Уэнь подойти к озеру, как дракон в гневе протрубил:

— Дважды я пощадил тебя, но ты пришел снова! Знай же, на этот раз я тебя съем.

С этими словами он раскрыл свою громадную пасть, и изо рта у него вырвались клубы зловонного черного дыма. Но Уэнь успел отскочить назад и с криком: «Держись, дракон!» — выпустил одну за другой три стрелы. Все они попали в пасть дракона. Черный дым сразу же рассеялся, дракон ударил несколько раз хвостом, потом попытался подняться, но тут же рухнул на землю и испустил дух.

Увидел хан, какой Уэнь храбрый и сильный, и захотел оставить его у себя, — пообещал ему даже коров и лошадей, посулил место чиновника. Спасенные Уэнем пастухи тоже плакали и умоляли Уэня остаться у них. Но Уэнь вежливо поблагодарил и отказался.

Простился Уэнь со всеми и зашагал вдоль длинного узкого ущелья. Вдруг вспомнил он о Волшебном коне и только кликнул его, как конь сразу же спустился с небес и предстал перед ним.

Уэнь вскочил на коня и взмыл в небо.

Долго путешествовал Уэнь, много дорог исходил, много повидал людей, много узнал интересных историй, встречались ему и хорошие люди и плохие, и, наконец, приехал он в какое-то неизвестное королевство.

А в королевстве в этот день был пир — три королевские дочери выбирали себе женихов. Праздник должен был начаться конными состязаниями и состязаниями в стрельбе из лука. Несколько сот нарядно одетых юношей с нетерпением ожидали ударов барабана...

И вот раздался барабанный бой. Скачки начались. С улыбкой поглядывал Уэнь на молодых джигитов, которые неслись на своих скакунах. Когда они были уже далеко, он вскочил на своего Волшебного коня и помчался вслед за ними. Через несколько мгновений он оставил позади всех своих соперников и пришел первым. Со всех сторон раздался гром приветствий.

Потом начались состязания в стрельбе из лука с лошади. Тут Уэнь чувствовал себя не очень уверенно, так как дело это довольно трудное и было новым для него. Но Уэнь не хотел показать свою слабость. Когда все кончили стрелять, он вышел вперед, поклонился королю, вскочил на коня и пустил его вскачь. У мишени он повернулся, прицелился и выпустил подряд девять стрел. Все девять попали в яблочко.

Король был поражен, а толпа меж тем приветствовала Уэня громкими возгласами. Участники состязаний оцепенели: они не в силах были вымолвить ни слова и так и застыли с разинутым от изумления ртом.

Тогда король подозвал к себе Уэня. Но узнав, что он бедный охотник, да к тому же еще чужеземец, нахмурился и проговорил:

— Вот тебе заслуженная награда, и иди!

Уэнь очень рассердился и, повернувшись, пошел прочь.

Теперь три принцессы должны были выбирать себе женихов, и все юноши по приказу короля стали проходить мимо трибуны. Старшая и средняя принцессы выбрали себе в женихи сыновей министров, но самая младшая принцесса так и не отдала никому своей короны.

— Почему ты не бросила никому своей короны? — спросил обеспокоенный король. — Неужели никто тебе не понравился?

Умная принцесса словно не слышала слов короля. Она пристально смотрела вниз и искала глазами милого ее сердцу юношу.

Уэнь тем временем вскочил на коня и напоследок проехал мимо трибуны. Вдруг в воздухе что-то сверкнуло и ударило его по голове.

В то же мгновение к нему подбежали девушки в красных платьях и, не говоря ни слова, повели к королю.

Как только король увидел Уэня, он повернулся к младшей принцессе, посмотрел на нее и недовольно проговорил:

— Раз уж моя младшая дочь выбрала тебя, то бери ее и уходи!

Уэнь взглянул на младшую принцессу: собой хороша, сердце доброе, нрав строгий, не то, что у ее легкомысленных сестриц. Подумал он, что хорошо иметь такую жену, и согласился.

Уэнь и младшая принцесса зажили в старом шатре, король не дал им ничего, кроме нескольких десятков овец. Но принцесса не обращала на это никакого внимания и трудилась не покладая рук. Она шила одежду для пастухов и отделывала ее шелком. Уэнь каждый день ходил на охоту, — жили они весело и счастливо.

Прошло несколько месяцев, и король вдруг захворал. Все знаменитые лекари королевства лечили его, но никто не мог ему помочь. Наконец королю стало совсем худо, и тогда все министры потихоньку скрылись, а король остался совсем один. Он лежал в постели и громко стонал.

Чувствуя свою близкую кончину, король стал звать своих старших дочерей и зятьев, но стемнело, а никто из них так и не появился. Когда король захворал, они тайком забрали все его богатство и убежали.

Но тут о болезни короля услышала младшая принцесса. Она сразу же побежала к отцу. Увидел король младшую дочь, больно ему стало, и заплакал он горячими слезами...

Принцесса просидела у постели больного весь день и всю ночь, но ему не полегчало. Тогда она побежала домой и рассказала обо всем Уэню. Увидел Уэнь печальное лицо жены, пожалел ее и стал утешать:

— Успокойся, я что-нибудь придумаю.

Отправился Уэнь к своему Волшебному коню и говорит:

— Король захворал и может умереть. Не знаешь ли ты, где растет живая трава, которая излечивает все болезни?

— Знаю, — ответил конь. — Скачи отсюда на восток и на вершине высокой горы увидишь живую траву, которая лечит от всех болезней. Но чтобы добыть ее, сначала ты должен убить девятиглавого льва.

— Пойду попробую, — ответил Уэнь. — Может быть, мне и удастся ее достать.

Простился Уэнь с любимой женой, вскочил на Волшебного коня и стрелой помчался по воздуху прямо на восток. Вскоре путь им преградила высокая гора. Волшебный конь опустился на ровную площадку перед горой и сказал:

— Теперь иди один.

Взглянул Уэнь на вершину горы — она упиралась в самое небо — и сказал:

— А ты не можешь поднять меня туда?

— Нет, — ответил конь и покачал головой. — На эту гору мне не взлететь.

Уэню ничего не оставалось, как слезть с коня и попытаться самому взобраться на гору. Словно обезьяна, принялся он карабкаться вверх. Лез он, лез, и вдруг на пути его встала каменная стена. Видит Уэнь, стена эта ярко блестит, а сверху ветви старой сосны свисают. Взял Уэнь длинную веревку, привязал ее к стреле и спустил стрелу. Стрела глубоко ушла в ствол дерева. Уэнь потрогал веревку, набрался храбрости и полез по ней вверх.

С утра и до заката солнца карабкался Уэнь по веревке, а когда долез до дерева, увидел громадного девятиглавого льва с черной гривой, он спал на огромном камне и храпел так, что казалось, гром гремит.

Уэнь быстро схватил стрелу, прицелился льву прямо в среднюю голову и выстрелил. От боли лев проснулся и фыркнул на Уэня так, что горы задрожали, а сам Уэнь чуть не свалился на землю.

Собрал Уэнь все свое мужество и, пока враг его не успел опомниться, обрушил на него град стрел. От боли лев зарычал и прыгнул высоко вверх, но не рассчитал свои силы и свалился в пропасть.

Около камня, на котором спал лев, Уэнь нашел живую траву. Он собрал ее и осторожно спрятал за пазуху.

Когда Уэнь спустился с горы, было уже совсем темно, но Волшебный конь ждал его на прежнем месте.

Уэнь вернулся домой, отдал жене волшебную траву и сказал:

— Скорее отнеси ее королю и вели ему съесть.

Съел король траву, выздоровел и даже стал себя чувствовать лучше, чем прежде. Когда король узнал, что бедный охотник, которого он так презирал, несмотря на смертельную опасность, забрался на высокую гору и достал живую траву, чтобы спасти его, он был глубоко тронут. Он приказал привести Уэня во дворец и хотел отдать ему свою корону. Но Уэнь отказался, он попросил только, чтобы король разрешил ему увезти жену в родные края. И король согласился.

На другой день Уэнь с женой сели на Волшебного коня, попрощались с королем и народом, которые вышли их провожать, и полетели на родину Уэня.

ХАЙЛИБУ-ОХОТНИК

Жил некогда человек по имени Хайлибу. Охотился на зверей — тем и кормился. Так и прозвали его Хайлибу-охотник. Он всегда помогал людям, делился с соседями своей добычей, и за это все его очень любили.

Ушел однажды Хайлибу на охоту далеко в горы. Шел, шел, вдруг видит: на опушке дремучего леса белая змейка лежит: свернулась она кольцом, спит себе под деревом. Обошел ее Хайлибу осторожно, чтобы не испугать. Вдруг над его головой пролетел журавль и с криком ринулся на спящую змейку, схватил ее своими когтями и взмыл в небо. «Спасите! Спасите!» — закричала белая змейка. Хайлибу быстро вскинул лук и пустил стрелу в журавля. Журавль метнулся в сторону, выронил змейку, а сам скрылся.

— Бедная малышка, — сказал Хайлибу белой змейке, — возвращайся скорее к своим родителям!

Белая змейка поблагодарила Хайлибу и скрылась в траве. А Хайлибу подобрал свой лук и стрелы и вернулся домой.

На другой день Хайлибу опять проходил мимо этого места и вдруг видит: навстречу ему движется целая змеиная семья с белой змейкой на руках. Хайлибу очень удивился и решил обойти их, но белая змейка вдруг заговорила с ним:

— Как ты себя чувствуешь, мой добрый спаситель? Ты, наверное, не знаешь, кто я? Я дочь Царя драконов, вчера ты спас мне жизнь, и мои родители велели мне пригласить тебя к нам. Когда придешь к нам в дом, — продолжала белая змейка, — не бери ничего, что бы тебе ни предлагали, а попроси драгоценный камень, что во рту у моего отца. Получишь камень, положи его в рот, тогда

станешь понимать язык всех животных на земле. Только смотри, что бы ты ни услышал, не рассказывай никому, если расскажешь — превратишься в камень.

Хайлибу кивнул головой и пошел за белой змейкой в глубокое ущелье. Чем дальше они шли, тем холоднее становилось. Подошли к воротам.

— Вот мы и пришли, — сказала белая змейка. — Отец с матерью не могут пригласить тебя в дом, они ждут здесь, у входа.

Едва белая змейка проговорила эти слова, как к ним подошел Царь драконов и почтительно проговорил:

— Ты спас мою дочь, — благодарю тебя. В этом подземелье лежат все мои сокровища, пойдем, я покажу их тебе. Можешь взять все, что пожелаешь.

С этими словами он распахнул дверь и ввел Хайлибу в подземелье. Там было полно жемчуга и драгоценных камней, они так сверкали, что глазам было больно. Царь драконов водил Хайлибу из одного зала в другой. Так обошли они сто восемьдесят залов, но Хайлибу не выбрал себе ни одной драгоценности.

— О мой благодетель! — воскликнул Царь драконов. — Неужели ничто не поразило тебя в моем подземелье?

— Твои драгоценности прекрасны, — ответил Хайлибу, — из них можно сделать изящные украшения, но нам, охотникам, они не нужны. Если почтенный Царь драконов действительно хочет подарить мне что-нибудь на память, то пусть позволит мне взять камень, который держит во рту!

Услыхал эти слова Царь драконов, опустил голову и задумался. Но делать нечего: вынул изо рта камень и отдал его Хайлибу.

Взял Хайлибу камень, простился с Царем драконов и пошел к выходу. Оглянулся — белая змейка за ним идет.

— Теперь, когда у тебя есть этот камень, — сказала белая змейка, — ты будешь знать обо всем. Только помни, ничего не говори людям. Скажешь, и сразу погибнешь. Запомни это хорошенько!

С тех пор охотиться Хайлибу стало легче. Он понимал теперь язык зверей и птиц, знал, какие животные живут за горами. Так прошло несколько лет. Однажды Хайлибу, как всегда, пошел в горы на охоту. Вдруг слышит, как птицы говорят между собой:

— Летим скорее отсюда! Завтра в горах будет обвал, паводковые воды затопят все вокруг, — мы можем погибнуть!

Услыхал Хайлибу это и заволновался. Бросил охоту, побегал домой и сказал односельчанам:

— Нужно скорее переезжать в другое место! Здесь больше нельзя оставаться! Кто не поверит мне, будет раскаиваться!

Все удивились словам Хайлибу: одни считали, что охотник все выдумал, другие — что он сошел с ума, никто ему не поверил.

Хайлибу продолжал, заливаясь слезами:

— Неужели я должен умереть, чтобы заставить вас поверить?

— Ты никогда не лгал, — сказали Хайлибу древние старцы, — мы знаем это. Но скажи нам, откуда ты знаешь, что будет обвал в горах и вода затопит все вокруг?

Хайлибу подумал: «Вот-вот нагрянет беда. Разве могу я заботиться только о себе? Пусть я умру, но спасу их». И он рассказал обо всем: как достал драгоценный камень, как помогал ему камень на охоте, как услышал он от птиц, что те собираются улетать. Рассказал и о том, что теперь, когда он открыл им свою тайну, он должен превратиться в камень.

Говорил это Хайлибу, а сам постепенно превращался в камень.

Смятение охватило людей. Быстро собрали они своих коров, овец, лошадей и тронулись в путь.

Темное небо нависло над их головами; всю ночь лил дождь, гремел гром. На следующее утро страшный грохот потряс небо и землю, и в тот же миг с гор хлынула вода.

— Если бы Хайлибу не пожертвовал своей жизнью, мы бы все утонули! — взволнованно говорили люди.

Потом они разыскали камень, в который превратился Хайлибу, и поставили его на вершину горы. Память о герое Хайлибу хранится из поколения в поколение. Люди не забыли его и приносят ему жертвы. Говорят, что и сейчас есть место, которое называется «Камень Хайлибу».

ДУБИНКА МЕСТИ

Жил когда-то в Монголии парень по имени Ихэхучу. И не было человека трудолюбивей, чем он. Пока люди вскапывали одну грядку, он, глядишь, вскопал уже десять; пока другие перетаскивали один мешок зерна, он, смотришь, уж целых десять успел перетащить. Словом, был он молодцом, но из бедности выбиться никак не мог, за всю жизнь не износил и пары крепких штанов, ни разу не ел досыта. Тяжело ему жилось.

Пахал однажды Ихэхучу под горой помещичье поле. Вдруг на плуг опустилась маленькая золотая птичка и заговорила человеческим голосом:

— Я принесла тебе счастливое деревце. Посади его перед своим окном и, как только деревце зазеленеет и начнет цвести, тряхни его три раза и скажи: «Дай мне золото!» — и с деревца посыплется золото.

С этими словами золотая птичка положила на ручку плуга ярко-зеленую сосенку и улетела прочь.

Ихэхучу взял деревце, посадил его у себя под окном и каждый день, окончив работу, полонил вокруг него траву, поливал его, и скоро деревце начало зеленеть и покрывалось цветами. Обрадовался Ихэхучу, трижды качнул деревце и проговорил:

— Дай мне золото!

Послышался шум: с дерева и на самом деле посыпалось золото. Обрадовался Ихэхучу и подобрал его.

Проведал об этом помещик и отобрал у парня счастливое деревце.

Посадил его помещик под своим окном и окружил золотой стеной. Вскоре деревце вновь зазеленело и покрывалось цветами. Жирный помещик трякнул деревце три раза и сказал:

— Дай мне золото!

Но с дерева вместо золота посыпались жабы, они забрались в комнаты, прыгали на помещика.

— Эй, люди, вырвите с корнем это дерево и сломайте золотую стену! — закричал испуганный помещик. На крик сбежались слуги. Они вырвали с корнем деревце и сломали золотую стену.

С тех пор как помещик отобрал у Ихэхучу счастливое деревце, тот очень тосковал о нем, тосковал он и по золотой птичке. И вот однажды, когда он пахал помещицье поле, прилетела вдруг золотая птичка. Опустилась она на спину лошади и говорит:

— Трудолюбивый Ихэхучу! Я принесла тебе счастливый сундучок. Возьми этот сундучок. Стоит тебе только сказать: «Мне нужна белая мука!» — как из сундучка сразу же посыплется мука.

С этими словами золотая птичка поставила сундучок на спину лошади и улетела прочь.

Ихэхучу взял счастливый сундучок, чисто-начисто прибрал свою комнату и сказал:

— Мне нужна белая мука!

И из сундучка в самом деле посыпалась белая мука.

Проведал об этом помещик и отобрал у Ихэхучу счастливый сундучок. Поставил он сундучок в восточном флигеле, а флигель окружил золотой изгородью. Сам же улегся на кан и закричал:

— Мне нужна белая мука!

И сразу же услышал, как что-то зашуршало в восточном флигеле. Обрадовался помещик и побежал в восточный флигель. А там полным-полно жаб. От страха помещик едва рассудка не лишился.

— Эй, люди, — закричал он. — Скорее уберите этот сундук и спрячьте его в амбар! А золотую изгородь сломайте!

И слуги поспешили выполнить его приказ.

После того как помещик отобрал у Ихэхучу счастливый сундучок, тот очень тосковал о нем, тосковал он и о счастливом деревце, и о золотой птичке. И вот однажды, когда Ихэхучу вывозил навоз на помещицье поле, опять прилетела золотая птичка. Опустилась она на спину лошади и говорит:

— Трудолюбивый Ихэхучу! Я принесла тебе дубинку

мести. Стоит тебе крикнуть: «Бей!» — как она примется за работу.

С этими словами золотая птичка положила дубинку на спину лошади и улетела.

Взял Ихэхучу дубинку мести и направился к дому помещика. Подошел он к жирному помещику и говорит:

— Отдавай счастливое деревце и счастливый сундучок, не то плохо тебе придется! Ну, живее поворачивайся!

Услыхал помещик слова Ихэхучу и в гневе принялся бранить его:

— Да ты, видать, спятил! Забыл, что разговариваешь со своим господином? Убирайся отсюда, да поскорее, не то я крикну людей, и они избыют тебя до смерти!

С этими словами разгневанный помещик поднял руку, собираясь ударить Ихэхучу. Но проворный Ихэхучу быстрее молнии отскочил в сторону, выхватил из рукава дубинку и крикнул:

— Бей!

Удары дубинки градом обрушились на голову помещика.

— Эй, люди, схватить Ихэхучу! — закричал взбешенный помещик.

Сбежался весь дом. Но дубинка без устали гуляла по голове помещика, всех его чад и домочадцев, и никто не посмел приблизиться к Ихэхучу. Наконец помещик рухнул на землю и испустил дух. А Ихэхучу взял назад свое счастливое деревце и счастливый сундучок и зажил с тех пор, горя и нужды не зная.

БОРЕЦ БАЛИНЬ

Давным-давно в знамени Балинь жила старая коровница, и был у нее один-единственный сын. С детства любил он борьбу. Мать сшила ему мешок из телячьей кожи, и он забавлялся с ним в степи, где пас овец.

Мальчик приходил на пастбище, набивал мешок землей и начинал с ним борьбу.

Несколько лет пролетели как один день, и мальчик превратился в стройного юношу. К этому времени мешок из телячьей кожи стал ему мал, и он сшил себе новый, из толстой и прочной бычьей кожи. И по-прежнему,ходя на пастбище, набивал мешок землей и упражнялся в борьбе.

Дни летели за днями, и юноша стал настоящим мужчиной — смелым и сильным. Он легко мог поднять мешок с землей над головой и бросить его далеко вперед. Или же, разбежавшись, одним ударом ноги свалить мешок наземь. И всякий раз, когда ему удавалось сделать это, он радовался, как ребенок.

Вскоре наступил праздник знамени, и ему захотелось принять в нем участие. Сказал он об этом матери, та обратилась с просьбой к хану, и хан Балиня разрешил сыну старой коровницы участвовать в борьбе пастухов, даже прислал ему в подарок старые доспехи и пару поношенных сапог — в честь его совершеннолетия.

На празднике сын старухи победил всех борцов и получил первый приз. Хан Балиня, чтобы умножить свою славу, вышел вперед, указал на победителя и объявил:

— Это мой пастух!

С тех пор хан запретил ему пасти овец и приказал заниматься борьбой. Три года подряд на ритуальных праздниках знамени сын старой коровницы завоевывал первое

место. Слава о нем облетела все окрестные знамена, и люди стали называть его «Борец Балинь».

И вот наступил год, когда хан Учжумуция праздновал свое пятидесятилетие. Приглашения на празднество были разосланы в сорок семь знамен Внутренней и в пятьдесят семь знамен Внешней Монголии. Хан Балиня приготовил для хана Учжумуция множество подарков. И захотелось ему на торжественной церемонии похвастать перед всеми могуществом знамени Балинь. Позвал он к себе своего борца и говорит:

— Приказываю тебе вместе с моими гонцами отправиться на праздник к хану Учжумуция. В состязаниях по борьбе ты непременно должен выйти первым, а то не сносить тебе головы! — С этими словами хан протянул ему уздечку и намордник (в то время победителю состязаний давали в награду хорошего коня).

Борец знал, что, если на этот раз он проиграет, хан отрубит ему голову. Недолго думая, вышел он из ханского дворца и вернулся домой. Попросил у матери благословения, трогательно простился с ней и вместе с гонцами хана, которые везли подарки, покинул родные места. Вскоре они прибыли в Учжумуцию.

В Учжумуции гонцы и Борец Балинь сразу отправились на празднество во дворец хана. В этот день хан устраивал пир в честь посланцев разных знамен. Поприветствовав гостей, он повернулся к Борцу Балиню и спросил:

— Ты и есть тот самый знаменитый Борец Балинь?

— Да, о великий хан, — с поклоном отвечал борец.

— Что приказал тебе твой хан, когда ты отправлялся в путь?

— Он повелел мне, хан, — да будешь ты счастлив навеки, — выйти победителем на состязаниях борцов.

— Ну, а сам ты что думаешь?

— Да думаю, что придется тебе, хан, подарить мне коня, — ответил Борец Балинь.

Слова Борца Балиня разгневали хана: «Этот нищий смеет издеваться надо мной, ханом Учжумуция!» И он решил испытать силу Борца Балиня. Взял он с праздничного стола громадную бычью кость, швырнул ее борцу и приказал высосать из нее мозг. Борец Балинь поймал кость и с благодарностью поклонился хану. Потом он поднял кость над головой, собираясь разломить ее. Тут слуги

и приближенные, сидевшие вокруг хана Учжумуция, принялись хохотать и издеваться над борцом.

— Эй, не дать ли тебе нож или, может быть, топор?

Но Борец Балинь не обращал на них никакого внимания.

— Нож мне не нужен, да и топор тоже, — сказал он и разломил огромную кость пополам. Хан Учжумуция даже рот разинул от изумления, — теперь он понял, как силен Борец Балинь.

Не хотелось хану, чтобы Борец Балинь одержал победу, и он отложил состязания борцов на целый месяц. А сам разослал во все концы людей, чтобы разыскали сильнейших борцов. И только когда собралось пятьсот семьдесят пар борцов, объявил он о начале праздника.

Начались состязания. Борец Балинь вмиг положил на лопатки нескольких борцов, — казалось, ураган их свалил. Понял тут хан, что дело не так просто, и отдал приказ прекратить состязания. Собрал он всех борцов и приказал им по очереди бороться против Борца Балиня. Хан поступал против всех правил, и народ был недоволен, но сказать об этом вслух никто не посмел.

Как ни пытался хан сломить Борца Балиня, ничего у него не вышло: ни один из борцов не сумел одолеть его.

Сначала Борец Балинь валил наземь своих противников, даже не отрывая ног от земли. Но чем дальше, тем больше становилось силачей, и бороться с ними было все труднее. Наконец остался один — прославленный борец хана Учжумуция. Три дня боролись силачи, они изодрали в клочья сапоги и одежду, но так и не сумели одолеть друг друга. Борец хана Учжумуция надеялся, что ему удастся улучшить момент, когда Борец Балинь замешкается, и внезапным ударом свалить его. Но у противника ноги словно вросли в землю. Наконец Борец Балинь собрал все свои силы, поднял прославленного силача и швырнул его на землю.

Хану Учжумуция ничего не оставалось, как отдать Борцу Балиню в награду коня. Однако коварный хан не успокоился. Он дал Борцу Балиню железную повозку, доверху наполненную золотыми монетами, и сказал:

— В трех ли отсюда в загоне стоит мой бурый бык. Отвези туда эту повозку, а потом запряги в нее быка и возвращайся. Если же ослушаешься ханского приказа и не доведешь повозку до загона — не сносить тебе головы.

Поклонился Борец Балинь хану, взялся за оглобли повоза и, тяжело ступая, зашагал вперед.

Подошел он к загону и видит: на просторном дворе стоит огромный бык, во много раз сильнее обыкновенного. Глаза у него как угли горят, на рогах человеческая кровь запеклась. Ждет бык новой жертвы и от нетерпения ноздрями шевелит и копытами бьет.

Подумал тут Борец Балинь: «Если бы я проиграл бой, хан Балиня отрубил бы мне голову. Я одержал победу, так теперь хан Учжумуциня задумал погубить меня. Везде меня ждет смерть от руки жестоких ханов... А может, мне удастся выполнить приказ хана Учжумуциня, тогда останусь жив». Он смело открыл ворота и вошел в загон.

Бык только и ждал этого. Он присел на задние ноги, наклонил голову, покружился и, выставив рога, ринулся вперед. Борец Балинь как молния метнулся в сторону, потом рванулся вперед, схватил быка за хвост и потянул к себе. Бык изо всех сил старался вырваться, но Борец Балинь крепко держал его. Тут борец внезапно отпустил его хвост, и бык упал на землю. Борец Балинь вскочил быку на спину, сломал ему рога и принялся бить куда попало. Он колотил свирепое животное до тех пор, пока оно не стало совсем покорным. Тогда он впряг его в повозку и поехал к хану.

Но разве мог жестокий хан Учжумуциня упустить живым такого молодца?! И решил он послать ему вслед двух бешеных верблюдов. Одного из этих верблюдов звали Горный Поток, а другого — Змея. Горный Поток всегда мчался вперед, преодолевая любые препятствия. А Змея ходил, низко опустив голову, и все, что ему попадалось на глаза, заглатывал.

И вот в то самое время, когда Борец Балинь беззаботно и весело погонял быка и думал о том, что скоро он вновь обнимет свою мать, он вдруг увидел бешеных верблюдов. С диким ревом мчались они за ним. Борец Балинь быстро соскочил на землю, выломал из повозки железную палку, стал на обочину дороги и приготовился к бою. Горный Поток с поднятой вверх головой ринулся вперед. Быстрее молнии бросился на него Борец Балинь и проткнул его палкой. Потом он разmozжил голову Змее. Оба верблюда рухнули на землю и больше не шевелились.

А Борец Балинь продолжал свой путь. «Теперь-то уж, — думал он, — я вырвался из пасти тигра и могу спо-

койно вернуться в родные края». Откуда ему было знать, что хан Учжумуиня устроил на границе двух знамен — Учжумуиня и Балиня — засаду из сотни стрелков. Когда Борец Балинь ночью пересекал границу своего знамени, он был убит слугами хана.

А хан Балиня получил известие о гибели своего борца, но даже бровью не повел: он считал, что незачем ему ссориться с ханом Учжумуиня из-за какого-то нищего пастуха.

Однако народ не забыл Борца Балиня. Память о нем передавалась из поколения в поколение, и до сих пор в степях рассказывают легенды о его подвигах.

ДУНГАНСКИЕ СКАЗКИ

ДРАКОНОВА ТАБЛИЧКА

Очень давно в деревне близ Куньмина жил старик по имени Ма Ин-шэн со своей старухой. Они поженились тридцать лет назад, а то и раньше, но детей у них так и не было. А как хотелось иметь сыночка!

— Милостивый аллах! Пошли нам сыночка! — каждый день молили старики. И вот старуха почувствовала наконец под сердцем ребенка. Обрадовались муж и жена!

Но прошел год, затем второй, а ребенок все не появлялся на свет.

— Не иначе как живот у тебя от хвори раздуло. Где это видано, чтоб ребенка носили столько времени?

И вдруг через три года старуха родила. Старики от радости все глаза выплакали. И надо же было, чтобы родился ребенок не раньше и не позже, а прямо под самую засуху, и назвали его поэтому «Гань-хань» — «Под засуху».

Двух месяцев от роду Гань-хань уже начал ходить, в три месяца стал разговаривать, а в шесть пошел с матерью в горы за грибами и хворостом.

Целых два года не проронило небо на землю ни единой капли. Земля не родила, и крестьяне, чтобы не умереть с голоду, собирали кору да коренья, тем и кормились.

— Почему никто не сажает рис? — спросил однажды Гань-хань у матери.

— Потому, сыночек, что Царь драконов — Лун-ван — не посылает нам дождя.

— Знаешь, мама! Я пойду отыщу этого Царя драконов.

— Что ты, детка! Царь драконов живет в подводном дворце, чтобы найти его, нужно хорошо плавать.

С тех пор стал Гань-хань каждый день бегать к Пучине черного дракона учиться плавать. И в ведро и в ненастье ходил он туда, научился плавать и стал искать дворец дракона. Ищет день, ищет другой, месяц прошел, второй начался. Ровно сто дней пролетело, а дворца все не видать. Видно, глубоко запрятал Царь драконов свой дворец.

Устал Гань-хань и крепко-крепко заснул в воде.

Проснулся, видит — прозрачная зала, а из залы красавица принцесса выходит. Платье на ней все в кораллах, туфельки в жемчугах и агатах, а личико, словно радуга, сияет. Глаза блестят, вся она нежная и прекрасная, как осенняя луна.

Мальчик, затаив дыхание, во все глаза смотрел на принцессу.

— Если хочешь найти дворец дракона, отыщи сперва его пещеру. Только скорее, пока царь еще спит.

Гань-ханю показалось, будто журчит ручей, — таким чистым и звонким был голосок принцессы. Вымолвит слово, а изо рта у нее блестящая жемчужина выкатывается.

Вдруг набежала волна, и принцесса исчезла. Гань-хань бросился было за ней, но тут же очутился на поверхности. Проснулся мальчик, вдохнул свежего воздуха и отправился по дороге, указанной ему принцессой. Отыскал он пещеру, вошел в нее. Темно внутри, вода холодная, как лед. Стиснул зубы мальчик, чтобы не стучали, и стал ощупью пробираться. Острые камни ранили ему руки. С трудом добрался он до дна пещеры, видит две двери, обе крепко-накрепко заперты да еще шипами утыканы. Толкнул он дверь рукой — руку распорол, попробовал пнуть ногой — ногу распорол, нажал всем телом — грудь поранил. Промучился он целый день и всю ночь, руки его покрылись ранами, но дверь по-прежнему не открывалась.

Вдруг до его слуха донесся нежный голосок принцессы: «Если хочешь открыть дверь, принеси дракону табличку».

Пришлось Гань-ханю выбраться на сушу. Он отправился в горы, нарвал лекарственных трав и приложил их к ранам. Затем вернулся домой и спрашивает у матери:

— Где драконова табличка?

— Табличка лежит в мечети, сынок.

Гань-хань тотчас же побежал в мечеть. Была джума — пятница. В мечеть молиться о дожде собрались все мусульмане и решили через сорок дней послать какого-нибудь человека, чтобы поставил драконову табличку.

Мальчик вежливо поздоровался с мулл^{ой} и сказал:

— Я пришел за драконовой табличкой.

Мулла очень обрадовался.

— Вот хорошо! — воскликнул он. — Скажи мне, как тебя зовут и знаешь ли ты, что такое вода.

— Зовут меня Гань-хань, я хорошо плаваю и умею даже спать в воде!

— Хвала аллаху! — снова воскликнул мулла. — Нашелся наконец человек, который отнесет табличку в пещеру дракона.

Все мгновенно подняли руки, Гань-хань тоже стал молиться и вместе со всеми вышел из деревни. Люди с непокрытыми головами, босиком, в руках несли благовонные свечи, усердно молились. Один из мулл обеими руками бережно нес драконову табличку. Подошли к Пучине черного дракона. По обожженному горячим солнцем телу Гань-ханя пробежала дрожь. Мулла наконец передал мальчику драконову табличку, тот взял ее, сбросил с себя одежду и нырнул в воду. Пробрался он в пещеру дракона, постучал табличкой в дверь, и обе створки с шипами распахнулись.

Вошел Гань-хань в светлый подводный дворец и слышит: тихо играет музыка, Царь драконов — Лун-ван, весь в черном, спит на своей ложе, а во рту у него — кроваво-красная жемчужина. Мальчик быстро подбежал к царю, выхватил жемчужину у него изо рта и проглотил ее.

Проснулся тут царь, из пасти и носа пламя вылетело, и закричал громовым голосом:

— Кто украл мою волшебную жемчужину?

— Я проглотил ее, — ответил мальчик.

Лун-ван даже подскочил от злости, схватился за меч и заорал:

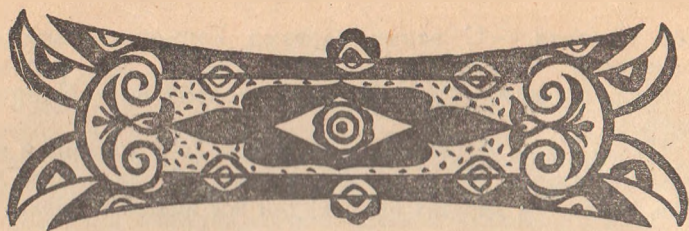
— Если ты сейчас же не отдашь ее мне, я разрублю тебя на мелкие кусочки!

— Черный глупец! Сколько людей погибло из-за тебя от голода! В будущем году в этот день будут справлять по

тебе поминки. — С этими словами Гань-хань взмахнул драконовой табличкой. Первым ударом он повалил дракона, вторым — снес ему рога, а третьим — раскрыл череп.

Издых Царь. А Гань-хань превратился в дракона и выплыл из пещеры. В тот же миг над землей разразился ливень, словно на небесах опрокинули все ковши и бочки.

ТИБЕТСКИЕ СКАЗКИ

КАК ЗАЯЦ ЛЬВУ ОТОМСТИЛ

Когда-то жили по соседству заяц и лев. Хоть и были они соседями, да уж больно лев зазнавался, всегда хвалился своей силой, презирал зайца, частенько издевался над ним, а порой и пугал. Невтерпеж стало зайцу, решил он отомстить льву и вот как-то раз говорит ему:

— Вэй, вэй, почтенный братец! Видел я в одном месте зверя такого же большого, как ты. И так он мне сказал: «Есть ли кто-нибудь, кто осмелится равняться со мной? Коль есть, пусть придет помериться силами, а не осмелится прийти, тогда пусть покорится и будет прислуживать мне!» Такой хвастун, просто вытерпеть невозможно! Ни с кем не считается!

— И ты не сказал ему про меня? — спросил лев.

— Уж лучше бы не говорил; я как вспомнил про тебя, а он как зарычит, да такое понес, что и слушать нельзя. Говорит, что не хочет даже, чтоб ты был у него на посылках.

— Где он? Где? — вне себя от гнева зарычал лев.

Повел заяц льва за гору, показал издали на глубокий колодец и говорит.

— Там, внутри!

Подошел лев к колодцу, заглянул в него, и правда, сидит зверь точь-в-точь такой, как он сам. Рывкнул на него лев, а он в ответ тоже как зарычит. У льва от злости аж шерсть на голове дыбом встала, у зверя тоже. Растопырил лев когти, чтоб напугать врага, а тот тоже когти высунул. Рассвирепел тут лев, сжался весь да как прыгнет в колодец. Так и утонул гордый лев в глубоком колодце.

«ГУ-ДУН»

Было когда-то одно озеро, на берегу этого озера лес рос, и жили в том лесу шестеро зайцев. Пospела как-то айва и свалилась с дерева в воду — «гу-у-дун». Услыхали зайцы, испугались и бросились бежать. Увидела лиса, что они бегут, и спрашивает:

— Вы чего бежите?

— «Гу-дун» пришел!

Услыхала лиса и давай бежать.

Видит обезьяна, лиса бежит!

— Ты чего бежишь?

— «Гу-дун» пришел!

И обезьяна с ними бежать. Так от одного к другому передавалась новость. Олени, кабаны, буйволы, слоны, медведи, носороги, барсы, тигры, львы — все пустились наутек.

Бегут сломя голову, и чем дальше бегут, тем страшнее делается.

А жил под горой лев с длинной шерстью, увидел, что и львы бегут, и говорит:

— У вас и когти есть и клыки, вы ведь самые сильные, чего же вы бежите?

— «Гу-дун» пришел! — ответили львы.

— Что за «гу-дун», где он? — спросил лев.

— Не знаем, — прокричали львы.

— Пойдите! Надо все толком узнать! Кто вам сказал?

— Тигр!

Спросил лев с длинной шерстью тигра, а тот говорит — барс сказал. Спросил барса, тот говорит — носорог сказал. Спросил медведя, слона, вола, буйвола, кабана, оленя — всех одного за другим расспросил, один на другого сваливает. Добрался, наконец, до лисицы, лисица на зайцев указала.

Спросил лев зайцев, а те в ответ:

— Это страшный «гу-дун». Мы шестеро своими ушами слышали. Пойдем с нами, мы покажем тебе это место.

Привели зайцы льва к лесу и говорят:

— Здесь «гу-у-дун».

А тут как раз еще один плод в воду плюхнулся. «Гу-у-дун», — разнеслось вокруг.

— Ах, вы! Ведь это айва в воду упала. Что ж тут страшного? А вы наутек пустились!

Вздохнули тут все с облегчением и поняли, что зря страху натерпелись,

КАК СВАТАЛИ КИТАЙСКУЮ ПРИНЦЕССУ

Во времена Танской династии была у одного императора любимая дочь принцесса Вэнь-чэн, и красивая и умная чрезвычайно. Выросла она, и стали разные князья послов своих засылать в столицу — сватать ее. Полюбилась она и тибетскому князю Сун-цзан Гань-бу, и послал он самого умного и самого способного посла своего Лудун-цзана просить руки принцессы.

Как-то встретились на постоялом дворе семь таких послов, но ни один из них не был уверен в том, что сможет выполнить наказ своего господина. Очень не хотелось танскому императору выдавать дочь за тибетского князя — путь в Тибет дальний, нелегко будет повидаться с дочерью. Но прямо отказать послу правителя Тибета было неловко. Позвал тогда император своих самых умных сановников на совет, чтобы придумали, как отказать тибетскому послу, а потом уж выбрали среди князей другого подходящего жениха.

Судили они да рядили и, наконец, на другой день велели привести пятьсот кобылиц и пятьсот жеребят. Жеребят пустили в середину, кобылиц привязали по сторонам, а потом объявили императорский указ: «Семь князей — все они мои плечи, моя опора, да вот жаль, нет у меня семи дочерей, чтобы с ними со всеми породниться. А есть у меня только одна дочь, и не знаю, кому ее отдать. И чтобы поступить справедливо, решили сделать так. Здесь пятьсот кобылиц и пятьсот жеребят. Если кто-нибудь из вас отыщет мать каждого жеребенка, да так, чтобы кобылицы признали своих жеребят, я смогу подумать о свадьбе».

Бросились послы к жеребят, а тибетский посол из вежливости пустил шестерых соперников вперед. Послы по очереди подтаскивали жеребят к кобылам, но кобылы то

лягались, то подпрыгивали, а жеребята прятались и упирались. Так и не смогли отыскать послы ни одной пары.

Наконец дошла очередь и до тибетского посла. А надо вам сказать, что тибетцы отличные наездники и хорошо знают лошадиный нрав. Поэтому он не стал поступать, как остальные послы, а велел принести побольше корму для кобылиц, чтобы они наелись досыта. Насытились кобылы, задрали морду и заржали — стали жеребят своих звать, чтобы молока пососали. Так вот и оказались все жеребята у своих матерей. Радостно подпрыгивая, дрыгая ногами, мотая головой, они принялись жадно сосать. Так вот, без всяких усилий, все жеребята сразу нашли своих матерей.

Понравилось императору, что посол такой умный, но дочь все же не хотелось отдавать. И он опять велел объявить свою волю: «Хвалю я тибетского посла за ум и смекалку. Но я должен испытать его еще раз, чтобы все видели, что я справедлив». И он приказал принести кусок прозрачной яшмы и сказал всем семерым послам:

— В этой яшме есть сквозное отверстие, но не прямое, а извилистое. Если кто-нибудь из вас сумеет продернуть через него ниточку, я смогу подумать о свадьбе.

Как и в первый раз, пустил тибетский посол всех шестерых соперников вперед, но они просидели в зале целое утро, испробовали всякие способы, но так ничего у них и не получилось. Настала очередь и тибетского посла пробовать свои силы.

Поймал он муравья, прикрепил ниточку к его ножке, а противоположную сторону яшмы помазал медом. Почуял муравей запах меда, полез в отверстие и потащил за собой ниточку. Затем посол завязал ниточку и обеими руками почтительно преподнес яшму императору.

Изумился император, но решил в последний раз испытать этого умного посла и сказал:

— Чтобы все было честь по чести, давайте устроим еще одно испытание.

Велел император плотникам взять большое бревно и обстругать его хорошенько, да так, чтоб оба конца были одинаковы — гладкие и ровные, потом приказал принести это бревно послам и сказал:

— Видите вы это бревно? Так вот, если кто-нибудь из вас скажет, где корень, а где верхушка, да не просто ска-

жет, а еще и доводы приведет, я разрешу принцессе выйти замуж.

Снова шесть послов вышли вперед, но сколько они ни смотрели, сколько ни гадали, так и не могли сказать, где корень, а где верхушка. Настала очередь тибетского посла.

А посол Тибета пришел с гор, он знал, что у корня дерево тяжелее, а у верхушки легче. Велел он бросить бревно в дворцовую реку. Течение там было очень слабое, бревно плыло медленно, и постепенно легкий конец оказался впереди. Так и узнал тибетский посол, где корень, а где верхушка, и сообщил об этом императору.

Императору все больше и больше нравился тибетский посол, но с дочерью расставаться не хотелось, и пришлось снова созвать на совет сановников. А сановники знали, что тревожит императора, вот один из них и говорит:

— Пусть ваше величество выберет триста красивых девушек. Они оденутся точно так же, как и принцесса, и выстроятся в ряд. Затем надо будет позвать всех послов, и пусть скажут, кто принцесса. Кто узнает ее, тому и отдать. Вот принцесса и останется во дворце.

Император так и решил поступить и опять приказал:

— Из уважения к послам всех государств и чтобы решить по справедливости, мы должны испытать вас еще раз. Вот триста совершенно одинаковых девушек. И принцесса среди них. Кто укажет на нее, тому она и достанется.

И опять шесть послов вышли вперед. Каждый из них считал, что принцесса должна быть самой красивой, но все они ошиблись. Наконец дошла очередь и до тибетского посла.

Понял он, что нелегкая это задача. Ведь прежде ему не доводилось видеть принцессу, он ничего о ней не знал, но надо было испробовать все способы, чтобы выполнить князев наказ. Стал он день и ночь ходить вокруг дворца, заранее спрашивал всех, кто там бывал. Ни одного кучера, торговца зеленью, прачки не пропустил. Все старался узнать хоть что-нибудь о принцессе, чтобы потом не ошибиться. Наконец встретил он одну старую прачку, и প্রশামкала старушка своим беззубым ртом:

— Какие странные вещи ты спрашиваешь, господин гость! Кто посмеет сказать тебе? Ведь у императора есть гадальщик, который может разузнать про любое дело.

А если он узнает, что я рассказала тебе, придется мне распрощаться с жизнью.

Увидел посол, что старая женщина боится, и говорит ей:

— Не волнуйся, тетушка, скажи все, что знаешь. Только раньше я научу тебя, как сказать, и тогда никакой гадалщик ничего не узнает.

Посол принес три белых камня, поставил на них большой котел, налил в него воды, поставил в воду скамеечку, велел старухе сесть на нее, принес горн, передал его старухе и сказал:

— Тетушка, говори в этот медный горн. Тогда даже самый лучший гадалщик сможет лишь сказать: «Говоривший живет на деревянной горе, деревянная гора стоит в железном море, железное море лежит на вершине трех серебряных гор, а говорил этот человек медным ртом, в котором растут серебряные зубы». Тут уж никто не сможет узнать, где эта серебряная гора и что это за бессмертный с медным ртом и серебряными зубами. Кому, тетушка, в голову придет сказать, что ты — бессмертная! Говори, не бойся!

Расхрабрилась тут старая женщина и сказала ему:

— Господин гость! Ни за что не указывай на самую красивую. Принцесса хоть и недурна собой, но и не самая красивая. Ведь она принцесса, и ее красоту восхваляют в десять раз больше, чем она того заслуживает. Да вот еще, не указывай ни на первую девушку, ни на последнюю. Император побоялся, что кто-нибудь сразу укажет на нее, и поэтому приказывает ставить принцессу в середину. Есть еще одна примета: принцесса с детства любит мазать свои волосы медовой водой, поэтому над ее головой часто летают бабочки и пчелы. А она их очень любит и даже не отгоняет. Медовую воду привозят из-за границы, и ни у кого ее нет. Поэтому, как увидишь, что у какой-нибудь девушки над головой летают бабочки и пчелы, так и знай — это принцесса. Дворцовые слуги про это повару сказывали, а я ему как-то стирала, вот он мне и рассказал. Больше я ничего не знаю. Иди попытай свое счастье!

Поблагодарил посол старую женщину и пошел во дворец. Он не стал указывать ни на самую красивую, ни на первую, ни на последнюю, а стал выжидать. Ровно в полдень вылетели бабочки и пчелы мед собирать, и действи-

тельно, одна золотая пчелка давай кружиться над девушкой, которая в середине стояла. А девушка не испугалась нисколько, ласково так на пчелу посмотрела. Заметил все это тибетский посол и сказал, что это и есть принцесса. Удивился тут император, изумились придворные и другие послы.

А император подумал: «Ведь посол никогда не видел принцессы, как же он догадался? Не иначе как кто-то сказал ему!» Велел император позвать гадалщика, чтобы погадал на костях. Ну, а гадалщик наговорил всякой чепухи, а толком так ничего и не сказал.

Ничего не поделаешь, пришлось императору отдать принцессу в жены тибетскому князю. Когда император представил посла дочери, тот сказал ей:

— Принцесса, я очень благодарен императору и рад, что у тибетского князя будет такая мудрая жена. Только, прошу вас, когда отправитесь в путь и император будет давать вам приданое, не берите ничего, у правителя Тибета всего достаточно. Просите у императора семян, плугов и мотыг, да еще искусных мастеров. Тогда урожай у нас будут не хуже, чем у китайцев, и жизнь станет еще прекраснее. Для нашего Тибета это лучше всякого приданого, дороже золота и серебра.

Принцесса так и сделала. Она ничего не хотела брать, кроме семян, плугов, мотыг да искусных мастеров. Удивился император, но все же дал ей пятьсот лошадей, вьюченных зерном, и тысячу с мотыгами и плугами, да еще отобрал несколько сот самых лучших мастеров и отправил их вместе с дочерью к тибетскому князю.

С тех пор урожай в Тибете стали еще обильнее. Товаров первосортных появилось видимо-невидимо. Говорят, что устанавливать жернова на водяных мельницах, которыми пользуются и по сей день в Тибете, научили тибетских крестьян китайские мастера, приехавшие вместе с принцессой.

ЗАЯЦ - СУДЬЯ

Искал как-то голодный волк в лесу себе чего-нибудь поесть, да был неосторожен и в волчью яму угодил. И так пытался вылезти и этак — никак не может. Давай он тут кричать:

— Спасите, помогите!

На счастье, козел мимо проходил, пустил тут волк слезу:

— Спаси меня, добрый козел! Не о себе пекусь — о волчатах, — ведь они без меня с голоду помрут!

— Нет, — сказал козел, — спасу я тебя, а ты меня съешь!

— Только спаси меня, клянусь, никогда больше тебя не трону.

Пожалел козел волка, нашел перевку, один конец привязал к рогам, другой в яму спустил. Ухватился волк за перевку и выбрался наружу.

Хотел волк тут же козлу на спину вскочить и загрызть его, но устыдился и завел такую речь:

— Добрый козел, я давно не ел и могу умереть с голоду, раз уж ты помог мне выбраться из ямы, спаси меня теперь, пожалуйста, от голодной смерти.

— Ты же поклялся, что не тронешь меня!

— Таким уж я родился на свет — должен есть мясо, и все, как же мне пощадить тебя?

Совсем уж было некуда деваться козлу от острых волчьих когтей, как вдруг откуда ни возьмись бежит мимо заяц.

— Умный заяц! — взмолился козел. — Рассуди нас, пожалуйста, по справедливости!

Выслушал заяц, как было дело, и говорит:

— Оба вы правы, только я не верю вам, ну-ка покажите, как было дело. Посмотрю я на вас и тогда уж рассужу.

Ничего не подозревая, прыгнул волк в яму и стал просить козла о помощи.

— Ах ты тварь негодная, неблагодарная, — сказал заяц, подойдя к краю ямы, — дожидайся теперь охотничьей веревки.

И обрадованный козел ушел вместе с зайцем.

ГОСПОДИН И РАБЫ

Один толстый господин занемог как-то от безделья и решил позвать рабов, чтоб они развеселили его. Призвал он их в дом, посмотрел на одного, поглядел на другого, покачал головой и говорит:

— Куда только деваается все, что вы едите?

Ничего не ответили рабы. Ударил тогда господин самого тощего из них палкой и говорит:

— Я так добр с вами, целыми днями кормлю вас самой лучшей едой, а на вас смотреть жалко. И куда только деваается все, что вы едите?

Переглянулись рабы между собой, вышел вперед один старый раб и обратился к господину с такими словами:

— Раз уж ты заговорил об этом, господин, то скажу тебе всю правду, только, смотри, не разгневайся.

— Да ты говори, говори, я не буду сердиться!

— Расскажу-ка я тебе, господин, сказку, — начал старик. — Жил некогда один жадный пастух, когда он доил коров, то не оставлял ни капли, а когда кормил их, давал им только корешки трав, да и то в глине. Шло время. Коровы ели корни, пастух пил молоко. Отъелся он, толстым стал, а коровы, наоборот, тощие, словно сухие палки. Смотрел, смотрел на них пастух, рассердился и спрашивает: «Куда только деваается все, что вы едите? Разве я не даю вам травы?»

— Вот, вот! Разве я не даю вам травы? — вставил хозяин.

— Слушай дальше, господин! — продолжал раб. — Вздыхнула корова и говорит: «Ты требуешь молока, а кормишь нас грязными корнями...»

— Ладно, хватит! — замахал руками господин. — Не то ты говоришь. Разве не я даю вам пищу и одежду? Сами

посудите, земля — моя, дом — мой, вода — моя... если бы я не кормил вас, как бы вы жили?

— Верно говорит господин? — спросил старый раб у всех.

— Верно, — ответили рабы в один голос.

— Пусть так, господин, твоя правда! Только, говоря по справедливости, мы кормим тебя, а не ты нас. Если мы уйдем, то заживем еще лучше, а вот тебе без нас не прожить!

— Ну и насмешил, — расхохотался господин, — никогда такого не слыхал! Катитесь-ка вы отсюда! А будете голодать, пеняйте на себя!

— Спасибо на добром слове, — ответил старый раб и увел всех рабов к берегам Ялуцзанбуцзяна. Некоторые боялись уходить от господина, но прошло несколько дней, и они выстроили восьмиугольные дома на четырех столбах, внутри постелили красивые ковры и стали возделывать один участок жирной земли за другим. Старый раб смастерил шестиструнную лютню и по ночам при свете луны играл на ней, а молодежь собиралась вокруг, пела и танцевала.

А с господином что случилось! Ушли от него рабы, все самому пришлось делать, а делать-то он ничего не умеет. Сплет из веток корзину, взвалил на спину и отправился по воду, взял сосновую палку и давай ею огонь раздувать, собаку привязал в амбаре мышей ловить, а яка — в горах ловить тигров.

Захотелось ему как-то раз зайчатины, погнал он старую свинью в горы охотиться. Вдруг из травы выскочил заяц, господин как поддаст свинье под зад, хрюкнула свинья, а заяц испугался и как припустится к самой вершине горы. Пропала у господина всякая надежда на зайчатину, стукнул он два раза палкой старую свинью, а ее и след простыл.

В другой раз решил господин к другу в гости съездить. Притащил седло, чтоб лошадь снарядить. Раньше он, бывало, только ездил, а коней никогда не седлал. Приложит седло так, не подходит, приспособит этак, тоже не годится, наконец приладил он седло к шее коня, сел, довольный, верхом и поехал; кто не увидит — все смеются. Посреди дороги встретился ему его друг — другой господин. Его друг тоже рассердился на рабов, сам оседлал коня и поехал к приятелю. Привязал он седло под брюхом, сам на седле

висит — так и едет. Даже господин подивился и осмелился спросить:

— Ты почему так едешь?

— Рабы привязывают седло к спине коня, а я нарочно привязал его под брюхом, так куда лучше: в ясный день солнце не припекает, в дождь одежда не промокает. Рабы говорят, мы, господа, никуда не годимся, вот я нарочно так и сделал.

Господин слушал, слушал, затем прыгнул на землю, привязал седло коню под брюхо, сел «верхом» и, смеясь, сказал приятелю:

— Ты прав, пусть знают рабы, на что способны господа!

ЮГУЦЗИНЬ

Жил-был человек по имени Югуцзинь. Надоело ему сидеть дома, и решил он пойти к друзьям поразвлечься. Сказано — сделано. Только вышел Югуцзинь за ворота, а навстречу какой-то человек гонит лошадь. Вдруг лошадь заржала и пустилась вскачь прямо на Югуцзиня.

— Эй! — закричал погонщик. — Останови мою лошадь!

Недолго думая, Югуцзинь схватил большой камень и перебил лошади ногу. Рассердился тут погонщик, покраснел от злости, тычет кулак в лицо Югуцзиня и ругается:

— Пустоголовая ты скотина! Зачем сломал моей лошади ногу?

— Ну, и дуралей же ты! Разве ее можно было иначе удержать?

— Да кто тебя просил бросать камень? — Тут погонщик схватил Югуцзиня за полы одежды и закричал: — Что с тобой говорить? Пошли к царю!

А Югуцзинь схватил погонщика за руки и тоже заорал:

— Пошли, пошли! Думаешь, я тебя испугался?

Так, переругиваясь, они подошли к реке, но моста не было, а идти вброд они боялись, так как не знали, глубока ли река. На берегу работал плотник, он держал в зубах топор и размечал бревно намоченной в туши ниткой.

— Эй, плотник, плотник! — крикнул ему Югуцзинь. — Тут глубоко? Можно перейти вброд?

Плотник открыл рот, и топор с шумом упал в реку. Рассердился плотник и стал требовать, чтоб Югуцзинь уплатил за топор.

— Это уж ты сам виноват, почему я должен платить? — возмутился Югуцзинь.

Кончилось тем, что плотник тоже потащил Югуцзиня к царю. Прошли втроем немного и решили завернуть в харчевню выпить вина. Отдуваясь, ввалился туда Югуцзинь и сразу шлепнулся на кровать. Вдруг слышит крик: оказывается, там спал ребенок хозяина. Югуцзинь сел и задавил его. Увидав, что дело плохо, все трое решили поскорей удрать и выпрыгнули в окно. Хозяин харчевни как раз сучил под окном нитки. Югуцзинь свалился прямо ему на голову и задавил насмерть. Тогда хозяйка харчевни поволокла Югуцзиня к царю на расправу за убийство мужа и сына.

Пришли они все во дворец царя. Как рассказывают, правил в те времена самый мудрый в мире царь. И каждое его слово было законом. Царь расспросил о деле и начал судить:

— Если бы у твоей лошади не было ног, — сказал он погонщику, — она не смогла бы убежать от тебя, поэтому-то и надо было перешибить ей ногу! Так! Если бы ты не закричал Югуцзиню, он бы не успел сломать ногу лошади; значит, тут виноват твой язык, очень уж он много болтает: отрезать погонщику язык! Дальше, Югуцзинь схватил камень правой рукой и бросил его в ногу лошади — следует отрубить ему правую руку!.. У плотника зубы не удержали топор — выбить ему их все до одного!.. А ты, — обратился царь к хозяйке харчевни, — если б не торговала вином, то не потеряла бы мужа и сына, ведь тогда бы эти трое к тебе не зашли! Ну, а раз твои муж и ребенок умерли, то, что ни говори, — их не оживишь! Бери себе в мужья Югуцзиня и живите вместе, пока у тебя не родится сын! Вот и все!

Все четверо были очень недовольны царским судом, но ведь в те времена слово царя было законом. Так и пришлось им подчиниться!

КАК ОБЕЗЬЯНА ПУТЕШЕСТВОВАТЬ СОБИРАЛАСЬ

Как-то раз обезьяна задумала путешествовать по Гималаям и составила подробный план своего пути: где в первый день остановится, где на второй будет завтракать — все записала! Потом еще раз все прикинула, проверила и похвалила себя за аккуратность. Когда обезьяна принялась укладывать вещи, мимо пролетал орел.

— Куда собираешься? — окликнул он обезьяну.

— Путешествовать по Гималаям! — гордо ответила та. — Хотя это и очень высокие горы, я непременно туда отправлюсь, даже если мне придется идти всю жизнь! Уже все готово! Три дня я рассчитываю провести на Чомолунга... А ты, братец, неужели не хочешь прогуляться?

— Ах, сестрица, какая ты смелая! — воскликнул орел. — Желаю тебе удачи! А у меня есть другие дела, не могу сейчас путешествовать!

Он взмахнул крыльями и улетел. А обезьяна связала все вещи и вдруг обнаружила в своем плане пробел: как идти туда и обратно, там записано, а вот как гулять по Чомолунга, она не обдумала! Обезьяна тут же развязала багаж и принялась составлять новый план.

На другой день с неба опять слетел орел:

— Сестрица обезьяна, ты еще не двинулась в путь?

— План не закончила, пришлось на день отложить! Но сегодня непременно отправлюсь!

Только орел улетел, как обезьяна снова просмотрела план: оказывается, она забыла указать места, где делать большие дела, а где малые. Снова пришлось остаться. На третий день обезьяна опять услышала вопрос орла:

— Сестрица, все еще переделываешь план?

— Да, — ответила она, — но уж больше не придется,

этот план будет самый подробный. Как закончу его, можно считать, что прошла две трети пути!

Орел с сомнением выслушал разглагольствования обезьяны, взмахнул крыльями и умчался вдаль. Обезьяна же складывала вещи, упаковывала тюки, готовила провизию... Хлопотала всюю! Но только собралась в путь, как заметила, что солнце уже клонится к западу.

«Не годится! — подумала она. — Слишком поздно, в плане записано, что отправляться в путь надо, когда солнце на востоке, а если сегодня пойти, весь план сломаешь!»

На четвертый и пятый день шел дождь. И обезьяна не трогалась в путь, так как в плане было сказано, что выходить надо в ясную погоду... На седьмой день, как только солнце вползло на горные вершины, обезьяна взвалила на спину вещи, взяла плаи путешествия и двинулась к Гималаям. Она шла, раскачиваясь на ходу, и ликовала:

«Сегодня сделаю привал на лугу, завтра — в ущелье, послезавтра — на вершине горы, а через шесть дней вернусь домой. Я буду первой путешественницей по Гималаям!»

И тут она услышала сверху голос орла; обезьяна остановилась и крикнула:

— Здорово! Я иду в Гималаи! Прощай! Как только вернусь, обязательно расскажу тебе все новости!

— Спасибо, сестрица! Только зря не трудись! Я ведь лечу как раз оттуда! — ответил ей орел.

Обезьяну будто холодной водой окатило, она остолбенела и не могла вымолвить ни слова. А потом грустно поплелась назад.

— Ты почему возвращаешься? — спросил орел.

— Не пойду в Гималаи! — буркнула она. — Решила путешествовать по Куэньлуню!

— Разве у тебя нет плана?

— Этот план не годится, надо составлять новый!

КАК ЖАБА НА НЕБО ХОТЕЛА ПРЫГНУТЬ

Одной уродливой жабе надоело жить в озере, она надулась и — «пу!» — выпрыгнула из воды на берег, да с таким шумом, что даже испугала корову, которая паслась на лугу. Когда корова как следует разглядела жабу, то не выдержала и засмеялась:

— Вот так здорово! Высоко прыгаешь, милая!

Выслушав похвалу, жаба решила не ударить в грязь лицом и, надувшись, скакнула еще два раза.

— Ну что, матушка корова, выше я прыгнула? — гордо спросила она.

— Выше, выше! — отвечала та.

— Выше твоей ноги?

— Конечно, выше!

Жаба обрадовалась и снова спросила:

— Выше твоей спины?

— Гораздо выше! Боюсь, если ты еще поднатужишься, то прыгнешь прямо на небо! Смотри не перестарайся!

Жаба приняла слова коровы за чистую монету и задумалась. Не так уж плохо было бы попасть на небо! Жаба вернулась в озеро и стала мечтать. Она всегда считала себя умнее других и, когда разговаривала с соседками, непременно надувалась и пучила глаза, точно важная госпожа. Другие жабы, услышав, что она хочет прыгнуть в небо, подняли ее на смех. А старая жаба принялась ругать ее за такие бредни и даже укусила разок. Все соседи решили больше с ней не разговаривать и спрятались подалее.

И вот на следующий день жаба задумала прыгать на небо. Рано утром она высунулась из воды, надулась и поглядела вверх. По небу как раз летел лебедь, и жаба крикнула ему:

- Эй, посторонись! А то я тебя собью!
— Ты чего кричишь? — спросил лебедь.
— Сейчас я прыгну в небо! — отвечала жаба.

Услышав это, лебедь захохотал, он смеялся до слез, а потом сказал нарочно:

- Прыгать прыгай, только не сбей меня!

Жаба вобрала в себя побольше воздуха и выпрыгнула на берег.

- Уже небо? — довольно спросила она.

- Нет, еще далеко! — ответил лебедь.

«Пу!» — жаба подскочила еще раз и вспрыгнула на камень:

- А это небо?

— Полдороги осталось, разок скакнешь — и на небе! — захихикал лебедь.

«Пу-тун!» — жаба перепрыгнула на большой камень, а лебедь закричал:

- Не прыгай дальше! Уже небо!

Жаба была в восторге. Она обскакала весь камень кругом, а затем плюхнулась назад в озеро.

— Я только что побывала на небе! — заявила она другим жабам.

- А какое оно, это небо? — спросили те.

— Да как большой камень! И совсем недалеко: три скачка — туда, и один — обратно!

ЗАЯЦ И ОБЕЗЬЯНА

Все знают, что у обезьяны красный зад, но почему он стал красным, помнят немногие. Вот какую историю рассказывают об этом в Тибете.

Случилось все это очень давно. В те времена обезьяна была необычайно хитрой, ей удавалось обманывать даже человека, а уж о зверях и говорить нечего: всякие шутки с ними проделывала, и все звери были злы на обезьяну, но как расправиться с обманщицей — не знали. Особенно ненавидел обезьяну заяц. Вот он и стал думать, как проучить ее, пусть проглотит орешек погорше, — посмотрим, сморщится она при этом или нет! И заяц придумал хороший способ. Однажды он столкнулся с обезьяной на лугу близ деревни. Оба они хорошо помнили друг друга, но не знали, как кого зовут. На этот раз заяц не стал с обезьяной спорить, а предложил подружиться, та не возражала. Для этого прежде всего им надо было узнать имена друг друга.

— Как тебя зовут? — спросил заяц.

— Обезьяна. А тебя?

— А меня зовут Зад! — ответил заяц.

Так они стали друзьями и быстро разговорились. Поговорили о том о сем, все обсудили, да так заболтались, что только в полдень разошлись. Вечером заяц снова разыскал обезьяну и с таинственным видом говорит ей:

— Дружок! Я пришел к тебе посоветоваться об одном деле! Да не знаю, согласишься ли ты?

— Что за дело? Говори скорей! Мы же с тобой друзья! — ничего не подозревая, сказала обезьяна.

Заяц разгладил усы и продолжал:

— Подружились мы только сегодня! Но все же,

в честь нашей дружбы, я решил пойти вечером в деревню и попировать. Согласна?

— Почему же нет? — довольно захихикала обезьяна.

— Тогда сразу и пойдем! — заторопился заяц. — Уже стемнело, пока дойдем, пока поедим, пока отдохнем, — так время и пролетит!

Обезьяна была в восторге. Договорились обо всем, прокрались в деревню и залезли в амбар. Прислушались: кругом все тихо, — и преспокойно принялись за еду. Поели, начал заяц зевать и шепчет обезьяне на ухо:

— Устал я до смерти, посплю немного, а потом еще поем. Ты же, как наешься, разбуди меня!

Обезьяна кивнула в знак согласия, а заяц повалился и уснул. Очень скоро обезьяна насытилась и растолкала зайца. Тот принялся за еду, а обезьяна уснула. Видит заяц, что обезьяна крепко спит, сходил тут же по большой пужде и выскользнул из амбара. А когда уходил, нарочно хлопнул дверью, чтобы услышал хозяин.

Хозяин услышал, как хлопнула дверь, и решил проверить, все ли в порядке. Кругом было спокойно, лишь из сарая доносился громкий храп. Крестьянин открыл дверь и увидел спящую обезьяну. Так вот, оказывается, кто ворует у него припасы! Побежал крестьянин к обезьяне, да поскользнулся, глянул — навоз! Рассердился, схватил обезьяну за шиворот и давай хлестать плеткой. Взыла обезьяна от боли, а спросонья не понимает, что случилось. Только слышит: «Ах ты дрянь! Мало того, что ворует хлеб, так еще и пакостишь!» Тут смекнула обезьяна, в чем дело.

— Это не я напакостила! Это... это — Зад!

Услыхал крестьянин, фыркнул и ну хлестать ее по заду. Хлещет и приговаривает:

— Верно говоришь, зад во всем виноват! Вот ему, вот ему!

Ничего не оставалось обезьяне, как терпеть. С тех пор зад у обезьяны красный, здорово ее тогда отхлестали!

ЛЯГУШКА-НАЕЗДНИК

Далеко в горах жили когда-то муж да жена, жили бедно, сеяли на каменистых склонах просо и картофель, тем и кормились. Незаметно стала подкрадываться к ним старость, сил с каждым днем становилось все меньше.

— Родился бы у нас сыночек — вот хорошо было бы! — часто говорили они. — Было бы кому хлеб сеять, налог платить, в горах хворост рубить, когда мы состаримся. Хоть спину разогнули бы да у огня погрелись!

И отправились они помолиться духу Морчжана¹, усердно молились, и вскоре жена понесла. Через семь месяцев она разрешилась, но вместо сыночка родила пучеглазую лягушку.

— Неладное что-то творится! — сказал старик жене. — Вместо сынка лягушонок у нас родился! Давай выбросим его!

Услышала это жена и отвечает:

— Не пожалел нас дух Морчжана, послал нам вместо сынка лягушку. Что же поделаешь! Наше чадо! Как его выкинешь? Пустим его в пруд, что за нашим домом, пускай себе растет!

Послушался старик, понес лягушонка к пруду, а тот вдруг заговорил человеческим голосом:

— Папа, мама! Не бросайте меня в пруд! От людей я родился, — у людей и расти буду! А как вырасту, все здесь по-другому устрою!

— Вот чудеса! — удивился старик. — Лягушонок человеческим голосом заговорил!

— А он дело говорит! — сказала старуха. — Выйдем мы из нужды — все переменится, а иначе и жить не

---

¹ Морчжана — божество гор и рек.

стоит. Видно, лягушонок этот не простой, пусть живет с нами!

Так и остался лягушонок жить со стариками. Незаметно пролетели три года. Видит лягушонок, отцу с матерью что ни день, то труднее в поле работать, и говорит:

— Мать, испеки мне завтра лепешку с решето и положи ее в мешок. Я пойду свататься в дом к правителю. Есть у него три дочери — три красавицы, я и выберу в жены ту, у которой сердце добрей да руки искусней! Будет тебе помощница!

— Сынок, — отвечает ему мать, — подумай, что ты говоришь! Таких маленьких и безобразных, как ты, люди ногами топчут. Кто же согласится выдать за тебя свою дочь?

— Не беспокойся, мама, и сделай все, как я сказал!

Послушалась его мать, испекла лепешку величиной с решето, положила в мешок. Взвалил его лягушонок на спину и скок-поскок — запрыгал вдоль канавы к каменному дому правителя. Прискакал к воротам и давай кричать:

— Эй, правитель! Отворяй скорей ворота!

Правитель услышал и послал людей посмотреть, кто кричит. Те вернулись и удивляются:

— Господин, вот диво: маленький лягушонок зовет тебя! Не иначе как оборотень! Брось ему на голову уголек!

— Нельзя, — отвечает правитель, — лягушка родилась в воде! Наверно, ее прислали из дворца Дракона — властителя вод! Плесните на нее молоком в знак уважения.

Выслушав приказ, слуги с почтением приняли лягушонка и брызнули на него молоком. А в воротах встретил его сам правитель и спрашивает:

— Ты пришел из дворца Дракона?

— Нет, — ответил лягушонок. — Слышал я, что есть у тебя три дочери, и все на выданье. Вот и хочу выбрать себе жену! Отдашь за меня дочь?

Изумился правитель, и все вокруг удивились, услышав такие слова.

— Не шути, лягушонок, — сказал правитель, — ты, видно, не знаешь, как ты мал и уродлив, а еще хочешь жениться на моей дочери! Сколько знатных юношей сваталось к моим дочерям, я и то не согласился! Так неужели я отдам свою дочь лягушонку?

— Что же, — сказал лягушонок, — раз ты не согласен, я буду смеяться!

— Ах ты мерзкая тварь, — рассердился правитель, — не болтай чепухи! Смейся сколько хочешь, а дочери моей не получишь!

Тут лягушонок как захохочет: «Гэ-гэ-гэ!» Громче, чем тысяча лягушек ночью на болоте. От его хохота задрожала земля, зашатались хоромы правителя, будто хотели рухнуть! Треснули стены, полетели камни, солнечный свет померк. Кинулись правитель и его люди в дом, толкаются, давят друг друга. Поднялась суматоха! Не выдержал правитель, выглянул из окна и просит лягушонка:

— Перестань смеяться! Мы и так еле живы! Хочешь, я отдам за тебя свою старшую дочь?

Умолк лягушонок, перестала дрожать земля; не шатались больше хоромы. Вызвал правитель свою старшую дочь и велел ей идти замуж за лягушонка. Привели двух лошадей: одну для невесты, другую — для приданого. Не хотела старшая дочь идти замуж за лягушонка и, когда садилась на лошадь, потихоньку, чтобы никто не заметил, вытащила жерновок от ручной мельницы и спрятала его за пазуху.

Лягушонок вперед скачет, дорогу показывает, дочь правителя за ним, и все коня настегивает, норовит на лягушонка наехать, чтобы конь его копытами раздавил, а лягушонок то вправо, то влево увертывается. Тогда вытащила невеста из-за пазухи жерновок, бросила в лягушонка, а сама поскакала домой. Вдруг слышит, кричит ей лягушонок:

— Стой, стой, я тебе что-то скажу!

Обернулась, а лягушонок за ней прыгает: оказывается, в жернове было отверстие, лягушонок сквозь него проскочил и живым остался. Испугалась тут старшая дочь правителя, остановила коня. А лягушонок ей и говорит:

— Старшая сестрица, не буду я на тебе жениться, поезжай домой!

Так они оба и вернулись к правителю.

— Господин, — сказал лягушонок, — не возьму я в жены твою старшую дочь, давай другую!

— Да ты, я вижу, совсем сдурел! — рассердился правитель. — Забыл, видно, кто я? Не хочешь жениться на старшей дочери — убирайся!

— Что же, — говорит лягушонок, — раз ты не согласен, я буду плакать!

— Плачь, сколько хочешь! — ответил правитель, а сам подумал:

«Пусть плачет! Слезы — не смех, беды не будет!»

И лягушонок заплакал: «У-у-у!» Будто ливень разразился, потемнело небо, загрохотал гром, зашатались горы, с гор потекли потоки, вмиг поля покрылись водой. А лягушонок знай себе плачет. Стала вода подниматься, вот-вот хоромы правителя затопит! Полезли все на крышу, толкаются, сбивают друг друга. Наконец взмолился правитель:

— Лягушонок, не плачь! А то мы захлебнемся! Бери в жены мою среднюю дочь!

Лягушонок сразу перестал плакать, и вода постепенно ушла. Пришлось правителю позвать среднюю дочь и отдать ее лягушонку в жены. Не хотелось и ей идти за лягушку. Когда уезжала, спрятала за пазуху жерновок, а потом хотела лягушонка конем задавить, да не удалось. Тогда выпула она жерновок и бросила в лягушонка. А тот проскочил в отверстие и остался цел и невредим. Остановил он среднюю дочь правителя и говорит:

— Не женюсь я на тебе! Поезжай домой!

И повел ее коня к отцу. Вернул он среднюю дочь и попросил в жены младшую. Тут правитель не на шутку разгневался:

— Бесстыжая тварь! Мало тебе двух дочерей! Убирайся отсюда!

А лягушонок спокойно отвечает:

— Чего же ты сердишься? Обе твои дочери не захотели идти за меня, вот я их и привез обратно. Может быть, младшая согласится?

— И не думай! Ни за что не согласится! Какая дура захочет жить с таким уродом? Не отдам я ее тебе — и все!

— Что ж, — сказал лягушонок. — Раз ты не согласен, я начну прыгать!

— Прыгай, сколько хочешь! Никто тебя не боится!

И стал лягушонок прыгать: вверх-вниз, вверх-вниз! Затряслись горы, стали биться вершинами друг о друга, полетели огромные камни, пыль заволокла небо, ходуном заходила земля, дом правителя, казалось, вот-вот рухнет. Кашляя и чихая от пыли, правитель молил лягушонка остановиться. Перестал скакать лягушонок, и успокоилось все кругом. Велел правитель позвать младшую дочь. Вывели двух коней: на одного посадили невесту, на другого

сложили приданое, а лягушонок вперед поскакал. Младшая дочь правителя была девушкой доброй, жалко ей стало лягушонка, и поехала она с ним. Так и приехали они домой. А мать с отцом у ворот стоят, удивляются:

— Наш-то уродец какую красавицу привел!

Девушка оказалась скромной и работающей, помогала свекру и свекрови по хозяйству, уважала их, и они всем сердцем полюбили свою невестку.

Наступила осень. В горах шли приготовления к скачкам, которые устраивались каждый год. По старому обычаю съезжались люди за много сотен верст, богатые и бедные везли свои шатры и скопленные за год припасы. Все хотели участвовать в состязаниях. Жгли курительные свечи в честь богов и святых, танцевали, пили вино, но главным на празднике были скачки. Во время празднеств юноши выбирали себе любимых.

Посылала мать на праздник и лягушонка, но он только головой качал:

— Горы так высоки, мне не дойти!

Пришлось оставить его дома одного. На неделе «сжигания курительных свечей» три последних дня занимали конские состязания. Каждый день всадников-победителей окружали девушки и танцевали, а потом приглашали в шатер пить самодельное вино. Настал третий день состязаний. И вот, когда должны были соревноваться победители, вдруг на поле выехал юноша в черном, на черном коне... Он был красиво сложен, наряд его выделялся дорогой вышивкой, а седло украшали драгоценные камни. За плечами висел отделанный золотом и серебром самострел. Лишь только он появился, все взоры обратились к нему. Юноша пожелал участвовать в состязаниях и тут же был принят.

Всадник в черном не торопился. Когда другие подхлестывали своих коней, он все еще поправлял седло, затем двинулся с места, сначала медленно, потом все быстрее, быстрее. Он мчался по полю и стрелял из самострела. Выпустил три стрелы, и упали на землю три подстреленных орла. Потом всадник вырвался вперед, соскочил с коня в левую сторону, сорвал несколько прекрасных цветов «шэрло»¹ и бросил зрителям слева; через мгновение он соскочил в правую сторону, сорвал несколько лиловых

¹ Шэрло — полевые золотистые цветы.

хризантем и кинул их зрителям справа. После этого он вскочил на коня и понесся как птица. На зеленом ковре поля было видно лишь, как мелькали копыта, точно всадник мчался по облакам, у зрителей даже в глазах рябило. Он пришел первым. Старики, ученые ламы, женщины, юные девушки — все, кто был на поле, пришли в восхищенье, со всех сторон только и слышалось:

— Откуда явился этот юноша? Как его имя?

Победителя окружили девушки, они стали петь и танцевать в его честь. Каждая звала его к себе в шатер отве-
дать собственноручно приготовленного вина.

Но как только солнце село за горы, юноша поспешно распрощался со всеми, быстро вскочил на коня и помчался в ту сторону, откуда приехали родители лягушонка. Все смотрели ему вслед, но видна была лишь пыль под копы-
тами коня.

Жена лягушонка забыла обо всем на свете, только и думала, что о прекрасном юноше. Любовь к нему перепол-
няла ее сердце. Когда она вместе со стариками вернулась
домой, лягушонок уже ждал их у ворот. На скачках он
не был, а про удивительного наездника уже все знал! Все
подивились, но тут же забыли об этом.

На следующую осень скачки проводились на равнине. Жена и родители лягушонка снова отправились посмотре-
ть на праздник. Многие помнили победителя на черном
коне и говорили:

— Если он снова появится, непременно спросим, от-
куда он и как его имя?!

Наступил последний день состязаний, и всадник в чер-
ном вновь явился, неожиданно, точно с неба слетел. На
этот раз он был одет еще богаче и красивее. Когда все
наездники ринулись вперед, он стал пить чай. Потом вско-
чил на коня и полетел по кругу. Как и в прошлый раз,
он на полном скаку спустил три стрелы из самострела и
убил трех орлов, а после соскочил и нарвал шэрло и хри-
зантем, чтобы кинуть их зрителям. Когда же он пустил
коня вскачь, то видно было лишь темное облако над сте-
пью. И опять неизвестный юноша вышел победителем.
Девушки окружили его, их песни и танцы были еще неж-
нее и ласковее, чем в прошлый раз. Снова приглашали его
отведать вина в шатрах, но лишь солнце закатилось,
юноша вскочил на коня и умчался вдаль. И старики, и
ученые ламы, и нежные девушки глядели ему вслед, но

видели только пыль из-под копыт коня. Никто не успел спросить ни имени, ни родины юноши. А когда старики с невесткой вернулись домой, лягушонок уже знал обо всем.

Задумалась невестка:

«Он ведь ни разу не был на празднике, кто же рассказал ему обо всем? И почему юноша в черном уехал на закате? А ехал-то он в нашу сторону!»

Ей очень хотелось узнать всю правду.

Время летело быстро, и снова наступила осень. Опять невестка вместе со стариками отправилась на праздник, жгла курительные свечи, танцевала, пила вино, а когда подошел день состязаний, сказала больно и верхом на муле поехала домой. Дома она первым делом стала искать лягушонка, все обшарила — нигде нет! Наконец на жаровне нашла лягушечью кожу, точь-в-точь как у ее мужа. Взяла она кожу в руки и заплакала от радости:

— Да, это действительно он! О небо, как я счастлива! Муж мой и есть тот прекрасный юноша! Тот искусный наездник! Но я не стою его! Я ведь всего лишь простая девушка!

Она говорила, а слезы так и лились из глаз. Свернула девушка лягушечью кожу и рассердилась:

— Почему он должен носить эту безобразную кожу? Почему хочет быть таким маленьким и уродливым? Неужели потому, что я его не стою?

С этими словами она бросила лягушечью кожу в огонь. Солнце в это время уже село за горы, и неожиданно явился юноша на черном коне, — точно черное облако спустилось с неба! Увидел юноша, что горит лягушечья кожа, и побелел от страха! Соскочил он с коня, выхватил из огня кожу, но она почти вся сгорела: осталось ее только на правую лапку. Вздохнул юноша и в изнеможении повалился на землю. Перепугалась тут молодая женщина, втащила его в дом.

— Милый мой муженек, — говорит, — ты и есть тот пригожий юноша, тот искусный наездник, зачем же тебе жить лягушкой? У всех женщин мужья как мужья, только у меня — лягушонок! Пожалей меня!

И ответил ей юноша:

— Любимая жена моя, поторопилась ты, подождала бы еще немного, пока я окрепну, тогда мы зажили бы счастливо! А теперь не смогу я больше жить на свете, и народ мой не увидит счастья!

— Неужто все пропало и виной всему я?

— Нет, ты не виновата. Я сам себя сгубил, — отвечал юноша, — хотел силу свою испытать, вот и поехал на скачки. Не простой я человек, я — сын Земли Саркар¹. Если бы набрался я сил, то помог бы людям, исчезло бы зло, богачи не обижали бы бедняков, чиновники не угнетали бы простой люд. Протянулись бы дороги от нас до Пекина и от Пекина к нам, ханьцы² везли бы сюда хлеб, а мы к ним коров и овец... Но пока я еще слаб, силенок не хватает, и ночи не проживу без лягушечьей кожи — замерзну! До рассвета умру! А была бы у меня сила, уладил бы все дела людские, разогрелся бы, тогда и холодная ночь не страшна! А сейчас не дожить мне до восхода, сегодня ночью вернусь к Земле-матери!..

Выслушала его жена, залилась горячими слезами, обняла мужа и думает с тоской:

«Муж мой милый, за что же ты погибнешь! Нет, не бывать этому, ты будешь жить!»

Жалко стало юноше свою женушку, взял он ее за руку и говорит:

— Не горюй так, если хочешь, чтобы я жил, садись на моего коня и скачи скорей на запад, может и успеешь. Там, в красном облаке, стоит дворец, а во дворце живет Небесный владыка. Проси его ради счастья всех людей на земле дать согласие на три свершения: первое — чтоб не было у нас различия меж богатыми и бедными, второе — чтоб чиновники не угнетали простой люд, а третье — чтоб дорога соединила наши земли с Пекином, а Пекин с нами, ханьцы бы везли к нам хлеб, а мы к ним — коров и овец. Если небесный владыка разрешит эти свершения до рассвета, станет повсюду тепло, тогда я смогу прожить ночь без лягушечьей кожи.

Мигом вскочила юная жена на коня и понеслась как стрела. В ушах у нее свистел ветер, а глаза видели лишь белое облако позади. И вот примчал ее конь к ярко-красному дворцу, утопавшему в солнечных лучах. Вошла она к Небесному владыке и передала ему свою просьбу. Ее искренность тронула владыку, и он согласился.

— Девушка, — молвил Небесный владыка, — за твою верность я готов исполнить все три просьбы, но до вос-

---

¹ Саркар — сын богини Земли, рождающей все живое.

² Ханьцы — китайцы.

хода солнца ты должна обо всем поведать людям, пусть в каждом доме и в каждой семье знают, что свершится! Тогда исчезнет холод, и твой муж не погибнет без лягушечьей кожи!

Обрадовалась девушка, поблагодарила Небесного владыку и ускакала на своем чудесном коне: ведь до восхода ей предстояло совершить долгий путь. Но лежал он, как назло, мимо дома ее отца. Увидал ее отец и спрашивает:

— Куда это ты скачешь на коне глубокой ночью?

— Дело есть, отец! Всевышний дал согласие на великие перемены, и я должна сообщить об этом всему народу!

— Поведай же и мне волю неба!

— Нет, отец, сейчас некогда, на обратном пути!

— Но я ведь — правитель и поэтому должен знать обо всем раньше других! — Он подошел к дочери и схватил ее коня за гриву. Тогда девушка решила поскорее рассказать ему обо всем и мчаться дальше.

— Небесный владыка согласился, чтобы в мире не было богатых и бедных!

— Что-о? — нахмурился правитель. — Значит, не будет больше ни господ, ни слуг и твои сестры останутся без приданого...

— Чиновники не будут угнетать крестьян...

— А кто же нам станет платить налоги? — покачал головой отец. — Кто станет пасти овец и пахать землю для нас?

И он еще крепче ухватил гриву лошади.

— А еще дорога пройдет от Пекина и обратно, ханьцы повезут к нам зерно, а мы к ним — скот!.. После этого на земле станет тепло...

— Не болтай глупостей! — оборвал ее правитель. — Нам довольно и своего мяса, зачем еще ханьское зерно? Ты не верь, это не воля неба! Я не позволю тебе рассказывать всю эту чепуху крестьянам!

— Отец, я не могу остаться! Отпусти меня! — взмолилась дочь.

Но правитель крепко держал коня. Они долго спорили, и вдруг прокричал петух. Девушка испугалась и хлестнула коня, но отец продолжал держать коня за гриву.

— Сумасшедшая! Хочешь оставить сестер без приданого, а отца — без батраков! — кричал правитель.

Тут петух прокричал во второй раз. Хлестнула девушка коня что было сил, взвился он в воздух, а правитель шлепнулся на землю. Но только успела девушка доехать до первого дома, как петух прокричал в третий раз. Небо стало светлеть. Только несколько крестьян узнало о воле Небесного владыки. Поняла девушка, что опоздала, и повернула коня домой.

А дома свекор со свекровью оплакивают своего сына. Видит девушка, что ничем помочь нельзя, легла рядом с мертвым всадником, плачет и отца своего прокликает.

Похоронили юношу на скале. Каждый день в сумерки приходила его верная жена поплакать на могиле. И вот однажды превратилась она в большой камень. С тех пор не слышно больше ее плача. А камень и теперь еще стоит. Он смело смотрит в небо, и кажется, будто это девушка с распущенными волосами возносит молитву к Небесному владыке. Так все и молится без устали!

ЗОЛОТАЯ ВАЗА И ОБЕЗЬЯНЫ

Жили-были когда-то два хороших друга. Они ходили вместе в горы копать целебные коренья. И вот однажды выкопали они из земли вазу. В таких вазах ламы обычно держат чистую воду во время молений. Увидели друзья, что ваза эта золотая, и задумал один из друзей потихоньку завладеть ею. Второй же друг, ничего не подозревая, решил поделить находку поровну и свою долю раздать бедным.

— Братец, боюсь, что это не настоящее золото. Кто бы бросил тут, в горах, золотую вазу? Не иначе как это подделка, — сказал первый.

— Может быть, — сказал второй. — Давай проверим. А если даже она и не золотая, не беда, мы ведь не за золотом сюда пришли, а за кореньями.

Вернулись друзья в этот день с гор и решили отдохнуть в доме у первого друга. Ночью первый друг и говорит:

— Братец, давай пока оставим эту вазу у меня. Я найду кого-нибудь, кто знает толк в золоте. А когда ты придешь в следующий раз, мы разделим ее.

Второй очень доверял другу и, конечно, согласился. Утром он отправился домой, управился со всеми домашними делами и через несколько дней снова пошел к другу. Входит, а друг его сидит грустный, низко голову повесил.

— Ты о чем печалишься, старший брат? — спрашивает он.

— Да все из-за вазы, которую мы нашли. Я думал, она золотая, попробовал ее на огне, а она и расплавилась — оловянная была. А олово, сам знаешь, ничего не стоит. Напрасно мы подобрали ее.

Видит второй, что друг его хитрит, но виду не показывает и очень приветливо ему говорит:

— Зря расстраиваешься, братец! Вазу эту мы нашли случайно, и никакой беды нет в том, что она оказалась не золотая.

Тут друг его успокоился и повеселел: теперь он один будет владеть золотой вазой. В этот вечер он велел приготовить побольше вина и закусок, чтобы угостить друга. На следующий день второй стал прощаться и перед самым уходом сказал:

— У вас вокруг только горы. А у меня и горы, и речка, и плодов много всяких. А в горах распускаются красные цветы. Отпусти своих ребятишек, пусть немного поживут у меня.

Обрадовался первый и стал хвалить друга:

— Братец, мои дети — твои дети, если только это не доставит тебе хлопот, бери их.

И вот второй друг, захватив двух ребятишек, отправился в путь. Когда они проходили мимо Обезьяньей горы, он поймал на дереве двух обезьянок, чтобы дети могли играть с ними. Радости детей не было конца. Когда они пришли домой, он стал учить детей вместе с обезьянками танцевать под музыку и являться по первому зову. А обезьянок стал звать теми же именами, что звали детей. Прошло три месяца. И вот второй друг написал первому, чтобы тот забрал своих детей. Он высчитал, когда должен прийти первый, и в тот день послал детей в горы за плодами. Входит первый и видит: второй бьет себя в грудь, а потом падает на колени и, плача, говорит:

— Как я теперь посмотрю в глаза моему другу?!

Взглянул на него первый и взволнованно спрашивает:

— Братец, что тебя так огорчило?

— Боюсь даже признаться тебе.

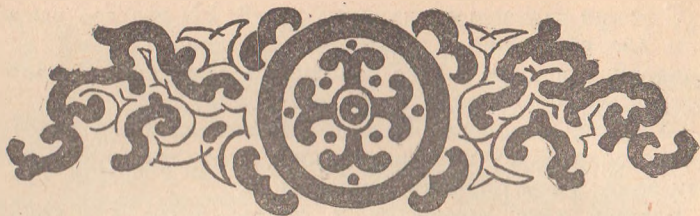
— Что такое? Говори! — воскликнул первый. — Может быть, я смогу разделить твою горе? Ведь мы все равно что братья родные.

— Дело в том, — сказал второй, — что с твоими детьми беда стряслась. Когда они пришли сюда, они очень весело играли, а потом, не знаю даже как, вдруг превратились в обезьян. Теперь они целыми днями прыгают да лазают по деревьям и совсем перестали походить на детей.

С этими словами он кликнул детей. На его зов выскочили две обезьянки и подбежали к нему. Первый друг удивился, и в душе у него зародилось сомнение. Он долго смотрел на обезьянок и вдруг все понял:

— Друг, я виноват. Ваза действительно была золотая и не расплавилась на огне. Позови моих детей, а я принесу вазу, и мы поровну разделим ее.

Второй друг засмеялся и позвал детей. На другой день они вместе пошли в дом к первому делить вазу.

УИГУРСКИЕ СКАЗКИ

ГЕРОИ АЛИ КУРБАН

МАТЬ АЛИ КУРБАНА

Жила-была старая женщина, муж у нее умер, и осталась она вдвоем с дочерью Марикой.

Марика была красивая, умная, работающая девочка. Мать души в ней не чаяла, а дочка тепло заботилась о матери, так они и жили — помогали друг другу, вместе трудились, старались из нищеты выбиться. Мать пряла, а дочка сучила для нее нитки; мать стряпала, а девочка носила хворост.

Когда Марике исполнилось четырнадцать лет, она стала вместе с матерью ходить в горы за хворостом. А в тех горах хворост собирала вся деревня. И вот дни бежали за днями, и горы вскоре будто облысели: ни деревца, ни даже травинки на них не осталось, все пожгли люди.

Однажды мать с дочерью отправились в горы, они обошли их вдоль и поперек, но не нашли ни сучочка. Дочь и говорит:

— Видишь речку? Давай переправимся на тот берег — там и нарубим хворосту. Смотри, как его там много!

Мать забралась на склон, взглянула вдаль — и в самом деле на другом берегу реки стоит густой лес. Недолго думая, мать с дочерью отправились к реке. Кто же мог знать, что река окажется глубокая и что перейти ее вброд нельзя — нужна лодка! И хотя на берегу стояла

лодка, у матери с девочкой не было денег, чтобы нанять ее. Старая женщина стала уговаривать лодочника:

— Добрый человек, позволь нам переехать на тот берег — хворосту нарубить. Очаг наш давно стоит холодный!

Взглянул лодочник на мать с дочерью, узнал их и говорит:

— А вы храбрая, матушка! Решились ехать туда за хворостом!

— Что же делать! — отвечает женщина. — Ведь у нас в горах не осталось даже листочка!

— Но на том берегу водятся дикие звери, — говорит лодочник, — туда никто не осмеливается ходить. Вы не думайте, что я не хочу переправить вас через реку, но там и вправду опасно!

Заколебались было мать с дочерью, да вспомнили, что дома нет ни хворостинки, обед приготовить не на чем. И Марика первая сказала:

— Едем! Соберем немного хворосту и вернемся. Солнце еще высоко, а днем звери не нападут на нас.

Видит лодочник, что советы его не помогают, согласился перевезти их через реку. Причалили они к берегу, смотря, а горы все покрыты лесом, трава — вышиной в рост человека. Но мать и дочь не испугались и смело направились в горы. Быстро набрали они хворосту, взвалили вязанки на плечи и пошли обратно.

Шли, шли, Марика и говорит:

— Мама, ты иди вперед, а я отдохну немного и догону тебя!

— Только не задерживайся, я буду ждать, — сказала мать и пошла вперед.

Дошла она до склона горы, села и принялась ждать.

Ждет час, ждет другой, а дочери все нет, позвала — никто не откликается. Забеспокоилась мать. Солнце уже село, в деревьях зашумел ветер, страшно стало в лесу. Поискала мать в горах, — никого не нашла, побоялась оставаться одна, вернулась к реке и попросила лодочника перевезти ее на другой берег. Вернулась она домой и проплакала всю ночь.

А случилось вот что. Марика отдохнула и только было поднялась, чтобы идти дальше, как вдруг вырос перед нею белый медведь. Испугалась Марика, задрожала вся и не успела даже вскрикнуть, как медведь бросился

на нее, схватил за горло. Потом взвалил ее на спину и унес в горы. Сколько вершин они перевалили, сколько рек перешли, трудно сказать. Когда Марика открыла глаза, она увидела, что лежит на каменной плите в глубокой пещере. Медведь подкатил к выходу большой камень и закрыл вход в пещеру.

Дождалась Марика, когда медведь уйдет, тихонько поднялась, подошла к выходу и попробовала отодвинуть камень, но не тут-то было — камень не двигался. Посмотрела она через щелку наружу — а вокруг лишь крутые скалы да бездонные пропасти. «Отсюда не убежишь!» — подумала она. Вспомнила Марика мать, которая осталась дома, и горько заплакала. Плакала она долго, а потом устала, прислонилась к стене и уснула. Сколько она спала — неизвестно, проснулась от какого-то звука, смотрит: перед ней стоит медведь и протягивает ей горные дикие персики...

Так Марика покормила людей и стала жить среди диких зверей. Каждый день медведь приносил ей горных баранов и диких оленей. Через год Марика родила сына; это был красивый ясноглазый мальчик, и похож он был на Марику, только тело у него было покрыто светлыми волосами. Марика горячо любила его и дала ему красивое имя — Али Курбан.

АЛИ КУРБАН СПАСАЕТ МАТЬ

Дни бежали быстро, и вот Али Курбану исполнилось семь лет. Каждый день он ходил вместе с медведем охотиться на зверей, а возвратившись в пещеру, разговаривал и шутил с матерью. Так он научился человеческому языку. В свои семь лет он был сильный и крепкий, ловко лазал по горам, отличался умом и добротой.

Жил он так с отцом и матерью, и чем дальше, тем больше удивлялся.

Однажды, когда медведя не было в пещере, он, ласкаясь к матери, спросил:

— Мама, скажи мне, почему ты ходишь на двух ногах, а отец — на четырех? У тебя тело не покрыто шерстью, а он весь волосатый? Почему, когда ты говоришь, отец тебя не понимает, а когда он говорит, ты его не понимаешь?

Услышала это Марика — и грустно стало у нее на сердце. Она глубоко вздохнула, из глаз полились слезы. Удивился Курбан, еще крепче обнял мать и проговорил:

— Мама, почему ты плачешь?

Долго рыдала Марика и не знала: сказать или не сказать сыну? Да так и не сказала.

С тех пор Марика частенько вздыхала, отирала украдкой слезы и день ото дня таяла. Еще больше забеспокоился мальчик. Однажды, когда медведя не было, он опять стал донимать Марику:

— Мама, ну расскажи мне!

— Нет, сыночек, не проси! — отвечала Марика. — Тебе же самому будет хуже! — И слезы потекли по ее щекам. Мальчик упал в объятия матери и тоже зарыдал:

— Почему ты не хочешь мне все рассказать? Если ты мне и сейчас не скажешь, я умру на твоих глазах!

Марика знала упрямство сына — уж как он сказал, так и сделает. А если его не станет, что она будет делать?.. Она даже подумать боялась об этом! И, поглаживая мальчика по лицу, она принялась рассказывать:

— Дома у меня тоже есть мать, и раньше я не расставалась с ней ни на минуту. Но вот уже скоро десять лет, как я попала сюда и не знаю, жива ли она, что стало с моим домом, с родной деревней?.. И как могла я так долго жить здесь с медведем!.. — И она заплакала еще сильнее.

Мальчик, тоже обливаясь слезами, успокаивал мать:

— Не горюй, мама! Мы здесь больше не останемся! Мы вместе вернемся домой!

Марика быстро зажала рот сына рукой и испуганно покосилась на дверь:

— Не болтай глупостей! Если медведь услышит, нам с тобой обоим конец. И запомни, сынок: когда вырастешь большой, тогда и будешь думать, как спасти свою маму.

Али Курбан встал. Глаза его горели:

— Я уже взрослый. Ты пойдешь со мной, мама, и тебе нечего бояться!

Марика не стала удерживать сына, вслед за ним она вышла из пещеры и взглянула на небо: солнце стояло еще высоко.

— Так рано он не может вернуться, идем быстрее, может быть, нам и удастся убежать.

С этими словами она взяла за руку Али Курбана, и они, не оглядываясь, зашагали прочь. На пути их вставали непроходимые горы, но Али Курбан с матерью легко миновали их. Когда солнце село, горный проход был уже позади, и они сели отдохнуть. Внизу расстиралась равнина — десять лет не видела ее Марика! И от радости она заплакала.

Вдруг издалека донесся медвежий рев. Марика задрожала от страха и прижалась к Курбану:

— Что же нам делать? Он догоняет нас!

— Не бойся, мама! Когда он будет здесь, я убью его.

— Нет, сынок, — проговорила Марика — Тебе не справиться с ним. Бежим скорее!

А рев все приближался. Курбан сказал:

— Спрячься поскорее, мама!

Марика проворно взобралась на скалу и спряталась за стволом старого дерева. Как раз в этот момент появился медведь. Увидел он, что Марики нет и перед ним стоит один Али Курбан, и заревел так, словно гром загрохотал. Разинул он свою огромную пасть и как бешеный кинулся на сына. Но тот ловко увернулся, и медведю не удалось его схватить. Тут он заревел еще громче и снова бросился на мальчика. На этот раз Курбан принял бой. Одним ударом он свалил медведя на землю, изо всех сил прижал к земле и принялся охаживать кулаками. Но хотя мальчик был сильный, у него было всего-навсего два кулачка. Марика видела все из-за дерева. Она быстро схватила два камня и кинула их сыну. Тот поймал камни и начал бить ими медведя по голове. Ударил раз, другой — и медведь был мертв.

Стемнело, но мать с сыном продолжали свой путь при свете луны. Вышли они на берег реки и видят: гуляют по реке волны и нет ни одной лодки! Марика как глянула, так и застыла на месте.

— Что ты смотришь, мама! — говорит Али Курбан. — Давай переправляться!

— Как же мы переберемся через такую большую реку?

— Не бойся, садись ко мне на спину и поплывем.

Но Марика остановила сына:

— Послушайся маму, сынок. Ступай сломай несколько деревьев — и мы сделаем плот.

Мать с сыном повалили несколько деревьев, связали их лозой, и к рассвету плот был готов. Они спустили его

на воду, вместо весел приспособили небольшие деревца и поплыли. Али Курбан чуть не прыгал от радости. Вскоре добрались они до противоположного берега и пошли дальше. Дорогу домой Марика забыла — знала только, в каком направлении нужно идти. Шли они шли и набрали наконец на жилое место. Крестьяне как раз были в поле. Как завидели они издали мать с сыном — а сын весь оброс шерстью! — побросали мотыги и побежали прочь, Бегут и кричат:

— Спасайтесь, человек-медведь пришел! Он всех съест!

Увидела это Марика и давай кричать:

— Земляки, остановитесь! Мы — люди...

Но никто уже не слышал ее — всех как ветром сдуло!

Пришли они в деревню, а ворота все заперты и камнями завалены. Но вот вышли несколько храбрецов с топорами и ножами в руках. Марика схватила за руку Али Курбана и стала рассказывать людям свою историю. Люди поняли, что ничего плохого они им не сделают, и постепенно успокоились. Все больше и больше крестьян выходило на улицу, они внимательно слушали Марику и под конец пожалели ее и сына — принесли им одежду и еду. Поблагодарила их Марика, оделась, поела и, разузнав хорошенько дорогу, отправилась вместе с сыном дальше.

После того как мать Марики потеряла свою горячо любимую дочь, она много раз отправлялась на поиски — и одна и с соседями, но девушки и след простыл. Подумала тогда мать: «Наверное, загрызли ее дикие звери!» Долго она горевала и проливала слезы, но делать нечего — пришлось жить одной.

Вот как-то вечером сидела она дома с соседками и рассказывала им о своей дочке. Было уже поздно, ребятишки уснули, как вдруг раздался стук в ворота.

— Кто бы это мог быть в такой поздний час? — заволновались все.

А с улицы донесся голос:

— Мама! Это я вернулась! Я — твоя Марика!

Как услышали это люди — затряслись от страха. Где-то вдалеке лаяла собака, за дверью завывал ветер — и все решили, что не иначе как сам черт стучится в двери. И вдруг с улицы опять послышался голос:

— Мама! Это я вернулась! Я, Марика! Открывай же скорей!

Кажется, и в самом деле голос Марики!

Вся дрожа, старуха подошла к воротам, открыла их — и впрямь стоит перед ней ее родная дочь. И горько ей стало и радостно. Обняла она дочку, и обе громко заплакали. Так мать с дочерью снова стали жить вместе.

АЛИ КУРБАН В ПЕРВЫЙ РАЗ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ГОРОД

Али Курбан был умный и сообразительный мальчик, сила у него была необычайная, работал он с охотой, и бабушка горячо его полюбила. Бывало, другие и топором не могут полено разрубить, а он возьмет и руками разломает. Только вот выпускать его из дому было опасно. Как только выйдет за ворота — непременно в какую-нибудь беду попадет. Он не привык к жизни среди людей, не мог видеть, когда кого-нибудь обманывали, когда били женщину или ребенка: тут же вмешается и так изобьет обидчика, что тот света белого не взвидит! Когда же он выходил из дому и ничего предосудительного не видел, он становился веселым и с любопытством поглядывал вокруг. Стоило только заметить ему человека, который, обливаясь потом и с трудом переводя дух, надрывался на какой-нибудь тяжелой работе, как он тут же со всех ног бросался ему помогать. Но чересчур уж он был силен! Частенько начнет помогать — поторопится и натворит чего-нибудь. Ну вот, к примеру, роешь ты землю, он возьмется помогать — лопату сломает; начнет дрова пилить — пила пополам! Матери с бабушкой только и приходилось целые дни извиняться перед людьми да возмещать им убытки, но они все-таки любили и терпеливо воспитывали его.

Когда Али Курбану исполнилось четырнадцать лет, его знала уже вся округа. И хоть с ним часто случались недоразумения, все постепенно полюбили его и считали хорошим, добрым мальчиком. Благодаря ему в округе почти совсем перестали избивать детей и женщин.

Однажды Али Курбан сказал матери:

— Мама, я слышал, что в городе очень весело, позволь мне сходить туда.

Марика обратилась за советом к бабушке, и та сказала:

— Пусть сходит. Ведь он ребенок, должен повидать белый свет!

Марика сильно беспокоилась, боялась, что он что-нибудь натворит в городе, и надавала ему тысячу наставлений, велела пораньше выйти и поскорее вернуться.

Пришел Али Курбан в город, все ему там ново и интересно. На улицах идет бойкая торговля, кругом разложены разные товары; везде народу полным-полно! Ходил он, ходил, смотрел, смотрел, вдруг слышит — сзади какой-то шум. Обернулся Али Курбан, видит — на улице въехала телега, запряженная быком; бык чего-то испугался и помчался как бешеный. Свалил по дороге два лотка, товары все разлетелись в разные стороны; тех, кто не успел спрятаться, бык сбил с ног. Поднялся шум — дети плачут, кричат взрослые, кругом суматоха. А бык летит напролом. Увидел это Али Курбан и подумал: «Если не помочь, сколько людей он погубит!» Быстро подбежал Али Курбан к быку и схватил его за рога. Бык начал яростно сопротивляться, вырывался, бил копытом. Али Курбан рассердился, стукнул быка кулаком по голове. Из носа у быка хлынула кровь, и он замертво рухнул на землю.

А тем временем подбежал хозяин повозки. Схватил он Али Курбана и принялся кричать:

— Ты убил моего быка! Плати за него!

— Да ты посмотри, сколько твой бык беды наделал! Свалил лотки с товарами, подавил ребятишек! Если бы я его не остановил, он бы еще больше бед натворил!

Собралась толпа.

— Мальчик правильно сделал, быка нужно было убить! — кричат одни.

— Мальчик только раз стукнул его, и он сразу сдох! — кричат другие. — Кто же виноват, что бык у тебя такая дохлятина!

Видит хозяин, что сила не на его стороне, да и сам чувствует, что не прав, и не решился больше спорить.

В это время толпу увидели стражники. Значит, что-то случилось, решили они и поспешили вмешаться. Видят: стоит мальчишка, и весь шум — вокруг него! Схватили они Али Курбана и хотели тащить к хану, но толпа вступилась за него. Пришлось стражникам отпустить юношу. Али Курбан опечалился и, даже не погуляв как следует по городу, сердитый вернулся домой.

А в городе только и разговоров было, что об этом случае, и скоро до ушей хана дошла молва о том, что «в го-

роде появился мальчик, который одним ударом кулака быка может убить».

Испугался хан: появление такого богатыря могло привести в будущем к большой беде. И решил хан известить Али Курбана. Но как это сделать? Собрались вокруг него испуганные министры и стали наперебой советовать.

— Нужно поскорее избавиться от этого мальчишки! Опасно его оставлять! — говорили одни.

— Надо схватить его и убить! — настаивали другие.

Хан возразил:

— Если убить его без всяких причин, просто так, народ может восстать против нас. Лучше подождать. Подвернется подходящий случай, тогда и поговорим.

А тем временем Али Курбан продолжал спокойно жить в деревне.

АЛИ КУРБАН ВО ВТОРОЙ РАЗ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ГОРОД

Решил как-то Али Курбан еще раз сходить в город, ведь первый раз ему так и не удалось все как следует рассмотреть. Сказал он об этом матери, а она и говорит:

— Иди, но смотри, чтобы не получилось, как в прошлый раз: только ушел из дому — и попал в беду!

— Больше уж я не попадусь, — ответил Курбан. — Что бы ни случилось — пальцем не пошевельну.

— Если даже тебя будут бить, ты молчи! — сказала мать.

Курбан запомнил слова матери и отправился в город.

Смотрит — мальчишки играют в железную биту: один бросает ее на землю, а другой старается отшвырнуть ногой как можно дальше. Остановился Али Курбан и стал смотреть. И хотя ребят было много, никто из них не мог сдвинуть биту. Чем больше он смотрел, тем интереснее ему становилось. Подошел он поближе — и надо же было так случиться, что бита подкатилась прямо ему под ноги. Он ударил — бита взлетела высоко в воздух и опустилась на чужом дворе. Курбан со всех ног бросился ее искать.

А во дворе сидела старуха и пряла. Бита ударилась как раз об ее прялку, и старуха от неожиданности даже вскрикнула. А тут вбегаем во двор Али Курбан и начинаем искать биту. Схватила его старуха за плечо и давай колотить. Хотел было Курбан ей все объяснить, но вспом-

нил наставление матери и сдержался. Старуха стукнула его несколько раз и отпустила. Пошел Курбан к воротам, а навстречу ему сын старухи.

Это был известный силач. Никто в городе не решался ссориться с ним. Увидел он Курбана, схватил его и стукнул четыре раза по шее. А Курбан даже с места не двинулся и говорит с улыбкой:

— Ну что ты так рассердился, брат? Будь осторожней, смотри не разбей кулаки.

С этими словами он вырвался из его рук и побежал на улицу, к ребятам. А те стояли сердитые: ведь он забросил их биту, да еще сам пропал. И вот только он подошел к ним — как они набросились на него и давай колотить! Но Курбан даже рукой не пошевелил. Устали ребята его колотить и разошлись в разные стороны.

На этот раз Али Курбан, можно сказать, благополучно сходил в город, но получил понапрасну столько побоев, что на душе у него было скверно. «Ну что за проклятое место, — думал он со злостью. — Ни за что больше туда не пойду!»

АЛИ КУРБАН БОРЕТСЯ С ДРАКОНОМ

Услыхал хан, что Али Курбан все время нарушает спокойствие, и созвал всех своих министров на совет.

— Нужно казнить его! — сказал один.

Но хан только головой покачал.

— Бросить в тюрьму и там замучить! — предлагали другие.

— Нет! — снова покачал головой хан. — Он не совершил преступления, заслуживающего смертной казни. Народ будет недоволен, если мы его казним. Нужно придумать какой-нибудь хитроумный план!

Тут один лысый министр и говорит:

— В Восточных горах живет дракон, вот уже несколько сотен лет он приносит нам одни несчастья! Сколько людей пожирает он каждый год! Много раз посылали мы солдат, чтобы уничтожить его, но все они находили свою смерть в его чреве. Почему бы не послать Али Курбана, о мой повелитель? Скажи ему, что он получит награду, если убьет дракона.

Хану понравился этот вероломный план, и он тотчас же послал за Али Курбаном. Притворился хан добрым и говорит ему:

— Али Курбан, ты такой богатырь, ты должен помочь своей стране. Иди в Восточные горы, убей дракона. Если через месяц ты вернешься победителем, я не только прощу тебе все прежние твои провинности, но и щедро вознагражу тебя.

Курбан молча выслушал хана, а потом вернулся домой и рассказал обо всем матери и бабке. Услыхали они приказе хана и горько заплакали.

— Внучек! — говорила бабка. — Недоброе хан задумал! Погубить тебя хочет!

— Не пускала я тебя к людям, а ты все-таки ухотил, — причитала мать. — Боялась, что попадешь ты в беду, и вот видишь, права оказалась! Хан посылает тебя на верную смерть! А если ты погибнешь, как я тогда буду жить?.. — И она зарыдала еще горше.

— Что толку слезы лить, — сказала бабушка. — Нужно подумать, как спасти мальчика!

И обе — бабушка и мать, — обливаясь слезами, принялись думать да гадать, но так ничего и не придумали. А Али Курбан спокойно сидел в сторонке и уговаривал их не волноваться, он ведь ничего не боится. Наконец бабушка сказала:

— Хан уже отдал приказ, и ты должен идти, иначе голова с плеч. Вот меч твоего деда, — когда он был жив, он ходил с ним на волков. И запомни, внучек, что я тебе скажу: слышала я от людей, что дракон этот, как завидит человека, так в первый раз изрыгает из пасти огонь. Ты, как только увидишь, что он открывает пасть, спрячься в какой-нибудь водоем, авось огонь-то тебя и не заденет. Во второй раз из его пасти вырывается ветер, так ты найди пещеру и спрячься в ней. В третий раз дракон извергает поток воды, — тогда ты заберись на высокую гору. После этого он начнет втягивать в себя воздух, и тут уж ты берегись: либо ты его убьешь, либо он тебя проглотит. Да хранит тебя небо!

А мать все заливалась слезами и никак не могла успокоиться. Стиснул Али Курбан зубы, взял меч и с болью в сердце покинул дом. Шел он, шел и пришел к Восточным горам. А там текли прозрачные ручейки и стоял густой-густой лес. «Где же дракон?» — подумал Курбан. Он растаскивал камни, ощупывал корни деревьев, лазил по горам, громко распевал песни, надеясь, что дракон услышит его и появится, — ведь никто никогда не решался

здесь даже громко разговаривать! Стоял так Али Курбан на вершине горы, громко пел песню, вызывая дракона на бой. Долго он пел, даже голос потерял, а дракон все не появлялся. «Может быть, я пошел не по той дороге или дракон перебрался в другое место?» — подумал он. Оглянулся Курбан по сторонам, выбрал место, где рос самый густой лес и текли самые глубокие ручьи, и пошел туда искать дракона. И вот в глубоком ущелье он наконец разыскал его. Дракон мирно спал!

Али Курбан занес было над ним свой меч, как вдруг подумал: а не слишком ли это просто — взять вот так и разделаться с драконом? Ведь все говорят, что дракон очень страшный. Какой же он герой, если убьет спящего дракона. Нужно разбудить дракона и помериться с ним силами, тогда посмотрим, кто — кого?! Вскочил он дракону на спину и принялся там прыгать и расхаживать взад-вперед, пока дракон не проснулся. Шевельнулся дракон — и Курбан кубарем скатился с него, но тут же встал на ноги и с воинственным видом подошел к дракону. Дракон потянулся, зевнул и вдруг увидел, что перед ним стоит мальчишка.

— Это ты, паршивец, разбудил меня? — недовольно протрубил дракон. — Убирайся отсюда, да поскорее! Я бы тебя съел, да уж больно мелка пожива. Ну, убирайся прочь!

Али Курбан закричал изо всех сил:

— Эй ты, лентяй, покажи-ка, на что ты способен. Я слышал, что ты уж очень силен, — вот и пришел с тобой потягаться! Посмотрим, кто из нас победит!

Дракон рассвирепел, приготовился к бою и говорит:

— Эй, мальчишка, выходи!

— Нет, ты первый выходи! — отвечает Курбан.

— Ну, тогда держись! — прорычал дракон. Открыл он пасть, и из нее вылетел огромный сноп пламени, запылали деревья, потрескались камни. А Курбан помнил слова бабки и был готов к этому. Быстро прыгнул он в водоем, а когда вода сверху нагрелась, нырнул поглубже, и ему там было хорошо, как на купании.

Когда огонь утих, Али Курбан вылез из воды, подошел к дракону и говорит:

— И это все, что ты можешь? Так ведь это же пустяки! Покажи-ка еще что-нибудь!

Дракон видит, что мальчишка остался жив, и снова разинул свою пасть, а Курбан быстро спрятался в пещеру. Поднялся ветер, завертел в воздухе песок, камни, тучами затянул небо. А Курбан тем временем вздремнул в пещере, а когда ветер успокоился, вышел к дракону и говорит:

— Ну, это тоже пустяки! Покажи еще что-нибудь!

Дракон снова раскрыл пасть, и из нее хлынул поток воды — такой сильный, словно вылилась целая Янцзы. Не стал Курбан дожидаться, пока вода доберется до него, и ловко, словно обезьяна, вскарабкался на скалу. Сидит там, посматривает на огромные волны, бегущие по горным ущельям, и посмеивается. А под конец даже песню запел от радости.

Когда вода спала, спустился он к дракону и говорит:

— Ну, показывай теперь самое главное!

Видит дракон, что не удастся ему справиться с мальчишкой, разозлился и как зарычит:

— А сам ты на что способен, что так расхвастался!

Раскрыл он пасть и начал втягивать в себя воздух. Дракон был уверен, что уж на этот раз мальчишка непременно попадет к нему в утробу. Но в брюхе по-прежнему было пусто! Открыл он глаза, смотрит, а мальчишка как ни в чем не бывало стоит перед ним и только чуть-чуть подался вперед. Али Курбан про себя и думает: «Да, сила у него не маленькая, нужно быть поосторожнее!»

Видит дракон, что не удастся ему сдвинуть Курбана с места, махнул он от злости хвостом — обрушились горы, потряс телом — полетели камни, попадали деревья. Заревел тут дракон, открыл свою гигантскую пасть да как начнет изо всех сил тянуть в себя воздух. Но Курбан и к этому был готов: вытащил он свой меч, расставил пошире ноги, а потом слегка подпрыгнул и, увлекаемый потоком воздуха, влетел в глотку дракона, а затем и в брюхо. Так с мечом в руках проскочил Али Курбан через всего дракона и вышел с другого конца. Дракон взвыл от боли, напряг все свое тело и разорвался пополам. Али Курбан вытер меч, посмотрел на дракона — видит, в животе у него полным-полно человеческих костей. «Если бы я его не убил, неизвестно, сколько бы еще людей он съел», — подумал Курбан и хотел уже было отправиться в обратный путь, но тут ему пришло в голову, что, если он вернется с пустыми руками, ему никто не поверит! Нужно

взять с собой доказательство — и он отрубил дракону голову.

Почти месяц прошел с того дня, как Али Курбан ушел к Восточным горам, никто не знал, где он и что с ним, и хан решил:

— Наверное, он погиб в горах и уже не вернется!

Злые министры тоже торжествовали победу и устроили по этому случаю пир горой. Как вдруг стражники, охранявшие город, сообщают:

— К воротам подходит Али Курбан, он ведет за собой живого дракона.

Веселье сразу утихло, министры насмерть перепугались и не знали, что и делать. Они и самого Али Курбана боялись, а теперь он явился в город с драконом! Не миновать им гибели. Переглянулись министры и стали умолять хана придумать что-нибудь. Хан велел трубить тревогу, собрать всех солдат в городе и приготовиться к обороне, а когда появится Курбан, забросать его камнями.

Али Курбан шел-шел и вдруг видит, что городские стены усеяны людьми. Сначала он решил, что они собрались, чтобы приветствовать его, но потом понял, что это не так. «Может быть, пока я был в отлучке, кто-нибудь захватил наш город?» Подошел он к воротам и только было хотел постучаться, как на него обрушился град камней. Только теперь понял Курбан, что все эти люди собрались, чтобы бороться с ним! «Что же это такое? Они не дают мне войти в город! Я избавил их от беды, а они меня так встречают! Это уж слишком! Ладно! Не пускают — и не надо! Проклятое место, — я давно его не любил!» — подумал он так, стряхнул с себя пыль, прислонил голову дракона к дереву и сел отдыхать.

А хан видит, что он сидит спокойно, расхрабрился и выслал людей посмотреть: умер ли Али Курбан и куда делся дракон? Но никто не решался выйти за ворота. Только когда хан пообещал большую награду, нашелся один храбрец. С трепетом вышел он за ворота и подошел к Курбану. Видит, тот лежит под деревом и спокойно спит, посвистывая носом, а рядом лежит голова дракона. Побежал он обратно в город и докладывает хану:

— Али Курбан жив, а в руках у него голова мертвого дракона!

Услышал это хан, испугался и опять принялся с министрами советоваться:

— Али Курбан избавил народ от беды, если мы его убьем, это вызовет всеобщее недовольство. Оставим его пока в живых, а там видно будет!

И хан приказал трубить сигнал, собрать всех жителей и идти встречать Али Курбана. Жители, как увидели голову мертвого дракона, схватили ее и потащили в город. Повсюду зажглись огни, загремели барабаны, забили гонги, словно большой праздник наступил. А хан притворился довольным и наградил Али Курбана — дал ему денег и дорогой одежды. Но Курбан от всего отказался и вернулся домой.

АЛИ КУРБАН РУБИТ ХВОРОСТ

Мать и бабушка, как увидели, что Али Курбан вернулся живым и здоровым, принялись благодарить всех богов — и неба и земли. Выслушали они, как Курбан боролся с драконом, и говорят:

— Смотри же, больше не накликай на себя беду! На этот раз небо смилостивилось над тобой. Ты с каждым днем становишься все взрослее, и скоро, наверное, придется заняться тебе хозяйством. А дела дома идут неважно. Вот тебе первое поручение: сходи наруби хворосту, продай его и купи продуктов. Смотришь — жить легче станет.

Али Курбан кивнул головой и на другой день отправился в горы. Поблизости от деревни хворосту было мало, и он подумал: «Моим землякам придется туго, оставлю-ка я им этот хворост». И пошел он дальше, на другую гору. Хворосту там было много, но рубить его никто не решался — все боялись диких зверей. Стоило людям забрести на эту гору — как они погибали в пасти тигра или другого хищника.

Пришел Али Курбан на ту гору, и его сразу увидели тигры — притаились, вот-вот прыгнут на него. А Али Курбан еще у медведя научился языку животных и решил им воспользоваться. Остановился он и говорит тиграм:

— Слышал я о вашей силе, о том, что вы часто нападаете на людей и не даете им рубить здесь хворост. Сегодня я пришел предупредить вас, чтобы вы вели себя скромнее и не задирали людей, тогда и они не будут причинять вам вреда. Вы должны знать, что тиграм не одолеть людей!

А тигры отвечают:

— Прежде чем говорить, давай померимся с тобой силой! Если ты нас одолеешь, мы послушаемся тебя, а если нет — съедем!

Али Курбан знал, что им нужно непременно показать свою силу, и сказал:

— Ладно, давайте!

Рассвирепели тигры. Обнажили клыки, выпустили когти и бросились на Али Курбана, а он схватил сразу пятерых и ударил об скалу так, что только клочья полетели. Испугались тигры и не решаются больше подходить.

А Курбан и говорит:

— Раз не хотите больше бороться, сдавайтесь!

— Сдаемся! — ответили тигры.

— Ну, тогда помогите мне нарубить хворосту!

И тигры стали ему помогать рубить хворост. Работа закипела! Не прошло и нескольких минут, как они нарубили огромную кучу! Навязал Курбан вязанок, взвалил их тиграм на спины, и все они зашагали в город.

Люди, как увидели, что Курбан ведет целый караван тигров, задрожали от страха и попрятались кто куда. Докатилась эта весть и до ханского дворца. От испуга хан долго не мог выговорить ни слова. А Али Курбан пришел в город, свалил хворост и говорит тиграм:

— Больше не ссорьтесь с людьми, возвращайтесь и ждите, когда я опять приду за хворостом, — поможете мне.

Тигры кивнули в знак согласия и побежали восвояси. Только тут люди вышли из своих убежищ и принялись роптать. А Курбан объяснил им, в чем дело, и говорит:

— Теперь можете спокойно ходить в горы за хворостом и не бояться тигров.

И люди принялись горячо благодарить Али Курбана.

ХАН ЗАМЫШЛЯЕТ ПОГУБИТЬ АЛИ КУРБАНА

Созвал хан своих министров и говорит:

— Если не избавимся от Али Курбана, мы не будем знать ни дня покоя. Думайте скорее, как нам это сделать.

Один предложил:

— Пусть хан прикажет казнить его, и делу конец!

Но хан только рукой махнул:

— Нельзя. Он все делал для блага народа, и народ вступится за него.

Тогда самый коварный министр и говорит:

— Пусть хан отправит его к колдуну.

Как услышал это хан, обрадовался, приказал позвать к себе Али Курбана и говорит ему:

— Храбрее тебя никого нет в нашем ханстве. Ты должен спасти нас от нападков и оскорблений колдуна. Народ не может справиться с ним. Ты должен покорить царство колдуна ради своей страны, ради своего народа. Я дам тебе драгоценный меч и двух коней.

Но Али Курбана и просить не надо было — он никогда ни от чего не отказывался, какие бы трудности ни стояли перед ним, какие бы опасности ему ни угрожали.

АЛИ КУРБАН ПОБЕЖДАЕТ ВОСЬМЕРЫХ БАТЫРОВ

Вернулся Али Курбан домой, рассказал обо всем бабке и матери, принялись они плакать и горевать. Но раз хан приказал — ничего не поделаешь, пришлось его отпустить. Бабушка вытащила пояс, дала его внуку и говорит:

— Это пояс твоего дедушки, обвяжи его вокруг бедер; когда нужно, можешь сделать его длинным, а когда нужно — коротким. Запомни, — продолжала бабушка, — колдун может принимать тысячу обличей, может обернуться человеком, чертом, а то и прекрасной девушкой. Если ты увидишь у кого-нибудь из них на голове несколько белых волосков, значит это оборотень. Будь осторожнее, смотри не попади впросак!

Али Курбан вскочил на коня и помчался в царство колдуна. Много деревень и дорог он проехал, миновал сотни гор и рек. Поздно ложился спать, рано вставал и все скакал вперед. Вот как-то однажды ехал он, ехал и вдруг увидел на дороге высоченного детину.

— Стой! Стой! — закричал детина. — Ты кто такой? И куда путь держишь?

— Я — Али Курбан, — ответил юноша. — Еду в царство колдуна.

Услыхал это незнакомец и крикнул еще громче:

— Оказывается, ты и есть тот самый Али Курбан? А я думал, что раз ты герой, так ты о трех головах и о шести руках! Скорей слезай с коня и сдавайся!

Курбан очень удивился: он никогда не видел этого человека, а тот так невежливо с ним говорит!

— А ты кто будешь? — в свою очередь, спросил он.

— Я Батыр земли, хозяин этих мест, здесь могут проходить только мертвые — живым здесь хода нет.

— Нечего зря бахвалиться! Хватит ли у тебя силенок, чтобы не пропустить меня?

— Слезай, давай померимся силой! — говорит Батыр земли.

— Ну что ж, слезу! — отвечает Али Курбан.

Только он соскочил с коня, как Батыр земли подбежал к нему и хотел ударить.

— Не торопись! — остановил его Курбан. — Мы не будем биться. Я встану здесь, и если ты сможешь поднять меня двумя руками и опрокинуть на землю, то считай, что победил меня.

— Ладно, — говорит Батыр земли. — Кто начнет первым — ты или я?

— Начинай ты, — отвечает Курбан.

Батыр земли напруг все свои силы, обхватил Курбана обеими руками, поднатужился, но... Курбан даже не дрогнул. Батыр снова попытался оторвать его от земли, потом в третий раз, но Курбан стоял словно гвоздь, вбитый в пол. Батыр земли устал, запыхался, потом обливается, пришлось ему отступить. А Али Курбан и говорит:

— Ну, стой крепче, сейчас моя очередь.

Не торопясь, подошел он к Батыру, обхватил его обеими руками за пояс, и в мгновение ока ноги Батыра земли оказались в воздухе. Курбан поднял его высоко-высоко и швырнул на землю.

— Сдаюсь, сдаюсь! — торопливо закричал Батыр земли.

Поднялся он с земли, упал на колени и говорит:

— Дозволь мне быть твоим другом! Всю жизнь буду тебя слушаться!

И пригласил Курбана пожить у него несколько дней. Курбан согласился быть его другом, но остаться отказался. Тогда Батыр земли спросил, когда он вернется обратно, чтобы достойным образом встретить его; никак не хотел он расставаться с Курбаном, проводил его далеко-далеко и только после этого простился с ним.

Али Курбан поехал дальше. Ехал он несколько дней и вдруг встретился с Батыром пустыни. Померились они

силами, и опять победил Курбан. И они тоже стали друзьями. Поехал Курбан дальше, встретил Батыра рек и Батыра гор и тоже победил их.

Ехал Али Курбан, ехал и вдруг увидел несколько домиков. Вошел он в один из них и видит, что все готовят холодную лапшу. Один раскатывает тесто, другие разводят огонь, третьи вытаскивают лапшу и выкладывают ее на большое деревянное блюдо. Курбан очень удивился и говорит:

— Это вы для себя делаете лапшу или на продажу?

Люди посмотрели на него и говорят:

— Ты, наверное, издалека, не знаешь, что здесь у нас живет Батыр холодной лапши, за раз он съедает шесть больших тарелок! Он так силен, что двумя руками поднимает лошадь, а пинком ноги может подбросить человека в воздух. Грудь у него словно котел, живот как огромная бадья, ноги что бревна, — никто не может одолеть его. Говорят, появился герой по имени Али Курбан и скоро он должен явиться сюда. Поэтому Батыр ест сейчас особенно много лапши, набирается сил, чтобы задать этому Али Курбану жару. А мы все готовим для него лапшу, — если хочешь на него взглянуть, подожди, он сейчас придет.

Али Курбан нашел укромное местечко и спрятался. Ему хотелось посмотреть, каков же на самом деле этот Батыр холодной лапши.

Прошло немного времени, и верхом на коне приехал человек огромного роста, толстый-претолстый. И сразу же закричал грубым голосом, чтобы дали поесть. Поднесли ему пять блюд лапши, он мигом все проглотил и отправился на площадь упражняться. Взял огромную палку, махнул ею два раза, потом схватил большой камень, подбросил в воздух. Упражнялся Батыр, а сам приговаривал:

— Пусть только Али Курбан осмелится прийти ко мне, я одной рукой заброшу его на небо, одной ногой свалю на землю! Узнает он, какая во мне сила!

И в это время выходит Али Курбан и говорит:

— Эй, нечего хвастаться! Я и есть Али Курбан, давай потягаемся!

Как увидел Батыр, что перед ним мальчишка, у которого ноги еще не окрепли, рассмеялся и говорит:

— Эй, малыш, тебе, видно, жизнь не дорога, что осмелился со мной шутить!

— Давай поборемся, а там увидим! — отвечает Али Курбан.

— Что же, если тебе жить надоело, подходи! — закричал Батыр.

И вот начали они биться. Бьются день, бьются ночь. Наконец Батыр холодной лапши сдался, упал на колени и стал молить Али Курбана быть его учителем, — куда пойдет учитель, туда и он! Али Курбан согласился — дальше поехали они вместе.

Через несколько дней повстречали они на дороге Батыра льда. Он с утра до вечера тренировал свои ноги, и они стали такие сильные, что он мог расколоть любой кусок льда, какой бы толщины он ни был, а человека мог одним пинком превратить в кровавое месиво. Увидел Али Курбан, что он стоит на дороге, и послал Батыра холодной лапши сказать, чтобы тот отошел в сторону, дал им проехать.

А Батыр льда и говорит:

— Это не так просто, — здесь не место для всяких проходимцев!

А Батыр холодной лапши и говорит:

— Я Батыр холодной лапши, а позади едет мой учитель Али Курбан.

Как услышал это Батыр льда, так еще пуще рассердился:

— А, вот его-то я и дожидаюсь! Зови скорее своего учителя — мы с ним поборемся.

— Незачем звать моего учителя, я и сам с тобой справлюсь.

— Нет, зови его! — говорит Батыр льда.

Пришлось Батыру холодной лапши вернуться и рассказать обо всем Курбану. Выехал Али Курбан вперед. Батыр льда, не говоря ни слова, как стукнет его! А потом, воспользовавшись тем, что Али Курбан не ожидал удара, пнул его ногой. Он думал, что одним ударом свалит его с ног, а Курбан даже не покачнулся.

Растерялся Батыр льда, а Курбан как стукнет его кулаком — тот упал и закричал не своим голосом:

— Не бей, не бей, я тоже прошу тебя быть моим учителем и пойду с тобой в царство колдуна.

Али Курбан отпустил его, и они все вместе отправились дальше.

Ехали они, ехали и через несколько дней встретили Батыра жерновов. Он мог взять огромный каменный жернов и левой рукой подбросить его в воздух, а правой — поймать. Он тоже боролся с Али Курбаном, и Али Курбан тоже победил его. Стали они друзьями и отправились дальше. Прошли немного и встретили Стального батыра. У Стального батыра были стальные мускулы и железные кости, его не брал ни нож, ни молот, он мог легко играть железной палицей весом в пятьсот цзиней. У них с Али Курбаном тоже не обошлось без жестокой схватки, но и он не устоял перед героем.

Так их стало пятеро, и они все вместе отправились в царство колдуна.

АЛИ КУРБАН ВСТРЕЧАЕТСЯ С КОЛДУНОМ

Шли они не останавливаясь. И вот однажды поднялись на высокую гору, а на горе той стоял высокий-высокий дом, окруженный большим садом. Вошли они и видят: черепица на стенах серебром и золотом покрыта, лестница, двери и окна — жемчугом и драгоценными камнями украшены, в саду молодые сосны растут, кипарисы изумрудные стоят, цветы пестреют — одним словом, красота такая, что глаз не оторвешь. Али Курбан и его спутники, которым на своем пути пришлось преодолеть немало пустынь, гор и рек, попали словно в Небесный дворец.

Батыр холодной лапши предложил:

— Учитель, отдохнем здесь, а потом пойдем дальше.

Курбан согласился, и они присели отдохнуть. Странным им показалось, что сад такой огромный, но в нем тихо-тихо, ни звука не слышно. Вдруг потянуло ветерком, и в нос ударил запах вареного мяса. Батыру холодной лапши уже давно не сиделось на месте: он все рыскал вокруг и, наконец, увидел под большим деревом семь больших котлов, полных горячего мяса. Чем больше он думал об этом, тем сильнее чувствовал голод, чем больше смотрел, тем больше разгорался у него аппетит. Наконец он сказал:

— Учитель, мы весь день были в пути и уже давно не ели досыта. Дураки мы будем, если только посмотрим на это аппетитное мясо и не съедем его!

А Стальной батыр и говорит:

— Давайте съедим его, а потом пойдем на охоту. В горах много диких зверей, настреляем сколько надо, сварим мясо и оставим здесь.

Али Курбан видит, что Стальной батыр дело говорит, и согласился.

Подошли они к котлам, достали мясо и съели его в несколько минут. Батыр холодной лапши вытер рот и говорит:

— Хорошо! Ну, теперь отправляйтесь скорее охотиться. Принесите мясо, и мы его сварим. А я тут пока останусь за сторожа и, если явится хозяин, поблагодарю его как следует.

Остальные батыры принялись с ним спорить, но тут вмешался Али Курбан:

— Пускай остается, — мы и вчетвером справимся!

Ушли они на охоту, и Батыр холодной лапши остался один. Посмотрел он, посмотрел по сторонам и заснул. А в это время вдруг налетела буря, деревья зашумели, затряслась земля, задрожало небо, загрохотал гром, молнии вспыхивали одна за другой, дождь полил как из ведра. Батыр холодной лапши испугался, быстро спрятался в доме и стал смотреть в щелку. Когда буря кончилась, в ворота вдруг вошел человек. Это был тот самый колдун, которого они искали и никак не могли найти! Теперь он сам явился, а учителя нет!

Батыр холодной лапши весь съежился и с испугом поглядывал на колдуна; потом наклонил голову и принялся с жаром молиться, чтобы колдун не вошел в комнату. И колдун на самом деле не вошел. Батыр холодной лапши с облегчением вздохнул. А в это время колдун подошел к дереву, открыл крышку котла и увидел, что котел пуст. Тут он расвирепел, пнул котел ногой так, что тот опрокинулся, и одним прыжком очутился в комнате. А Батыр холодной лапши от страха словно окаменел, с места не может двинуться. Вошел колдун, увидел человека, потянул носом, вырвал у себя волос, дунул на него — и волос превратился в огромную змею. Она крепко обвила тело Батыра холодной лапши. Колдун вырвал еще один волос — и на нем повесил Батыра к балке под потолком, потом вытащил шило, вонзил его в вену на ноге — а шило оказалось трубочкой. Взял ее колдун в рот и принялся сосать из Батыра кровь. Батыр совсем ослабел, еле дышит.

А колдун напился крови, отпустил его, дал ему выпить сахарной воды и велел как следует отдохнуть, — сам обещал прийти завтра.

Только он сказал это, как снова поднялась буря, а когда она утихла, колдуна и след простыл.

Али Курбан и его ученики вернулись с охоты, видят: лежит Батыр холодной лапши на полу, худой, бледный, еле дышит. Удивились они и спрашивают:

— Что случилось?

А у него даже сил нет ответить, пищит, как комар.

Стальной батыр рассмеялся:

— Не обращай на него внимания, учитель, — он, наверно, мяса объелся.

Но Али Курбан, как увидел его связанные руки, сразу понял, что случилось неладное, и приказал Батыру льда побыстрее развязать его. Батыр льда подошел и тут увидел змею. Бросился он к Али Курбану:

— Учитель, он не веревкой связан, — его змея обвила!

Взглянули они, видят — и правда змея, голову подняла, язык высунула, никто не решается к ней подойти. Один Али Курбан не испугался, подошел к змее и убил ее. Вместо змеи остался лежать на полу простой волосок!

А Батыр холодной лапши пришел в себя и, запинаясь, рассказал о том, что с ним приключилось. Выслушал его Али Курбан и понял, что это был колдун. Долго он его искал и наконец-то нашел! Велел он батырам сварить мясо, поели они и стали ждать колдуна, чтобы с ним сразиться.

— Колдун сказал, что придет завтра, — промолвил Батыр холодной лапши, — опять он будет пить мою кровь. Не оставляй меня завтра одного, учитель.

На следующий день Али Курбан отправил четверых батыров в горы на охоту, а сам остался дожидаться колдуна. Ждал он недолго — налетела буря, и в сад вошел колдун. Курбан взял в руки драгоценный меч и спрятался за дверь. Вошел колдун в комнату, а Курбан нацелился и зарубил ему грудь мечом. Только вытащил он меч, глядь, — а у колдуна новая грудь! Увидел колдун, что против него замышляют недоброе, зарычал и выскочил за дверь. Курбан за ним. И в саду закипел бой. Пять раз зарубал Курбан грудь колдуну, а он все еще был жив. Понял колдун, что не одолеть ему Курбана, крикнул

раз — поднялась буря, и колдун исчез. Но Али Курбан заметил на земле кровавые следы и пошел по ним.

Шел он, шел и вдруг увидел прекрасную молодую девушку. В руках она держала блюдо с яблоками. Легко ступая, подошла она к Али Курбану и говорит:

— Смотрю я — ты так быстро бежал, что даже весь вспотел! К чему так торопиться! Садись отдохни, съешь яблочко!

Но Али Курбан помнил слова бабушки. Взглянул он на юную красавицу и увидел на голове у нее белый волосок. Выхватил Курбан свой меч, взмахнул им — но девушка вдруг исчезла. Бросился он за ней и вдруг увидел на дороге огромную змею; пасть раскрыта, язык высунут, вид свирепый. Но Али Курбан не испугался. Он выхватил свой меч, взмахнул им — но змея вдруг исчезла, оставив на земле только кровавые следы. И Курбан опять пошел по этим следам. Они привели его в лес, к высохшему колодезю, и там оборвались: колдун спрятался в колодце.

АЛИ КУРБАН ПОБЕЖДАЕТ КОЛДУНА

Али Курбан снял с себя пояс, который дала ему бабушка, один конец опустил в колодезь, а другой привязал к камню. По этому поясу спустился он вниз и — что это? — не колодезь, а настоящий подземный мир: там были небо и земля, реки и деревья, города и улицы. Не выпуская из рук меча, Али Курбан разыскал дворец колдуна и вошел в ворота. Видит — дом, а вход в него охраняют две змеи. Он убил змей и пошел дальше. Видит: к столбу привязаны две девушки. Увидели они Али Курбана и спрашивают, зачем он пришел. Али Курбан объяснил им, что пришел убить колдуна.

— Тебе не убить его! — воскликнули девушки. — А вот если он тебя схватит, так непременно съест!

— А вы кто такие? — спросил Курбан.

— Мы дочери колдуна, — ответили девушки. — Каждый день мы видели, как он ест людей, и все время угрохивали ему не делать этого. Однажды он схватил восьмерых ребятишек и велел нам поджарить их. А мы не захотели. Рассердился он и привязал нас сюда, да еще сказал, что съест нас! Спаси нас, пожалуйста!

Али Курбан убил змей, которые обвилились вокруг девушек, и девушки упали перед ним на колени, стали бла-

годарить. Они обещали помочь ему убить колдуна, но попросили, чтобы после смерти колдуна он отвел их к людям — им очень нравится жизнь людей. Али Курбан согласился взять их с собой на поиски колдуна.

— Не нужно его искать, — сказали девушки. — Если ты будешь с ним биться, все равно не одолеешь его. Нужно сначала завладеть его душой, тогда он будет бессилен. А душа его хранится в тайнике, и только мы знаем о нем.

Али Курбан попросил их проводить его к тайнику.

Подшли они к одним дверям, девушки и говорят:

— Вот здесь.

Курбан видит — вход охраняют две змеи. Он убил их, и двери сами открылись.

— Ты войди один, — сказали девушки. — Там стоит высокая башня, поднимись на самый верх и увидишь двери, у дверей стоит белый петух, но ты пока его не трогай. Около дверей лежит кирпич, подними его — увидишь там маленький сундучок, а в сундучке зеленые бобы. Ты их вынь и убей этого петуха: первым зернышком выбей ему глаза, вторым — перебей ему горло, третьим — оглуши его, а четвертым добей до конца, и он скатится вниз со ступенек. А двери сами откроются. Тогда ты снова позови нас.

Курбан вошел, поднялся на самый верх башни, — там действительно стоял белый петух. Как и велели ему девушки, он разыскал зеленые бобы и убил петуха. Потом позвал девушек.

Они и говорят:

— Открой эти двери и войди, там будет лестница, она вся вымощена драгоценными камнями. Спустишься по ней и попадешь в комнату, где крутится жернов. Там на столбе стоит зеленый петух, ты убей его зелеными бобами, и жернов перестанет вертеться. Отодвинь его и за ним найдешь дверь, от нее вниз идет лестница. Иди по ней и увидишь черный камень, а на нем сундук. Сундук этот наполнен водой, а в воде плавает рыбка. Ты разрежь ей живот, там лежит яйцо, ударь это яйцо с силой об пол; оно расколется, и из него выпадет маленькая коробочка. В той коробочке и лежит душа колдуна! Как только ты возьмешь коробочку в руки, — считай, что ты победил колдуна. Сожги коробочку на огне — и колдун сгорит. Ну, иди, а мы здесь будем ждать.

Сделал Али Курбан все, как сказали девушки. Взял он коробочку, развел огонь и стал ее сжигать. Тут появился перед ним колдун и упал на колени, прося пощады. Чем ярче разгорался огонь, тем меньше делался колдун. Курбан вытащил коробочку из огня, и колдун опять стал большим.

Али Курбан спрашивает его:

— Сколько человек ты съел?

— Четыре тысячи поджаренных детей и десять тысяч вареных мужчин и женщин.

Увидел Курбан, сколько зла причинил колдун людям, и сжег его. Когда в государстве колдуна узнали, что их король умер, все колдуны собрались во дворец и упали на колени.

— Мы все тихие, мы никогда не вредили людям, это король наш был очень жестокий, но мы были против него. А раз ты убил его, просим тебя стать нашим королем! — сказали они.

Но Али Курбан не согласился, — он знал, что дома ждет его мать. Он собрался было уходить, но колдуны не отпускали его. Они подарили ему множество подарков — таких драгоценностей, которые людям и во сне не снились! Дочери колдуна непременно хотели идти вместе с ним, и ему пришлось их взять, — ведь он обещал им.

Во дворце колдуна были еще четыре молодые женщины. Колдун похитил их у людей, но съесть не успел. Они тоже попросили, чтобы он взял их с собой.

Али Курбан взял три сундука — в один положил подарки, в другой посадил дочерей колдуна, в третий — четверых женщин, и приготовился в путь.

АЛИ КУРБАН ПОПАДАЕТ В БЕДУ.

А четыре батыра вернулись с охоты, видят — Курбана нет, кругом следы крови, на земле валяется грудь колдуна. Поняли они, что здесь был бой, и стали думать, как быть.

Батыр холодной лапши говорит:

— Потеряли мы Али Курбана. Кто не знает свирепости колдуна?!

А Батыр жерновов говорит:

— Когда я просился к нему в ученики, я обещал идти за ним всюду! И я непременно разыщу его.

— Мы пошли помогать ему бороться с колдуном, — сказал Стальной батыр. — И еще не убили его, а уже испугались. Какие же мы тогда батыры?

Батыр холодной лапши видит, что они решили идти, и тоже согласился — понял, что сейчас лучше всего повиноваться. И они зашагали туда, куда вели следы.

По дороге Батыр холодной лапши все подговаривал Батыра льда, и тот мало-помалу стал колебаться. «С этим Курбаном наверняка погибнешь, лучше вернуться домой!» — решил он.

Подошли батыры к колодцу и видят: пояс Али Курбана свешивается вниз. Поняли они, что и он туда спустился. Уселись все четверо на краю колодца и стали ждать. Ждали, ждали, а Батыр холодной лапши опять причитает:

— Учитель наверняка погиб, он даже пояс свой бросил!

— Нет, — отвечает Батыр жерновов, — учитель жив, он спустился в колодец, чтобы поймать колдуна! Поймает — и вернется.

Спорили они, спорили, а Батыр холодной лапши все хочет уйти и не решается.

Вдруг пояс задрожал. Батыр жерновов крикнул в колодец и услышал в ответ голос Али Курбана. Обрадовался он и вместе со Стальным батыром стал тянуть пояс наверх. Тянули-тянули и вытянули... сундук! Открыли его, смотрят, — а там две прекрасные молодые девушки. Спросили у них, где учитель, а девушки отвечают:

— Внизу еще два сундука, как все вытащите, так и он поднимется.

Батыр жерновов поспешил опустить пояс обратно.

А Батыр холодной лапши опять забеспокоился и говорит Батыру льда:

— Как только учитель поднимется, эти негодяи — Батыр жерновов и Стальной батыр — непременно ему пожалуются. А если он узнает, что мы хотели уйти, он уж нас не помилует! Надо скорей что-то придумать.

Когда второй сундук подняли, они и говорят Батыру жерновов и Стальному батыру:

— Вы, наверно, устали. Отдохните, а мы будем поднимать.

Вытянули они третий сундук, а потом потихоньку надрезали пояс и снова опустили его вниз. На этот раз

должен был подниматься Али Курбан. Только он поднялся до половины колодца, как пояс лопнул!

Батыр холодной лапши решил, что теперь-то его желание сбылось. Не обращая внимания на протесты, он взял женщин и драгоценности и ушел.

СПАСЕНИЕ АЛИ КУРБАНА

А колдуны вспомнили об Али Курбане и его спутниках и решили пойти на дно колодца посмотреть, — ушли они или нет?

Пришли и видят: лежит Али Курбан без сознания. Колдуны тотчас же отнесли его во дворец и принялись заботливо ухаживать за ним. Через несколько дней Али Курбан поправился, и стали они все думать, как ему подняться наверх.

Колдуны и говорят:

— Из этого колодца нельзя выбраться. Но в одном месте, до которого три дня пути, живет орлица. Если ты сумеешь ее заполучить, она сможет поднять тебя наверх — другого выхода нет!

Али Курбан выслушал колдунов, расспросил их о дороге, простился и пошел искать орлицу.

Шел он три дня и вдруг увидел большое дерево, а на нем множество орлят. Почему — неизвестно, но все орлята заливаются горькими слезами, и по всему видно, что у них большое горе. Подошел он поближе и видит, что на дерево забралась огромная змея и ест орлят одного за другим, а те и улететь не могут, и спрятаться негде. Ждут не дождутся, когда вернется мать-орлица.

Жаль стало Али Курбану бедных орлят. Влез он на дерево, вытащил меч и убил змею. А орлята, которые уцелели, рады, что человек их спас, окружили его, упали на колени, галдят от восторга. Шумели они, шумели и вдруг замерли. Вытянули шеи, прислушались и говорят Али Курбану:

— Прячься скорее, мама возвращается!

— Что же ее бояться? — говорит Курбан.

— Ты еще не знаешь! Наша мама всегда говорит, что люди — самые страшные ее враги. Она, как увидит человека — так сразу его и съедает. Прячься скорей!

Отыскал Али Курбан дупло и там спрятался. А орлята принялись прыгать и петь, поджидая мать.

И вот прилетела орлица. Увидала она, что орлята такие веселые, и спрашивает:

— Что у вас тут за веселье?

А орлята и говорят:

— На дерево забралась змея и стала нас есть, а в это время пришел человек, убил ее и спас нас.

— Где же этот человек? — спрашивает орлица.

— Не знаем! — отвечают орлята. — А ты его не съешь?

— Он спас вам жизнь, уберег вас от опасности, — как же я могу его съест?

Услышали это орлята и повели мать к месту, где спрятался Али Курбан.

Орлица принялась благодарить Али Курбана и расспрашивать, зачем он явился. И Али Курбан рассказал ей, как он победил колдуна, что с ним случилось потом, и попросил орлицу помочь ему выбраться отсюда.

Орлица и отвечает:

— Это очень трудный путь. Нужно лететь девятнадцать дней и девятнадцать ночей — только тогда выберешься отсюда. Да при этом по пути нигде отдохнуть. Но если уж ты непременно решил уйти, так я тебе помогу. Давай готовиться в путь — нужно запастись мяса и воды на девятнадцать дней.

Орлица повела его в горы. Убили они нескольких носорогов, мясо сварили, а из шкур сделали бурдюки для воды. Когда все было готово, Али Курбан положил на спину орлицы мясо и бурдюки с водой, потом сел сам, и они полетели.

Когда орлица ощущала голод, Али Курбан давал ей мяса, когда она хотела пить, он давал ей воды.

Прошло восемнадцать дней.

Мясо все было съедено, вода вся выпита, а орлица очень устала. Попросила она у Курбана мяса. Али Курбан не знал, что делать, как сказать орлице, что мяса нет. Ведь если она узнает — крылья у нее сразу ослабнут, и они могут упасть на землю. Вытащил он меч, отрубил от своей ноги кусок мяса и дал ей.

Поела орлица и сразу почувствовала, как прибавилось у нее сил. Они летели еще день и еще ночь и выбрались, наконец, наверх.

Вернулся Али Курбан на землю и стал повсюду искать своих батыров.

Долго он их искал и однажды встретил военный отряд. Это был отряд Батыра холодной лапши. Но когда он разыскал его самого, тот сделал вид, что не узнает учителя. Произошла еще одна битва, — она кончилась полным поражением Батыра.

Тогда он сказал:

— Теперь я всегда буду слушаться учителя и больше никогда не осмелюсь изменить вам.

Батыр жерновов, Стальной батыр и Батыр льда услышали, что учитель вернулся, и бросились разыскивать его.

Тут выяснилось, что Батыру холодной лапши понравились дочери колдуна и четыре спасенные Курбаном женщины и он хотел насильно взять их себе в жены. Но дочери колдуна решили прибегнуть к своему колдовскому искусству. Они взяли шестерых кошек и превратили их в молодых женщин. И как только Батыр холодной лапши вошел в комнату, они всего его исцарапали. А женщины потихоньку скрылись. Но услышав, что Али Курбан вернулся, тотчас пришли к нему.

Али Курбан вернулся в родной город, и все приветствовали его и поздравляли. Весь народ стал называть его батыром Али Курбаном. Хан, увидев, что он не умер и что народ его так горячо любит, коварно предложил ему трон и даже устроил пир в его честь.

Но Али Курбан сказал:

— Я не хочу быть ханом, я вернусь домой и буду работать в поле.

Али Курбан вернулся домой, а вместе с ним и дочери колдуна. И они зажили богато и счастливо.

ШАЛЬ ПРИНЦЕССЫ

Было это в далекие-далекие времена. У одного хана была дочь — горячо любимая принцесса Бергиз. По красоте и уму не было ей равной во всем ханстве.

Славилась Бергиз и трудолюбием, — она умела ткать такие узорчатые шали, какие не умел никто.

Восьми лет принцесса начала ткать шаль из одной длинной шелковой нити, которую спряли пять тысяч шелкопрядов, и ткала она ее челноком, который делали пять тысяч мастеров...

Когда Бергиз исполнилось шестнадцать лет, она закончила свою шаль, и хан решил найти ей жениха.

И князей, и ханов, и министров сватали принцессе, но никто не пришелся ей по душе.

— Кого же ты хочешь, дорогая моя дочь? — спросил обеспокоенный хан.

— Того, кто разгадает секрет моей шали! Того, кто разгадает мое заветное желание! И кто бы он ни был, я выйду за него замуж! — ответила принцесса.

Хану ничего не оставалось, как издать указ:

«Тот, кто разгадает секрет шали принцессы, отгадает ее заветное желание, — будь то князь, министр или простой человек, — получит принцессу в жены!»

Указ вместе с шалью принцессы вывесили на воротах дворца. День и ночь у ворот толпились люди, — каждому хотелось получить в жены принцессу! Смотрели они на шаль, смотрели, но разгадать желания принцессы никто не мог.

Быстро бежало время. Вот и полгода прошло. Хан не на шутку встревожился.

— Дорогая моя дочка! — сказал он принцессе. — Никто не может выполнить твоего условия. Даже я, отец, и то не могу.

— Дорогой отец! — почтительно отвечала принцесса. — Люди смотрят на шаль, но не понимают того, что на ней изображено! А мое желание в узоре.

Прошло еще десять дней. И вот однажды, в полночь, с восточных гор спустился юноша. Увидел он шаль, снял ее и направился во дворец.

Хан был в опочивальне, когда ему доложили, что какой-то человек осмелился снять шаль. Он вскочил с постели и вышел в приемную.

— Ты разгадал, что в узоре? Узнал заветное желание принцессы? Смотри, если ты лжешь, я посажу тебя в темницу!

Юноша неторопливо отвесил хану поклон и проговорил:

— О великий хан! Желание принцессы скрыто в узоре, что выткан на шали! Я разгадал его!

Услышал это хан и несказанно обрадовался, — юноша говорил то же самое, что и его дочь. Хан тут же приказал позвать принцессу.

— Что за узор выткан на шали, говори, — велела Бергиз юноше.

— На шали выткана высокая гора, в горе пещера, а в пещере птица-зимородок с разноцветными перьями. Птицу охраняет страшное чудовище. Кто поймает зимородка с разноцветными перьями, обретет счастье.

— Верно! — воскликнула принцесса. — Ты угадал. А сможешь ты поймать зимородка?

— Смогу, — ответил юноша, — иначе разве посмел бы я прикоснуться к твоей шали?

— Послушай, юноша! — проговорил хан. — Ты хочешь идти за птицей? Что тебе для этого нужно? Скажи, и я дам все, что ни пожелаешь.

— Мне ничего не нужно, — ответил юноша. — Если можешь, дай рубин, который сверкает в волосах принцессы!

Сняла принцесса камень драгоценный и протянула его юноше. Взял юноша рубин, распростился со всеми и ушел...

Шел он три дня и три ночи и наконец увидел перед собой высокую гору. Вытащил он рубин и зашептал:

— О драгоценный камень! Теперь вся надежда на тебя! Если ты настоящий, то должен засветиться ярким светом! — С этими словами юноша смело зашагал к горе.

Вскоре подошел он к пещере. Еще издали увидел он чудовище, — оно дремало у входа.

В двадцати шагах от пещеры юноша остановился и положил драгоценный камень на ладонь. Чудовище услышало шаги, вскочило и бросилось к юноше. Но в этот момент камень засверкал тысячью огней! От яркого света чудовище зажмурилось и застыло на месте.

Юноша проворно схватил заветного зимородка и, ликуя, вышел из пещеры. От ослепительного блеска рубина из глаз чудовища полились слезы, — оно медленно повернулось и скрылось в пещере.

Юноша благополучно вернулся во дворец, отдал зимородка хану и сказал:

— Я поймал драгоценного зимородка, который умеет говорить, позволь мне теперь увезти принцессу с собой.

Хан не сразу согласился. Помолчав немного, он промолвил:

— Ты юноша смелый и ловкий, и поймать зимородка было для тебя слишком легким делом. А теперь я дам тебе задание потруднее. Выполнишь его, получишь принцессу в жены.

Не хотелось хану родниться с бедным, и он решил дать юноше такое задание, которое невозможно выполнить.

— Я слушаю тебя, о мой великий хан! — спокойно проговорил юноша.

— В моем дворце пятьдесят водоемов, но вода в них грязная и мутная. Если ты сумеешь до завтрашнего утра, до утренней молитвы, очистить их от грязи, — так, чтобы дно стало видно и я смог из каждого пруда достать по кувшину чистой, прозрачной воды, я выполню обещание и отдам тебе принцессу!

— Хорошо! — ответил юноша и удалился. Пришел он в ханский сад, заглянул в каждый водоем, — а вода там и вправду мутная. Сел он и стал думать — как быть?

Вдруг подходит к нему принцесса и говорит:

— Не печалься, юноша, опусти этот камень в каждый водоем — и вода в них станет чистой и прозрачной. — С этими словами принцесса вынула из волос изумруд и протянула юноше.

Обрадовался юноша, взял камень и пошел к водоемам...

На рассвете слуги доложили хану, что вода во всех пятидесяти водоемах стала прозрачной!

Рассердился хан. А тут юноша пришел, стал требовать, чтобы хан обещание свое выполнил.

Хан подумал, подумал и говорит:

— Виноград в моих садах еще не созрел, а я хочу отведать его сейчас же. У меня много шелка и атласа, и я хочу, чтобы без единой нитки ты сшил из них платье. У меня сто наложниц, пусть все они превратятся в юношей. У меня уже длинная борода, а я хочу стать таким же юным, как ты! На все эти дела даю тебе три дня сроку! Не выполнишь все мои желанья — отрублю тебе голову!

Ничего не ответил юноша и, опечаленный, вышел из покоев хана.

А тут подходит к нему Бергиз и говорит:

— Сейчас самое время бежать!

Взяли они шаль, зимородка с разноцветными перьями, сели на коней и поскакали.

Не успели они отъехать и стали, как хан с войском настиг их.

— Дорогая моя дочка! — проговорил хан. — Как могла ты оставить своего отца и уехать с каким-то оборванцем?! Возвращайся скорее домой! Я найду тебе самого знатного жениха!

И хан приказал схватить юношу.

Но принцесса Бергиз остановила солдат, опустила на землю волшебного зимородка и проговорила:

— Отец! Не то плохо, что ты хочешь разлучить нас, а то, что ты нарушил свое обещание!

С этими словами она вместе с юношей села на волшебного зимородка, и они поднялись в небо. Хан приказал солдатам стрелять в них из лука, но принцесса развернула шаль, и она скрыла их обоих. Говорят, что юноша и принцесса Бергиз прожили жизнь богато и счастливо.

КОРОЛЬ ГРАНАТОВОГО ДЕРЕВА

Аймутайкэ был очень беден, все его богатство состояло из одного-единственного гранатового дерева. Он старательно ухаживал за ним, оберегал его. Каждый раз, когда созревали плоды, Аймутайкэ дни и ночи просиживал под деревцем не смыкая глаз — боялся, как бы кто не испортил его. Если же на стену залезали ребяташки, он тотчас же замечал их и, пожуриив, прогонял прочь, а иногда мог и поколотить, чтобы впредь неповадно было. Ему дали кличку «король», и все так и звали его — «король гранатового дерева».

Однажды осенью, когда поспели плоды, он, как всегда, принялся усердно сторожить свое деревце. Но чем дальше, тем труднее было ему просиживать ночи у дерева. И вот как-то вечером он незаметно задремал. Открыл глаза, видит — гранатов стало меньше. Аймутайкэ стал ругать себя на чем свет стоит за то, что уснул и не усмотрел за деревцем. Однако на следующую ночь он опять заснул. И плодов снова стало меньше. Нелегко это было вынести бедному Аймутайкэ!

И решил Аймутайкэ, что в следующую ночь он сядет под деревом, притворится спящим и узнает наконец, чьих рук это дело. Наступила ночь. Сел он под деревом, притворился спящим и вдруг слышит за стеной шорох. Прищурил глаза и видит — лисица. Спрыгнула она со стены, притаилась и стала озирается вокруг. Смотрит, спит Аймутайкэ, подкралась к дереву и бесшумно взобралась на него. Тут Аймутайкэ вскочил и схватил лисицу за хвост, приговаривая: «Вот тебе, вот тебе, будешь знать, как воровать!»

Но лисица была хитрая, она сжалась в комочек, потом вдруг рванулась и — была такова. В руках Аймутайкэ осталось лишь два волоска от лисьего хвоста.

Огорчился Аймутаикэ: мало ему людей, так еще лисы повадились, что же делать?

Зашел к нему как-то старик сосед, видит, Аймутаикэ грустный сидит, и спрашивает:

— Отчего ты такой невеселый? Что случилось?

Аймутаикэ показал ему на свое деревце и говорит:

— Теперь еще и лисы стали воровать мои гранаты, — половины того не осталось, что было в прошлом году.

— Я научу тебя, как поймать лисицу, — сказал ему старик. — Свари клей и намажь стену там, где лисица лазает. Придет она в следующий раз — и прилипнет.

В ту же ночь Аймутаикэ последовал совету соседа и действительно поймал лису. Он был так зол, что тут же схватил палку и решил ее убить, но лиса стала умолять его:

— Король Аймутаикэ, пощади меня, всю жизнь буду помогать тебе, найду тебе хорошую жену.

Аймутаикэ еще больше разозлился:

— Какая-то дрянная лиса смеет еще смеяться надо мной! Ты же знаешь, что я гол как сокол, кто же за меня пойдет?

Поднял он палку, а лиса опять свое:

— Не бей меня, не бей! Я правду говорю, я в самом деле найду тебе жену, да еще не какую-нибудь, а принцессу.

Поверил Аймутаикэ лисице и отпустил ее.

Побежала лисица к старому королю и говорит ему:

— Король, одолжи мне твое ситечко, агаты у нас в земле перепачкались, а наш король Аймутаикэ слышал, что только через твое сито можно просеивать жемчуга и агаты, вот он и послал меня к тебе.

Старый король слышал о «государстве Аймутаикэ» и дал лисице ситечко. А лисица украла несколько драгоценных камней и жемчужин, воткнула их в ячейки сита и через несколько дней принесла ситечко старому королю. Стала она короля благодарить, а сама, будто ненароком, уронила ситечко на пол — камешки и посыпались. Принцессы и сам король бросились их подбирать, а лисица и говорит:

— Ну зачем вы это делаете? Знай я раньше, что вам нравятся эти камешки, принесла бы вам целое ситечко, у нашего короля Аймутаикэ их полным-полно!

Услышал это старый король, и стала его грызть зависть. Позвал он к себе лисицу и говорит:

— У меня три дочери, и хотел бы я одну из них отдать за вашего короля. Если дочь моя выйдет за вашего драгоценного короля, для нее это будет счастьем, а для меня славой. Поэтому прошу тебя быть свахой.

Услышали принцессы слова отца и стали спорить, кому из них выходить замуж за короля Аймутайкэ. А лисица и говорит:

— Не торопитесь, я еще должна узнать, собирается ли наш король жениться. Я вернусь к себе, расспрошу его и, если он согласится, снова приду к вам.

Пришла лисица к Аймутайкэ и говорит:

— Ну, дела идут хорошо, — король согласен отдать за тебя свою дочь. Скорее собирайся, и пойдем со мной, посмотришь на невесту.

Аймутайкэ чуть не запрыгал от радости, но потом вспомнил о своей бедности — какая уж тут женитьба? И сказал об этом лисице. А лисица ему отвечает:

— Ты не беспокойся, положишься на меня.

Около столицы, где жил старый король, протекала большая река. Подошли они к реке, лисица и говорит:

— Ложись в воду так, чтобы только одна голова была видна, а уж дальше я знаю, что делать.

Аймутайкэ прыгнул в реку, а лисица побежала к старому королю и говорит:

— Наш король вел к тебе сорок верблюдов, нагруженных драгоценными камнями, но когда мы стали переправляться через реку, бурное течение унесло верблюдов, а сам король чуть не утонул. К счастью, я сумела его спасти, только вот одежду его унесла вода.

Как только старый король услышал, что Аймутайкэ едет жениться на его дочери, да еще вез ему подарки на сорока верблюдах, его завистливое сердце возликовало.

— Хоть подарки и утонули, можно считать, что я их получил. Пойдем скорее встречать короля! — торопливо проговорил он.

Созвал он жителей и чиновников всего города и послал людей на лошадях отвезти королю красивое платье. Оделся Аймутайкэ, сел на доброго коня и въехал в город. В его честь король устроил пир, а свадебное торжество длилось сорок дней.

После свадьбы Аймутайкэ и говорит лисице:

— Хоть я и женился, но дома у меня все такая же бедность. Не могу же я вечно жить здесь. А вдруг король велит мне вернуться с принцессой домой? Что я тогда буду делать?

— Не бойся, — отвечает ему лисица, — пока живи здесь. Принимают тебя хорошо, чего же тебе еще желать? Будь щедрым, веселись, но смотри не выдай себя. А когда придет время уезжать — я что-нибудь придумаю.

Прошло несколько дней, и старый король послал министра, чтобы тот собрал свиту и лошадей и отвез Аймутайкэ с принцессой домой. Отправились они в путь, а лисица и говорит:

— Давай я побегу вперед, — если что-нибудь будет угрожать тебе, я быстро вернусь и сообщу.

И лисица побежала вперед. Бежала она, бежала и вдруг видит караван верблюдов. Погонщики остановили лисицу и спрашивают:

— Куда ты так торопишься, лиса?

А лисица отвечает:

— Разве вы не знаете? Позади бандиты, они убивают всех на своем пути, бегите скорее... Смотрите, они уже близко, спасайтесь! А то будет поздно!

Оглянулись погонщики, а там — туча пыли. Как тут быть? Стали они умолять лисицу:

— Посоветуй скорей, что нам делать?

А лисица и говорит:

— Когда они подойдут к вам и станут спрашивать, чьи это верблюды, отвечайте: «Короля Аймутайкэ». Тогда они вас не тронут.

— Хорошо, — ответили погонщики, и лисица побежала дальше.

Вот министр, принцесса и Аймутайкэ верхом на лошадях подъехали к каравану верблюдов. Министр спрашивает:

— Чей это караван?

— Короля Аймутайкэ! — отвечают караванщики.

— Хороший караван! Какой богатый у вас король! — восхищенно воскликнул министр.

А лисица бежала, бежала и вдруг увидела табун лошадей.

— Остановись, выпей хоть глоток воды! — говорят ей погонщики.

А лисица им отвечает:

— Да не болтайте вы попусту, я чуть жизни не лишилась! За мной гонятся бандиты, они убивают всех на своем пути, а лошадей забирают себе.

Погонщики испугались:

— Как же нам пасти лошадей?

— Если вас станут спрашивать, говорите, что это лошади короля Аймутаикэ, тогда они оставят вас в живых.

С этими словами лисица побежала дальше.

Вот министр, принцесса и Аймутаикэ подъехали к табуну. Министр спрашивает:

— Чьи это лошади?

— Короля Аймутаикэ! — отвечают испуганные погонщики.

Услыхала это принцесса и стала в уме прикидывать, как она распорядится этим богатством.

А лисица бежала, бежала, увидела стадо овец и еще издалека закричала:

— Эй, гуртовщики, скорей спасайтесь. Сзади гонятся бандиты, они всех убивают!

Гуртовщики от испуга чуть не заплакали.

— Разве нам убежать от бандитов? Придумай скорее, как нам быть?

— Скажите бандитам, что это овцы короля Аймутаикэ!

— Хорошо, — ответили гуртовщики, а лисица побежала дальше.

Вот подъехал министр с принцессой и Аймутаикэ к гуртовщикам. Министр и спрашивает:

— Чьи это овцы?

— Короля Аймутаикэ! — запинаясь, ответили пастухи.

— У тебя так много овец, король? — спрашивает министр. А Аймутаикэ и сам не понимает, в чем дело.

А лисица со всех ног помчалась вперед и прибежала ко дворцу царя колдунов. Вбежала и дух не может перевести. Принялась она бегать по комнатам, а колдун и спрашивает:

— Лисица, что случилось? Отчего ты так суетишься?

— Едет король Аймутаикэ, — задыхаясь, отвечает лисица, — он во всеуслышанье заявил, что будет уничтожать колдунов. Ох, горе мне! У них столько солдат, я боюсь, что они и меня убьют! Спрячь меня скорее!

Колдун тоже испугался и спрашивает:

— Что же делать? Ты что-нибудь придумала?

А лисица говорит:

— Спрячься в печь, а я разведу огонь, — так они нас не тронут.

Послушался колдун лисицу, залез в печь, а та наложила огромную кучу хвороста и подожгла его. Царь колдунов громко закричал, а потом умолк.

С тех пор Аймутаикэ зажил во дворце колдуна. Однажды лисица спрашивает его:

— Что ты станешь делать, если я умру? Ведь я столько сил на тебя потратила!

— Если ты умрешь, я буду носить тебя на голове и никогда не забуду.

Прошло несколько дней, и лисица умерла. Жена сказала Аймутаикэ:

— Лисица умерла.

Аймутаикэ и говорит:

— Ну, брось ее в яму.

Не успел он выговорить эти слова, как входит лисица:

— Что же ты слова не держишь?

Увидел Аймутаикэ, что лисица на самом деле не умерла, и стал оправдываться:

— Вот когда ты действительно умрешь, тогда уж я и надену тебя на голову! Клянусь тебе!

Прошло несколько дней, и лисица в самом деле умерла. На этот раз Аймутаикэ сдержал слово, надел ее на голову. Все увидели, что это красиво, и стали шить шапки из лисьего меха. Шапки эти носят до сих пор.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Жил когда-то один человек, и занимался он тем, что ловил рыбу. Этим и кормил семью. Однажды закинул он сеть и вытащил золотую рыбку. Обрадовался он, но только протянул руку к рыбке, как она вильнула хвостом и нырнула обратно в реку. Огорченный рыбак вернулся домой, но золотую рыбку забыть не мог. С тех пор он каждый день ходил на реку. Улов у него всегда бывал хороший, но золотая рыбка больше не попадалась.

Прошло три года. Рыбак разбогател, и жизнь у него потекла как по маслу. Бросил он рыбачить, открыл в мануфактурных рядах лавку и зажил припеваючи. Но воспоминание о золотой рыбке по-прежнему не давало ему покоя.

Вскоре у него умерла жена, и он женился на другой женщине, у которой был маленький сынишка. Сначала он любил ребенка, но время шло, он все чаще стал думать о том, что это не его сын, и невзлюбил мальчика. Чтобы не видеть его, он ездил куда-нибудь торговать и подолгу отлучался из дому.

Однажды мальчик увидел на берегу реки человека, который удил рыбу. Вспомнил он, что у них дома, в углу, тоже лежат сети, и побежал домой.

— Мама, дай мне сеть, — сказал он, — я пойду рыбу удить.

— Ты маленький, — ответила мать, — нельзя тебе идти на реку, еще утонешь.

Но мальчик заупрямился, и пришлось матери дать сеть.

Побежал мальчик на реку, забросил сеть в воду, подождал немного и начал вытаскивать ее. Видит — в сетях золотая рыбка! Схватил ее мальчик обеими руками и

побежал домой. Отошел от берега шагов на двадцать и думает: «Что мне с ней делать? Продать? Или, может быть, сварить?» Посмотрел он еще раз на рыбку и раздумал нести ее домой: «Такая красивая, золотая! Жалко ее губить! Отпущу-ка я ее на свободу!»

Пошел он обратно, бросил рыбку в реку, а сам вернулся домой.

На берегу играли ребяташки. Увидели они, что мальчик отпустил рыбку, побежали в лавку и говорят отчиму:

— Господин! Ваш сын поймал в реке золотую рыбку и отпустил ее в реку!

Услышал торговец эти слова и чуть не лопнул от злости.

«Восемь лет я мечтал о золотой рыбке, а он отпустил ее! Если бы она попала ко мне — я бы разбогател!»

Разгневанный купец вбежал в дом, схватил нож и набросился на сына:

— Кто велел тебе отпускать мою золотую рыбку?

Испугался мальчик, сжался в комочек, слова вымолвить не смеет. Посмотрел на него купец и еще больше разозлился.

— Да эта золотая рыбка мне во сто раз дороже тебя, щенка поганого!

С этими словами он замахнулся на мальчика ножом. Мать с плачем заслонила сына.

— Неужели ты можешь из-за поганой рыбы ребенка резать?

Долго умоляла она купца, но тот был непреклонен. Тогда она сказала:

— Ладно. Только не убивай его днем. Подожди до вечера, по крайней мере никто не увидит.

Сердито сопя, купец ушел.

Бросилась мать к сыну, обняла его крепко, и они оба горько заплакали.

— Уходи, сыночек, — проговорила мать. — Нельзя тебе больше оставаться здесь.

Собрала она сына в дорогу и говорит ему на прощанье:

— Если встретится тебе в дороге путник, ты сначала испытай его. Скажи, что тебе нужно на минутку остановиться по своим делам, и отойди в сторонку. Если он тебя подождет, иди вместе с ним, если же нет — значит, он тебе не товарищ.

Мать с сыном еще раз крепко обнялись и простились.

Долго шел мальчик и наконец встретил путника. Пошли они вместе. Но мальчик хорошо помнил слова матери и спустя некоторое время сказал:

— погоди, я сейчас вернусь!

Человек подождал немного, а потом говорит:

— Пойду я! — и ушел.

«Права была мать!» — подумал мальчик и пошел дальше...

Встретился ему еще один человек, испытал он его, но и этот оказался не лучше.

Наступил третий день его путешествия. Смеркалось, когда у дороги неожиданно появился рослый, крепкий юноша.

— Пойдем вместе, братишка! — крикнул он мальчику и спросил, почему он идет один.

Мальчик рассказал ему всю правду:

— Отец хотел убить меня из-за золотой рыбки, но мать спасла меня — велела бежать, и вот теперь я иду куда глаза глядят.

— Не горюй! — утешил его юноша. — Мы пойдем вместе, и я помогу тебе.

И они, словно родные братья, дружно зашагали дальше...

Так шли они два дня и пришли в какой-то город. В этом городе исстари был такой обычай: того, кто не платил денег за еду, приговаривали к смертной казни. Юноши, конечно, не знали этого. Вышли они на какую-то улицу, а там всякие кушанья продают, и почувствовали, что вот-вот умрут с голоду.

Мальчик и говорит:

— Денег у нас нет, а есть хочется. Как же быть?

— Ну и что же, — отвечает юноша. — Не заплатим, так отработаем!

Вошли они в трактир, заказали себе побольше пельменей и холодной лапши и, словно голодные волки, набросились на еду. В один присест все съели. Принесли им счет, а они и говорят, что, дескать, денег у нас нет, а отработать мы можем. Хозяин, конечно, не согласился и подал жалобу королю.

Получил король жалобу и тут же приказал своему министру:

— Сегодня ночью привести их ко мне!

Вечером мальчика и юношу связали и под конвоем привели к королю.

— Почему вы не заплатили денег за обед? — спрашивает король.

— Мы странники и все свои деньги истратили в пути. Мы хотели отработать за то, что съели...

— Я издал закон, по которому все, кто не платит денег за еду, считаются мошенниками и расплачиваются за это своей жизнью. Эй, отведите этих молодых и вздерните их на виселице! — крикнул король.

— Позволь слово молвить, о мой король! — проговорил министр.

— Говори! — сказал король.

— Взгляни на этих юношей. Они крепкие и сильные. Вот уже семь лет прошло с тех пор, как твою дочь украли колдунья; и всех, кого мы посылали, чтобы спасти ее, она съела. Давай пошлем еще этих юношей. Если они спасут твою дочь, ты сделаешь их министрами и отдашь принцессу за одного из них. Если же у них ничего не выйдет, то и тогда казнить их будет не поздно.

Королю пришлось по душе слова министра, и он приказал вернуть юношей.

— Злая колдунья украли мою дочь, — сказал король, — и если вы ее спасете, я щедро отблагодарю вас. Юноши согласились.

Король дал им свой боевой меч и приказал привести двух гнедых коней. Вскочили юноши на коней и вихрем помчались по дороге.

Проскакали они два дня без отдыха и вдруг видят, выросли перед ними высокие остроконечные горы. А на горах тех отвесные скалы да гладкие, скользкие камни. Ничего больше нет. Привязали юноши лошадей, а сами стали вверх карабкаться. Вдруг старший брат крикнул младшему:

— Видишь, что там, впереди?

— Вижу. У подножья золотой терем стоит, справа от него река течет, а через реку — большой мост перекинут. Смотрели, смотрели и вдруг колдунью увидели.

— Как посмели вы явиться сюда? — надменно спросила старуха. — Или смерти своей ищете?

Она сверлила юношей своими огромными глазами, а потом открыла рот и как плюнет! Целый поток слюны извергла — хотела утопить незваных гостей.

Но юноши не испугались и выхватили мечи.

— Тьма-тьмушая таких, как вы, приходили сюда, но живыми никто не ушел, — хвастливо проговорила колдунья. — Что ни год — король посылает сюда сотни тысяч своих солдат, но стоит мне дунуть, и тела их обращаются в тлен, а прах от костей разлетается по ветру. Гора, на которой вы стоите, сложена из их костей. Еще молоко на губах у вас не обсохло, а вы туда же!

Не успела колдунья договорить, как младший брат взмахнул мечом и ринулся на нее. Но старуха дунула, и меч унесло в небо. Увидел это старший брат и крикнул младшему:

— Эй, брат, беги скорее, дай я сражусь с ней!

Колдунья злобно рассмеялась:

— Видно, умереть торопишься.

И с этими словами она стала втягивать в себя воздух, который выпустила на младшего. Тогда старший брат бросил меч, поток воздуха подхватил его, и меч вонзился в горло колдуньи. Он рассек ей грудь пополам, и оттуда рекой хлынула кровь.

Братья победили.

Подошли они к реке, смыли с себя кровь, ополоснули мечи. Вдруг видят, из золотого терема девушка выходит, красавица писаная, в руках у нее золотой чайник с длинным носиком. Увидела она юношей и спрашивает ласковым голосом:

— Откуда вы, храбрые юноши? Людям нельзя сюда заходить.

— Принцессу, дочь короля, украли колдунья! — ответили юноши. — Вот мы и ищем ее.

— Ах! Так пойдите скорее! Если колдунья увидит вас, не быть вам в живых! Я и есть дочь короля. Отец посылал за мной тысячи людей, но всех их съела колдунья!

— Зайди за гору, принцесса, и посмотри, — говорят ей братья.

Принцесса со всех ног бросилась к горе и увидела убитую колдунью. Обрадовалась принцесса, подбежала к братьям и говорит:

— Да вы настоящие герои! Но у колдуньи есть еще два сына, они уехали на сорок дней и сегодня должны вернуться!

— Не бойся, принцесса, мы с ними живо справимся! — ответили братья.

Повела их принцесса в золотой терем, накормила лучшими кушаньями. Затем старший брат велел младшему стать у ворот и охранять принцессу, а сам спрятался под мостом и стал ждать.

Вскоре появились сыновья колдуньи — Белый колдун и Черный колдун. Еще издали почуяли они человеческий запах:

— Кто здесь прячется? Ну-ка, выходи живой!

— Эй, колдуны, верните нам королевскую дочь! — крикнул старший брат, выходя из-под моста. — Иначе я из вас кишки выпущу и голову вам сниму.

— Ах ты молокосос! — заорал Белый колдун. — Еще драться вздумал! Смерти, что ли, захотел?

С этими словами колдун взмахнул секирой, длинной-предлинной, и нацелился юноше прямо в грудь, но не тут-то было. Юноша ухватился за секиру и сломал ее. Увидел это Черный колдун и испугался. «Секира моего брата могла бы выдержать тяжесть Кузньлуня, — подумал он. — Видно, сильный он парень, попробую-ка я с ним сразиться». Словно разъяренный медведь, набросился на старшего брата, поднял чугунную гирию весом в семьдесят пугт¹ и крикнул:

— Держись!

Но старший брат не испугался: стукнул мечом по чугунной гире, раскололась она пополам и упала на землю. Тогда юноша сшиб с ног колдунов на землю, убил их, а головы вывесил на мосту.

Подбежал младший брат и крепко обнял старшего. Вскочили они на коней и повезли принцессу домой.

Ехали через горы, пустыни, дикие степи и, когда до города оставался день езды, остановились на отдых в одной деревне. Жители гостеприимно встретили их.

Один седой старик поспешил сообщить об этом королю. Услышал об этом король и воскликнул:

— Уж не сон ли все это?

— Пусть мне отрубят голову, если я лгу! — поклялся старик.

Король дал ему в награду целое блюдо золотых монет и в ту же ночь под звуки труб и барабанов отправился

¹ Пугтэ — 16 кг.

в деревню. Его сопровождали министр и четыреста воинов. Прибыли они в деревню, встретили принцессу и храбрых юношей, и все вместе вернулись во дворец. Народ нес их на руках.

Прошло семь дней. Позвал король сватов и говорит:

— Кто из этих юношей захочет взять в жены мою дочь, тому ее и отдам.

Сваты передали братьям слова короля. Каждый из братьев хотел уступить другому. Наконец старший сказал:

— Бери ты принцессу в жены, а я не могу, — потом узнаешь почему.

На том и порешили. Узнал об этом король и приказал отпраздновать пышную свадьбу.

Прошло еще семь дней, наступил восьмой. Старший брат и говорит младшему:

— Я должен вернуться домой, а ты оставайся здесь.

— Раз ты уходишь, так и я уйду, не могу я тебя покинуть.

Узнал об этом король и стал уговаривать их остаться. Но как он ни старался, ничего не вышло. Пришлось королю проститься с дочерью и зятем. Дал он им с собой в дорогу разной снеди, много золота и серебра.

Долго ехали наши путники. И вот однажды, когда они проезжали большую реку, старший брат попросил всех остановиться.

— Когда тебе было пятнадцать лет, — сказал он младшему, — ты забросил здесь свою сеть. Помнишь?

— Помню. Я поймал тогда золотую рыбку, — ответил младший.

— А что ты с ней сделал?

— Отпустил обратно в реку.

— Ты был добрым мальчиком. Я — та самая золотая рыбка! Ты пожалел меня, не дал мне умереть. Сколько мук и лишений ты вынес из-за меня! Вот я и решил отблагодарить тебя. А теперь прощай.

С этими словами он прыгнул в воду. Через некоторое время в волнах показалась блестящая золотая рыбка и кивнула им на прощанье головой.

ПАСТУШОНОК АНИЦЗЫ

Жил когда-то помещик, и нанял он себе пастушонка по имени Аницзы. Все очень любили Аницзы, особенно за то, что он прекрасно играл на флейте. И хоть флейта у него была самая простая, из обыкновенного бамбука, в его руках она превращалась в тончайший музыкальный инструмент. В часы досуга люди всегда собирались вокруг пастушонка, чтобы послушать его игру. Но помещик терпеть не мог Аницзы и его флейту и всегда искал случая, чтобы придраться к мальчику и обругать его.

— Ах ты чертенок! — кричал помещик. — Не за тем я тебя нанимал и кормлю, чтобы ты на флейте дудел!

На самом же деле игра на флейте совсем не мешала Аницзы работать.

Однажды помещик уличил пастушка в каком-то мелком проступке, жестоко избил его и выгнал из дому.

— Вот теперь посмотрим, как ты у меня заиграешь! — крикнул помещик и растоптал любимую флейту Аницзы.

Бедный мальчик, обливаясь слезами, вышел из помещичьего дома и побрел по улице... Шел он, шел, и вдруг повстречался ему старик.

— Эй, сынок, что с тобой? Чей ты? И о чем горюешь? — спросил старик, погладив мальчика по голове.

— Я пастушонок Аницзы, дедушка! Помещик избил меня и выгнал на улицу, да еще растоптал мою любимую флейту... — и мальчик снова залился слезами.

— Не плачь, Аницзы! Пойдем со мной! Я научу тебя, как ему отомстить! — ласково проговорил старик.

Он привел мальчика в свой дом, взял бамбуковую палочку и сделал ему новую флейту, лучше прежней, и научил Аницзы играть на ней. О, старик был искусным учителем. Мальчик стал играть еще лучше — теперь не

только люди, но и лесные звери сбегались к нему со всех сторон. Они окружали мальчика и тихонько слушали его игру.

Дни шли за днями, и вскоре Аницзы крепко подружился со всеми зверями...

Однажды помещик призвал к себе своих сыновей и говорит им:

— Вчера во сне я видел прелестного маленького зайчика, белого как снег, только на лбу у него маленькая черная звездочка. Он очень понравился мне, и вы должны придумать, как его поймать.

— Отец! Мы даже слыхом не слыхивали о таком зайце, а ты велишь нам его поймать! — ответили сыновья.

— Ах негодяи! Вы разве не слышали, что я вам сказал? — закричал разгневанный помещик. — Немедленно отправляйтесь в лес! Тому, кто поймает зайца, я оставлю после смерти все мое имущество!

Старший сын подумал: «Я — старший, к чему мне ловить зайца, — ведь и так все мне достанется... Да, но если они...»

— Послушайте, братья! — проговорил он. — Я пойду! Опасности я не боюсь, — раз отец хочет, нужно идти!

И он отправился в лес. Шел он, внимательно глядя на дорогу, вдруг навстречу ему старик.

— Куда идешь, парень?

Старший сын рассказал старику, в чем дело.

— Ступай в лес! — сказал старик. — Там Аницзы пахнет моих коров, расскажи ему все, и он тебе поможет.

Пошел старший брат в лес, разыскал там Аницзы и попросил помочь ему.

— Ладно! — с улыбкой ответил Аницзы. — Я помогу тебе найти этого удивительного зайца. Приходи сегодня вечером, и ты получишь его, но только принеси мне тысячу монет.

Обрадовался старший брат: «Подумаешь, тысячу монет! Все имущество будет мое, чего уж там считаться с какой-то тысячей!»

Вечером пришел он в лес и деньги с собой принес. Видит — сидит Аницзы на пеньке и играет на флейте, а вокруг него собрались все звери и слушают. Взглянул он повнимательнее и увидел маленького белого зайчика — на лбу у него действительно была черная звездочка. Аницзы

отложил флейту, протянул руку, взял зайчика за уши и протянул его старшему брату со словами:

— На, неси его домой! Только держи крепче! Если он убежит от тебя — я не отвечаю.

Отдал старший брат деньги пастушонку, поблагодарил его и, довольный, понес зайца домой. Но не успел он выйти из леса, как флейта Аницзы снова заиграла. Услышал зайчик звуки флейты, вырвался и убежал. Долго гнался за ним старший брат, но зайца и след простыл. Пришлось ему снова искать Аницзы.

— Убежал от меня заяц, — сказал он ему. — Как же теперь быть?

— Тут уж я ничего не могу поделывать, разве не говорил я тебе, чтобы ты крепче держал его? Кто же виноват, что ты его упустил? — ответил Аницзы.

Вернулся старший брат домой с пустыми руками и рассказал обо всем.

— Завтра я пойду, не расстраивайся, отец! — сказал средний сын.

На другой день пошел он искать зайца и тоже встретил старика. И с ним произошло то же, что и со старшим братом: напрасно потратил он деньги и прогонялся за зайцем.

На третий день пошел третий сын, но и ему не повезло.

Увидел помещик, что сыновья зря потратили деньги и не принесли даже волоска зайца, рассердился и сказал:

— Ах вы тупицы, какой от вас прок! Завтра я сам пойду!

На другой день помещик сам пошел в лес. Увидел его Аницзы, и глаза его загорелись лютой ненавистью. Не дав помещику даже рта открыть, вытащил Аницзы флейту, и стали тут собираться все лесные звери: зайцы, медведи, змеи, волки, лисы, прилетели птицы. Все они столпились вокруг помещика. Тот от испуга побледнел как полотно, бросился Аницзы в ноги и стал умолять его:

— О мой маленький господин, спаси меня! Пощади!..

— Ты еще помнишь Аницзы, помещик? Стоит мне только заиграть на флейте, как они бросятся на тебя и разорвут на части!

— Ай! Ай! Господин! Пожалей меня!..

Помещик бросился ему в ноги и запричитал:

— Я на все согласен, только пощади меня... Я боюсь...

— Хорошо! Сегодня я пощажу тебя, но не смей больше издеваться над бедняками! В другой раз церемониться с тобой не буду! И еще, когда вернешься, раздай половину своего имущества крестьянам, запомнил?

— Запомнил, запомнил!

И помещик со всех ног бросился бежать. Как и велел ему Аницзы, отдал он половину имущества беднякам, и с тех пор люди полюбили Аницзы еще больше.

ЛЮБОВЬ ЖЕНЩИНЫ

Настоящую любовь ничто не может сокрушить — она вечна и неизменна. А насильно мил не будешь!

Вот послушайте, что я расскажу вам о любви одной девушки.

Родилась и выросла она в деревне, в бедной семье, но слыла красавицей, умницей и была к тому же искусной мастерицей: во всем государстве никто не умел так вышивать, как она.

С детства полюбила она юношу. Он тоже вырос в бедности, ничего у него не было, — один полуразвалившийся домик. А в доме пусто. Тяжким трудом он еле-еле зарабатывал себе на пропитание. Человек он был недалекий, как говорят у нас в деревне, «простачок». Никогда никого не обманывал и всем верил. Девушка росла с ним вместе и полюбила его всем сердцем. Отец с матерью не противились их любви, и свадьба была делом решенным. Ждали только осени, когда юноша получит у хозяина деньги.

Издавна уж так повелось: как появится в деревне хорошая девушка — всю деревню прославит. Так случилось и на этот раз. Молва о прекрасной девушке разносилась все дальше и дальше и достигла, наконец, ушей самого хана. Услыхал хан про красавицу и захотел посмотреть на нее, — по разве может хан ездить по деревням! Обычно к нему приводили девушек. Он выбирал ту, которая нравилась, забавлялся с ней несколько дней, а потом прогонял и искал новую. Эта же красавица особенно заинтересовала хана, так как услужливые министры не только рассказали о ней, но и показали хану ее чудесные вышивки.

И вот слуги хана пришли в дом девушки.

— Вашей дочери счастье привалило! Хан хочет жениться на ней.

А отец говорит:

— Девушка уже просватана за другого, как она решит, так и будет.

Пошли сваты к девушке и стали петь слаще иволги. Но как они ни распинались, девушка стояла на своем:

— Возвращайтесь вы во дворец! Передайте хану благодарность за оказанную мне честь и скажите, что не хочу я выходить за него замуж. Я девушка бедная и выйду за такого же бедняка. Не нужны мне сладкие кушанья. А для хана жениться на мне оскорбительно.

Рассердились сваты, вернулись во дворец и рассказали обо всем хану.

Хан рассвирепел и сквозь зубы процедил:

— Рано или поздно, она будет моей!

В назначенный срок девушка и юноша поженились. Жизнь у них была нелегкая, нужда крепко держала их за горло, но постепенно они все же скопили восемь юаней.

Однажды жена и говорит:

— Возьми эти деньги, поезжай в город и купи мне ниток.

Купил ей муж ниток, и она принялась за работу. Ни днем, ни ночью не знала она отдыха и выткала четыре пояса. Они были так тонко и искусно сделаны, что их удалось продать за шестнадцать юаней. На двенадцать юаней муж купил еды, а на четыре — ниток. Не теряя времени жена снова принялась за работу и выткала несколько на редкость красивых поясов, которые удалось продать за сорок юаней. Так благодаря искусным рукам жены они сколотили небольшое состояние.

Прошло немного времени, и жена опять говорит мужу:

— Купи мне еще ниток, я вышью красивое покрывало.

Вышила она покрывало и велела мужу отвезти его в город на продажу.

— Проси за него двадцать серебряных юаней, — сказала она ему. — В городе сорок улиц — иди на любую. Если не продашь, возвращайся домой, только смотри не ходи на сорок первую улицу.

Такого красивого покрывала в городе еще не видели! Люди окружили юношу, не сводили глаз с его товара, выражали свое восхищение, но, услышав цену, сразу же уходили.

В тот год трудно было найти в городе человека, который мог бы потратить двадцать серебряных юаней!

Наступил вечер, а продать покрывало так и не удалось. Подумал было муж вернуться домой, да жаль ему стало жены: она столько времени трудилась над покрывалом! «Лучше вернусь домой попозже, а покрывало обязательно продам». Подумал он так — и пошел на сорок первую улицу, забыв о том, что говорила ему жена.

На этой улице стояли высокие дома и не было видно даже тени человека. «Уж не в ханский ли дворец я зашел», — подумал юноша и тут понял, почему жена не велела ему ходить на эту улицу. Он быстро повернул назад, но тут из ворот высыпала толпа людей. Они вели на привязи собак, на плечах у них сидели соколы, и вид у всех был очень воинственный. Хан ехал верхом. Увидел он юношу и спрашивает:

— Что ты здесь делаешь? Разве ты не знаешь, что здесь ханский дворец?

Звуки его голоса были как удары колокола, от них даже в ушах звенело.

— Я не знал, что здесь ханский дворец, я сейчас уйду.

Но только пошел он назад, как хан вернул его.

— Что у тебя в руках?

— Ничего... Покрывало.

— Покажи.

Увидел хан вышивку и сразу догадался, что покрывало сделано той самой девушкой. Посмотрел с завистью на юношу и спрашивает:

— Кто вышивал это покрывало?

Юноша никак не ожидал такого вопроса, растерялся и смущенно проговорил:

— Я вышивал.

Не успел он вымолвить эти слова, как вокруг раздался смех. Тут юноша совсем растерялся.

— Говори правду, не бойся! — сказал хан.

— Моя сестра вышивала, — ответил юноша, и снова смутился: сестры-то у него никакой не было.

Взглянул на него хан да как закричит:

— Врешь! Говори правду!

Видит юноша, что его обман не удался, и говорит:

— Это моя жена вышивала.

Услышал хан эти слова, кивнул головой и говорит с улыбкой:

— Хорошее покрывало. Сколько же оно стоит?

— Двадцать серебряных юаней.

Взял хан покрывало и приказал дать юноше двадцать юаней.

— Завтра я поеду на охоту через вашу деревню, — сказал хан. — Может, зайду к вам отдохнуть, приготовь что-нибудь поесть.

Зашагал юноша домой, а сам все раздумывает над случившимся. И чем больше думает, тем горше ему становится. Ну зачем он не послушался жены? Зачем потропился продать покрывало? Зачем пошел на эту улицу?

Вернулся он домой, отдал жене деньги, а сам пригрюнился.

Посмотрела на него жена и сразу поняла: случилось неладное.

— Почему ты такой грустный? — спрашивает она.

Пришлось мужу рассказать всю правду. Рассердилась жена, стала ругать его:

— Говорила я тебе, не ходи на эту улицу! Нет, пошел! Сам на себя беду и накликать!

Муж тоже очень горевал, даже заплакал и все бранил себя.

Жаль его стало жене.

— Ну, ладно, — стала она его утешать. — Когда они придут, я спрячусь. А спросят — скажи, нет дома.

На другой день хан действительно приехал. Едва он вошел в дом, как тут же потребовал чаю — хан надеялся, что чай ему подаст хозяйка. Но муж сам отправился кипятить чай.

Тогда хан сказал:

— Пусть жена согреет чай, а я пока поговорю с тобой.

— Моей жены уже несколько дней нет дома, — ответил юноша.

Нахмурился хан, но тут же понял, что юноша обманывает его — не иначе как она где-нибудь спряталась. «Все равно не уйдешь от меня!» — решил он. Прикинулся хан добрым и говорит:

— Давай выпьем с тобой вина.

Увидел юноша, что хан так ласков с ним, и согласился. А хан в вино дурману подсыпал. Юноша как только выпил — сразу же уснул.

Увидел хан, что юноша спит, и тут же приказал обыскать дом. А в доме-то всего-навсего одна комната была, где тут спрячешься? Жену, конечно, сразу нашли. Взгля-

пул на нее хан — и сердце его затрепетало: перед ним стояла красавица писаная, второй такой не сыщешь, недаром о ней повсюду шла молва. И хан тут же потребовал, чтобы она вышла за него замуж. Долго уговаривал ее хан, обещал дать все, что ни пожелает, но она решительно отказалась:

— Муж мой жив, я люблю его и, хоть убей меня, — не полюблю никого другого.

Услыхал хан эти слова и страшно рассердился. Велел он связать женщину, привязать ее к лошади и везти во дворец. А про себя подумал: «Посмотрим, чья возьмет!»

«Увезут меня, — думала жена, — муж очнется, а искать где, не знает». И она сказала хану:

— Если хочешь, чтобы я замуж за тебя вышла, исполни одно мое желание.

Услышал это хан и с радостью согласился:

— Говори! Я не только одно — все твои желанья исполню.

И женщина сказала:

— У нас существует такой обычай: если женщина вторично выходит замуж, она должна принести в жертву духам еду и питье, иначе не будет ей счастья.

— Ладно, ладно, — отвечает хан. — Поступай как знаешь.

Женщина положила около мужа еду, да так, чтобы она показывала, куда ее увезли, и поставила рядом чашку воды. Повез ее хан к себе во дворец. Отъехали они недалеко — она снова положила еду и поставила чашку воды. И так до самого дворца.

Через три дня юноша очнулся. Видит — кругом пусто, людей и след простыл. Тут он и догадался, что обманул его хан. Увидел он около себя еду и воду и понял, что это оставила ему жена. Поел, попил и отправился в путь. Прошел немного, видит — лежит еще еда и стоит чашка воды. Так шел он, шел, ел, пил и благополучно добрался до ханского дворца.

Но дворец был окружен высокой стеной, а ворота стерегла стража. Как проникнуть туда? Весь день и всю ночь бродил юноша вокруг дворца, но так ничего и не придумал. Вдруг попалась ему навстречу старуха. Увидела она его и спрашивает, что случилось. Взглянул юноша на старуху — лицо у нее доброе, и решил рассказать ей всю правду.

Старуха ему и говорит:

— Я дам тебе денег, купи иголок, ниток, зеркальце, гребенки — словом, все, что нужно женщинам, иди к воротам дворца и притворись уличным торговцем. Может быть, тебе и удастся увидеть жену.

Вернувшись во дворец, хан хотел сразу же свадьбу сыграть, но женщина сказала:

— Раз я приехала с тобой, значит согласна выйти за тебя замуж. Но сейчас я еще больна, и, раньше чем через месяц, ты не должен входить ко мне в комнату. Если мне станет скучно, я буду выходить к воротам. Ничего не поделаешь: чтобы выздороветь — надо сначала поболеть! А волноваться тебе нечего, ведь я уже у тебя дома.

Хану ничего другого не оставалось, как согласиться.

Через несколько дней уехал хан на охоту, а женщина вышла за ворота. Вдруг слышит: торговец кричит. Прислушалась — да ведь это же ее муж. Обрадовалась женщина, прошла немного, смотрит — и правда ее муж. А муж не узнал жену, потому что лицо ее было закрыто вуалью. Окликнула она торговца и стала спрашивать, что сколько стоит. О том спросит, об этом, и все громко, чтобы он узнал ее по голосу. Когда же муж, наконец, догадался, кто перед ним стоит, женщина огляделась по сторонам и шепнула:

— Вот возьми два золотых юаня, и, как увидишь торговца лошадьми, купи двух коней и через три дня ночью жди меня внизу у стены.

Отдала она мужу деньги и быстро ушла.

Вернулся хан с охоты и — прямо к красавице. Видит — лицо у нее грустное, и спрашивает:

— Кто обидел тебя, скажи!

А красавица надула губки и говорит:

— Конечно, ты! Кто я здесь такая? Ничем не могу распорядиться. А еще хочешь сделать меня своей женой.

Услышал это хан, тут же вытащил сорок один ключ и говорит:

— На тебе ключи, можешь теперь всем распоряжаться.

Взяла она ключи и тут только слегка улыбнулась.

— Скоро месяц кончается, — сказал хан.

— Знаю, — отвечает женщина. — Осталось еще три дня. К чему торопиться?

Через два дня хан снова уехал на охоту, а женщина отперла ханскую конюшню, выбрала двух лучших скакунов и приказала вывести их на улицу и продать. Едва только конюх вывел лошадей за ворота, как юноша купил их за два золотых юаня. Посчитал он — как раз был третий день. В ту же ночь привел он лошадей к дворцовой стене и принялся ждать. Чем больше ждал, тем сильнее волновался, вот и полночь наступила, а жены все нет. Он и не заметил, как заснул от усталости. Как раз в это время откуда ни возьмись появился пьяный лысый палач. Спотыкаясь, проходил он мимо и вдруг видит: стоят две лошади, поблизости никого нет, время позднее, — третью стражу пробили. Как тут быть? Решил он увести лошадей, но вдруг видит: со стены спускаются два узла, а за ними человек. Посмотрел он — и узнал новую наложницу из ханского дворца. Заподозрил палач неладное. А женщина спрыгнула со стены и, второпях не рассмотрев его как следует, приняла за мужа и велела навьючить узлы. Потом вскочила на коня, хлеснула его плетью и поскакала. Лысый тоже вскочил на коня и помчался вслед за ней. Так они выбрались из города и некоторое время молча ехали при свете луны.

Но вот женщина обернулась, видит — город остался далеко позади. Тут только она перевела дух, расчесала волосы и пустила лошадь шагом.

— Как ты меня нашел? — спросила женщина.

А лысый притих и слова не решается сказать. Почувствовала она, что тут что-то не так, и попридержала коня. Подъехал лысый ближе, она как взглянула — так и ахнула! И принялась себя ругать: как можно было так торопиться! С таким трудом вырвалась из лап тигра и вот опять попалась.

Но женщина не пала духом и стала думать, как быть дальше. Когда рассвело, женщина и говорит лысому:

— Я давно решила, что как только убегу, то кого встречу на дороге, за того и выйду. Но ты вон какой плешивый, срам на тебя смотреть. Возьми пять юаней, ступай купи масла. Я избавлю тебя от плеша, и мы поженимся, ладно?

Лысый, как только услышал, что у него будет жена да еще он и от плеша избавится, решил, что наконец-то ему привалило счастье! Пошел он в деревню, купил масла, набрал хворосту, разогрел масло, а женщина взяла и вы-

дала это масло ему на голову. Он и умер. «Поделом тебе! — подумала женщина. — Не будешь вредить людям».

Села она на коня и поехала дальше. Ехала она, ехала, и повстречались ей четыре охотника. Увидели они женщину и начали спорить.

Один говорит: «Я на ней женюсь». Другой: «Нет, я!»

Женщина и говорит им:

— Что толку спорить? Не могу же я выйти замуж за всех четверых. Дайте мне ваш лук, и я выстрелю в четыре стороны, кто первый принесет стрелу обратно, за того я и выйду.

Обрадовались охотники, каждый из них понадеялся на свои ноги, и согласились:

— Хорошо, стреляй!

Женщина выстрелила во все четыре стороны. А она была сильная, и стрелы улетели далеко. Когда охотники помчались за стрелами, женщина хлестнула коня и поскакала дальше.

Ехала она, ехала и встретила четырех мужчин, которые играли в кости.

Увидели они женщину — бросили свои кости, окружили ее и стали спорить, кому из них на ней жениться.

Женщина и говорит:

— Сделаем так. Я поднесу вам по чаше вина, кто выпьет все залпом и не опьянеет, за того я и пойду замуж.

Выпили игроки вино, и все четверо тут же опьянели, а женщина поскакала дальше.

«Нельзя женщине путешествовать одной», — подумала она и переделась в мужское платье, которое захватила во дворце. В тот же день приехала она в один город.

А в городе что-то страшное происходит. Все жители украсили себя зеленью и цветами и ходят, подняв вверх голову и держа в руках большие куски мяса, кур и голубей. Они толкают друг друга, шумят. Женщина подошла к одному из них и спрашивает:

— Что здесь происходит?

— У нас умер король и сегодня выпустили его птицу счастья. На кого она опустится, тот и будет королем.

В этот момент как раз прилетела птица счастья. Все загалдели, и каждый надеялся, что она принесет счастье

ему, но птица покружилась над головами людей и тяжело опустилась на плечо женщины, переодетой в мужское платье.

Все побросали мясо, столпились перед женщиной и стали наперебой звать ее во дворец. А для женщины это было полной неожиданностью! Она подумала было отказаться, но не посмела: люди говорили, что этот обычай существует с древности и тот, кто нарушит его, будет казнен.

И женщина стала королем. Это было большое королевство, даже хан, который хотел жениться на женщине, подчинялся ей. Женщина принимала поздравления и училась управлять королевством. За мужество и справедливость народ любил и почитал ее.

— Какой хороший у нас король! — говорили люди. — Повезло нам!

Она принесла людям счастье, и люди хотели отплатить ей тем же.

— Король! — говорили люди. — У тебя до сих пор нет жены. Выбери себе девушку и женись.

— Не торопитесь! — отвечала женщина. — Я пока не хочу жениться. Когда придет время, скажу.

Так свадьбу и отложили.

Однажды, когда женщина занималась государственными делами, министр сказал ей:

— Четыре охотника подали жалобу на одну женщину: она пообещала выйти за одного из них замуж и убежала. Возможно, она бежала в нашу страну. Как решить это дело?

— Сначала арестуйте их, а когда найдете эту женщину, тогда и будем решать, — ответил «король».

Прошло еще несколько дней, и министр снова явился с докладом:

— Пришли еще четыре человека, они говорят, что какая-то женщина обещала выйти замуж за одного из них, а сама напоила их и скрылась.

— Подождем, пока отыщется эта женщина, — ответил «король».

Прошло еще несколько дней, и приехал хан — тот самый, что увез тогда женщину. Пришлось «королю» принимать его лично. После положенных церемоний «король» узнал гостя и в гневе стиснул зубы. Гость сказал:

— Я хочу просить помощи у короля в одном деле.

— Если у вас есть дело, поговорите с моим министром, — ответил «король», взмахнул рукавами и вышел.

Через некоторое время приходит министр и говорит:

— Хан утверждает, что взял в жены одну женщину, а она убежала. Говорят, что она бежала к нам.

«Король» рассердился:

— Опять ищут женщину! Арестуйте его, а когда найдется эта женщина, займемся и им.

Министр удивился: как можно брать под стражу хана соседнего государства? Но «король» был непреклонен:

— Делайте так, как я приказал!

И министру пришлось подчиниться.

Прошло еще несколько дней. Министр докладывает:

— Пришел еще один человек, он разыскивает ту же самую женщину. Это бедный юноша. Я думаю, его тоже нужно взять под стражу.

— Привести его сюда! — приказал «король».

Министр пожал плечами, но ослушаться приказа не посмел.

Ввели юношу. Женщина сразу узнала в нем мужа — того, кто всю жизнь недоедал, недосыпал, кого она не забывала ни днем, ни ночью. Но виду не подала. Она отослала всех прочь и спросила юношу:

— Ты ищешь свою жену? А знаешь ты какие-нибудь ее приметы?

— Как же я могу не знать! — ответил юноша. — У нее черное пятнышко на груди.

«Король» распахнул халат и проговорил:

— Не это ли?

Поднял юноша голову и даже вскрикнул от удивления:

— Как, это ты?

«Король» замахал на него руками:

— Молчи! Я выпущу тебя, а завтра ты переоденся в женское платье и приходи в харчевню.

«Король» отпустил юношу, а министр не посмел ни о чем спросить.

На другой день «король» с министром гуляли по улице. Вдруг «король» остановился около одной харчевни. За столом там сидела молодая женщина. Долго смотрел на нее «король», прямо глаз не мог оторвать. Когда они вернулись во дворец, «король» сказал министру:

— Вы все хотите, чтобы я женился? Так вот, мне понравилась женщина, которую мы видели сегодня в харчевне. Я хочу на ней жениться.

Услышал об этом министр — и радости его не было границ.

Тут же справили свадьбу. Но она не была столь пышной, как это подобало бы королю. После свадьбы жена каждый день учила мужа, как управлять государством, а когда он научился, надела на него королевское платье и велела обо всем ей докладывать. Когда она увидела, как хорошо он справляется с делами, она сказала:

— Притворяться больше нельзя! Созови министров и объясни им все. Потом еще нужно решить те, отложенные, дела.

А министры в это время возвращались после обсуждения государственных дел и по дороге гадали, почему у короля так изменилось лицо. Не успели они дойти до дома, как услышали гонг: это означало, что король созывает во дворец всех жителей города. Они поспешили во дворец.

И вот перед дворцом собрался народ. Все недоумевали, зачем их позвал король. Через некоторое время вышел «король». Он поднялся на высокий помост и рассказал народу всю правду. Жителей глубоко тронул печальный рассказ женщины, весь город проливал слезы и требовал казни недостойных людей, причинивших ей зло. Но «король» сказал:

— Отпустите четырех игроков. Если бы я не попалась им на дороге, они не стали бы злодеями. С них вполне достаточно того, что они просидели в тюрьме. Отпустите и охотников: им я тоже не хочу мстить. А хана навсегда оставьте в темнице. Если его выпустить, он причинит зло еще многим женщинам.

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ МЯО

КАК ЗУБЫ ДРАКОНОВ ПРЕВРАТИЛИСЬ В ЗВЕЗДЫ

Давным-давно в лачуге, огороженной частоколом, жили муж и жена. И хотя они уже состарились, не было у них ни сына, ни дочери. Тяжко вздыхая, они часто приговаривали:

Тяжелые плетенки из бамбука
Натерли на плечах кровавый след...
Мы старимся, а деток нет и нет.

Однажды старик и старуха с развевающимися седыми волосами вскапывали кукурузное поле на склоне горы. Ковыряя землю, старик думал о ребенке; утирая слезы, он шепотом причитал:

Тужи не тужи — не поможет,
Старуха с мотыгой, я — тоже,
Грустно нам без детей...

Услыхала эти слова бабка, пригорюнилась, бросила мотыгу, села на землю и заохала:

И как не тужить да не охать:
Под старость без деток нам плохо.
Слезы бегут ручьем!

Так причитали старики, как вдруг с вершины горы с грохотом скатился большой круглый камень. Докатился камень до края кукурузного поля и с треском раскололся.

Зашевелился белый хлопок, которым шар был выложен изнутри, и оттуда послышался крик: «Ва-ва».

Старик подошел, раздвинул хлопок: «Ой!» Там, двигая руками и ножками, пищал пухленький мальчик.

— Малыш! Малыш! — удивленно воскликнул старик.

Утирая слезы, подбежала старуха, подхватила малыша и, смеясь от радости, начала повторять:

— Небо послало нам малыша! Небо послало нам малыша! Теперь у нас будет сын!

Старики, высоко поднимая малыша, вернулись домой.

Под веселый смех стариков день за днем рос ребенок. Руки у мальчика становились сильными, ноги крепкими, грудь широкой.

— Героем вырастет! — говорил старик. — Давай назовем его Сан¹.

Прошло немного времени, и Сан превратился в сильного, статного юношу. Он ходил в горы на охоту, умел работать в поле. Жили старики, не могли нарадоваться.

В те времена в южных горах обитал большой черный дракон, а в северном море — другой черный дракон. Они были родными братьями. Однажды морской дракон, который был старшим, полетел проведать своего младшего брата. У входа в пещеру росло огромное персиковое дерево, и на нем висело девять больших красных и сочных медовых персиков. Стали братья-драконы делить персики.

— Персиковое дерево растет у входа в мою пещеру — значит я должен съесть пять штук, — говорил младший.

— Я старше тебя, — возражал гость, — мне как старшему полагается пять персиков, а тебе, младшему, — четыре!

Каждому из братьев хотелось съесть пять персиков, никто из них не желал уступить, и завязалась драка. Братья так яростно вцепились друг в друга, что тела их сплелись. С южных гор они ринулись в северное море, потом опять вернулись к южным горам. Горы дрогнули, вниз с грохотом полетели камни; забурлило море, заходили по нему волны. С земли драконы опять взлетели в небо, и — о ужас! — они стукнулись о небосвод и пробили его. Драконы поранили себе головы, полилась кровь, полетела чешуя. Раны оказались тяжелыми. Старший дракон

¹ Сан — на языке мяо означает герой.

опустился в море и, полумертвый, уснул на дне. Младший забрался в пещеру и, обессиленный, залег там.

Дыра, которую пробили драконы в небосводе, как раз пришлась над тем местом, где жил Сан. Вот несчастье! В жаркие дни с неба через пробитую брешь лил дождь, подобный водопаду; в холодные дни падал снег, похожий на камни. Деревья были поломаны, всходы погибли, дома разрушены. Скот погиб. Обессиленные люди лежали в пещерах и не выходили наружу. Было холодно и голодно, старики и дети не могли двигаться. Из пещер в скалах неслись печальные звуки:

Драконы повредили небосвод:
То снег идет, то дождь на землю льет.
Везде вода, и людям негде сеять,
В пещерах горных бедствует народ.

Смотрел на все это Сан, и сердце его сжималось от горя. Тогда он обратился к своим престарелым родителям:

— Как можно починить дыру в небе?

— Давным-давно, — сказал старик, — я слышал, что где-то далеко есть высокая-высокая гора Лайлуншань, на середине горы, на скале, растет большое камфарное дерево, на том дереве есть большое гнездо, в котором живет старец с зеленой бородой. Он все знает, иди спроси у него. Только скала отвесная и скользкая, тебе на нее не взобраться. Ты подожди утра, старец каждый день утром расчесывает свою бороду, и она свисает до земли, ты хватайся за нее и карабкайся вверх.

— Ради людей я пойду разыщу старца с зеленой бородой и спрошу его. Только я уйду, а вы...

— Ты должен спасти народ! — перебил его старик. — А о нас не печалься, свет не без добрых людей.

— Ступай, сынок, постарайся ради всех! — добавила старушка.

И, простившись со своими родителями, Сан отправился на поиски старца с зеленой бородой.

Он шел днем, шел ночью, дождь и снег были ему ни почем, голод утолял листьями, жажду родниковой водой; он переправился через девяносто девять рек, перевалил через девяносто девять гор. И вот однажды к вечеру добрался он до горы Лайлуншань, видит — на середине горы, на скале, растет камфарное дерево, с дерева свисает

большое гнездо, кругом все тихо. Сан лег на траву у подножья горы и заснул. На другой день утром он вдруг услышал долетавшую из гнезда песню:

Живет на дереве в гнезде
Старик с зеленой бородой,
Живет один, совсем один,
И много у него имен.
Огромный гребень в кулаке,
А борода торчит метлой.
Бедняга! Бороду свою
Весь день расчесывает он!

И в тот же момент зеленая борода, похожая на большую лозу, спустилась из гнезда. Сан быстро подбежал, схватился за бороду и полез вверх. Когда он взобрался до половины, из гнезда высунулся старец и сказал:

— Дитя, не лезь дальше, гнездо слишком высоко. Скажи, что тебе надобно?

Сан остановился и говорит:

— В небе образовалась щель, дожди и снег, не переставая, падают на землю, народ терпит бедствия! Прошу тебя — научи, как починить небо!

— На верху горы Улюшань живет старый повелитель медведей, у него есть три дочери — каждая из них может починить небо. Ты требуй, чтобы старый медведь отдал тебе в жены одну из своих дочерей. Если старый медведь не будет соглашаться, надень мои зеленые лапти, топни посильней — он и согласится. Ступай!

Замолк старец, и на землю упали из гнезда зеленые лапти.

Сан, разжав руки, соскользнул вниз, надел лапти, топ-топ — и очутился у горы Улюшань. Гора эта представляла собой высокий-высокий каменный столб, на вершине его, окутанный облаками, скрывался большой, желтого цвета, дом. Склоны горы были отвесные и скользкие — и муравью по ним не взобраться. Сан, остановившись у подножья горы, топал ногой и приговаривал:

Лапти на ноги обуя,
В гору поднимусь крутую.
— Гостя принимай, медведь,
Дай на дочку посмотреть.

Сан топал ногами до тех пор, пока гора Улюшань не загудела и не закачалась.

— Не топай! Не топай! — послышался голос, и сверху стала спускаться длинная зеленая лоза, на конце ее распустился большой красный цветок. Красный цветок медленно опустился перед юношей. В цветке была девушка в зеленых одеждах, голова ее была обвязана зеленым платком; к груди она прижимала олененка. Девушка сказала:

— Не топай, я спустилась, чтобы следовать за тобой. Я старшая дочь повелителя медведей, зовут меня Зеленая девушка.

— Девушка, ты сможешь починить небо? Надо спасти людей! — сказал юноша.

Девушка подняла голову, посмотрела на небо и, поджав губы, сказала:

— Ха, чинить небо? Охота была! Я лишь люблю поест, попить да попеть песни.

— Не нужна мне ленивая жена, — покачав головой, сказал Сан, — возвращайся! Пусть спустится твоя сестра.

Он подтолкнул вверх цветок, и девушка поднялась на вершину горы.

Юноша остался ждать у подножья горы: не видя наверху никакого движения, он снова затопал ногами. Закачалась гора, загудела, но старый медведь привык к этому шуму и не обращал на него внимания.

Юноша долго и ожесточенно топал ногами, но на вершине горы было тихо; тогда Сан снова отправился к горе Лайлуншань, к старцу с зеленой бородой.

— Что случилось? — спросил старец.

Юноша рассказал старцу все как было. Старец кинул вниз пару черных рукавиц и сказал при этом:

— Надень эти рукавицы, толкни гору Улюшань и потребуй у повелителя медведей себе в жены вторую его дочь. Ступай, дитя!

Юноша надел рукавицы и — топ-топ, топ-топ — пошел к горе Улюшань. Подошел он к подножью горы, толкает ее, а сам кричит:

Хлопну черной рукавицей —
Грянет гром, наступит ночь.
Эй, медведь, хочу жениться,
Отдавай вторую дочь.

Юноша обеими руками стал толкать гору, закачалась гора Улюшань, загремело кругом.

— Не толкай! Не толкай! — слышался сверху голос повелителя медведей. И с горы начала спускаться длинная черная лоза. На конце ее распустился большой красный цветок. Красный цветок медленно опустился перед юношей. В цветке была девушка в черных одеждах, голова ее была обвязана черным платком, прижимая к груди буйволенка, она сидела на черном буйволе. Лицо у девушки было бледное, она сказала:

— Не толкай гору, я спустилась, чтобы следовать за тобой. Я вторая дочь повелителя медведей, зовут меня Черная девушка.

— Девушка, ты сможешь починить небо? Надо спасти людей! — сказал юноша.

Девушка подняла голову, посмотрела на небо и, поджав губы, сказала:

— Ха, чинить небо? Охота была! Не буду! Я люблю лишь поесть, попить да попеть песни.

— Не нужна мне ленивая жена, — покачав головой, сказал Сан, — ты возвращайся, пусть спустится твоя младшая сестра.

Он подтолкнул вверх цветок, и девушка поднялась на вершину горы.

Юноша остался ждать у подножья горы; не видя наверху никакого движения, он снова стал толкать гору руками. Закачалась гора, загремело кругом. Но старый медведь привык к этому шуму и не обращал на него внимания.

Юноша долго и ожесточенно толкал гору, но на вершине горы было тихо, тогда Сан снова отправился к горе Лайлушань, к старцу с зеленой бородой.

— В чем дело, дитя? Что тебя привело опять? — спросил старец.

Юноша рассказал старцу все как было. Старец кинул вниз белую баранью шапку и сказал при этом:

— Надень эту шапку, стукни головой гору Улюшань и потребуй у повелителя медведей себе в жены третью его дочь. Ступай, дитя!

Юноша надел белую баранью шапку и — топ-топ, топ-топ — пошел к горе Улюшань. Подошел он к подножью горы, стучает по ней головой, а сам кричит:

В белой шапке я бараньей
Кликну клич на Улюшане:
— Жениха, медведь, встречай,
Замуж третью дочь отдай.

Юноша стукнул головой гору, закачалась гора Улюшань из стороны в сторону, загрохотало кругом, вот-вот она опрокинется.

— Не стучи! Не стучи! — взмолился повелитель медведей. И сверху начала спускаться длинная белая лоза, на конце ее распустился большой красный цветок. Красный цветок медленно опустился перед юношей. В цветке была прекрасная девушка в белых одеждах, голова ее была обвязана белым платком; прижимая к груди белого ягненка, она сидела на белом баране. Девушка, смеясь, прищурила глаза и сказала:

— Братец Сан, не стучи, я спустилась, чтобы следовать за тобой. Я третья дочь повелителя медведей, зовут меня Белая девушка.

— Девушка, ты сможешь починить небо? Надо спасти людей! — сказал юноша.

Девушка посмотрела на небо, прищурила, смеясь, глаза и сказала:

— Хорошо! Чтобы спасти людей, мы вместе с тобой починим небо!

Сан подошел, обеими руками поднял девушку, лоза с красным цветком, шурша, взвилась на гору.

— Небо починить можно, — сказала девушка, — но у нас нет двух вещей: гвоздей из зубов дракона и молотка из рога дракона.

— А где взять эти гвозди и молоток? — спросил юноша.

— Небо во время драки повредили дракон с южных гор и дракон с северного моря. Один из них сейчас лежит беспомощный в своей пещере, другой, полумертвый, спит на дне моря. Чтобы наказать их, потребуй у одного зубы на гвозди, у другого — рог на молоток. Вот тебе мешок из бараньей кожи и золотые клещи. Ты иди, а я буду ждать тебя в пещере, у подножья этой горы.

Сан взял мешок из бараньей кожи и золотые клещи, на голову надел белую баранью шапку, на руки — черные рукавицы, на ноги — зеленые лапти и без страха двинулся в путь.

Сорок девять дней шел Сан. Придя, наконец, ко входу в пещеру южных гор, он громко прокричал:

У пещеры лаптем топну,
Рукавицей в двери хлопну,
Шапку оземь — эй, дракон,
Выползай скорее вон!

Он топнул ногой, стукнул рукой, ударил головой. Горы с грохотом зашатались, вот-вот обрушатся. Большой, черный, злой, но бессильный, дракон высунул из пещеры искалеченную голову и лег у входа.

— Старый дракон! — гневно крикнул юноша. — Вы подрались с братом и пробили небо. Я его буду чинить, и мне нужны на гвозди твои зубы. Ну-ка, разевай пасть пошире!

Старый дракон молчал.

— Если ты не сделаешь этого, — добавил юноша, — то я одним ударом кулака раздроблю тебе голову. Или спихну на тебя гору — от тебя только мокрое место останется.

Старый дракон посмотрел на юношу усталыми глазами и покорно раскрыл пасть, обнажив два ряда белых, сверкающих зубов.

Золотыми клещами Сан один за другим выдернул у дракона все зубы и положил их в мешок из бараньей кожи. Потом похлопал дракона по голове:

— Лежи-ка ты в пещере, да не буйствуй больше!

Дракон покачал головой, закрыл беззубую пасть и медленно уполз в пещеру.

Юноша вскинул на спину мешок и — топ-топ, топ-топ — отправился к северному морю. Сорок девять дней шел Сан, пришел, наконец, к берегу моря и громко прокричал:

Топну в берег я ногою,
Шапкой шлепну по прибою,
Рукавицей — по волне.
— Эй, дракон, иди ко мне!

Сначала Сан топнул ногой — взволновалось море, с шумом обрушился прибой на берег. Ухватил его рукой Сан, взметнул вверх, и поднялись волны, словно горы. Ударил юноша головой в волны — и с грохотом перевернулось все море, до небес взлетела вода морская.

Большой, черный, злой, но бессильный, дракон высунул из моря искалеченную голову с торчащим рогом.

— Старый дракон! — гневно крикнул юноша. — Вы подрались с братом и пробили небо. Я его буду чинить, и мне на молоток нужен твой рог, ну-ка, клади голову на берег!

Старый дракон молчал.

— Если ты не сделаешь этого, — добавил юноша, — то я превращу тебя в грязь. Посмотри, что я сделал с морем!

Старый дракон посмотрел на юношу усталыми глазами и покорно положил голову на берег.

Золотыми клещами юноша ухватил рог дракона, рванул что было сил, выдернул рог и положил его в мешок из бараньей кожи. Потом похлопал дракона по голове:

— Лежи-ка ты в море, да не буйствуй больше!

Дракон покачал головой, повернулся и, изгибаясь, поплыл обратно в море.

Юноша вскинул на спину мешок и — топ-топ, топ-топ — отправился к горе Улюшань.

Белая девушка у подножья горы Улюшань откормила большого барана, выходила ягненка, остригла с них шерсть и соткала два халата, белых как снег. Увидев, что Сан вернулся, девушка улыбнулась, и щеки ее зарделись.

— Братец Сан, мы наденем одежды из бараньей шерсти, каждый из нас сядет на барана, и мы полетим вверх чинить небо!

Юноша погладил барана и сказал:

— Хорошо! Летим скорее!

— Я возьму мешок, — сказала девушка. — Мешок этот драгоценный, зубы дракона еще никогда не удавалось добыть. Ты возьмешь молоток из рога дракона; заметив трещину на небе, ты возьмешь зуб дракона, молоток и заделаешь трещину. Драконы испортили все небо, нам придется все его осмотреть и починить каждую щель. Братец Сан, нам придется вечно носиться по небу, ни жара, ни дождь, ни ветер не должны нас страшить!

— Ведь если на земле всем будет хорошо, то наши горести обернутся счастьем для других!

Девушка вскинула на плечо мешок, юноша взял в руки молоток, и каждый из них сел на барана. «Ме-е, ме-е», — заблеяли бараны, и у каждого из них выросли белые как снег крылья, и с шумом они взмыли в небо.

Они летели к самой большой дыре, пробитой в небе. Из нее сыпались огромные смерзшиеся глыбы снега, с грохотом обрушились они на головы юноши и девушки, побили крылья у белых баранов. С шумом и свистом упали все они на землю.

Холодные глыбы снега продолжали падать на головы людей и баранов, распростершихся на земле.

Девушка и юноша поспешно прикрыли головы халатами из бараньей шерсти. Выбиваясь из сил, они уползли, таща за собой раненых баранов, в одну из горных пещер.

Глядя на лицо девушки в синяках и ссадинах, Сан вздохнул и сказал:

— Девушка, из-за меня ты терпишь столько трудностей!

— Что наши беды по сравнению со счастьем многих-многих людей! — Девушка сунула руку в мешок из бараньей кожи и достала маленькую тыкву, налила из нее лекарства, помазала им раны у юноши и у себя, крылья у баранов. Ушибов и ран сразу как не бывало.

Юноша, девушка и бараны выпили по глотку воды из тыквы. И от них от всех повеяло жаром.

— Нам теперь не страшны снежные глыбы, — сказала девушка, — столкнувшись с нами, они сразу же тают. Легим снова чинить небо!

Девушка и юноша опять сели верхом на баранов и с шумом взмыли в небо.

Не обращая внимания на огромные глыбы снега, летели они к самой большой дыре в небе.

Девушка сняла с головы платок из белой шерсти, ветер подхватил его конец, и платок вдруг растянулся и стал длинным-длинным. Этим платком как раз и прикрыли самую большую дыру на небе. Затем юноша гвоздями из зубов дракона и молотком из рога дракона обил платок по краям, чтобы из дыры этой больше не лил водопадом дождь, чтобы не падали снежные глыбы.

Люди выбежали из пещер, пели и танцевали, выражая свою безграничную радость.

Старик и старуха, отец и мать юноши, узнали, что их сын починил небо. Они вышли из пещеры, ветер раздувал их седые волосы. Подняв головы, они посмотрели на небо и, улыбаясь, сказали:

— Наш сын действительно герой!

С земли радостные клики достигли неба, юноша и девушка слышали их и запрыгали от радости на спинах своих баранов.

— Эй, посмотри! Видишь на небе длинный белый платок девушки? Его мы называем Серебряной рекой. А сверкающие зубы дракона мы называем звездами.

Юноша Сан и девушка не только заделали самую большую дыру на небе. Они осматривают все небо и, заметив самую маленькую щель, заделывают ее. Видишь небо, усеянное звездами, — все это зубы дракона.

Посмотри, юноша Сан и девушка в халатах из белой шерсти, сидя на белых баранах, похожие на облака, летают по небу. Кто знает, летают по небу белые облака или это юноша и девушка?

Слышишь, ароматный ветер доносит звуки песни? Кто знает, поют это на небе юноша Сан и девушка или это поют на земле?

Белую девушку, доброго Сана
Белые в небо уносят бараны,
Из рога дракона у них молоток,
Зубами дракона наполнен мешок.

Бились драконы и небо пробили,
Девушка с юношей дыры забили.
Девушка щель закрывала платком,
Юноша гвозди вбивал молотком.
Зубы драконов — огромные гвозди —
В небе сияют, как звездные грозди.

УМНАЯ ЖЕНА

Жил когда-то Честный юноша — и жену себе взял умную и красивую. Жили они в любви да согласии, с утра до вечера трудились, и все вокруг только и говорили: «Какая хорошая пара!»

Но у юноши была мать — злая старуха. Не любила она сына и умную невестку и целыми днями только и думала о том, как бы им насолить покрепче. Наконец решила она совсем выжить их из дому.

Позвала она однажды сына и говорит ему:

— Теперь вы с женой должны каждый раз спрашивать у меня, что вам нужно делать.

Вот на другой день Честный сын приходит к матери и спрашивает:

— Мама, что нам сегодня делать?

Старуха подумала-подумала и говорит:

— Сегодня вы должны пойти и купить мне мяса — не жирного, не постного и без костей.

Услышал это сын и, печальный, побрел к жене. Рассказал ей, что велела сделать мать, а Умная жена и говорит:

— Ты знаешь, где колют свиней?

— Знаю.

— Вот туда мы и пойдем за мясом.

Пришли они на бойню; Умная жена купила свиной желудок, сварила полный котел и говорит мужу:

— Ступай скажи матери, чтобы шла есть мясо!

Прибежала старуха, открыла котел и в душе поразилась уму невестки, но возненавидела ее еще больше.

Как-то раз опять подходит Честный сын к матери и спрашивает:

— Мама, что нам сегодня делать?

Старуха подумала-подумала и говорит:

— Сегодня вы должны сделать такую работу, чтобы снизу все было гладкое, как яшма, а сверху — блестело, как золото.

Опечалился сын, опустил голову и пошел к жене. Рассказал он ей, в чем дело, а Умная жена и говорит:

— Есть у вас гора, где чай растет?

— Есть.

— Вот и хорошо. Мы пойдем на эту гору и будем полоть сорняки.

Пришли они на гору и чисто-начисто выпололи всю дикую траву, что росла под чайными кустами. Умная жена и говорит мужу:

— Иди зови мать, пусть посмотрит на нашу работу.

Прибежала старуха. А был как раз полдень, и солнечные лучи заливали все вокруг. Старуха смотрит: сверху чайный лист блестит весь, как золото, а внизу все гладко-прегладко, словно яшма.

Старуха в душе удивилась уму своей невестки, но возненавидела ее еще пуще.

Прошло немного времени. Честный сын приходит к матери и опять спрашивает:

— Мама, что нам сегодня делать?

Старуха подумала-подумала и говорит:

— Сегодня вы должны сделать такую работу, чтобы сверху будто солнце сияло, а снизу — будто снег лежал.

Опечалился сын и, грустный, побрел к жене. Услыхала она, в чем дело, и говорит:

— Есть у тебя пила?

— Есть.

— А дерево есть?

— Есть.

— Ну вот и хорошо, мы пойдем пилить доски, а ты позови мать — пусть посмотрит.

Прибежала старуха, видит: сын с невесткой пилит доски. Доски сверху белые-белые, словно солнце, и горячие, будто огонь, а внизу — опилки насыпаны, словно снежная пелена.

Увидела это старуха и в душе поразилась уму невестки, но возненавидела ее сильнее прежнего.

Однажды Честный сын приходит к матери и спрашивает:

— Мама, что нам делать сегодня?

Старуха подумала-подумала и говорит:

— Сегодня вы приготовьте пельмени и отдайте людям. Люди эти должны как будто переходить через мост, но в то же время не двигаться.

Услышал это сын, закручинился и пошел к жене. Рассказал он ей, что велела им сделать мать, а Умная жена и говорит:

— Ты знаешь, где есть река?

— Знаю.

— А там есть перевоз?

— Есть.

— Вот и хорошо, ступай скажи матери, чтобы приходила на перевоз.

Вот сын с женой понесли пельмени к реке, сами впереди шагают, а старуха сзади бежит. Видит она: подходят сын с невесткой к перевозу и дают белоснежные пельмени людям на пароме.

Старуха поразилась в душе уму невестки, но еще лютее возненавидела ее.

Пришла зима. Наступил Новый год. Во всех домах начали стряпать пироги из клейкого риса. Честный сын пришел к матери и спрашивает:

— Мама, что нам с женой сегодня делать?

Старуха подумала-подумала и говорит:

— Вы должны приготовить пирог из клейкого риса, только риса нужно взять вот сколько: три доу с третью, четыре доу с четвертью, один доу и одну десятую и еще один доу и две десятых.

Опечалился сын, пошел к жене, рассказал ей, в чем дело, а она и говорит:

— Ничего, ступай позови мать к очагу!

Прибежала старуха к очагу, видит: невестка, не торопясь, молчаливо отмерила ровно десять доу клейкого риса и испекла чудесный пирог — белый-пребелый!

Старуха в душе удивилась уму невестки, но возненавидела ее еще сильнее.

Наступил январь. Все стали ходить друг к другу в гости. Вот сын приходит к матери и спрашивает:

— Что нам с женой сегодня делать?

Старуха подумала-подумала и говорит:

— Приготовь подарки и вместе с женой отнеси их своей теще, а жене скажи, пусть она принесет мне поесть три вещи: редьку с желтой сердцевинкой, черепаху без ног

и драконью чешую — чтобы каждая чешуйка была отдельно:

Приуныл сын, пошел к жене и рассказал ей обо всем. Умная жена успокоила его:

— Не горюй, я сумею принести ей эти вещи.

Честный сын пошел с подарками к своей теще. Ушла с ним и жена. А старуха дома думает: «Ну, уж на этот раз я их доконаю!»

Вскоре слышит — идут сын с невесткой. Побежала она скорей к дверям — была уверена, что они не принесли ей того, что она просила, и что теперь-то она сможет выгнать их из дому. Но что это? — Невестка вытаскивает из корзинки яйцо, круглый пирог из клейкого риса и жареные кукурузные хлопья. Не удалось старухе одурочить их!

Смотрит, а невестка вернулась из дому матери красивее прежнего — волосы блестят еще сильнее, зубы стали еще белее, лицо разрумянилось, одежда нарядная...

Старуха до того разозлилась, что глаза у нее стали стеклянные, рот открылся, затряслись руки, ноги подкосились, задрожали губы. Вернулась она в комнату, легла на кан и уснула. После этого злая старуха заболела и вскоре умерла.

С тех пор Умная жена и ее Честный муж зажили спокойно — свободные, словно утки в воде, веселые, словно пташки в лесу.

Молва об их счастье облетела всю округу, она катилась все дальше и дальше, как круги на воде, и, наконец, достигла ушей Восточного императора. И решил император взять Умную жену себе в наложницы. Разослал он гонцов во все концы империи. Пересекали они мутные реки и глубокие озера, расспрашивали повсюду и, наконец, добрались до их дома. Объявили они Честному мужу о желании императора. Загоревал Честный муж, опечалился и побрел к жене. Рассказал ей, в чем дело, а Умная жена стала его успокаивать:

— Не горюй, ступай и скажи гонцам, что я не завидую ни императорам, ни князьям, ни чиновникам. Пусть они возвращаются обратно, а если они еще раз придут, то уж я сумею их встретить.

Выслушали гонцы ответ Умной жены, вернулись в Восточную империю и рассказали обо всем императору.

Тот подивился про себя, подумал-подумал и говорит гонцам:

— Поезжайте и скажите Умной жене, что если она сумеет найти кусок алой материи, чтобы закрыть небосвод, то я не буду к ней больше свататься. Если же нет, то я женюсь на ней, и вы должны будете привезти ее с собой.

Приехали гонцы к Умной жене и передали ей слова императора. Умная жена выслушала их и говорит:

— Есть у меня красная материя, только вы скажите императору, чтобы он сначала измерил, какой ширины и какой длины небосвод, тогда я выполняю его желание.

Вернулись гонцы к императору и рассказали ему обо всем. Император про себя подивился, подумал-подумал и говорит:

— Возвращайтесь назад и скажите ей, что если она сумеет найти свинью, у которой голова словно гора, а туловище как горный хребет, то я больше не буду к ней свататься, если же нет — то я женюсь на ней, и вы должны будете привезти ее с собой.

Гонцы передали женщине слова императора, а она и говорит:

— Есть у меня такая свинья, но вы поезжайте к императору и узнайте у него, сколько весит голова свиньи и ее туловище. Если он скажет, я дам свинью.

Вернулись гонцы к императору и рассказали, как было дело. Император подивился про себя, подумал-подумал и говорит:

— Поезжайте обратно и скажите ей, что если она найдет петуха, который несет яйца, то я больше не буду к ней свататься. Если же нет, я женюсь на ней, и вы должны будете привезти ее с собой.

Гонцы передали женщине слова императора. Она подумала-подумала и говорит:

— Хорошо, я поеду с вами.

Честный муж огорчился и хотел поехать вместе с ней. Но Умная жена стала его успокаивать:

— Тут уж я ничего не могу сделать. Но ты не волнуйся — я скоро вернусь.

И Умная жена уехала вместе с гонцами. Они переправлялись через бурные озера, мутные реки, ехали долго и, наконец, приехали во дворец.

Император как взглянул — видит, привезли ему красавицу из красавиц! Обрадовался он и подумал: «Как это

муж расстался с такой красавицей женой? Как это он не приехал, чтобы попросить взамен жены хоть место чиновника?»

И спрашивает он женщину:

— Почему твой муж не приехал с тобой?

Умная жена улыбнулась и говорит:

— Ходил он, а теперь лежит.

— Как же так? — удивился император.

— Очень просто, у него родился ребенок!

— Как может у мужчины родиться ребенок? — закричал император.

— А как может петух нести яйца? — строго спросила женщина.

Услыхал это император и даже остолбенел от злости, в голове у него помутилось, и он рухнул на свой трон.

Все чиновники, что были в зале, так и покатались со смеху, а Умная жена с победной улыбкой вышла из дворца.

И отправилась она в обратный путь. Когда она переправлялась через бурные реки, птицы желали ей счастливого пути, когда перебиралась через высокие хребты, птицы пели ей песни. Когда всходило солнце, облака укрывали ее от зноя, когда наступала ночь, луна освещала ей путь. Вскоре она добралась до дома и снова увидела своего Честного мужа.

С тех пор они стали работать еще усерднее, вставали с рассветом, ложились на закате, и жизнь их была спокойна, словно вода в реке, а чувства их были свободны, словно полет Лэй-гуна¹ в горах.

---

¹ Лэй-гун — в китайской мифологии бог грома.

ТЫКВА

Жили-были старик со старухой, детей у них не было, и жилось им очень одиноко.

Вот однажды посеяли они в огороде тыкву, трудились, трудились, а выросла всего-навсего одна тыквина. Принесли они ее домой и стали плакать:

— Сняли мы всего одну тыкву, ну как теперь будем жить?

А тыква вдруг и говорит человеческим голосом:

— Не печальтесь, возьмите меня в сыновья, вот у вас и будет опора в жизни.

Старики очень удивились:

— Ты ведь тыква, как же ты станешь нашим сыном?

— Ведь вы меня посеяли, значит доводитесь мне отцом и матерью, — с улыбкой ответила тыква. — Отныне зовите меня Дун-гуа¹, а я буду помогать вам.

Дун-гуа и вправду мог работать. Старики обрадовались, взяли его себе в сыновья. И стали они все вместе жить и трудиться — рано вставали, поздно ложились, всего у них было вдоволь, и жили они не тужили.

Но не прошло и трех лет, как началась война. Император послал по деревням своих чиновников набирать солдат, и везде, куда они приходили, раздавались плач и стоны. Потребовали чиновники, чтобы и Дун-гуа шел на войну.

Испугались старики. Не хотелось им посылать на смерть своего Дун-гуа, и стали они умолять чиновников:

— Наш сын — тыква, он не может быть солдатом, попросите императора, чтобы он его пощадил.

А главный чиновник отвечает:

---

¹ Дун-гуа — тыква (китайск.).

— Кто бы он ни был — тыква или дыня, он должен идти в солдаты. А не хотите — платите деньги.

— А сколько нужно денег? — спрашивают старики.

Чиновник прищурил глаза, задрал вверх голову и говорит:

— Да немного, — нужно только дорогу от вашей тростниковой хижины до порога императорского дворца усыпать золотом.

Старик со старухой даже подпрыгнули от удивления. О небо, да они за всю свою долгую жизнь золота даже и в глаза не видали! Где же им его взять?

В это время из дома выскочил Дун-гуа и громко крикнул чиновникам:

— Вам нужно золото? Я добуду его!

Главный чиновник не поверил:

— Ты в самом деле можешь достать золото?

Дун-гуа кивнул головой. Но главный чиновник не успокоился:

— Если за два дня не достанешь — смотри, я с тобой переменитьсь не стану! — И с гордым видом чиновник удалился.

Ушли чиновники, а старик со старухой спрашивают Дун-гуа:

— Где же ты возьмешь столько золота?

— Не беспокойтесь, — отвечает Дун-гуа. — Я знаю, как добыть золото. Найдите мне собаку на трех ногах и двух рыб — одну красную, одну белую.

— А где же нам искать такие диковины? — спрашивают старики.

— В мире чудес есть такие диковины, — отвечает Дун-гуа. — Идите на берег, увидите высокую гору, — там и ищите.

Пришлось старикам пойти на берег реки. Искали они всю ночь и весь день и, наконец, нашли.

Дун-гуа сварил красную и белую рыбу и накормил ею собаку. На другой день утром Дун-гуа срубил бамбуковый хлыстик, дал его старику и говорит:

— Гони эту собаку к императорскому дворцу, сделаешь шаг — ударь ее хлыстиком, и появится золото.

Погнал старик трехногую собаку. Сделал шаг, ударил ее хлыстиком. Кто бы мог подумать, что едва он ее ударит, как она тут же оставит кучку помета! Пригляделся старик, а это не помет, а чистое золото! Обрадовался

старик, идет, бьет собаку хлыстом, и каждый раз на дороге остается кучка золота. Так он усыпал золотом всю дорогу до самого дворца.

Вышел император и видит: вся дорога блестит от золота, и конца ему не видно. Обрадовался он, позвал солдат и велел им собрать золото и ссыпать его в кладовую. А Дун-гуа приказал от службы освободить.

Старик со старухой успокоились и по-прежнему стали счастливо жить с Дун-гуа.

А в императорском дворце через некоторое время стал распространяться отвратительный запах. Император приказал все обыскать. Искали-искали и обнаружили, что запах идет из кладовой. Открыли — а там полным-полно собачьего помета!

СВАТОВСТВО

Случилось это давным-давно.

Жила-была молодая красивая девушка, и звали ее Ши-мэй. Родители ее давно умерли, и она жила в горах одна: обрабатывала поле, собирала хворост. Когда ей исполнилось восемнадцать лет, она вдруг сказала людям:

— Я хочу выйти замуж. Если какой-нибудь парень захочет стать моим мужем, пусть придет сюда в горы и поговорит со мной.

Эта весть мгновенно облетела всю округу, узнали о ней парни и бросились в горы. Каждый день к ней сваталось десять, а то и больше юношей, но ни один не пришелся Ши-мэй по сердцу.

А поблизости жил парень по имени Лун Ван. Был он очень беден, и у него не было денег, чтобы взять себе жену. И вот, когда он услышал, что Ши-мэй ищет мужа, он тоже решил было попытаться счастья. Но потом подумал, что денег у него нет, только зря время потратит, и выбросил эту мысль из головы. Но, узнав, что Ши-мэй отвергает наравне и богатых и бедных, он очень удивился и решил все-таки сходить к девушке, узнать, какие же парни ей нравятся.

Оставил Лун Ван работу, принарядился и тайком пошел в горы: боялся, что люди увидят его и станут смеяться.

Одним духом взлетел Лун Ван на гору, смотрит — а около Ши-мэй уже стоят два парня. Они, конечно, пришли к ней свататься. Увидел это Лун Ван и решил спрятаться. Но Ши-мэй заметила его и говорит:

— Подойди сюда, чего ты боишься?

Услышала это Лун Ван, покраснел и медленно подошел. Взглянула на него Ши-мэй, видит — стоит он опустив

голову и слова молвить не может. Ши-мэй рассмеялась и говорит:

— Ну-ка, все трое, отвечайте мне, почему вы пришли за меня свататься.

Двое парней отвечают:

— У меня есть деньги, я умею петь, — говорит один.

— У меня есть поле, я умею стрелять из лука на скаку! — говорит другой.

Только Ван Лун стоит молча и думает про себя:

«Я бедняк, талантов у меня никаких нет, лучше уж молчать».

Ши-мэй видит, что он молчит, и спрашивает его:

— А ты что же ничего не скажешь? Ты разве немой?

Слова эти задела Лун Вана за живое. Поднял он голову и громко так отвечает:

— Я не глухой и не немой, но у меня нет ни денег, ни земли, а только одна рука, которой я обрабатываю свое поле!

Ши-мэй удивилась и спрашивает:

— Почему ты говоришь, что обрабатываешь поле только одной рукой? Ведь у тебя две руки!

Лун Ван рассмеялся:

— Пойдем со мной — убедись сама!

Ши-мэй очень хотелось узнать, что кроется за словами юноши, и она согласилась пойти с ним.

Лун Ван с Ши-мэй стали спускаться с гор, а с ними и оба парня. Они тоже хотели посмотреть, в чем дело, да и Ши-мэй им еще не ответила.

Шли они через горы и кручи, прошли уже более десяти ли и пришли, наконец, к большой горе. Гора стояла словно стена, вся она была покрыта деревьями и дикими травами, дороги нигде не видно. Ши-мэй поглядела — кругом одни ущелья, горные вершины. И вдруг на горестене заметила она несколько удивительных склонов — они были обработаны и даже засеяны...

Ши-мэй очень удивилась и спрашивает:

— Люди не могут подняться на эту гору. Кто же ее засеял?

А Лун Ван рассмеялся и говорит:

— Это я засеял. Я и подниматься на эту гору могу!

И с этими словами он, словно обезьяна, стал карабкаться по кустам и деревьям и вскоре добрался почти до

половины горы. Ши-мэй испугалась, что он сорвется, и закричала:

— Слезай скорее! Я только хотела посмотреть, как можно работать одной рукой.

А Лун Ван и отвечает сверху:

— Я и хочу показать тебе, как работать одной рукой.

И он левой рукой ухватился за ветку сосны, ногами уперся в скалу, на которой не удержалась бы даже птица, а правой рукой снял с сосны небольшой, но прочный заступ и начал вскапывать склон. К ногам Ши-мэй посыпалась земля.

Ши-мэй все поняла.

— Вот, оказывается, как ты работаешь! — не сдержала Ши-мэй восторженного восклицания. — Золотые у тебя руки!

А Лун Ван, словно дракон, висел над скалой и, держась за ветку, все копал и копал. Комки красноватой глины летели вниз, будто искры огня.

Прошло немного времени, и Лун Ван добрался до плодородной земли.

Тут он крикнул, снова повесил заступ на ветку и по ветвям спустился на землю.

Радостно встретила его Ши-мэй. Лицо ее пылало, глаза опущены долу.

Ши-мэй повернулась к двум парням, дожидавшимся ее ответа, и говорит:

— Возвращайтесь домой. Я решила выйти замуж за этого юношу, которого кормят его золотые руки! А если и вы такие же способные, как он, то наверняка найдете себе хорошую невесту.

МЕСТЬ

Давным-давно жила старая курица с маленькими цыплятами. Целыми днями бродили они вдоль изгороди и искали червячков. Но однажды из-под забора выскочила Дикая кошка. Она схватила курицу и утащила ее. Мать успела крикнуть цыплятам:

— Запомните, дети! Меня погубила Дикая кошка! Когда станете большими, отомстите за свою маму!

Цыплята крепко запомнили слова матери. Выросли они и стали думать, как убить Дикую кошку и отомстить за мать.

И вот однажды они тронулись в путь.

Шли они, шли и вдруг встретили Иголку. Иголка их спрашивает:

— Цыплята, цыплята, куда идете?

А цыплята ей отвечают:

— Дикая кошка съела нашу маму, и мы хотим убить ее, отомстить за маму!

— Хотите, я пойду с вами? — спрашивает Иголка.

— Ну, зачем ты нам? — удивились цыплята. — Ты такая маленькая!

— Ничего, и я пригожусь.

Цыплята подумали, подумали и говорят:

— Ну ладно, идем!

И Иголка весело зашагала рядом с цыплятами.

Шли они, шли и увидели кучку коровьего навоза. Навоз и говорит:

— Цыплята-цыплята, куда идете?

— Дикая кошка съела нашу маму, и мы хотим убить ее, отомстить за маму! — отвечают цыплята.

— Возьмите и меня с собой!

— Зачем ты нам? — удивились цыплята. — Ты такой маленький!

— Ничего, и я пригожусь! — ответил Навоз.

Цыплята подумали-подумали и говорят:

— Ну ладно, идем с нами!

И Навоз весело зашагал рядом с цыплятами.

Шли они, шли и увидели Краба.

Краб спрашивает их:

— Цыплята-цыплята, куда идете?

— Дикая кошка съела нашу маму, и мы хотим убить ее, отомстить за маму! — отвечают цыплята.

— Возьмите и меня с собой! — говорит Краб.

— Зачем ты нам? — удивились цыплята. — Ты такой неуклюжий!

— Ничего, и я пригожусь.

Цыплята подумали-подумали и говорят:

— Ну ладно, идем с нами!

И Краб весело зашагал вместе с цыплятами.

Шли они, шли и встретили Пестик.

Пестик и спрашивает:

— Цыплята-цыплята, куда идете?

— Дикая кошка съела нашу маму, и мы хотим убить ее, отомстить за маму! — отвечают цыплята.

— Возьмите и меня с собой!

— Зачем ты нам? — удивились цыплята. — Ты такой коротышка.

— Ничего, и я пригожусь.

Цыплята подумали-подумали и говорят:

— Ну ладно, идем с нами!

И Пестик весело зашагал вместе с цыплятами.

Шли они, шли и встретили сырой Каштан. Каштан спрашивает:

— Цыплята, цыплята! Куда идете?

— Дикая кошка съела нашу маму, и мы хотим ее убить, отомстить за нашу маму!

— Возьмите и меня с собой!

— Зачем ты нам? — удивились цыплята. — Ты такой мягкий!

— Ничего, и я пригожусь!

Цыплята подумали-подумали и говорят:

— Ну ладно, идем с нами!

И Каштан весело зашагал вместе с цыплятами.

Теперь у них был целый отряд друзей. Гурьбой подошли они к дому Дикой кошки, но так как они шли медленно, то к этому времени наступила полночь и Дикая кошка уже заперла двери и сладко спала.

— Как же нам ее убить? — огорчились цыплята. Но друзья успокоили их и поведали им свой план.

— Хорошо! Хорошо! — воскликнули цыплята. И они тут же договорились, кто что должен делать.

Навоз подошел к дверям и улегся в яме, Пестик залез на притолоку. Цыплята окружили дом, а Иголка начала тихонько стучать в дверь:

— Тетушка кошка, тетушка кошка! Открой!

Долго стучалась Иголка, наконец Дикая кошка проснулась.

— Кто там? — сонным голосом проговорила Кошка.

— Я, — ответила Иголка.

— А кто ты?

— Иголка!

— Уже ночь на дворе, что ты барабанишь в дверь?

— Я очень устала, открой, пожалуйста, дверь, я отдохну у тебя на лавке, — проговорила Иголка.

— Лавка стоит у кана. Ты пролезь в щель, а то мне лень вставать.

Иголка пролезла в щель, забралась на скамейку и воткнулась в нее.

Прошло некоторое время, Кошка только задремала, как к двери подошел Каштан и начал стучаться:

— Тетушка кошка! Тетушка кошка! Отвори дверь!

— Кто там? — нетерпеливо спросила кошка. Она уже начинала сердиться.

— Это я.

— А кто ты?

— Каштан.

— Уже поздно, что ты барабанишь в дверь?

— Я очень замерз! У тебя в доме горит огонь? Открой мне, пожалуйста, дверь, я зайду погреться.

— В кане есть огонь. Ты влезь через подпол. Мне лень вставать.

Каштан влез через подпол в дом Дикой кошки, забрался на кан и стал греться у огня.

Прошло еще немного времени. Едва Дикая кошка заснула, как к двери подошел Краб и начал стучаться:

— Тетя кошка! Тетя кошка! Отвори дверь!

Кошка проснулась, разозлилась и принялась ругаться:

— Кто там стучит?

— Это я, Краб.

— Уже полночь, что ты барабанишь в дверь?

— Я очень хочу пить, не найдется ли в твоём котле воды? Отопри мне, пожалуйста, дверь!

— Вода в котле есть. Ты пролезь через отверстие под котлом, а то мне лень вставать.

И Краб забрался в котел.

Никак не удавалось заснуть в эту ночь Дикой кошке. Она рассердилась, закуталась с головой в одеяло и решила: «Кто бы ни постучал, не буду обращать внимания!»

Только она улеглась, как с улицы вдруг послышались голоса.

— Тетушка кошка, тетюшка кошка! Отопри дверь! — доносилось с одной стороны!

— Тетя кошка! Тетя кошка! Открой дверь! — слышалось с другой.

— Тетушка кошка! Тетушка кошка! Открой! — несло со всех сторон.

Голоса были высокие и низкие, грубые и тонкие, и все они сливались в общий гул...

Так и не заснула кошка. Откинула одеяло и громко закричала:

— Кто там поднял такой шум?

— Это мы, тетя кошка! — ответили цыплята.

— А кто вы такие?

— Мы — цыплята, пришли навестить тебя.

Услыхала кошка, что это цыплята, и страшно обрадовалась.

«Вот так удача!» — подумала она про себя, вскочила с постели и проговорила сладким голосом:

— Ах, это вы, цыплятки? Заходите! Только в комнате темно, подождите, пока я зажгу свет, тогда и входите!

Дикая кошка оделась и торопливо подошла к кану. Но едва она начала мешать кочергой огонь, как на нее посыпались искры. Это Каштан неожиданно лопнул, и искры из очага попали кошке в лицо, засыпали ей глаза, и она не могла их открыть.

Кошка решила промыть их водой. С закрытыми глазами побежала она к котлу с водой, но едва протянула

лапу к воде, как ее схватил Краб! Кошка громко закричала и запрыгала от боли.

У нее закружилась голова, ноги подкосились, и она решила присесть на лавку. Но едва она опустилась на скамью, как Иголка вонзилась ей в тело и прошла в кишки. Тут уж кошка от боли совсем потеряла сознание.

Много времени прошло, прежде чем она очнулась. «Сегодня ночью здесь не иначе как черти были. Нужно бежать отсюда».

Открыла она ворота, выбежала на двор, а ноги сразу и увязли в Навозе. Кошка запищала и упала на землю.

В это время Пестик прыгнул на Дикую кошку и принялся ее колотить, да к земле прижимать, чтобы не убежала.

Тут на кошку налетели цыплята: один тянет, другой клюет, не прошло и нескольких минут, как от Дикой кошки ничего не осталось.

Так цыплята убили Дикую кошку и отомстили за мать. Они горячо поблагодарили своих друзей, проводили их всех домой и только после этого вернулись к себе.

АНЬПИНЬ И МАНЬЦЗОУ

В деревне Алухэдао жила когда-то трудолюбивая и красивая девушка по имени Маньцзоу. Она была хорошей хозяйкой, умела вышивать и играть на листьях деревьев. В день «ганьюэлян»¹ Маньцзоу влюбилась в юношу по имени Аньпинь — он был искусный охотник и хорошо играл на свирели.

Однажды Аньпинь пришел к Маньцзоу за платьем, чтобы вечером идти на танцы. Маньцзоу выложила перед ним двенадцать самых красивых курток, он перебрал их все, но ни одна не пришлась ему по вкусу. Тогда Маньцзоу говорит Аньпиню:

— Подожди три дня, и я вышью тебе новую куртку.

Аньпинь согласился и остался в доме у Маньцзоу. Через три дня и три ночи она вышила ему прекрасную куртку. Взял ее Аньпинь и видит: вышиты на ней драконы и тигры, разные птицы, горы и реки, травы и деревья. Аньпинь был очень доволен. Надел он куртку, поблагодарил Маньцзоу и отправился танцевать. Перед уходом Маньцзоу попросила его, чтобы он никому не говорил, что это она вышивала куртку.

Аньпинь пришел на площадку и стал танцевать. Сделает три шага вперед — а драконы и тигры на его куртке бегут за ним, сделает три шага назад — за ним летят птицы, вышитые на его куртке. И вот на площадке уже пляшут звери и птицы — всех их привлекла куртка Аньпиня. Люди даже застыли от удивления: стоят, никто с места двинуться не может.

---

¹ «Ганьюэлян» — день, когда юноши и девушки народности мяо раскрывают друг другу свои чувства.

Тут горный баран подходит к Аньпиню, приглашает его сесть, но Аньпинь отказался:

— Боюсь испачкать куртку, вышитую Маньцзоу.

Тогда золотой фазан пригласил его прогуляться, но он опять отказался:

— Боюсь разорвать куртку, которую вышила Маньцзоу.

А рядом стоял волшебный тигр. Он все слышал, и зависть взяла его; он думал, что у него лучшее в мире платье, а оно оказалось хуже, чем то, которое Маньцзоу сделала Аньпиню. И задумал он недоброе.

Пока Аньпинь танцевал, он принял его облик, заиграл на свирели, подошел к дому Маньцзоу и окликнул ее по имени. Маньцзоу услышала звуки свирели и решила, что это пришел Аньпинь. Она приготовила кушанья и пригласила тигра в дом. Вошел волшебный тигр, сел и, не поблагодарив Маньцзоу, не пригласив ее к столу, принялся есть. Маньцзоу очень удивилась. Тогда волшебный тигр протянул ей кусок курицы и проговорил:

— Ну и память у меня! Совсем забыл о тебе.

Маньцзоу взяла мясо и чувствует, что от него исходит неприятный тигриный запах, — просто в рот не возьмешь. И охватило Маньцзоу сомнение. А волшебный тигр уже успел рассмотреть девушку, и она ему приглянулась. Решил он дожидаться удобного случая и сделать ее своей женой. Поел он и ушел.

На другой день после танцев Аньпинь, радостный, пришел к Маньцзоу. Она, как всегда, зарезала курицу, приготовила обед, подала ему, а сама смотрит, как он будет себя вести. А Аньпинь как обычно: ложку себе, ложку — Маньцзоу. Маньцзоу и думает про себя: «Вот это мой Аньпинь, а вчера был не Аньпинь!» Опечалилась Маньцзоу и спрашивает Аньпиня:

— Ты называл кому-нибудь мое имя? Вчера приходил ко мне какой-то человек в твоем образе.

Аньпинь испугался, бросил ложку:

— А какой он из себя?

— Да такой же, как ты, даже говорит одинаково, только тигром от него пахнет.

Услышал это Аньпинь и вспомнил: на площадке он назвал горному барану и золотому фазану имя Маньцзоу, и тигр мог это слышать. Рассказал он девушке обо всем.

Она испугалась и очень рассердилась на него. А юноша подумал-подумал и говорит:

— Пойдем в мой дом, вдвоем нам будет не страшно.

На том и порешили. Аньпинь взял Маньцзоу за руку, и они побежали к его дому. Не успели они пробежать и полдороги, как вдруг промелькнула между ними тень тигра и попыталась разъединить их руки. Аньпинь понял, что это волшебный тигр хочет украсть Маньцзоу. Еще крепче сжал он руку девушки и быстрее побежал к дому. Но тут между ними опять встала тень тигра, однако ему не удалось разжать их руки. В третий раз появился сам тигр и унес девушку. Не смог Аньпинь догнать волшебного тигра и спасти Маньцзоу. И все это произошло из-за того, что он открыл имя девушки.

Заливаясь слезами, вернулся Аньпинь домой, лег на постель и три дня и три ночи не вставал.

Пришел к Аньпиню отец и спрашивает:

— Ты что, заболел, сынок?

Рассказал Аньпинь отцу, как волшебный тигр украл Маньцзоу. Отец и говорит:

— Не горюй, отец тебе поможет!

И выковал отец меч весом в тридцать цзиней и велел Аньпиню упражняться с ним, чтобы он мог потом убить тигра. Сорок девять дней упражнялся Аньпинь. Потом выбрал из девяти быков отца одного огромного вола, бросил его через крышу, а сам быстро обежал дом и, когда вол падал, ловко разрубил его пополам. Из девяти юбок своей матери он выбрал одну самую длинную, бросил ее через крышу, а сам обежал вокруг дома и, когда юбка падала, разрубил ее пополам.

— Теперь я научился владеть мечом, — радостно закричал Аньпинь. — Силы у меня прибавились, и час месть настал!

Взял он мясо, приготовил себе строганины, захватил свирель и меч и пошел искать волшебного тигра.

Он шел и играл на свирели, чтобы его услышала Маньцзоу. Днем он пробирался сквозь заросли, преодолевал горы и хребты, ночью спал на ветвях деревьев. Когда он был голоден, то ел строганину, когда его мучила жажда — пил воду из ручья.

Однажды в полдень забрался он на одну гору и увидел остатки костра, а рядом — несколько деревянных

палочек для еды. Подумал Аньпинь, что это, наверное, Маньцзоу здесь ела, и еще быстрее зашагал вперед.

Прошло несколько дней, и он пришел в какое-то глубокое ущелье. Подошел к ручью и только хотел набрать воды, как вдруг увидел на берегу ручья остатки костра, а рядом — деревянные палочки для еды, которые, как видно, были сделаны совсем недавно — они пахли свежим деревом. Потрогал он рукой пепел — а он еще горячий. Обрадовался Аньпинь: «Теперь уже недолго — скоро я догоню волшебного тигра и увижусь с Маньцзоу». И он смело полез в гору, а когда добрался до вершины, заиграл на свирели.

«Маньцзоу, — пела свирель, — куда унес тебя тигр? Отвечай скорее! Я пришел спасти тебя!»

Перестал Аньпинь играть, прислушался, не отвечает ли Маньцзоу. Вдруг из лесу, с противоположной стороны, послышался тоненький голосок. Аньпинь схватил меч и побежал. Но оказалось, что это дрозды и мыши ищут еду. А волшебного тигра нигде не видно!

И снова Аньпинь отправился на поиски. Однажды он забрался на крутую скалу и стал играть на свирели, чтобы его услышала Маньцзоу. Играл, играл и вдруг слышит из лесу звуки — кто-то играл на листочке дерева. Уж это наверняка Маньцзоу! «Я услышала твою свирель, — говорил листочек. — Я знаю, что ты хочешь меня спасти, но лучше тебе вернуться. Скала такая крутая, что тебе не добраться до меня, а волшебный тигр жесток, и тебе не одолеть его...»

Услыхал это Аньпинь — и обрадовался и рассердился. Обрадовался, что может наконец убить тигра, а рассердился оттого, что Маньцзоу посылает его домой. И Аньпинь снова заиграл на своей свирели: «Умру, но спасу тебя...»

Маньцзоу знала решительность Аньпиня, и она снова заиграла на своем лепестке: «Тогда приходи в Аржоу на вершину девяти гор».

Аньпинь побежал в Аржоу и увидел, что волшебный тигр спит в пещере, а Маньцзоу сидит рядом, чинит свою юбку и так жалобно причитает:

— Если бы я была дома, моя юбка не была бы такой рваной.

Едва она проговорила эти слова, как из отверстия в пещере упала на юбку капля воды и тут же преврати-

лась в красивый цветок. Подняла Маньцзоу голову, взглянула, — а там стоит Аньпинь! Обрадовались они оба, а Аньпинь и говорит:

— Сейчас я спущусь и убью этого злодея!

Маньцзоу знаком велела ему молчать, потом вытащила из головы серебряную шпильку и уколола тигра в ухо. Тигр заревел, и от его рева осыпались стены пещеры. Маньцзоу притворилась, что плачет, и говорит тигру:

— Хотела пошутить с тобой, а ты вон что делаешь! Даже и не знаю, как дальше буду жить с тобой.

И с этими словами Маньцзоу взяла свою юбку, осторожно закрыла тигра, и он опять уснул.

Аньпинь быстро прыгнул в пещеру, вытащил меч, ударил им тигра и отрубил ему хвост и одну лапу. От боли тигр страшно заревел, вскочил и бросился на Аньпиня. Аньпинь метнулся в сторону. Тигр прыгнул на каменный столб, что был в пещере, и столб рухнул. Аньпинь хотел было еще раз ударить тигра мечом, но тот снова бросился на него. Аньпинь не успел поднять меч, но не растерялся, стремительно вскочил тигру на шею и стал его душить. Волшебный тигр попытался повернуть голову и укусить Аньпиня, но не тут-то было: Аньпинь все крепче сжимал ему горло.

В этот момент Маньцзоу вытащила из головы серебряную шпильку и вонзила ее тигру в глаза. Тигр ослеп. Аньпинь взмахнул кулаком — и у тигра изо рта и из носа хлынула кровь. Тут тигру конец пришел.

Как только родственники волшебного тигра — шакалы, волки, львы и леопарды узнали о его смерти, они подняли ужасный рев. Аньпинь и Маньцзоу испугались, что не справиться им с врагами, и скорее побежали прочь из пещеры — к себе домой.

Прошли они полдороги. Маньцзоу и спрашивает Аньпиня, действительно ли он любит ее всем сердцем. Удивился Аньпинь ее вопросу:

— Да ведь я смерти не побоялся, чтобы тебя спасти, а ты меня еще спрашиваешь?

— Смотри, что это такое? — воскликнула вдруг Маньцзоу и показала рукой на придорожное деревце.

Повернул Аньпинь голову, взглянул туда, куда показывала Маньцзоу, потом обернулся, — а Маньцзоу рядом нет! На земле лежит лишь ее юбка. Изумился Аньпинь. Проворно поднял юбку, — а под ней коровий навоз!

Аньпинь был вне себя от горя. Ну разве мог он подумать, что может случиться такое! Со слезами на глазах смотрел он на навоз и думал: «Вот во что она превратилась! И я должен охранять то, что от нее осталось».

Поставил он около дороги шалаш и днем и ночью охранял навоз и укрывал его юбкой Маньцзоу. Когда Аньпинь был голоден, он ел пырей и дикий батат. Каждый день он поднимал юбку и смотрел, что там, но каждый день видел все тот же навоз. Это его очень огорчало.

Дни шли за днями, приближалась середина двенадцатого месяца, стало холодно. Батат и пырей были на исходе, и Аньпинь решил пока вернуться домой.

Шел он и все время оглядывался назад. «Потерять Маньцзоу? Нет, ни за что...» И он повернул обратно. Подошел он к навозу, поднял юбку, видит — навоз покрылся инеем. Удивился Аньпинь и получше укрыл его. А сам остался в шалаше — охранять.

И вот однажды, когда Аньпинь поднял юбку, он увидел, что из навоза начинает появляться человеческое тело. Обрадовался, быстро укутал его юбкой и продолжал сторожить в шалаше.

Прошло полгода, и навоз окончательно превратился в человека, — появились руки, ноги. Прошло еще полгода, Аньпинь взглянул и видит — перед ним прекрасная девушка. Аньпинь был вне себя от радости. Обнял он Маньцзоу и долго не мог выговорить ни слова.

— Пойдем! — с улыбкой проговорила Маньцзоу. — Пойдем домой, Аньпинь! Теперь я знаю, что ты действительно меня любишь!

Они вернулись домой, поженились и были счастливы до конца дней.

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ И

КАК БОГАТЫРЬ НИЧЖИСЯЛО СОЗДАЛ МИР

Говорят, в самом начале мироздания, когда на небе еще не было ни солнца, ни луны, ни звезд, а на земле — ни рек, ни ручьев, ни гор, ни холмов, когда во всей Вселенной не росло ни единой травинки и все было погружено в крошечный мрак, — жила в то время волшебница Тумалей. Сидела она однажды на земле и ела жареное мясо, как вдруг священный сокол пронесся над ее головой и уронил на нее капельку своей крови. С того момента она понесла и скоро родила сына. А так как он родился в год дракона, месяц дракона, день и час дракона, то его и называли Ничжисяло.

Чтобы сын вырос сильным и храбрым, мать посадила его в каменную расселину. Спасаясь от голода, он ел мох и утолял жажду росой, которая покрывала его. Через год Ничжисяло выполз из расселины, а через два не только научился говорить, но и превратился в богатыря необычайного ума и несравненной отваги. Мрак, окружавший его, сразу ему не понравился, потому что когда он вытягивал руку, то не мог разглядеть даже своих пальцев.

— Сынок, у тебя нет отца, — сказала ему мать, — поэтому, что бы ни случилось с тобой, ты должен надеяться на самого себя и смело преодолевать все трудности. Я вижу, не нравится тебе непроглядный мрак, значит надо подумать над тем, как избавиться от него.

Слова матери заронили искру в сердце Ничжисяло, осветили душу, прибавили сил и мужества.

Вскоре на высокой горе Туцюанья он с огромным трудом выстроил золотой дворец, принес в жертву духу Неба корову и стал молиться. Ничжисяло надеялся, что дух Неба услышит его мольбы и осветит небо и землю. Не успел он окончить свою молитву, как на востоке появилось шесть солнц, которые озарили землю нестерпимо яркими лучами. Но Ничжисяло не успокоился, он думал: «Хотя днем теперь очень светло, однако ночью темно по-прежнему». И он пошел на гору Туцюаньбаця, выстроил на ней дворец из серебра, заколол барана и стал просить духа Неба, чтобы он даровал и ночное светило. В мгновение ока из-за облаков выплыло семь месяцев, и стало светло. Затем у подножья горы Туцюаньси Ничжисяло выстроил дворец из меди, зарезал петуха и стал просить, чтобы дух Неба послал еще какие-нибудь ночные светила. И на небе появились многочисленные звезды.

Итак, Вселенная избавилась от мрака, однако Ничжисяло не мог успокоиться: по-прежнему перед глазами его простирались бесплодные степи. Невзирая на трудности, он смело отправился в путь, шел девять дней и девять ночей и, наконец, пришел в Чжимынбу. Едва отряхнув пыль с одежды, он бросился собирать семена и, набрав три пригоршни, отправился в обратный путь, даже ночью не останавливаясь на отдых. Вернувшись на родину, он разбросал семена по земле — и там, где они упали, появились большие и малые реки, травы, деревья и животные.

Но все, словно назло ему, оборачивалось для него новыми трудностями. Деревья и травы, едва появившись на свет, стали чахнуть, реки пересыхали. Только тут Ничжисяло сообразил, что причиной тому солнца и месяцы: уж очень много от них тепла и света, и припекают они так сильно, что все вокруг пересыхает. Опечалился Ничжисяло. Ничего не поделаешь, пришлось пойти к матери за советом. Погладила мать сына по голове и говорит ему:

— Сын мой, храбрый человек не должен отступать перед трудностями, ты подумай хорошенько, может что-нибудь и придумаешь. Почему бы, например, тебе не сбить из лука лишние светила?

И Ничжисяло последовал материнскому совету. Сначала он залез на верхушку орляка¹, но орляк был невысокий, и стрела, не достигнув неба, упала на землю. Тогда он залез на виноградную лозу и опять-таки не попал в цель. В конце концов он забрался на самую высокую ель, сменил простой лук и стрелы на медные, прицелился в одно солнце и выпустил стрелу — дневное светило покатилося на землю. Вскоре Ничжисяло перестрелял все солнца и оставил на небе одно-единственное. Вечером он так же разделался со всеми месяцами, кроме одного. Натягивая изо всех сил тетиву, богатырь всей своей тяжестью придавил орляк, поэтому орляк и согнулся до самой земли, а виноградная лоза до сих пор не может выпрямиться. Только высокая крепкая ель осталась стройной и до сих пор тянется к небу.

Оставив на небе одно солнце, богатырь подшиб ему ногу, а у месяца вышиб глаз. С той поры оба светила спрятались за облака, и никак нельзя было выманить их оттуда. Опять Вселенная погрузилась во мрак. Тогда Ничжисяло взял белого петуха и отправился с ним в Гомынвапу, чтобы вознести мольбу духу Неба. Вдруг белый петух раскрыл клюв и говорит:

— Ничжисяло, зачем тебе губить меня? Если ты даешь мне жизнь, то я верну тебе солнце и месяц, потому что оба они мои старые друзья.

В Гомынвапу белый петух трижды прокукарекал, и — о чудо! — солнце, хромящее на одну ногу, и одноглазый месяц вышли из-за облаков. При виде богатыря они в гневе воскликнули:

— А, Ничжисяло! Сначала мы были тебе нужны, и ты заколол корову и барана, чтобы добиться своего, а потом убил наших товарищей. Злодей! И как только хватает у тебя совести смотреть нам в глаза?!

С этими словами они снова спрятались за тучи. Но белый петух поспешил вмешаться. Он захлопал крыльями и закричал:

— Друзья, послушайте, друзья! Не будем вспоминать старое! Давайте помиримся. Если с сегодняшнего дня вы будете постоянно светить на небе, то я ручаюсь, что Ничжисяло никогда больше не тронет вас. Если ты, братец солнце, не веришь, то я сам каждое утро буду приходить

---

¹ Орляк — род папоротника.

за тобой. А тебя, сестрица луна, каждый вечер буду про-
вожать на небо.

И белый петух несколько раз рубанул себя ножом по
красной шапке — он знал, что словам плохо верят, и ре-
шил скрепить договор между обеими сторонами.

С тех пор каждый раз, когда петух кричит, месяц мед-
ленно уходит за облака, и солнце с улыбкой выплывает
ему на смену. А на гребне петуха навсегда остались
рубцы, похожие на зубья пилы.

Теперь каждый день солнце ярко светило, во вселен-
ной стало теплее. Однако в мире было так заведено, что
дети никогда не видели своих отцов, потому что сразу же
после рождения детей их отцы умирали. В то время ля-
гушки, змеи, комары, муравьи и другие твари были огром-
ных размеров, как горы, и часто пожирали людей. И хотя
на земле были деревья и травы, но росли они вверх кор-
нями, а реки текли вспять — от устья к истокам. Иначе
говоря, все в мире было удивительно и странно. Однажды
мать и говорит Ничжисяло:

— На небе живет колдун Биэньэцзы, он обладает ог-
ромной силой. Если бы удалось уговорить его сойти на зем-
лю и разок прочесть священное писание, то сыновья увидели
бы своих отцов, а на земле водарились бы мир и покой.

Выслушал Ничжисяло мать, позвал кабаргу и велел
ей отправляться на небо. Прискакала кабарга к задним
воротам жилища колдуна и как закричит:

— Биэньэцзы дома? Дома Биэньэцзы?

А жена колдуна в это время как раз мыла посуду, и
брызги кипятка попали кабарге прямо на морду. Под-
скочила кабарга и бросилась бежать, а на носу у нее вол-
дырь от ожога вздулся. Увидел фазан волдырь и в сердцах
глупой ее обозвал. Потом взмахнул крыльями и взмыл в не-
бо, но тут же наткнулся на жену Биэньэцзы, которая си-
дела на пороге своего дома и ткала. Фазан напоролся пря-
мо на нож, которым она обрезала нитки, и так как он летел
очень быстро, то сильно поранился — вся грудь его обagri-
лась кровью. Ворон, который видел все это, гневно крикнул:

— Друзья, смотрите, как я полечу!

И он стремглав полетел прямо в ворота Биэньэцзы.
А в это время маляр покрывал лаком ворота. Ворон на-
ткнулся на банку с лаком, перевернул ее и весь испач-
кался. Он вскочил было и начал отряхиваться, но тут же
свалился на землю, вывалялся в грязи и стал совсем чер-

ным. Птица-рыболов, которая издавна любила рассказывать всякие анекдоты, воспользовалась случаем и состирала:

— Хэ-хэ, доблестного генерала, главнокомандующего в черных латах обидели, так позвольте же младшему брату отомстить за вас!

И, охваченный возбуждением, рыболов ринулся в ворота дома колдуна. Крыльями задел бутылку с красной краской — несколько капель ее упали ему на клюв. С тех пор у озорной птицы осталась на клюве несмываемая красная полоска, отчего она стала еще красивее и болтливей.

В тот момент, когда Ничжисяло пребывал в полной растерянности, не зная, что предпринять, сидевший под карнизом паук спустился на паутине вниз и говорит:

— Не печалься, сирота! Позволь мне подняться на небо — ручаюсь тебе, что уломаю упрямого колдуна.

С этими словами паук начал взбираться наверх, дополз до карниза дома Биэньэцзы и тут же принялся опутывать паутиной все углы в его комнатах. Когда колдун заметил это, он набросился на паука с бранью:

— Кто звал тебя сюда, урод?

Колдун так сильно чихнул, что паука тут же разорвало на три части. Голову отбросило в горы, огромное пузо — в степь, а поясница потонула в реке. Но в это время паутина облепила глаза ученикам колдуна — от боли они не могли даже приподнять веки. Тут они разом взмолились, чтобы Биэньэцзы отыскал и оживил паука. Пришлось колдуну послать пчелу в горы на поиски головы паука, собаку — в степь за брюхом, а выдру — в реку за поясницей. Вскоре колдуну принесли и голову и пузо паука, только поясницы не было: как ни шарила выдра по дну реки, найти поясницу не смогла. С того самого дня она спряталась на самом дне и не осмеливалась показаться на глаза Биэньэцзы. Колдун был сильно удручен тем, что не нашлась поясница, да что поделаешь? Пришлось соединить голову с брюхом и оживить паука без поясницы.

— Биэньэцзы, — с укором сказал оживший паук, — ты жесток сверх всякой меры! Добрый Ничжисяло много раз посылал нас к тебе за помощью, и каждый раз ты так расправлялся с нами, что мы теряли свой первоначальный облик. Я согласен вернуть зрение твоим ученикам, но ты, в свою очередь, должен сойти на землю и спасти живые души.

Колдун заколебался, потом быстро вошел в дом и раскрыл свою священную книгу. Когда он дошел до восьмого раздела, в глаза ему бросились следующие строки:

«Сирота Ничжисяло будет наводить порядок во Вселенной и столкнется с трудностями, ты должен прочесть священную книгу и помочь ему».

После этого колдун вслед за пауком спустился на землю. Как только он прочел священную книгу животным — те перестали пожирать людей и уменьшились до таких размеров, какими мы знаем их сейчас. Затем колдун прочел священную книгу воде, и она потекла на восток. Прочел ее травам и деревьям, и корни их ушли в землю. И, наконец, колдун прочел ее людям, и те стали жить значительно дольше, так что дети могли увидеть не только своих отцов, но иногда даже дедов и прадедов.

Позднее народность И стала селиться по берегам рек. Люди считали, что в бамбуковых корнях воплотились души их предков, и приносили им жертвы, а потом стали писать им письма. Так предки обрели душу и мозг и стали охранять долголетие своих потомков.

Хотя в это время на земле все уже пришло в порядок, Биэньэцзы все искал повод, чтобы поссориться с Ничжисяло. Поэтому он решил еще раз прочесть свою священную книгу сразу и для людей и для животных. Из-за этого и те и другие стали похожи друг на друга и разговаривали на одном языке.

Чтобы отделить людей от животных, Ничжисяло приготовил два снадобья. Одно называлось «сыимуи» — у того, кто его проглатывал, пробуждался разум, а второе называлось «гэйбуи» — от него разум мутился и пропадал дар речи. Тот, кто отведал снадобье «гэйбуи», целиком зависел от человека.

В заранее намеченный день Ничжисяло вылил оба снадобья в реки Ло и Гу в местечке Эмулогу, велел всем собраться здесь, чтобы испробовать снадобья. В то время самыми быстрыми были птицы и звери. Они примчались в указанное место и, расталкивая друг друга, — боясь, как бы не остаться позади, — дочиста вылизали снадобье «гэйбуи». С того момента все птицы и животные потеряли дар речи и стали во всем подвластны человеку. Сын Ничжисяло по имени Эцзяоэсо был неповоротлив и шел очень медленно, хотя и спешил. Нечаянно он наступил на предка лягушек Цы, а тот и говорит ему:

— Эцзяоэсо, можешь попусту не тревожиться. Только я один могу отыскать место, где пролито снадобье «сыимуи». Возьми меня на спину, и я покажу тебе это место.

Эцзяоэсо посадил лягушку себе на загривок и поспешно спросил, где же в конце концов снадобье «сыимуи».

— Его очень мало, — отвечает Цы, — оно находится под деревьями у дороги на пути к Эмулогу. Когда мы найдем снадобье, мы поровну разделим его с тобой.

Однако, когда Эцзяоэсо подходил к Эмулогу, он сбросил лягушку с плеч, бегом бросился к указанному месту и выпил все снадобье один. Когда Цы подбежал, от снадобья не осталось уже ни капли. Ему удалось только полизать листья, обрызганные чудодейственной жидкостью. Поэтому челюсти у лягушек до сих пор то сжимаются, то разжимаются, будто они хотят что-то сказать, да никак не могут.

У Ничжисяло было двенадцать сыновей. Старшего сына назвали Милоцью, он стал предком деревьев. Второй сын, Хэйкэчжае, стал покровителем салата. Третий сын, Вамасыэ, — предком дикой репы. Четвертый сын, Мэцзыцяце, — предком ипомеи плющевой. Пятый сын, Цзяоэло, — предком диких трав. Шестой сын, Дэулоцзя, — предком орляка. Седьмой сын, Эцзяоэсо, — предком человека. Восьмой сын, Гу, — предком обезьяны. Девятый сын, То, — предком медведя. Десятый сын, Бэй, — предком собаки. Одиннадцатый сын, Цы, — предком лягушки. Двенадцатый сын, Моэрне, — предком птиц.

Однажды Ничжисяло услышал, что где-то в далеких землях есть необъятный океан, и ему захотелось самому посмотреть на него. Он вскочил на летающего скакуна Сымудудэ и полетел к Депашуло¹. Когда Сымудудэ пролетал над океаном, его крылья подломились, и Ничжисяло вместе с летающим скакуном утонул в глубинах Депашуло.

---

¹ Депашуло — в переводе с языка И — Тихий океан.

УЯЗВИМОЕ МЕСТО

Жил давным-давно один человек. Однажды, когда он копал землю на склоне горы, колдунья задумала съесть его. Прилетела на гору, села напротив и глаз со своей жертвы не сводит. Видит бедняга, какими глазами смотрит на него старуха, и говорит:

— Не ешь меня сегодня. У меня есть пеструшка. Подожди, лучше я схожу домой, зарежу ее, съем и стану куда жирнее. Вот тогда ты и съешь меня.

Старуха согласилась, а человек вернулся домой, зарезал курицу, съел ее и наутро принес старухе кусочек курятины. Колдунья проглотила его и говорит:

— Ну, теперь уж я непременно съем тебя.

— Нет, сегодня не ешь, — снова попросил тот человек, — у меня есть свинья, да такая жирная, что сосцы у нее по земле волочатся. Вот заколю ее, съем, стану еще толще, тогда ты меня и съешь.

Старуха опять согласилась.

В тот же день вечером человек заколол жирную свинью, у которой сосцы волочились по земле, сам поел, большой кусок свинины оставил для старухи и на другое утро отдал его ей. Колдунья наелась до отвала и говорит:

— Сегодня я не буду тебя трогать, но завтра обязательно съем!

Человек опять вернулся домой. Поискал, посмотрел — ничего вкусного не осталось. Пришлось идти за советом к соседям:

— Злая колдунья хочет съесть меня. В первый день в моем доме еще была пеструшка, и старуха согласилась подождать, пока я съем ее и стану пожирнее. На другой день я сказал, что у меня дома есть свинья, да такая жирная, что сосцы у нее волочатся по земле. Я обещал вече-

ром заколоть свинью и съесть ее, чтобы стать еще жирнее. Старуха опять согласилась. А теперь у меня нет ни пеструшки, ни свиньи, и жизни моей завтра должен прийти конец. Земляки, прошу вас, не оставляйте мою жену и детей после моей смерти.

— Не бойся, — стали утешать его соседи, — мы что-нибудь придумаем и завтра убьем злую колдунью.

Думали они, думали, придумали хитрый план и договорились завтра же привести его в исполнение.

На другой день человек опять пришел на гору и начал копать. Колдунья давно уже поджидала его, но, опасаясь, как бы посторонние ее не увидели, превратилась в пень. Пришли соседи, посмотрели на пень и говорят:

— Эй, землекоп, что это?

Колдунья услышала и шепчет:

— Скажи, что пень.

Человек в точности повторил ее слова:

— А это «скажи, что пень».

— Да нет же! Говори от самого себя! — торопливо пояснила старуха.

— Да нет же, говори от самого себя! — повторил землекоп.

Услышали это соседи и говорят:

— Мы не верим тебе. Что значат твои слова? Если это и вправду пень, ударь по нему заступом, тогда поверим.

— А ты и ударь! — шепчет старуха. Ударь! Только подними заступ повыше, а опускай его потише, чтобы не задеть мое уязвимое место.

— Хорошо, мамаша! — ответил человек. — А где твое уязвимое место? Ты покажи мне, а то как бы я ненароком не ударил по нему.

— Видишь, — боязливо призналась старуха, — вот эта зеленая короста и есть мое уязвимое место. Смотри не задень ее!

— Не задену, не задену, — заверил человек колдунью, а сам поднял заступ повыше и с силой ударил по зеленой коросте.

Тут злой колдунье и пришел конец.

АЛУН ИЩЕТ ОТЦА

Какое место в мире самое красивое?

Цзетайшань.

Здесь много сосен, которые сверкают, как сапфиры. На соснах отливающие серебром узорчатые шаровидные шишки. Внизу, переливаясь золотом, громоздятся камни.

У девушек народности И, что живут на горе Цзетайшань, лица белы и прозрачны, как гусиные перья, а волосы черны и длинны, как ползучие растения. Их талии гибки, словно тончайший бамбук, и когда они наряжаются, то похожи на фениксов. Стоит им запеть песни, как в горах все смолкает, даже ручьи и водопады прекращают свой бег.

Девушки с горы Цзетайшань жили очень счастливо. Когда их охватывала радость, они расправляли крылья и летали вместе с грифами. Налетавшись, вместе отдыхали и пировали, а потом ложились спать под одним пологом на общем девичьем ложе. Среди них была одна умная прекрасная девушка по имени Пунили. Лицо ее было бело, будто луна, а глаза сияли, словно звезды. Смех ее журчал так красиво, но смеялась она редко. Петь тоже не любила, хотя голос у нее был прекрасный. Целыми днями сидела она в каменной пещере, пряла да ткала. Она отрезала кусок облака, смешала его с овечьим пухом и разукрасила разноцветными нитками. Затем сломила ветку сандалового дерева и, наблюдая птишек, паривших в воздухе, сделала по их подобию челнок, на ткацкий станок навесила разноцветные нитки, закрутила их вокруг себя и, усевшись на скамью, углубилась в работу.

А на эту гору раз в год слетались грифы. И вот настал этот день¹. Девушки нарядились в прекрасные одежды и,

¹ Имеется в виду день праздничных танцев мужчин и женщин времен полигамных браков.

точно фазаны, высыпали на гору. Грифы обняли девушек, а девушки прильнули к грифам. Повсюду звенели гонги, гремели барабаны, пели флейты, отовсюду доносился смех. Всеобщее веселье захватило и молчаливую Пунили. Сердце ее громко стучало. Все еще стыдясь, выглянула она из пещеры, и тут же стая грифов слетелась к ней... Так умная и проворная Пунили превратилась в мудрую молодую мать. У нее родился сын, и она назвала его Алуном.

Алун был таким же умным, как мать. Он одинаково ловко и говорил, и пел песни. Речь его звучала музыкой. Он умел стрелять из огнестрельного оружия, пускать из арбалета отравленные стрелы, ловить диких зверей и лазить по высоким горам. Юноша вырос крепким, как железное дерево, но всегда выглядел очень печальным.

Тигр находит жилище в пещерах,
В дебрях леса живет павлин,
Только где отыскать отца нам,
Незабвенный Алун, мой сын?..¹

Алун слушал песню матери, и сердце его обливалось слезами.

— Я хочу найти своего отца, — сказал он однажды матери.

Пунили знала, что отца найти нельзя, — ведь грифы давно улетели! — пела она только шуточки ради. Услышав, какое несбыточное желание появилось у ее сына, она засмеялась, и смех ее рассыпался, как брызги фонтана.

Сосны гибкие качая,
Дует, дует ветер сильный.
Ветер — кто он и откуда,
Ты об этом знаешь, сын мой?

Облака на горы давят,
Проплывая над вершиной,
Кто они? Пришли откуда?
Ты об этом знаешь, сын мой?

На горе цветы пестреют:
Белый, красный, желтый, синий,
Из каких семян родились?
Ты об этом знаешь, сын мой?

---

¹ Стихи в этой сказке даны в переводе И. Голубева.

Пунили! Твой сын подобен
Распустившемуся бала¹,
Что взшло при блеске солнца
На суровых диких скалах...

Алун не понял материнских слов, а мать опустила голову и снова принялась ткать. Она вспомнила огромных грифов и снова почувствовала стыд и счастье. Подняв голову, она взглянула в черные живые глаза Алуна и, потрепав его волосы, сказала:

— Ты цветок бала, и отца у тебя нет!

Алун опечалился, но подумал: «У бала есть мать-камень и отец-солнце, как же можно говорить, что у меня нет отца?» И он упорно продолжал допытываться у матери, где его отец. Однажды Пунили, чтобы отвязаться от него, сказала:

В далекой южной стороне
Отец твой обитает:
То там, то сям
По небесам
Кружится, летает...

Отца найти не просто, сын!
Как жаль, что ты не птица,
Не можешь крыльями взмахнуть
И в дали неба взвиться!

Но Алун не печалился об этом. Ему только нужно было знать, куда направиться. А уж если он решил идти, то от решения своего не мог отказаться. Юноша взял лук, стрелы и вышел за ворота, а Пунили, провожая сына, запела песню...

Когда Алун проходил мимо огнедышащей горы Лимохаса², из пещеры вышел старик, хозяин горы, и стал уговаривать Алуна отказаться от поисков:

В красный цвет это облако
Я окрасил своими руками.
Много звезд золотых
Приходилось выковывать мне.

Сшив одежду из облака,
Ты пробьешься сквозь жаркое пламя,

---

¹ Бала — ползучее растение, встречающееся среди каменистых расщелин на северных склонах гор. Согласно преданию, цветы его раскрываются, едва их коснется луч солнца.

² Лимохаса — несметные сокровища.

А звезду проглотив,
Будешь ты невредимым в огне!

Так постой же! Тебе
Все сокровища эти отдам я,
Лишь останься со мною
В глубокой пещере, на дне!

Когда Алун проходил мимо горы Имицайти¹, озаряющей все вокруг своим сиянием, старуха, хозяйка горы, вышла навстречу храброму Алуну и тоже стала удерживать его:

Груды жемчуга, золота
В этих горных пещерах спрятаны,
В землю мною зарыт
Драгоценных каменных клад,
Знай, тебя наградят здесь
Из золота слитыми латами
И украшенным жемчугом
Шлемом тебя наградят!
На ночь лишь удержишься —
Утром будешь богат!

Вот Алун подошел к горе Моухоули², от которой дул ураганный ветер, хозяйка горы преградила юноше путь:

Золотой и серебряный —
Есть в Лунном дворце чертоги,
В этих светлых чертогах
Обитает Небесный святой,
Конь нефритовый мой
В царство лунное знает дорогу,
И в пути будет верным
Лук с тугой тетивой.

Только вечер один
Погости у меня,
Я скажу, чтобы ветер
Для тебя приготовил коня!

Но Алун прошел дальше и вскоре оказался в Мокэхоули — удивительно живописном и красивом месте. Девушка, легкая как птица, бросилась наперерез юноше:

Я владычица каждого времени года,
Мне волшебная сила дана:
Краски гор изменять,

---

¹ Имицайти — золото, серебро, богатство.

² Моухоули — рассвет весны.

Очищать помутневшие воды,
Только доброе слово скажи —
Будет вечно твоею весна!

Алуна взяла досада. Он заткнул уши и побежал дальше. Наконец он достиг края земли Тоугань¹. Это была огромная пурпурная равнина, здесь уже никто не мог остановить его. От радости он засмеялся, обмыл в воде свои ноги и снова пустился в путь:

В далекой южной стороне
Отец мой обитает,
То там, то сям
По небесам
Кружится, летает...

Нет птичьих крыльев у меня,
Но сердце, как у птицы.
Ищу отца, хочу домой
С ним вместе возвратиться!

Искренность и отвага Алуна до глубины души тронули хозяина горы Лимохаса, хозяйку горы Имицайти, хозяйку горы Моухоули и девушку из Мокэхоули, и они вместе задумались — как помочь Алуну.

Он тем временем шел все дальше и дальше, пока не увидел перед собой коралловое дерево. Под ним собирала плоды девушка по имени Шисэ. Заходящее солнце освещало ее лицо, и оно рдело, как коралловый плод. Едва завидев Алуна, она запела:

Прячется солнце за горные склоны,
Птицы щебечут все тише и тише,
Ты оставайся, скиталец бездомный,
В доме моем, под надежною крышей!

Но разве мог Алун слушать такие речи? Ему бы только идти да идти! Тогда Шисэ загородила ему путь и, показав на коралловые цветы на земле и на птиц, летающих в небе, запела:

Сколько птиц летает в небе?
Сколько на земле цветов
И какой из всех цветов
Для какой из птиц избранник?

---

¹ Тоугань — нынешний район побережья реки Цзиньшахэ (реки Золотого песка).

Угадай, Алун, загадку!
Если верно угадаешь,
То найдешь отца, и вместе
Возвратитесь вы домой!

Но где угадать такое Алуно? Он думал так долго, что от мыслей у него покраснело лицо и заалели уши, и все-таки не нашел ответа. А Шисэ продолжала:

Я задам тебе вопросы,
Если правильно ответишь —
Помогу найти отца!

Алун стал слушать ее песню, призвав на помощь весь свой ум.

Кто трусливей всех на свете?
Чья отвага выше неба?
У кого из многих тварей
Нет волос на голове?
И еще: «Чьи кудри могут
Достигать лазури неба?»

«Кабарга, олень трусливый,
А отвага выше неба
В сердце храброго Алуна!
И у змей и у лягушек
Не растет на лбу волос.
«Бодисатва»¹ же Алуна
Вознеслась к лазури неба!»

«Что не белое, ответь мне?
Что всего, всего белее?
Что не черное, скажи мне?
Что всего, всего чернее?»

«Не белы кабан и ворон,
А всего, всего белее
Сердце честного Алуна!
Ни черны ни гусь, ни голубь,
А всего, всего чернее
Сердце хищников — волков».

А Шисэ продолжала петь:

«Кто о ком бы мог подумать
Так, чтоб радостной улыбкой
Озарилось все лицо?»

---

¹ «Небесной Бодисатвой» в народности И называют лоб муж-чины; волосы, ниспадающие на лоб, никогда не остригают, так как лоб считается священным.

Кто поет такую песню,
Нежные слова которой
Всех на свете слов нежней?»

Алун тут же нашел ответ:

«Лишь подумает о солнце —
Улыбается луна
Всем своим широким ликом!

Лишь Алун Шисэ увидит —
Все привычные слова
Заменяет нежной песней!»

Шисэ, видя, что он ответил на все ее вопросы, подбежала к нему и шепотом пропела в самое ухо:

Грифы по сердцу прились
Девушкам с горы Цзетай.
Грифам по сердцу прились
Девушки с горы Цзетай.

Тот, кто хочет среди них
На горе найти отца,
Должен прежде отыскать пару для себя!

Алун выслушал ее песню, но не совсем понял ее смысл. И душа его снова была в неведении. Тогда он вернулся домой и пересказал матери слова Шисэ. Едва выслушав его, мать велела ему поскорее бежать обратно и отыскать Шисэ.

Грифы расправили крылья —
И разлетелись.
Был твой отец среди них.

.....
Если ты хочешь увидеть отца —
Возвращайся
И, возвратившись,
скорее Шисэ отыщи!

Алун побежал обратно на край долины Тоугань, но под коралловым деревом не было Шисэ, и он громко закричал:

Солнце рождается
За краем Восточного моря.
Круглая радуга
Упирается в синее небо.
Малая птица
Окутана облаком белым,
Как же Алуну
Родного отца отыскать?

Шисэ услышала его голос и прибежала из пурпурной долины. Ее лицо было красно, как коралл, черные волосы разметались по плечам. Она пела навстречу ветру:

Если хочешь ты, Алун,
на горе найти отца,
Должен прежде отыскать
пару для себя!

Тогда Алун все понял и громким голосом спросил:

О, какой из всех цветов
Для какой из птиц избранник?
О, какая из красавиц
Сердцу юноши мила?

Шисэ еще больше покраснела и бросилась бежать от него. Алун пустился за ней. Шисэ бежала и заливалась смехом, Алун тоже смеялся, догоняя ее.

Луку со стрелой —
век суждено быть вместе!
Оленю с кабаргой —
век суждено быть вместе!
Облаку с росой —
век суждено быть вместе!
Как птицам — нам с тобой
век суждено быть вместе!

Шисэ то вздохнет, то опять запоет, давая понять, что она и Алун не могут быть вместе. Алун, смеясь, уговаривает ее согласиться. Так бежали они все быстрее и быстрее. Вдруг Шисэ оступилась и упала в глубокое ущелье. Алун испугался, склонился над пропастью и жалобным голосом позвал:

— Шисэ, выходи, я больше не буду преследовать тебя.

А Шисэ отвечает со дна ущелья:

— У меня нет крыльев. Как же я смогу взлететь?

Тогда Алун снова побежал на Цзетайшань, к матери. Мать сшила байчжэюнь¹, походившую расцветкой на небесное облако. Алун схватил ее и побежал на край света в Тоугань. Там он сбросил в пропасть юбку, Шисэ надела ее и легко взлетела вверх. Алун обнял девушку и сказал:

---

¹ Байчжэюнь — пестрая юбка, которую носят женщины народности И.

— С сегодняшнего дня каждому мужчине предназначается только одна женщина. Я люблю тебя, а ты любишь меня.

Шисэ окинула Алуна взглядом — какой молодец! Крепкий, будто железное дерево, а сердце теплое и нежное, словно наилучшая овечья шерсть. Прищурив глаза от смеха, девушка спросила:

— Байчжэюнь — твой свадебный подарок. А что ты оденешь, чтоб встретить невесту?

Алун неторопливо развязал красный мешок, который дала ему мать. В мешке лежал чаэрва¹ без рукавов и без ворота. Пунили сшила его по фасону черного облака. Алун накинул на себя чаэрва, красной материей повязал голову Шисэ и краем повязки закрыл ее красивое лицо.

Затем он взял ее за руку и сказал:

— Байчжэюнь — мой свадебный подарок. Чаэрва я надел, чтобы встретить невесту.

И Алун привел Шисэ на гору Цзетайшань. Так появилась первая супружеская пара. Пришло время, когда каждый мужчина стал делить свой кров только с одной женщиной. И потомки Алуна уже не передавали легенд о «сборищах грифов».

---

¹ Чаэрва — черный плащ, который обычно носят мужчины народности И.

ДВЕ РАДУГИ

В давние-давние времена правил народом И жестокий и злой старик Жумо.

Он посылал солдат грабить население и чинил произвол: захочет — убьет, захочет — в живых оставит.

Люди ненавидели его, но не осмеливались сказать об этом и лишь молили небо скорее взять жестокого правителя и бросить его в котел с маслом. Жил в то время молодец по имени Доугэгэжуда. Был он собой пригожий, добрый, веселый и очень сильный. И поговорить умел и поработать — на все руки был мастер. Молодая жена его была хороша, как чайная роза в горах, и умна, и трудолюбива. Она собирала цветы и, глядя на них, вышивала узоры. В их доме всегда царили порядок и чистота. Муж и жена жили душа в душу и горячо любили друг друга. Была у Доугэгэжуда младшая сестра, тоже очень красивая. Родные и друзья часто ставили эту семью другим в пример.

Доугэгэжуда находился на постоянной службе у Жумо, а во время войн должен был участвовать в походах. Както вышла ему жена кисет. Три дня подряд не покладая рук трудилась, чтобы сделать подарок любимому мужу, и, отдавая его, сказала:

— Увидишь Жумо — спрячь кисет подальше, увидишь друга — покажи.

— Хорошо! — согласился Доугэгэжуда.

Однажды утром, когда он прибирал покои Жумо, уголок кисета ненароком выглянул из-под его одежды и озарил ярким светом всю комнату. Удивился Жумо и спрашивает:

— Что это ты с собой носишь? Ну-ка, дай мне посмотреть!

Рассердился на себя Доугэгэжуда, что не смог хорошо спрятать подарок, да поздно было раскаиваться. Пришлось показать кисет. Увидел его Жумо — и в глазах у него зарябило. Склонив голову набок, он долго рассматривал кисет, потом вытянул шею и даже понюхал его. Думал он, думал и говорит:

— Если его вышила твоя жена, давай меняться: я тебе дам свою жену, а ты мне — свою. Если кисет делала твоя мать — я тебе дам свою мать, а ты мне свою.

— Это моя сестра вышивала, — ответил Доугэгэжуда.

Но Жумо был хитер.

— Приведи мне жену и сестру, — приказал он, — я посмотрю на их руки и сразу догадаюсь, кто сделал кисет.

Опечалился Доугэгэжуда и долго не решался возвращаться домой. Наконец пришел к жене и рассказал ей всю правду.

— Я пойду вместо невестки, — сказала сестра.

На другой день она умылась, причесалась, надела на себя самое лучшее платье и украшения. А жена, которая стряпала на кухне, не стала даже рук мыть, надела простое будничное платье, самые бедные украшения, и обе отправились к Жумо.

Женщин заперли в деревянную сторожку с единственным окошком, и в него они просунули руки, чтобы Жумо опознал ту, которая вышила кисет. Потом отослал правитель обеих домой, а сам стал обдумывать свой коварный замысел. В полночь в дом Доугэгэжуда прискакал гонец с вестью:

— Велено сейчас же собраться, взять с собой саблю и коня и вместе с войском идти в поход на Шамайхоу.

Видит Доугэгэжуда — прятаться уже поздно, и спрашивает жену:

— Есть у нас мясо и вино трехлетней давности?

— Нет, — отвечает жена.

— А груши и грецкие орехи третьего урожая?

Тут жена Доугэгэжуда поняла, что муж собирается в поход, и вспомнила, что он никогда не бережет себя, подвергаясь опасностям. Сердце ее переполнилось печалью. Она нашла груши и персики, но они оказались непригодными, и она опять ответила:

— Нет.

На другой день рано утром Доугэгэжуда спрашивает жену:

— Какого коня седлать?

— Самый красивый — жеребец в яблоках, хорош также гнедой, но вороной самый быстрый.

Доугэгэжуда приладил седло, поднял пику с обоюдострым наконечником, — пришла пора расставаться.

Больно сжалось сердце у жены, и, чтобы удержать мужа хоть еще немного, она сказала:

— погоди, есть у меня и вино, и мясо, и груши, и грецкие орехи третьего года урожая. Я сейчас принесу их — поешь, тогда и отправишься в путь.

Но разве до еды было сейчас Доугэгэжуда. Он наотрез отказался, вскочил на коня и скоро скрылся под сенью горного леса. Жена смотрела ему вслед до тех пор, пока он не исчез из виду, и горько плакала.

А Жумо и не собирался затевать войну. Возле ущелья он велел своим воинам спешиться и крикнул:

— А ну, кончайте с ним!

В воздухе сверкнули клинки. Тут только Доугэгэжуда все понял. Он отчаянно боролся, но ему не удалось проваться сквозь строй всадников, и он пал жертвой коварства Жумо. И хотя Доугэгэжуда отрубили голову, он не сразу упал с коня. Оторвав клоч материи от белой рубашки и обагрив руку собственной кровью, он написал письмо и сунул его под седло. Только тогда он, бездыханный, упал на землю, а конь его вскачь пустился домой.

Убедившись в том, что Доугэгэжуда мертв, Жумо со своим войском вернулся обратно.

Долго сидела жена на лугу, со страхом глядя на гору, куда усакал ее муж. Там клубились облака. Когда солнце село за гору, прискакал вороной без всадника и как вкопанный остановился перед ней. В тревоге женщина сказала:

— Если ты принес радостную весть — отзовись троекратным ржаньем, если печальную — трижды покатайся по земле.

Не успела она договорить, как вороной упал на землю, три раза перекувырнулся, вскочил и стал отряхиваться. Из-под седла выпал окровавленный белый лоскут. С плачем упала вдова на землю. Прибежала золовка и привела ее в чувство. Вдова поднялась с земли, утерла слезы,

наказала золовке следить за домом, а сама отправилась в путь, чтобы узнать всю правду.

Она стала у дороги и спрашивала возвращавшихся из похода всадников:

— Не видели ли вы Доугэгэжуда?

— Нет, не видели, — отвечали ей.

Когда солнце опустилось за холм, показался сам Жумо в сопровождении свиты.

— Не видели ли вы моего мужа? — спросила женщина.

— Кто умеет обращаться с саблей, держит ее клинком вниз. А Доугэгэжуда держал саблю лезвием вверх, и когда его конь подскочил, клинок вонзился ему прямо в шею. Так твой муж и погубил сам себя.

Поверила вдова его словам и, решив, что теперь ей слишком горько будет жить на свете в одиночестве, сняла с себя длинное покрывало и перебросила его через сук, чтобы повеситься.

Жумо велел снять ее с дерева и передать ей:

— Скажите, чтоб шла ко мне. Будет в шелках ходить, сладко пить и есть да веселиться.

— Нет, — ответила вдова, — я простая женщина, а он правитель. Не пара я ему.

Но Жумо стоял на своем:

— Что говорить о высоком и низком! Главное, родиться красивой да талантливой, умной да сметливой.

Тут только догадалась вдова, кто убил ее мужа. Но виду не подала и говорит:

— В таком случае я не осмелюсь перечить, но прошу выполнить три моих условия, только тогда я по собственной воле буду служить тебе. Если же ты их не выполнишь, я повешусь.

— Говори, чего хочешь, — согласился Жумо, — все выполню.

Тогда вдова и говорит:

— Велите в память о муже читать больше священных текстов, свыше, чем положено; велите заколоть белых баранов, черных горных козлов и желтых быков столько, чтобы гора от них стала с одной стороны белая, с другой — черная, а с третьей — желтая. Вот мое первое условие.

— Согласен! — сказал Жумо. — Говори второе.

— Дай мне девяносто девять платьев, расшитых разноцветным шелком, девяносто девять юбок, туфель, чулок, накидок и девяносто девять шелковых платков, девяносто

девять золотых и серебряных браслетов, колец, девяносто девять пар серег и девяносто девять коромысел соли. Вот мое второе условие.

Жумо согласился и спросил о третьем условии.

— Через сто дней после того, как кончат читать священные тексты по мужу, — отвечала вдова, — после захода солнца пусть разожгут костер из девяносто девяти вязанок сухих дров, чтобы сжечь тело моего мужа. Я сама приду смотреть: у супругов одна судьба, и в последний момент мы должны увидеться.

— Все будет, как ты хочешь, — пообещал Жумо, обрадовался и велел слугам выполнять ее желания, а сам пошел отбирать двенадцать служанок для красавицы.

Получив девяносто девять платьев, расшитых разноцветным шелком, девяносто девять юбок, туфель, чулок, накидок и девяносто девять шелковых платков, девяносто девять золотых и серебряных браслетов, колец, девяносто девять пар серег и девяносто девять коромысел соли, вдова замочила одежду в крепком растворе соли, а затем высушила ее и спрятала.

Прошло сто дней. Красавица переделалась во все новое, надела головные украшения, а оставшиеся платья и драгоценности приказала служанкам уложить в корзины и отнести к месту сожжения ее мужа. Там вдову уже ждал Жумо. Монах все еще читал священные тексты. От убитых баранов, козлов и волов гора стала с одной стороны белой, с другой — черной, а с третьей — желтой. На ровной площадке громоздились дрова. Монах подал знак, старики подняли тело Доугэгэжуда и положили на самую вершину дровяной кучи. Скоро дрова затрещали, и пламя быстро взметнулось вверх. Монах подошел ближе и видит: ни один волосок на теле Доугэгэжуда не загорелся. Гнев и страх охватили Жумо, велел он монаху скорее читать священные тексты, чтобы священный огонь сжег ненавистное ему тело. Но и это не помогло. Растерялся Жумо и спрашивает красавицу:

— Почему же он не горит?

— Ему нужна твоя жена, — отвечает красавица.

— Отдать жену, — распорядился Жумо, и жена правителя была брошена в огонь.

Но Доугэгэжуда по-прежнему не горел. Тогда Жумо опять приказал монаху призвать священный огонь, но и он не помог, и Жумо снова спросил красавицу.

— Ему нужен твой сын, — отвечала она.

— Отдать сына, — приказал Жумо, и огонь в одно мгновение пожрал сына.

Но Доугэгэжуда по-прежнему оставался неуязвим, и Жумо пришлось снова обратиться к красавице.

— Ему нужна твоя старая мать, — ответила та.

— Привести ее! — закричал Жумо, и его мать тоже погибла в огне.

Так Жумо сжег всю свою семью, а Доугэгэжуда остался невредим. Тогда правитель приказал красавице сказать всю правду.

Женщина подошла к огню, вырвала из головы пучок волос и с молитвой бросила его в пламя. Вдруг из тела Доугэгэжуда полилось масло. Пламя вспыхнуло, Жумо обрадовался, но тут вдова начала разбрасывать вокруг себя золотые и серебряные украшения, и служанки, толкаясь, бросились подбирать их. Воспользовавшись суматохой, вдова кинулась в огонь.

— Держите ее, держите! — завопил Жумо.

Перепуганные служанки пытались удержать госпожу, но в руках у них остались только клочья кофты и юбки. Одежда, пропитанная солью, разлезалась.

В гневе Жумо затопал ногами, выпучил глаза и оглушительно заорал:

— Сжечь этих девок!

Не успел он и пальцем шевельнуть, как вдруг видит: Доугэгэжуда и его жена, обнявшись, стоят в огне. Мгновение — и их не стало, а из языков пламени выросли два дерева, которые переплелись ветвями. Густая листва зашестела на ветру. Деревья поднялись высоко-высоко в небо.

Жумо совсем рассвирепел и приказал слугам немедленно срубить деревья. Дровосеки взялись за дело, но вместо щепок из-под топоров брызнула кровь. И все же деревья не падали. Потом вдруг оторвались от земли и превратились в двух журавлей, которые взлетели к небу крыло к крылу. В то же мгновение тучи затянули небо, завыл ветер.

Охваченный яростью, Жумо натянул тетиву и стрелой из лука убил журавлей. Послышались рыдания и горестные вздохи. Тучи сгустились, грянул гром, засверкала молния, над землей пронесся ураган. Все вокруг заволокло

мглою. При свете молний люди увидели, что Жумо лежит мертвый — молния сразила его.

Вскоре ветер утих, дождь прекратился. Тучи и туман рассеялись. На западный край засиневшего неба выкатилось красное солнце.

А муж и жена превратились в две разноцветные радуги, которые перекинулись через небо, окружив кольцом народ И.

СЛИТОК ЗОЛОТА

Давно-давно жили два брата. Старший уже обзавелся семьей, а младший еще не успел жениться, как родители умерли. И так как старший брат стал главой семьи, то младший поселился в его доме, ел за его столом и усердно работал по хозяйству.

Старший брат был великий мастер обманывать людей — он быстро разбогател, и дом у него ломился от всякого добра, а закрома доверху были полны зерном. У старшего брата было все, чего только душа пожелает. И все же он плохо относился к младшему, попрекал его и грозился выгнать из дому.

Невытерпел стало младшему брату жить у старшего, и переехал он в другое место. Богатства у него только и было — что нож да веревка. Каждый день юноша ходил в горы за хворостом, продавал его, тем и кормился. Возвращаясь из леса, младший брат проходил мимо большого придорожного камня, сбрасывал на него свою вязанку с хворостом, а сам садился рядом и отдыхал. И вот однажды камень вдруг заговорил:

— Эй, парень, что это ты всякий раз кладешь на меня свою ношу?

И поведал юноша камню о своем горьком житье-бытье.

— Так и так, — говорит, — другого выхода нет, приходится продавать хворост, чтобы заработать на пропитание. Этим и живу!

Камень выслушал и говорит:

— Раз тебе так трудно живется, возьми из моего рта слиток золота. Бери, бери!

Обрадовался юноша, вытащил из каменной пасти слиток золота, вернулся домой, купил себе разной утвари, вола, одежду всякую. Увидел это старший брат, разгорелись у него глаза на чужое добро, и спрашивает он брата:

— Откуда у тебя деньги? И как это удалось тебе разбогатеть за такое короткое время?

Рассказал ему младший брат всю правду: так, мол, и так, дал мне камень слиток золота, на него я и купил все эти красивые вещи. Старший едва дослушал младшего, бросился домой, схватил нож и веревку и отправился в горы. Набрал вязанку хворосту, старший брат той же дорогой, какой ходил младший, отправился обратно. Возле камня он остановился, сбросил на него вязанку, а сам присел рядом.

— Ах ты такой-сякой! — говорит камень. — Всего несколько дней назад я дал тебе слиток золота, но тебе, видно, мало! Что это ты опять отправился за хворостом?

— Я вовсе не тот человек, которому ты дал золото, — отвечает старший брат. — Но не стану скрывать от тебя, старший брат плохо ко мне относится... — старший брат наизусть затвердил те слова, которые говорил младший. — Поэтому мне и приходится продавать хворост, чтобы заработать на пропитание.

— Ну, раз такое дело, — говорит камень, — возьми из моего рта слиток золота.

Обрадовался старший брат, потянулся за золотом, но при этом схватил слиток не одной рукой, а сразу обеими — тут-то каменная пасть захлопнулась, и руки жадного брата оказались в плену. Как ни пытался он их выдернуть, как ни колотился о камень — все было напрасно. Пришлось жене и детям каждый день ходить к камню и кормить прикованного к нему богача.

Прошло много-много дней, родные скормили ему весь хлеб, который был в доме. Долго ломала голову жена, как накормить мужа, но так ничего и не придумала и пришла к камню с пустыми руками. Увидел это муж и стал ругаться:

— Жестокая женщина, почему ты не принесла мне поест? Куда девали зерно?

Пришлось жене открыть ему всю правду:

— В доме не осталось ни зернышка, все тебе скормили. Что поделаешь, раз ты голоден, пососи мою грудь.

И огромный детина потянулся к ее груди. При виде этого камень не выдержал и расхохотался: от смеха каменная пасть открылась, старший брат воспользовался этим и высвободил руки.

Вот какие бывают на свете дурни.

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ЧЖУАН

ВОЛ, КОТОРЫЙ САМ ПАХАЛ И БОРНИЛ

Давно-давно в районе Шаньцзяонун было одно селение. Вокруг вздымались высокие скалистые горы, а у подножья гор раскинулось огромное пахотное поле. Но дождей здесь выпадало очень мало, и земля так затвердела, что люди и вручную и на волах с трудом возделывали ее. Глядя на свои поля, крестьяне только вздыхали.

В этом селении жил юноша по имени Та Цзя. Не было у него ни отца, ни матери, ни братьев. Жил он в одиночестве и кормился урожаем, который ему удавалось снять со своих двух му земли.

Однажды утром Та Цзя рыхлил землю возле горы Петуха. Руки его были стерты до крови, а он еще не вскопал и половины му. Юноша присел отдохнуть и, глядя на липкие от крови руки, тяжело вздохнул.

Вдруг раздался тоненький писк, и рядом упал птенец: из его лапки текла кровь. Та Цзя поспешно разжевал несколько листьев, положил их на ранку и, оторвав кусок рукава, перевязал лапку. Потом погладил птенца и ласково сказал:

— Ах ты бедный мой...

Вдруг с вершины горы слетел разноцветный фазан, схватил птенца и перелетел с ним на большой камень рядом.

— Добрый братец, — обратился он к юноше, — ты вылечил мое дитя, что ты хочешь в награду?

Обрадовался Та Цзя и говорит:

— У нас здесь очень трудно обрабатывать землю — подари мне хорошего крепкого вола. Ничего другого мне не надо.

Фазан выслушал его и говорит:

— На седловине этой горы есть два огромных квадратных камня — это каменные ворота. В них ты найдешь маленькое отверстие. Восьмого числа четвертого месяца¹ захвати с собой десяток «уфаней»², поднимись на гору, сунь ключ в это отверстие, открой каменные ворота и войди в пещеру. Там ты увидишь каменного вола. Вложи ему в пасть уфани — и он оживет. Этот вол будет тебе хорошим помощником.

С этими словами птица выдернула клювом перышко из своего крыла, бросила его рядом с Та Цзя и, схватив своего птенца, взлетела к вершине горы.

Юноша опустил голову — что это? Пера как не бывало, оно превратилось в ключик, отливающий золотом. Радости Та Цзя не было предела, он даже запрыгал, словно воробей.

Когда на краю неба запылала багровая вечерняя заря, Та Цзя спрятал свой ключик, спел «сятун»³ и в радостном возбуждении вернулся домой.

Наступил восьмой день четвертого месяца. Та Цзя взял заветный ключик, затянул потуже пояс, завязал в платок десять «уфаней» и отправился в горы.

Вершина горы Гэбушань, похожая на голову петуха, задевала за облака. Склоны горы были усеяны огромными валунами. Та Цзя, словно горная обезьяна, карабкался по склонам. Немало времени прошло, прежде чем он отыскал два квадратных камня. Каждый из них был величиной с дом. Та Цзя отыскал отверстие, вставил в него ключик, и ворота со скрипом отворились.

В пещере было так темно, что Та Цзя не решался войти, но, взглянув на сверкающий ключик, поднял его, как светильник, и медленно направился в глубь пещеры.

---

¹ Восьмое число четвертого месяца — день рождения Коровьего императора. В этот день, согласно верованиям, с помощью «уфаней» можно воскресить умерших от болезни.

² «Уфань» — лепешки, приготовляемые из клейкого риса, замешанного с соком клена.

³ Приступая к пахоте, крестьяне народности чжуан поют песню «сятун» — просят у неба богатого урожая.

Раз девять Та Цзя сворачивал, натыкался на углы, прежде чем увидел каменного вола, который в величественной позе стоял у каменной стены. Это было поистине удивительное животное.

Белые рога его, изогнутые к земле, походили на два плуга. Черное туловище было больше чем у двух быков, взятых вместе. Желтый хвост имел в длину больше чжана. Полюбовавшись на вола, Та Цзя в нетерпении отбросил ключик, развязал узелок и, достав десяток «уфаней», сунул их в каменную пасть. Не успел Та Цзя моргнуть, как вол ожил и замычал. Рога его отливали серебристо-белым светом. Шерсть стала шелковистой и мягкой, хвост излучал золотое сияние. Золотые и серебряные лучи ярко осветили пещеру. Вол крутил хвостом, вытягивал длинный красный язык и ласково лизал ладони Та Цзя, раны на них тотчас же зажили. Юноша обрадовался; казалось, на сердце у него расцвел большой красный цветок. Через мгновение он уже гладил морду вола, потом дотронулся до его рогов и лишь после этого осмелился погладить его спину. Ласково щурясь, он сказал:

— Братец вол, пойдем вниз, в долину!

Выйдя из пещеры, вол ударил хвостом по каменным воротам, и они со скрипом закрылись. Цокая копытами, вол шел вслед за Та Цзя. А тот привел его на край поля возле горы и говорит:

— Братец вол, вот это мой участок...

Не успел он сказать это, как вол с мычанием запрыгал по полю, взрыхляя рогами глинистую землю, потом он превратил свой хвост в широченную борону и снова забегал по полю. Под натиском могучих рогов земля вздыбилась и забурилась, словно поток, а под ударами хвоста тотчас же размельчалась и становилась мягкой-мягкой.

Та Цзя прыгал от радости и хлопал себя по ляжкам. Неожиданно для самого себя он громко крикнул:

— Идите скорее, смотрите! Скорее, скорее!

Не прошло и мгновения, как поселок забурился, словно котел с кипящей водой. Люди один за другим выбегали из домов и, добежав до поля, останавливались в радостном изумлении.

Так за короткое время вол вспахал и заборонил всю землю у подножья горы. Нетронутая целина превратилась в хорошо возделанное поле.

Вдруг в самый разгар всеобщего ликования на дороге клубами взметнулась пыль — это вол мчался к речке, протекавшей далеко от этих мест. Печаль охватила крестьян, а Та Цзя от волнения чуть не умер, но не прошло и мгновенья, как на дороге снова за клубилась пыль, — вол, закрутив хвост, уже мчался обратно. Добежав до поля, вол стал бегать взад вперед, а из его пасти, орошая землю, хлынула чистая вода.

От радости крестьяне так смеялись, что горы дрожали. У стариков тряслись от смеха белые бороды. Приплясывая, люди пели песни.

Вол вернулся к Та Цзя только после того, как поля были обильно политы. Он встал рядом и лизал его руки, а люди сгрудились вокруг. Та Цзя рассказал, как у него появилось это чудесное животное, и крестьяне ласково гладили вола по голове и спине.

Ночью Та Цзя отвел вола на равнину. От света, который излучали его рога, стало светло, как днем. Крестьяне окружили вола, пели песни, танцевали танец с коромыслом¹. Было очень весело.

И вот удивительно: на поле, вспаханном волом, колосья риса налились такие, что с одного му собрали по тысяче цзиней зерна. Склоны гор поросли алыми цветами посмотришь издалика и залюбуешься — так красиво!

С того дня как появился чудесный вол, жизнь в селении стала спокойной и счастливой. Люди строили новые дома, покупали коров и коз, радостные песни разносились далеко вокруг.

А Та Цзя с помощью своего вола поднял еще несколько му целины, и ему жилось даже лучше, чем всем остальным. Лицо его сияло счастьем. Он выстроил высокий просторный дом, купил новую одежду, свиней и овец, каждый день ел куриное и утиное мясо.

Узнал о воле император и так захотелось ему завладеть этим чудесным животным, что он места себе не находил! Ни днем, ни ночью не переставал он думать о том, как было бы красиво, если бы поставить вола во дворе. Его белые рога отливали бы серебром, а хвост излучал бы золотое сияние.

---

¹ Танец с коромыслом — излюбленный танец народности чжуан.

К тому же его мясо должно быть на редкость вкусным...

И вот однажды позвал к себе император косоглазого сановника и криворотого царедворца. Пошептался с ними, а затем оба сановника быстро собрались в путь, завязали в узел золото, серебро и парчу, вскочили на коней и отправились на поиски Та Цзя.

Добравшись до ворот его дома, они соскочили с коней и вошли во внутренние покои. Та Цзя как раз в это время сидел за столом и ел. Прищурил кривоглазый чиновник свои крысиные глазки и говорит с льстивой улыбкой:

— Та Цзя, тебе большое счастье привалило. Императору приглянулся твой вол. Если ты пожелаешь подарить его императору, то он сделает тебя большим чиновником и отдаст тебе в жены красавицу принцессу. Согласен? — И сановник разложил перед Та Цзя подарки. — Золото и серебро прислал тебе сам император, а шелка — принцесса!

Та Цзя уже давно подумывал о том, чтобы взять в жены красавицу. Сердце его взыграло, едва он услышал о том, что станет большим чиновником и получит в жены принцессу. Но тут он вспомнил, как вол спас его от голода и нищеты, и, не говоря ни слова, замотал головой. Косоглазый чиновник стал уговаривать его.

— Каким ты станешь могущественным, когда будешь сановником и возьмешь в жены принцессу! Будешь жить в императорском дворце, сладко есть, будешь ходить в шелках и бархате, все будет к твоим услугам, захочешь повеселиться — отправишься с принцессой верхом на конях прогуляться.

Сладкие речи сановника совсем вскружили голову Та Цзя: он не мог оторвать глаз от богатых даров.

— Ну, ладно, — сказал косоглазый чиновник, — даю тебе день на размышление. Если согласен — приведешь завтра вола, если нет — явись и сам скажи об этом императору!

С этими словами царедворцы вышли из дома, вскочили на своих коней и ускакали.

А Та Цзя совсем потерял аппетит и все думал, думал, любуясь золотом, серебром и шелком. На сердце ему камень лег. Вдруг откуда ни возьмись прилетел фазан, сел на дерево под окном и начал уговаривать Та Цзя:

— Не отдавай вола императору. Ведь он обрабатывает поля, он нужен народу.

Та Цзя кивнул головой, и фазан улетел.

Ночью Та Цзя долго ворочался с боку на бок. И хотя он очень любил вола, но почетный пост сановника и принцесса совсем затуманили ему рассудок. Он представлял себе, как станет важным чиновником, женится на принцессе, обретет знатность и счастье — и в сердце его закрались черные мысли.

«Конечно, такой везучий человек, как я, — говорил он сам себе, — должен стать сановником и жениться на принцессе».

В эту ночь ему приснилось, будто бы он и принцесса гарцуют на конях по городу в сопровождении пышной свиты.

Утром, когда он в радостном возбуждении приводил в порядок свою одежду, снова прилетел фазан и, сев на ветку под окном, заговорил:

— Не отдавай вола императору. Ведь он обрабатывает поля, это сокровище для народа.

Та Цзя лишь мельком глянул на него, потом наклонился и стал приводить в порядок свою обувь. А птица не унимается:

— Та Цзя, не забывай, только благодаря волу ты стал жить хорошо!

Разозлился Та Цзя:

— Просто у меня счастливая судьба!

Лицо его перекопилось от злобы, он стиснул зубы, схватил камень и запустил его в фазана. Тот опечалился и улетел. А Та Цзя пошел в хлев, распахнул ворота и, притворяясь особенно ласковым, сказал:

— Дорогой братец вол, благодаря тебе я стал жить так хорошо. Но до сих пор мне все никак не удавалось сводить тебя в другие места. Сегодня на редкость хорошая погода, пойдем же в императорский дворец, повеселимся!

Он похлопал вола по морде.

Вол бросил проницательный взгляд на хитрое лицо Та Цзя, глубоко вздохнул и пошел вслед за ним.

Всю дорогу Та Цзя ехал верхом на воле и мечтал о высоком положении и знатной невесте... К полудню подъехал к императорскому дворцу, соскочил на землю и, держа вола под узцы, подвел его к императору:

— Император, вам понравился мой вол — видите, я привел его. Давайте мне высокий чин и принцессу в жены!

При виде рогов, отсвечивающих серебром, и хвоста, окруженного золотым сиянием, император вскочил и, хлопнув себя по жирному животу, оглушительно захотал:

— Хо-хо-хо, как красиво теперь будет в моем дворце! Да и мясо у вола должно быть очень вкусное! — И он приказал страже: — Убейте этого вола, рога и хвост повесьте во дворце, а мясо зажарьте!

Солдаты схватили железную цепь, набросились на вола и принялись его вязать.

Тут только вол понял все. Он запорол несколько стражников и бросился вон из дворца.

— Держи, держи его! — закричал император.

Та Цзя в испуге схватил вола за хвост, но тут же завопил:

— На помощь! Мне одному не удержать его!

Император бросился на помощь. Та Цзя ухватился за него и стал тянуть к себе.

— Сановники, стража, сюда! — как свинья, завизжал он.

Прибежали несколько царедворцев. Первый ухватился за императора, а остальные друг за друга. Так, вытянувшись цепочкой, они стали тянуть вола, пытаясь удержать его. Прибежали еще несколько десятков стражников — цепочка людей стала длинная-длинная.

Вол совсем рассвирепел и громко взревел. Шерсть на его хвосте стала расти, золотые нити обвилились вокруг людей и скрутили их одного за другим. С оглушительным ревом вол выбежал за ворота дворца.

Вол тащил за собой длинный, в несколько десятков чжан, хвост из связанных царедворцев. Он мчался с быстротой молнии, так что поднятая копытами пыль затмила солнце. Тяжелое дыхание сотрясало горы. И там, где пробегал вол, оставалась широкая и глубокая борозда.

А люди, которых он тащил за собой, слезно взывали к своим родителям. Одни разбились до смерти, других покалечило. Вол тащил их за собой десятки, сотни, тысячи ли. Вот уже осталась позади западная граница Гуйчжоу, где жила народность чжуан, вот пересек он провинцию Гуанси и Юньнань. Наконец впереди показалась огромная гора, у подножья которой зияло глубокое ущелье. Одним прыжком вол перемахнул через гору и бросился в ущелье, увлекая за собой окровавленные трупы.

Вскоре из ущелья, журча, хлынула красная вода и потекла по глубокой борозде, оставленной волом. Так образовалась река, которую назвали Красной¹.

С тех пор в селении не стало вола, который сам пахал и боронил поле. Каждый год во время сева люди разгибают натруженные спины и смотрят вдаль в надежде снова увидеть вола. А коварного императора и неблагодарного жадного Та Цзя они до сих пор вспоминают с глубокой ненавистью.

---

¹ Красная река берет начало в провинции Юньнань и протекает по Гуанси — Чжуанскому автономному району.

ЛАО-САНЬ И ЧИНОВНИК

Жил когда-то старик. Он был очень беден и, чтобы прокормить свою семью, с утра до вечера плел различные вещи из бамбука.

У старика было три сына, и вот однажды, почувствовав приближение смерти, старик сказал им:

— Каждый человек должен иметь какое-нибудь ремесло. Я кое-как прожил свой век, всю жизнь кормил и поил вас, но теперь вам придется самим о себе заботиться.

С этими словами старик глубоко вздохнул и умер. На деньги, которые он скопил, сыновья купили ему гроб, целый день постились, затем набрали воды¹ и похоронили отца.

После похорон в доме осталось всего три вэня². Братья разделили их между собой — каждому досталось по вэню.

Старший брат был ленивым, работать не умел, да и не хотел и целыми днями слонялся без дела. После смерти отца он быстро прокутил свой вэнь и вскоре умер от голода.

Второй брат, не в пример старшему, был трудолюбив и, похоронив отца, стал обучаться ремеслу огородника. На свой вэнь он купил семян и очень скоро стал искусным огородником. Он засадил весь огород, с усердием ухаживал за овощами, тем и кормился.

Третий брат Лао-сань, самый младший в семье, был еще очень молод. Одна и та же мысль не давала ему покоя: «Чем же мне заняться?»

---

¹ По обычаю народности чжуан, родные умершего приглашали даосского монаха, вместе с ним отправлялись к реке и, ударяя в гонги, молились. Зачерпнутая в этот момент из реки вода считалась священной.

² Вэнь — самая мелкая монета в старом Китае.

Проходил он однажды по берегу реки и видит: рыбаки рыбу удят. Смотрел, смотрел — понравилось ему. Купил он на свой вэнь два рыболовных крючка и стал каждый день ходить на речку. Искусный из него получился рыбак. Наловив побольше рыбы, Лао-сань продавал ее, а потом снова шел на речку. С этих пор Лао-саню не приходилось больше голодать и всегда было на что купить рыболовные снасти.

Однажды Лао-сань в бухте удил рыбу. Полдня просидел он на берегу, и все понапрасну. Даже мелкая рыбешка не попала на крючок. Вот и говорит он сам себе:

«Несчастливый сегодня день выдался».

Вдруг он насторожился, взгляделся в воду — и видит: возле крючка — огромная, с выпученными глазами рыба таюй¹ бьет хвостом по воде и, широко разинув пасть, собирается проглотить наживку. Лао-сань так и замер от неожиданности, затем выхватил из-за пояса гарпун и метнул его в рыбу. Раздался треск, по воде пошли круги. Рыба перевернулась вверх брюхом, пуская ртом пузыри, и под тяжестью гарпуна пошла на дно. Тогда Лао-сань загарпунил свою добычу и вскоре вытащил ее на берег.

Забыв все, Лао-сань отправился домой готовить обед. Он вспорол рыбе брюхо, там было видимо-невидимо рыбешек. Вдруг Лао-сань заметил среди них удивительно красивого золотого карпа. Карп еще дышал: жабры его то опускались, то поднимались. Лао-сань пожалел рыбку, к тому же она ему очень понравилась, налил в большой медный чан воды и пустил туда карпа. Карп вильнул хвостом и перекувырнулся. Через мгновение он уже спокойно плавал в чаше. А Лао-сань чем больше смотрел на рыбку, тем больше она ему нравилась. Он стал кормить ее, каждый день откапывал для нее земляных червей и, чтобы она не скучала, бросил в чан ряски и водорослей.

С каждым днем золотой карп становился все красивей и милей. Лао-сань стал брать его с собой на рыбную ловлю. Даже ходил с ним по улицам, а иногда и на театральные представления.

Но вот однажды Лао-сань пошел продавать рыбу, а золотого карпа забыл взять с собой. Распродав весь улов, он вернулся домой, но в чане карпа уже не было.

---

¹ Таюй — длинная хищная рыба с большой пастью; питается мелкой рыбой.

Охваченный горем, упал Лао-сань на колени перед чаном, роняя в воду горькие слезы. С тех пор он никак не мог утешиться и все время проводил в одиночестве.

Однажды сидел он на берегу под пальмой и удил рыбу. Дул прохладный ветерок, тихо несла свои воды река, и Лао-сань сам не заметил, как задремал. Вдруг кто-то окликнул его. Лао-сань протер глаза, поднял голову, оглянулся — юноша — ровесник ему — тронул его за плечо и ласково говорит:

— Братец, а братец, узнаешь ты меня?

Удивился Лао-сань — ведь до сих пор он ни с кем не братался, — почему этот чужой человек называет его братцем? От изумления Лао-сань не мог вымолвить ни слова.

— Неужели ты не узнаешь меня? — снова спросил юноша. — Я ведь твой верный друг, а ты — мой благодетель.

Но Лао-сань в недоумении молчал.

— Да я же тот самый карп, которого ты спас, — сказал юноша, — помнишь, ты еще брал меня с собой, когда ходил по улицам и смотрел представления.

Тут только Лао-сань узнал его и перестал сомневаться. Оказывается, юноша лишь принял облик золотого карпа. Он был сыном Повелителя драконов и жил на дне реки. В тот памятный день он превратился в золотого карпа и, резвясь в воде, забыл про осторожность — вот рыба таюй и проглотила его. К счастью, Лао-сань спас его от смерти.

— Ты не только спас меня, — продолжал тем временем сын Повелителя драконов, — но и окружил заботой, кормил самой лучшей пищей. Я и мой отец никогда не забудем твоего благодеяния. И вот сегодня я пришел лишь ради того, чтобы пригласить тебя к себе в гости.

— Я не против, — отвечал Лао-сань, — только скажи, как смогу я опуститься на дно?

— А ты закрой глаза, — отвечал драконов сын, — ухватись за полу моего халата и следуй за мной, а об остальном не беспокойся.

Лао-сань все в точности исполнил, и тотчас под ногами у него появился длинный настил, ведущий под воду. Они отправились в путь и очень скоро оказались в роскошном дворце Повелителя драконов. Колонны здесь были из красного хрусталя, стены из желтого, а черепица — из зе-

леного. Дворец так и сверкал, так и переливался всеми цветами радуги.

Повелитель драконов встретил Лао-саня очень радушно, поселил его в самых лучших покоях и кормил самыми вкусными блюдами. Сын его часто водил Лао-саня в сад, где росло множество диковинных цветов и плодов. Здесь были и личжи без косточек, с медовым запахом, и сочный «драконов глаз» величиною с чашку, и тысячелетние банановые и персиковые деревья. А сколько красивых и необыкновенных вещей можно было здесь встретить! На земле такого за всю жизнь не увидишь.

Не успел он и глазом моргнуть, как пролетел месяц. И вот однажды Лао-сань, исполненный благодарности, сказал сыну Повелителя драконов:

— Дорогой братец! Вы все были очень добры ко мне, но я ведь живу один, в доме у меня никого нет, позволь же мне завтра вернуться на землю.

— Ладно, — отвечает ему драконов сын, — только смотри почаще захаживай к нам и помни: когда мой отец будет дарить тебе что-нибудь на прощанье, бери только белую курочку.

На другой день утром Лао-сань пошел проститься с Повелителем драконов. На прощанье любезный хозяин указал на кладовую с золотом и серебром и сказал:

— Милый юноша! Бери любую вещь, какая тебе понравится! Я отдам тебе все, что ты захочешь!

Лао-сань посмотрел на золотые слитки — они горели жаром! Затем взглянул на серебряные слитки, на жемчуга и драгоценности, которые так и манили своим блеском, но тут вспомнил наказ драконова сына и сказал:

— Почтенный повелитель! Я живу один как перст, ни о еде, ни об одежде не печалюсь. Только одиночество меня замучило, вот и хочу попросить у вас белую курочку, чтобы было у меня в доме повеселее.

Глубоко задумавшись, Повелитель драконов погладил свои белые усы и, наконец, сказал:

— Ну, ладно, дарю ее тебе, бери!

Вернулся Лао-сань домой, посадил курочку в клетку и стал кормить ее. А сам по-прежнему каждый день ходил на реку удить рыбу и потом на улицах продавал свой улов. Всякий раз, возвращаясь домой, он находил на столе горячий обед.

Сначала он решил, что это соседи готовят, и пошел поблагодарить их. Но соседи, выслушав его, очень удивились, так как никто из них даже не входил к нему в дом. Тут Лао-сань не на шутку встревожился и на следующий день остался дома. Однако никто не приходил к нему, и назавтра Лао-сань снова отправился на рыбную ловлю. К вечеру он возвратился домой и — о, чудо! — на столе снова дымился вкусный обед.

«Странно, — подумал Лао-сань, — кто же наконец этот добрый человек? Я непременно разыщу и отблагодарю его».

Прошел еще день. Лао-сань притворился, что идет на речку удить рыбу, а сам с полдороги вернулся обратно. Заглянув в дверную щель, он увидел девушку, которая разводила огонь, и был поражен ее красотой. На девушке была белая кофта и пестрая юбка. Лао-сань не выдержал и окликнул ее:

— Девушка, а девушка!

Но красавица хлопнула в ладони, ударилась об пол, обернулась белой курицей и спряталась в клетку.

Пришлось Лао-саню ждать еще день. На другое утро он снова притворился, что идет на реку удить рыбу, затем вернулся с полпути, приткнулся к дверной щели и стал наблюдать. Не прошло и мгновенья, как белая курочка превратилась в девушку, развела огонь и стала стряпать. Лао-сань распахнул дверь, — девушка не успела хлопнуть в ладоши и превратиться в курицу. Пунцовая от смущения, стояла она перед Лао-санем.

— У тебя очень доброе сердце! — сказал Лао-сань. — Спасибо тебе за заботу. Скажи мне, откуда ты, добрая девушка?

— Я дочь Повелителя драконов, ты спас моего брата, и мой долг отблагодарить тебя! А варить мне вовсе не трудно.

Они поженились и стали жить вместе. Весть об этом разнеслась далеко вокруг. Мужчины и женщины из дальних и ближних мест шли к дому Лао-саня, чтобы поздравить молодых — простого парня и его жену-красавицу — дочь Повелителя драконов.

Но вот однажды прелестную дочь дракона увидел соглядатай чиновника. Он отправился в уездное управление и рассказал о ней своему начальнику. Не прошло и не-

скольких дней, как случилась беда: явились стражники и арестовали Лао-саня.

В гневе вращая белками, чиновник заорал на него:

— Все селения большие и малые подвластны мне, все большие и малые дела решаются только с моего согласия! Даю тебе три дня сроку — если не пришлешь мне своей жены, не сносить тебе головы!

Стиснув зубы, Лао-сань ответил:

— Почтенный господин! Я отдам тебе все, что ты пожелаешь, только не жену!

Лицо у чиновника перекосило от злости.

— Все, что я пожелаю? — воскликнул он с дьявольским смехом. — Ладно же! Запомни свои слова хорошенько! Даю тебе три дня сроку — налови мне сто двадцать карпов, каждый весом в двадцать лянов, и чтоб все до одного были красные.

Побрел Лао-сань домой и, охваченный горем, передал жене слова чиновника.

— Не горюй, — успокоила его жена, — все будет хорошо.

С этими словами она достала большой лист красной бумаги и ножницы, вырезала сто двадцать одинаковых рыб, бросила их в большой чан и залила чистой водой — и в то же мгновение бумажные рыбки превратились в красных живых карпов. Они плавали и резвились в чане. Лао-сань, хохоча от радости, вдоволь полюбовался ими, а потом отослал их чиновнику. Убедившись, что рыбак выполнил приказ, чиновник сказал:

— Я слышал, что твоя жена большая мастерица ткать. Вели ей за три дня наткать для меня кусок синей материи длиной с дорогу.

— Почтенный господин! — возмутился Лао-сань. — Как же так? Не успел я выполнить один приказ, а вы уже другой даете!

— Разве не ты говорил: «Я отдам тебе все, что ты пожелаешь, только не жену»? — возразил чиновник.

Пришлось Лао-саню согласиться, хотя гнев душил его. Он хорошо знал, что говорить с чиновником о справедливости — дело пустое. Но когда он вернулся домой, жена опять утешила его:

— Не тревожься, я что-нибудь придумаю.

С этими словами она превратилась в белорыбицу, нырнула в воду и очутилась в драгоценном дворце своего

отца. Не прошло и мгновенья, как она вернулась с тыквой-горлянкой. А тыква эта была волшебная и обладала способностью выполнять любое желание. Лао-сань погладил тыкву, на душе у него стало веселее. На третий день приказал он тыкве превратиться в кусок синей материи и отослал ее чиновнику.

— Какой же длины этот кусок? — спросил чиновник.

— Точно такой, как дорога, — ничуть не смущаясь, ответил Лао-сань.

— Глупости! — заворчал чиновник. — Откуда ты знаешь?

— Не веришь — сам измерь! — спокойно ответил Лао-сань.

Чиновник позвал своих людей. Они измеряли материю день и ночь и все никак не могли измерить. Ничего не поделаешь, пришлось чиновнику согласиться:

— Ладно, будем считать, что это задание выполнено.

А завтра пришли мне стадо красных овец!

Лао-сань прислал стадо красных овец. Тогда чиновник потребовал стадо буйволов. Лао-сань исполнил и это его желание. Словом, что бы чиновник ни потребовал, все немедленно исполнялось. Разгневался чиновник и спрашивает Лао-саня:

— Ты же бедняк, а между тем, что бы я ни попросил, — у тебя все есть. Где же ты берешь все это? Не иначе как ты владеешь каким-то сокровищем. Отдай его мне!

«Этому не будет конца, — подумал Лао-сань, — дашь ему одно — он тут же потребует другое. А если я отдам чиновнику волшебную тыкву, то не смогу больше выполнять его желания».

— Почтенный господин, — сказал он, — до сих пор я выполнял все ваши желания. А какой прок в этом? Вам все мало.

Гнев и стыд охватили чиновника. Он стукнул кулаком по столу и заорал во все горло:

— Раз я приказал, значит ты должен повиноваться. О каком еще проке может быть речь? Отправляйся! Если скажешь еще хоть слово — возьму под стражу!

Вне себя от негодования, Лао-сань выбежал из ямыня, кляня негодяя. Услышал холуй его брань, помчался к чиновнику и рассказал ему все. Чиновник велел догнать его,

схватить и засадил на всю ночь в острог. Утром он выпустил его.

— Ты осмелился обругать меня «гуайу»!¹ — кричал он. — Знаешь ли ты, каковы они? Изволь достать мне сто двадцать этих «гуайу». Если за три дня не достанешь — не сносить тебе головы.

Пришлось Лао-саню согласиться. Вернулся он домой.

— Не печалься, — сказала жена, — получит он свои «гуайу»! А тыкву-горлянку отдавать нельзя!

С этими словами она попросила у нее сто двадцать клетушек для свиней и тысячу двести цзиней древесного угля. Затем положила в каждую клетушку по десять цзиней угля, отыскала разноцветной бумаги и приклеила ее на клетушки. После этого она вылила в каждую клетушку по яну керосина. Клетушки ожили и превратились в чудовищ.

— Гуайу, гуайу! — заревели они.

Лао-сань погнал стадо гуайу к ямыню. На рев сбегалось множество людей, а когда стадо пригнали к ямыню, народу собралось еще больше. Чиновник велел холоую собрать побольше людей и загнать «гуайу» в загон.

— Я вижу, что это настоящие гуайу, — сказал чиновник, — но чем их кормить?

— Важный господин! — сказал Лао-сань. — Их нужно кормить только керосином. Достаточно им поесть один раз досыта, и потом можно их совсем не кормить. Они не голодают, не умирают, нужно только хорошенько за ними присматривать.

Больше чиновник ничего не просил, и Лао-сань вернулся домой.

Чиновник страшно обрадовался, увидев целое стадо «гуайу». Он рассчитывал, что эти чудовища, такие необыкновенные и в то же время красивые, будут драгоценным подарком императору. В тот же вечер он приказал купить побольше керосина и накормить чудовищ, а холоую велел не спускать с них глаз.

Напившись керосина, гуайу рассвирепели. Они проглотили тысячу двести цзиней керосина, и животы у них

---

¹ Гуайу — удивительное существо, чудовище; на языке чжуан равнозначно китайскому бранному слову «тухлое яйцо».

раздулись, а у некоторых даже лопнули. В полночь чиновник проснулся от страшного рева. Он зажег свечу и вышел, чтобы узнать, что случилось. При виде огня чудовища разом вспыхнули и разбежались во все стороны.

Дунул ветер, пламя охватило ямынь. Он сгорел дотла. В огне погибли и начальник и его слуги.

УМНЫЙ БУЙВОЛ

Как-то раз один крестьянин, взвалив на плечо соху и таща на поводу буйвола, отправился пахать поле.

Ноги буйвола тонули в набухшей от воды глинистой почве, комки глины налипали ему на брюхо. Спотыкаясь на каждом шагу, буйвол едва тащился по полю. Прошло полдня, а крестьянин вспахал лишь окраину поля величиною с листок агавы. Выведенный из себя, он в гневе стал дубасить бедного буйвола палкой по заду, осыпая его бранью:

— Вот глупое животное! До чего же ты ленив! Чтобы ногу поднять, тебе требуется невесть сколько времени! Тигра небось тебе не приходилось встречать? Вот это молодец! Бегает быстро, а сам такой сильный! Вот бы тебе поучиться у него!

Долго бил крестьянин буйвола, долго ругал его. Наконец буйвол не выдержал и сказал:

— Подумаешь, тигр! Я сильнее его!

Крестьянин не поверил буйволу и продолжал бранить его, но буйвол стоял на своем:

— Не веришь? Отведи меня завтра к тигру, мы померимся с ним силами, тогда увидишь, кто сильнее.

Утро следующего дня выдалось ясное, и крестьянин отвел буйвола к горной пещере, в которую часто заходил тигр. Едва завидев буйвола, тигр, ощерившись, бросился к нему, но буйвол покачал своими серповидными рогами и с глубокомысленным видом сказал ему:

— Послушай меня, старина! Сегодня я пришел к тебе не для того, чтобы сражаться, а чтобы сказать тебе вот о чем: зубы у тебя чересчур тупые, и тебе не прокусить моей толстой кожи. Давай встретимся через три дня. За

это время ты наточишь как следует свои зубы, а я свои рога. Вот тогда мы и сразимся.

— Ладно! — согласился тигр и, рывкнув, вернулся в свою пещеру.

Три дня и три ночи точил тигр свои зубы — они стали у него острыми-преострыми. А буйвол точил свои рога всего один день, а два следующих дня занимался совсем другим делом: он обмотал себя толстым слоем соломы, затем отправился на поле и стал кататься по набухшей от воды земле до тех пор, пока не покрылся толстым, ровным и блестящим слоем грязи — теперь никому и в голову не могло прийти, что буйвол обмотан соломой.

В назначенный для сражения день буйвол и тигр явились в условленное место.

Увидев буйвола, тигр спросил:

— Зачем это ты вывалялся в глине?

— А ты не знаешь? — ответил буйвол. — Все сейчас мучаются от жары, а я нет, потому что каждый день по нескольку раз валяюсь в грязи. Это вошло у меня в привычку, кто же об этом не знает!

Тигр придирчиво осмотрел вола, но не нашел в нем никакого изъяна. Наоборот, вол показался ему сегодня гораздо толще, чем в первый раз.

— Прекрасно! — довольно прорычал он. — Ты стал еще жирнее, и сегодня я всласть поем!

— Знаешь что, старина? — сказал в ответ буйвол. — Свинью или овцу ты, конечно, можешь съесть, а вот у меня тебе не удастся и волоска тронуть.

— Даже три дня назад, когда зубы мои были тупее, мне ничего не стоило съесть тебя, а уж сейчас, когда я наточил их, и подавно.

— Ну ладно, в таком случае я лягу на землю первым, а ты три раза укуси меня. Загрызешь — так и будет, а не загрызешь, тогда я трижды бодну тебя.

Тигру понравились такие условия, он рывкнул в знак согласия. Разинув свою огромную пасть, тут же ринулся на буйвола. Три раза вонзал он свои клыки в тело буйвола, и на третий раз решил, что тому конец пришел.

Но буйвол был живехонек, так как тигр прокусил не кожу, а солому и засохшую глину, не причинив буйволу никакого вреда. Буйвол как ни в чем не бывало поднялся с земли и, выгнув шею, трижды боднул тигра. В первый раз он вспорол ему брюхо, во второй — сломал хребет, а

на третий раз кишки тигра вывалились наружу, и он, истекая кровью, испустил дух.

Крестьянин все это видел и не переставая хвалил буйвола за храбрость и смекалку.

С тех пор крестьянин стал любить и жалеть вола и никогда больше не называл его глупым и безмозглым животным. По сей день люди считают буйвола умным, хотя он медленно тащит за собой плуг по полю и ему далеко до быстроногих коней и оленей.

СКАЗКА ПРО КАМЕНЩИКА

В давние времена жил один каменщик, жил он в той местности, где теперь провинция Гуанси. Был он мастер хоть куда: умел и камень тесать и дома строить. Потому и слава о нем шла по всей округе.

Позвал его однажды богач помещик и велел камень приготовить для постройки. Пришел каменщик, видит, дом у помещика высокий, просторный; домочадцы его в шелк и парчу одеты, едят что только душе угодно, как говорится, «все яства гор и морей». А в дому у помещика множество слуг разодетых прислуживает.

Одолела тут каменщика зависть. С той поры опустились у него руки, ничего делать не хочет, целыми днями только и мечтает, как бы сделаться помещиком.

Узнал об этом один монах-волшебник и превратил каменщика в помещика. Обрадовался каменщик. Обзавелся слугами и зажил припеваючи в богатом доме.

Как-то проезжал через эту местность один важный чиновник в паланкине. Впереди стражники идут, позади тоже стражники. Кричат на всех, копьями прохожих разгоняют: кругом барабаны гремят, гонги бьют, оружие грозно звенит.

Всюду перед паланкином простой люд расступается и до земли чиновнику кланяется.

Подъезжает чиновник к дому нашего каменщика, а тот и думает:

«Пусть у чиновника стража спереди и сзади, зато у меня слуги и справа и слева. С какой стати я должен кланяться ему?» Так и не вышел каменщик к чиновнику с поклоном.

Разгневался чиновник и приказал страже схватить и связать невежу. Высыпали каменщику триста палок да еще триста серебряных лянов заставили уплатить.

Когда чиновник уехал, каменщик поднялся с земли и вздохнул:

— Оказывается, чиновник сильнее помещика, вот бы мне стать чиновником!

С этого часа он только и думал о том, как сделаться чиновником. Услышал об этом монах-волшебник и сделал каменщика важным чиновником. Обрадовался каменщик. Быстро обучился чиновничьим манерам, стал придиричвым, спесивым, наказывал за любой пустяк, и все крестьяне возненавидели его.

Отправился однажды каменщик на прогулку в горы и стражу с собой взял. Едет, едет и вдруг видит — хорошенькие девушки идут. Увидели они чиновника, перепугались, будто тигра встретили, и давай бежать врассыпную. Тут откуда ни возьмись здоровенные парни прибежали с ножами и мотыгами да как закричат:

— Бей его, бей, злодея! — и бросились на паланкин. Стража разбежалась, а чиновника изрядно поколотили. С тех пор стал он бояться крестьян-чжуанцев и больше не смел их притеснять.

«Оказывается, не так-то хорошо быть чиновником, — думал каменщик, — все тебя боятся, ненавидят, а при случае и поколотить могут. Был бы я лучше простым парнем-чжуанцем, работал бы в поле и никого не боялся!»

Ненавистна стала ему должность чиновника, только и думал он о том, как бы стать крестьянином.

Услыхал об этом монах и снова помог каменщику: сделал его крестьянином-чжуанцем. Обрадовался каменщик и отправился работать в поле. Пашет вместе с соседями землю, сеет кукурузу, трудится, не зная отдыха, и днем и ночью.

Наступило лето. Солнце жжет, как огонь. От жары кожа трескается, голова кружится, дышать невозможно. Даже звери и птицы попрятались в горные ущелья, а буйволы целыми днями не вылезают из воды. Только посевам некуда спрятаться, и они вместе с людьми терпят зной и засуху.

«Солнце — вот кто сильнее крестьянина, — решил каменщик, — был бы я солнцем, ничего бы тогда не боялся».

Услыхал об этом монах-волшебник и превратил каменщика в солнце, повесил его на небе, и стал наш каменщик каждый день посылать на землю свои горячие лучи. Но вот однажды приплыла с запада огромная черная туча. Постепенно она заволокла все небо и заслонила солнце:

стало на земле темно и холодно, будто никакого солнца вовсе не было. Рассердился тут каменщик:

«Солнце-то, значит, совсем не такое могущественное, туча, выходит, сильнее! Хочу быть тучей!»

Монах, недолго думая, превратил его в тучу. Стал наш каменщик гулять по всему небу. Вдруг подул сильный ветер, налетел он на тучу и разорвал ее в клочки. Опечалился наш каменщик:

«Ветер, видно, самый свирепый, от него никуда не спрячешься, везде найдет, все сметет. Не хочу быть больше тучей, хочу стать ветром!»

Превратил его волшебник в ветер. Пошел ветер гулять, засвистел, ломает деревья, срывает крыши с домов, — совсем разошелся!

Радуетя каменщик: вот какой он сильный, ничто ему не препятствует. Только подумал, как ударился об огромную каменную глыбу. Ушибся, а глыба и с места не сдвинулась. Целый день дул на глыбу, а она лежит преспокойно, будто никакого ветра нет.

Разозлился наш каменщик.

«Вот уж не думал, что камень сильнее ветра! Хорошо бы мне сделаться камнем! Тогда бы никто со мной не справился!»

И монах-волшебник тотчас же обратил его в каменную глыбу. Лежит глыба у дороги и думает:

«Вот хорошо! Никто меня не трогает, никому со мной не сладить!»

Вдруг откуда ни возьмись явились каменщики. Возбродились они на глыбу и давай ее долбить, на мелкие куски раскалывать. Взмолился наш каменщик, заскрежетал зубами от боли:

— Не хочу быть камнем, всех сильнее каменщик! Хочу снова стать каменщиком!

Засмеялся монах-волшебник, услышав такие слова. Сжалился он над каменщиком и выполнил его последнюю просьбу.

С тех пор выкинул наш каменщик из головы пустые мысли и стал усердно трудиться: камень дробит — смотреть любо, дома строит — просто загляденье!

И сделался он великим мастером своего дела, так что все кругом уважали и любили его.

КАК МА ЛЕ И ЕЕ СЫН ИСКАЛИ СОЛНЦЕ

Давным-давно чжуанцы знали, что на небе есть солнце, что оно всходит на востоке и что все существующее на земле — растения и животные — живет благодаря солнцу. Но в те времена его лучи не проникали туда, где жили чжуанцы, день был похож на ночь. Не было солнца, не было и тепла. Вселенная была погружена в беспросветный мрак, повсюду бродили тигры, леопарды, шакалы и волки, гибло несметное количество народу. Среди черной ночи нечего было и думать о том, чтобы уничтожить диких зверей. И решили чжуанцы послать кого-нибудь на поиски солнца. Поднялся спор, каждый хотел идти за солнцем. Сначала встал старик, которому уже перевалило за шестьдесят, и сказал, обращаясь к народу:

— Я пойду! Я стар, на поле от меня толку мало. Ходить еще могу.

— Нет, пойду я, — закричал мужчина средних лет, пробившись сквозь толпу, — здоровье у меня крепкое, и за день я могу отмахать сто шестьдесят ли — быстро дойду до солнца.

Вслед за ним вызвались идти многие крепкие юноши и девушки. И каждый обещал быстро добраться до солнца и вернуться обратно.

— Все вы не правы! — пронзительным голосом закричал вдруг мальчик лет десяти. — По-моему, дедушки, дяди и тети, старшие братья и сестры не смогут дойти до солнца. Ведь на это потребуется не сорок, не пятьдесят лет, а все восемьдесят — а то и девяносто. А я еще маленький и наверняка смогу добраться.

Не успел он умолкнуть, как в толпе раздались возгласы:

— А ведь мальчонка правду говорит.

— Вон он какой крепкий!

— Пожалуй, правда, лучше послать ребенка.

— Вот умница!

— Выслушайте, выслушайте меня! — это кричала, размахивая руками над головой, беременная женщина лет двадцати, которую звали Ма Ле. — Мальчик верно сказал, до солнца очень далеко. Даже за восемьдесят или девяносто лет, пожалуй, не добраться. К тому же мальчик еще мал, и ему трудно будет идти. Лучше всего послать меня. Здоровье у меня отличное, мне не страшны ни высокие горы, ни крутые обрывы, ни ядовитые змеи, ни дикие звери, а когда я уже не смогу идти, меня заменит дитя, которое родится.

Выслушав женщину, все захлопали в ладоши в знак одобрения и велели ей, когда она доберется до солнца, разжечь костер, чтобы все узнали эту радостную весть.

Наконец женщина отправилась в дорогу. Она шла все время на восток и через восемь месяцев родила крепкого мальчика. Взяв его на руки, она продолжала путь. Не останавливаясь, она все шла и шла. И лишь когда ей минуло семьдесят лет, ноги ее отяжелели, почти не сгибались, она остановилась в одной китайской семье, а сыну велела идти дальше.

За долгие годы пути мать и сын преодолели множество высоких гор, переправились через бесчисленные широкие реки, повстречали несметные полчища диких зверей и ядовитых змей. Сколько трудностей они перенесли, сколько горя перетерпели, сколько раз им грозила смертельная опасность! Но они ни разу не пали духом, потому что отличались завидным здоровьем и твердой волей и потому еще, что повсюду встречали людей, которые, узнав, что они идут за солнцем, от всего сердца помогали им: проводили через горы, переправляли на лодках через широкие реки, давали им одежду, обувь и пищу.

А на родине Ма Ле, после ее ухода, люди каждое утро смотрели на восток в надежде увидеть огонь. Прошло десять лет, но никто не увидел даже слабого отблеска света. Прошло двадцать лет, затем тридцать, сорок... наконец семьдесят. Но все оставалось по-прежнему: не было солнца, не было тепла, крошечный мрак окутывал землю, повсюду бродили тигры, леопарды, шакалы и волки.

Все уже решили, что женщина погибла в пути, и потеряли всякую надежду. Но вот однажды, когда прошло

ровно сто лет, на востоке в полнеба вспыхнуло зарево. И почти тотчас же огненно-красный шар поднялся на небо и осветил всю землю народности чжуан. Горные склоны и реки засверкали отраженными золотыми лучами. Дикие звери, бесчинствовавшие на протяжении тысячелетий, были один за другим уничтожены и, наконец, исчезли совсем.

С тех пор в память о Ма Ле и ее сыне трудовой народ чжуан каждое утро, едва заалет восток, принимается за работу и прекращает ее только тогда, когда на западе опустится красный занавес вечерней зари.

ХРАБРЫЙ А-ДАО

В давние времена жил один мальчик по имени А-дао. С малых лет он узнал, что такое бедность. Его мать целыми днями стирала на чужих. Стоило мальчику выйти за ворота, как ребятишки, завидев его, начинали кричать:

— Где твой отец? У нас есть отец, а у тебя нет! Эх, ты! Черепашье лицо! Не смей подходить к нам!

И дети убегали, оставляя мальчика одного. Задумался А-дао: «Почему у всех есть отцы, а у меня нет?» Побежал домой и спрашивает мать:

— Мама, где мой отец? Ребята говорят, что у меня нет отца, и поэтому не хотят играть со мной!

— Сынок, не расстраивай меня, — ответила мать. — Вот подрастешь, я все тебе расскажу.

— А зачем ждать? — с беспокойством сказал А-дао. — Скажи сейчас! Если бы отец был дома, я мог бы играть с другими.

— Что толку, если я скажу сейчас, — ответила мать, — ты еще слишком мал. Вырастешь, тогда и узнаешь.

Так она и не сказала ничего, пришлось А-дао одному играть дома. Прошел год, и мать А-дао заболела. День ото дня ей становилось все хуже, и скоро стало ясно, что она долго не протянет. Заплакал А-дао и говорит матери:

— Мама, ты очень больна. Как я буду жить, если ты умрешь? Кто будет кормить меня? Скажи, где мой отец?

Едва слышным голосом мать ответила:

— Дорогой сын, моя жизнь пришла к концу, но ты не печалься. Я скажу тебе, где твой отец, и когда я умру, пойди позови его. Твой отец — искусный охотник, он стреляет без промаха. Он перебил всех диких зверей и избавил односельчан от многих бедствий. Но богач Хуан-мо сказал, что эти дикие звери принадлежат его роду, и

потребовал за них большие деньги. А откуда у нас деньги? Да к тому же мы и не обязаны были платить! Тогда Хуан-мо прогнал твоего отца в горы и превратил его в зверя. В то время тебе только что исполнился год. С тех пор и живет твой отец в горах. Когда будешь звать его, забирайся на самую высокую гору — только тогда он услышит твой голос.

С этими словами мать закрыла глаза и умерла. А мальчик отправился в горы. Прошел через густой лес и вышел к подножию высокой горы. Поднял А-дао голову — а вершины так и не увидел. Вокруг стояли громадные деревья, и росли они так густо, что было совершенно темно и дороге разглядеть было невозможно. Испугался А-дао, но, вспомнив отца, поборол в себе страх и храбро полез на гору. Карабкался, карабкался, пока, наконец, не добрался до самой вершины.

— Отец, отец, где ты? — громко закричал мальчик. — Пришел твой сын А-дао!

Вдруг откуда-то из-за гор донесся голос:

— Так это ты, А-дао? Как же ты узнал, что я здесь?

Тогда А-дао рассказал отцу все о себе и о том, что мать умерла.

Отец пообещал завтра же вернуться, и обрадованный мальчик помчался домой. На другое утро А-дао пошел встречать отца, как вдруг из лесу послышался шорох, из-за деревьев выскочило какое-то существо — получеловек-полуживотное, при виде которого А-дао весь задрожал. Это и был отец А-дао. На голове у него торчали длинные-предлинные рога, а тело густо заросло шерстью. Узнав, что это его отец, А-дао перестал бояться и повел отца домой. Но едва они зашли в ворота, как две собаки напали на отца. Тот бросился бежать, но зацепил рогом за ворота, и рог обломился. Пришлось А-дао на другой день снова идти в горы, звать отца. Но тот долго не отзывался. Тогда А-дао сказал:

— Как я буду жить, если ты не вернешься? Ведь я еще мал и у нас нет ни клочка земли.

Услышав это, отец отозвался:

— Вчера, когда я пришел к тебе, собаки хотели разорвать меня. Я бросился бежать и в воротах обломил свой рог. Привяжи этот рог к веревке и тащи его за собой. Там, где он воткнется в землю, и будет твое поле. Отправляйся

домой и делай так, как я сказал тебе. А я не могу вернуться!

Пришел А-дао домой, привязал к рогу веревку и начал бегать с ним по полям. И вот удивительно — мальчик обежал огромное поле, но рог и не думал втыкаться в землю, а возле небольшого болота вдруг застрял.

— На большом поле не останавливался, а в эту колдобину воткнулся, — досадовал А-дао, — но раз отец так велел, я буду сажать здесь.

И юноша высадил на этом месте рисовую рассаду.

Прошло три месяца, рис пожелтел, созрел. Обрадовался А-дао, схватил серп и начал убирать урожай. Но что это? На месте срезанного риса за спиной А-дао тут же вырастал новый. А-дао убирал свое маленькое поле дней семь-восемь и все никак не мог убрать. И вот однажды, когда А-дао трудился на своем клочке земли, к нему слетело семь небесных дев. Платья на них были просто загляденье.

— А-дао, — молвили они, — ты никак не можешь убрать свой урожай, давай мы тебе поможем.

Юноша очень обрадовался, а девушки сняли свои крылья и принялись за работу, — серпы так и запели у них в руках. Там, где они косили, рис уже не вырастал. Взмахнув на себя снопы, А-дао отправился было домой, как вдруг увидел лежащие на краю поля семь крыльев. А-дао взял два самых маленьких и самых красивых, спрятал их и отнес домой.

Вскоре поле было убрано, девушки взяли свои крылья, вспорхнули и улетели на небо. Только самая маленькая и самая красивая не улетела, так как не могла найти своих крыльев.

— Раз у тебя нет крыльев, пойдём ко мне домой! — говорит ей А-дао.

Но девушка не соглашалась. Тогда А-дао припугнул ее:

— Если ты останешься здесь, когда стемнеет, придут дикие звери и съедят тебя.

Девушка согласилась и пошла за А-дао. С тех пор они стали мужем и женой, вместе работали на поле и жили очень счастливо.

Но вот однажды послал богач Хуан-мо своего холоуя собирать налоги. Проходил холоуй мимо ворот А-дао, увидел его жену и остолбенел: такая она была красавица, — забыл даже, что за налогом пришел. А когда стемнело,

пришел холуї в дом богача и рассказал ему о том, что видел. Услышал это Хуан-мо, упал на землю да как завопит:

— Как посмел этот оборванец жениться на такой красавице! Живее тащи его сюда, а уж дальше я сам знаю, что делать!

Бросился холуї обратно и мигом привел А-дао. Хуан-мо как увидел его, так стал ругать и велел под страхом смерти завтра же привести красавицу. Вернулся А-дао домой и со слезами рассказал все жене.

— Ничего, — отвечает та, — я знаю, что делать. Когда стемнеет, достань мои крылья, я взлечу на небо и спущу тебе черную бечеву. Ты взберись по ней наверх, и мы снова заживем спокойно и счастливо.

А-дао послушался, достал крылья и отдал их жене. Та вспорхнула и улетела на небо. Прошло немного времени, и сверху спустилась черная бечева. А-дао ухватился за нее и вскоре оказался на небе. Осмотрелся А-дао — все здесь совсем не так, как на земле. Дороги ровные, ровные, поднимешь голову — а над тобой ярко сверкают звезды. Красота такая, что глаз не оторвешь.

— Есть у меня батюшка, есть и матушка, — сказала жена, — батюшка терпеть не может простых смертных, думаю, что и ты ему не понравишься. Когда придешь к нам в дом, во всем слушайся отца, а в остальном положишься на меня.

И небесная дева повела А-дао в свой дом.

— Отца называй тестем, — наставляла она его по дороге, — а мать — тещей...

Увидев дочь, которая долго не была дома, отец не знал, то ли радоваться ему, то ли печалиться. Ведь она вышла замуж за простого человека. Злоба на зятя переполняла его душу, но он и виду не показал, лишь про себя подумал:

«Рано или поздно я убью его, тогда дочь выйдет за другого».

Однажды он и говорит А-дао:

— Дорогой зятек, через два дня день моего рождения. Сходи на Южную гору к Сяшаньпо¹ и займи у нее гонг и барабан.

¹ С я ш а н ь п о — мифическое чудовище в облике человека. В отличие от человека уголки глаз Сяшаньпо идут не от носа к ушам, а ото лба к щекам. Согласно преданию, чудовище пожирает людей и коров.

На самом же деле старик послал зятя на Южную гору для того, чтобы Сяшаньпо съела его. Когда жена узнала об этом, она сказала мужу:

— Отец задумал погубить тебя. Но я дам тебе три иголки. Когда придешь в дом Сяшаньпо, потихоньку воткни одну на первом этаже, другую — на втором, а третью — в ворота. Потом возьми гонг и барабан и беги как можно быстрее! Смотри, помни хорошенько все, что я тебе сказала.

Взял А-дао иголки и отправился к Сяшаньпо. А надо вам сказать, что Сяшаньпо была на редкость безобразна. Ресниц у нее не было, нос был красный, зубы длинные-длинные, а глаза как у кошки. Увидев А-дао, чудовище захихикало, разинуло пасть и говорит:

— Ты зачем пришел, милый мальчик? Садись попей чайку.

— Я из деревни, что лежит у горы. У моего тестя день рождения, и он велел мне занять у тебя на два дня гонг и барабан.

— Они наверху, — сказала старуха. — Только, я думаю, ты проголодался после дальней дороги. Подожди, я наточу нож, зарежу курицу и приготовлю тебе обед. Поешь, тогда и пойдешь. А сейчас сиди и пей чай!

С этими словами старуха выбежала через заднюю дверь, и через некоторое время А-дао услышал скрежетание. Украдкой А-дао выглянул и видит: никакого ножа нет, старуха точит свои зубы! А-дао ничем не выдал своего волнения, бросился наверх, воткнул там иглу и, схватив гонг и барабан, сбежал вниз. Здесь он тоже воткнул иголку и бросился вниз с горы, воткнув по дороге третью иглу в ворота.

Старуха боялась, как бы А-дао не убежал, и, продолжая точить зубы, крикнула:

— Милый мальчик, пей чай! Погоди, я сейчас...

— Ладно, — раздался голос из комнат, — это говорила иголка, воткнутая на нижнем этаже.

Скоро старуха кончила точить свои зубы и вошла в дом.

— Милый малыш, где ты?

— Я здесь, внизу! — откликнулась иголка с нижнего этажа.

Сяшаньпо проворно сбежала вниз — никого нет!

— Да где же ты, наконец? — закричала она.

— Здесь! — отозвалась иголка, воткнутая в ворота.
Старуха выглянула за ворота — опять никого!

Долго она бегала вокруг дома, пока наконец не услышала звуки гонга и барабана, — только тут она поняла, что А-дао уже спустился с горы.

Еще не дойдя до дому, он ударил в барабан и гонг. Ярость охватила тестя, когда он увидел, что А-дао вернулся жив и невредим, но он не посмел ничего сказать. Через день старик обратился к А-дао с новой просьбой:

— Мне бы очень хотелось иметь тигра. На Западной горе их видимо-невидимо. Поймай мне одного, только непременно живого.

Дочь сразу поняла, что старик опять задумал недоброе, и говорит мужу:

— Вот тебе железный зонтик. Как только увидишь тигра, подпусти его поближе, всунь зонтик прямо ему в пасть и тут же раскрой его, тогда уж он от тебя не уйдет!

Взял А-дао зонтик и поспешил к Западной горе. Едва он поднялся на вершину, как увидел огромного тигра, который, разинув пасть, бросился на него. А-дао изо всех сил вонзил свой зонтик в разинутую пасть и раскрыл его — теперь зверь ни бежать, ни реветь не мог. Приволок его А-дао к тестю, а тот от ярости едва жизни не лишился!

«Ничего, рано или поздно я сживу его со свету!» — решил он.

Дочь видела, что отец ненавидит ее мужа, и очень горевала.

— Отец так жесток к тебе! — сказала она как-то мужу. — Он все равно погубит тебя. Уж лучше тебе на время уйти из нашего дома, а когда все наладится — опять вернешься.

— Я тоже так думаю, — ответил А-дао, — но куда мне идти?

— Здесь, на небе, все не так, как на земле, — отвечала жена, — куда ни пойдешь — везде можно встретить Сяшаньпо, она уничтожает жителей всех окрестных деревушек. Когда отправишься в путь, иди все время по берегу чистого ручья, а как увидишь мутную воду — меняй направление, потому что возле мутной воды нет деревень. Когда увидишь деревню, найди себе какую-нибудь работу, а там уж сам увидишь, что тебе делать.

Жена дала А-дао короткий острый нож и хлеба, и он отправился в путь. Много встречалось ему деревень, но нигде он не видел ни человека, ни даже собаки. Повсюду валялись лишь кости да разбитая утварь. Урожай на полях созрел, рис стоял желтый-желтый, но некому было убрать его. Посмотрел А-дао на эту печальную картину, и глаза его наполнились слезами: он знал, что во всем этом повинна старуха Сяшаньпо. Дней семь или восемь шел А-дао и везде видел одно и то же.

Шел он, шел и есть захотел, а тут сахарный тростник ему попался. Сорвал А-дао несколько тростинки и сел на колоду отдохнуть и поесть. Вдруг чувствует, что кто-то скребет колоду изнутри. Перевернул А-дао колоду и видит — девочка лет одиннадцати под ней сидит. Посмотрела на него и испуганно спрашивает:

— Ты откуда, странник? И как не побоялся прийти сюда?

— А почему ты сидишь тут? — в свою очередь, спросил А-дао. — И кого мне бояться?

— Неужели ты не знаешь, что в горах живет свирепая Сяшаньпо? Она съела всех людей, коров и коз из нашей деревни, только я каким-то чудом спаслась от нее, так и сижу под этой колодой. Видишь, во всей деревне ни души нет!

— А где живет Сяшаньпо? — спросил А-дао. — Пойду-ка я к ней, посмотрю, что она со мной сделает!

— Да разве ты справишься с ней, — остановила его девочка, — ведь наши люди тоже пытались убить чудовище, да все напрасно! Но раз уж ты хочешь вызвать ее на бой, зачем ходить к ней? Ударь раза три по колоде — старуха тут же явится.

А-дао велел девочке спрятаться, а сам трижды ударил по колоде, — и старуха, щелкая зубами, не замедлила явиться. Увидев А-дао, она со смехом сказала:

— Скажи мне, как тебя зовут? Ты, значит, хочешь со мной драться?

— Не стану тебя обманывать. Зовут меня А-дао, и пришел я сюда ради того, чтобы убить тебя.

С этими словами А-дао ринулся на старуху и вонзил нож ей в плечо, но Сяшаньпо лизнула рану языком — и ее как не бывало. Тогда А-дао вонзил нож в ногу — ручьем хлынула кровь, но Сяшаньпо полизала ее — и раны опять как не бывало. А все потому, что Сяшаньпо обладала спо-

собностью так зализывать свои раны, что от них не оставалось и следа. Целый день бились Сяшаньпо и А-дао — но никто из них так и не победил. Когда стемнело, Сяшаньпо и говорит:

— Поздно уже, сейчас я вернусь домой, а завтра посмотрим, чья возьмет.

— Пусть будет по-твоему, — согласился А-дао, — сразимся завтра, приходи, как только я трижды стукну.

Сяшаньпо заторопилась домой, а А-дао незаметно последовал за ней.

Увидев мать, дети весело закричали:

— Мама вернулась и человечьего мяса принесла!

— Какого еще мяса! — рассердилась Сяшаньпо. — Меня чуть не убил А-дао! Если бы его нож был натерт людским или собачьим калом, я бы не выжила!

А-дао, спрятавшийся за домом Сяшаньпо, слышал все. Он тут же вскочил, бросился обратно, нашел девочку и передал ей слова старухи. Девочка принесла собачий кал, А-дао натер им нож и приготовился к завтрашней битве.

На другой день он велел девочке спрятаться, а сам трижды стукнул по колоде. Сяшаньпо тут же явилась, взглянула на А-дао и говорит:

— Даже вчера, когда нож сверкал у тебя в руках, я тебя не боялась, а сегодня ты мне и вовсе не страшен — смотри, какой он у тебя заржавленный! — и, скрежеща своими длинными зубами, она бросилась на А-дао.

Тот отскочил и тут же вонзил свой нож в руку старухи, а когда она принялась зализывать рану, он воспользовался этим и всадил ей нож прямо под ложечку. Старуха почувствовала дурной запах, исходящий от раны, и не могла зализать ее. Хлынула кровь, Сяшаньпо упала, и А-дао прикончил ее ударом ножа.

Убив старуху, А-дао поспешил к ней в дом.

— Как ты осмелился прийти сюда? — закричали сыновья Сяшаньпо. — Сейчас придет наша мать и съест тебя!

— А куда она ушла?

— За человечьим мясом, — ответили они. — У нашей матери есть чудесный посох. Если дотронуться одним его концом — человек умрет, а если другим — сразу оживет! Как же ты осмеливаешься оставаться здесь? Сейчас придет мать, и конец тебе!

— А где спрятан этот посох? — спросил А-дао.

— Наверху, — ответили сыновья, — если ударить по нему, он сразу начнет действовать.

А-дао бросился наверх, нашел посох и спустился вниз. Едва он указал набалдашником посоха на сыновей Сяшаньпо, как они сразу испустили дух. А-дао с чудесным посохом спустился с горы в деревню и направил конец посоха на мертвую Сяшаньпо — та сразу ожила и, лязгая зубами, бросилась на А-дао. Вне себя от радости, А-дао ткнул ее набалдашником посоха, и старуха опять умерла. А-дао позвал девочку и рассказал ей о чудесных свойствах драгоценного посоха. Касаясь концом посоха костей, разбросанных повсюду, он оживил множество людей, собак, коров, кур, лошадей, волов. Деревня ожила, девочка нашла свою семью, а храбрый А-дао пошел домой. И где бы он ни встречал на дороге кости, он тут же касался их концом чудесного посоха. Так он вернул к жизни много-много людей. Вернувшись в дом зятя, А-дао увиделся с женой и вместе с ней вернулся на землю. Здесь он убил своим чудесным посохом богача Хуан-мо, в далеких горах отыскал отца и с того дня вместе с ним и женой зажил мирно и счастливо.

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ БУИ

ТИГР И ЛЯГУШКА

Однажды тигр спустился с гор в долину, чтобы напиться, и услышал, как на лугу кто-то громко кричит: «Ква-ква-ква!»

«У кого это такой громкий голос?» — подумал тигр и стал осматриваться по сторонам. Вдруг он увидел удивительное создание — такого он еще никогда не встречал. Это была лягушка.

— Деточка! — говорит тигр. — Откуда у тебя такой громкий голос?

— А ты не смейся надо мной, — отвечает лягушка, — я хоть и маленькая, зато счастливая. И ем я не меньше чем ты!

Рассердился тигр и говорит:

— Замолчи лучше! А то шевельну лапой — и от тебя одно мокрое место останется.

— Старший брат тигр, ты можешь обидеть любого, но не меня! Напрасно ты грозишься и сердишься — меня этим не возьмешь! — отвечает лягушка. — Подожди, мы еще померимся с тобой силами!

— Прекрасно! — тут же согласился тигр. — Не будем откладывать! Кто кого победит, тот того и съест.

Сказанного не воротишь. И лягушке не оставалось ничего другого, как оттянуть время.

— Братец тигр, — говорит лягушка, — я пела с самого рассвета и очень устала. Давай лучше встретимся завтра.

— Ладно, — отвечает тигр, — но если ты не придешь,

все равно я тебя встречу, и тогда уж ты живая не вырвешься из моих лап!

На том они и расстались. Оставшись одна, лягушка предалась горьким думам. Думала она, думала, но так ничего и не смогла придумать и поскакала прочь.

Вдруг на дороге ей повстречался старик. Подскочила к нему лягушка и со слезами на глазах стала просить его помочь ей в беде. Старик выслушал ее и говорит:

— Не бойся, все уладится. Завтра, когда встретишься с тигром, постарайся вскочить ему на хвост. Тогда, как бы он ни прыгал — в длину или в высоту, — его хвост будет взлетать вверх, и ты одержишь победу!

И вот на другой день они с тигром начали состязаться в прыжках. Лягушка крикнула:

— Раз! — и тут же вскочила тигру на хвост.

— Два, три!

Тигр подпрыгнул, и хвост его подбросил лягушку вверх. При этом лягушка напрягла все свои силенки, чтобы оказаться еще выше. Тигр потерпел поражение, но не хотел сдаваться.

— Это не в счет, — сказал он, — давай лучше прыгать через речку. Кто прыгнет дальше, тот и победит.

— Раз, два, три! Начинай!

На слове «раз» лягушка, как и в первый раз, вскочила тигру на хвост, а тигр прыгнул через речку. Хвост его поднялся и бросил лягушку далеко вперед. Лягушка поднатужилась и сделала еще один большой прыжок, так что оставила тигра далеко позади себя. Таким образом, тигр снова потерпел поражение. Убедившись в том, что лягушка непобедима, тигр испугался и со всех ног бросился в горы. Бежал, бежал и столкнулся с волком.

— Старший брат тигр, ты от кого бежишь? — удивился волк.

— От лягушки. Она хочет проглотить меня!

— От лягушки? — сказал волк. — Тогда пойдем со мной! Я вмиг уничтожу эту тварь!

— А вдруг ты, когда ее увидишь, испугаешься и убежишь, а меня оставишь ей на съеденье!

— Знаешь что, давай привяжем один конец веревки к тебе, а другой — ко мне, тогда ни один из нас не сможет убежать!

Так они и сделали.

Лягушка, едва увидев тигра, крикнула:

— А, это ты, тигр! Явился, значит! Не убегай, подожди, пока я наточу нож, чтобы снять с тебя шкуру!

Тигр струхнул и бросился бежать. А волк, который был крепко привязан к нему, не мог угнаться за тигром и волочился по земле, пока не издох.

Лягушка была очень благодарна старику, который спас ей жизнь. Но она не знала, кто он, и не могла его отыскать. Тогда она стала уничтожать саранчу на полях, чтобы отплатить добром тем людям, которые были похожи на старика.

КОРЕЙСКИЕ СКАЗКИ

ШЕСТЬ БРАТЬЕВ

Эта история произошла в далекие-далекие времена. Жила-была одна трудолюбивая девушка. Она делала все не только быстрее молнии, но и на самой молнии бобы могла поджарить, и не одну, а сразу три сковородки. За одно утро она успевала натеребить конопли, сделать из нее пряжу, вы ткать холст, тонкий как шелк, да еще приготовить завтрак и отнести его работающим в поле. Слава об этой девушке разнеслась повсюду: на тысячи ли вокруг все знали о ее талантах. Свахи наперебой предлагали ей свои услуги. Не успевала уйти одна, как являлась другая, так что в конце концов они истоптали порог ее дома. Но девушка ни одной из них не давала своего согласия. Да это и понятно: у такой девушки и жених должен быть достойным, ей под стать, но где найти такого молодца?

Пришел к ней однажды свататься парень и сказал, что за одно утро может засадить целых десять му рисовой рассады. Понравилось это девушке, и согласилась она испытать его. На другой день, едва рассвело, парень принялся за дело. Рассаду он высаживал так быстро, что вода, казалось, кипит под его проворными руками. Не успела высохнуть на солнце роса, а он уже засадил десять му земли. Но когда он разогнул спину, то увидел, что под его шапкой остался незасаженный клочок земли. Девушка сказала, что он, конечно, проворный, но ей не пара. Так и ушел парень ни с чем, затаив в душе обиду.

Через день пришел другой парень. Он тоже сказал, что может за утро засадить рассадой десять му земли.

Девушка и его согласилась испытать.

Этот парень тоже был проворным и за одно утро засадил десять му, но один росток всплыл на поверхность воды. Девушка заметила это и отказала бедняге.

С тех пор никто больше не осмеливался свататься к ней. Но нельзя же девушке вечно сидеть дома в ожидании женихов. Переделась она в мужское платье и пошла искать себе парня, который подходил бы ей и умом и сердцем. Долго бродила она по свету, словно былинка, оторванная от земли. Как-то, вскарабкавшись по скалистым кручам, очутилась она на высоченном утесе, вздымавшемся на сотни чжан над глубокой пропастью. Тут вдруг она неожиданно столкнулась с парнем, которого первым отвергла. Тот не забыл про обиду и, встретив ее в глухом месте, на узкой тропинке, решил отомстить.

«Наконец-то ты попалась мне, гордячка, теперь я с тобой рассчитаюсь», — подумал он. Но девушка не испугалась и не отступила. Долго боролись они на краю пропасти, в конце концов парень взял верх. Девушка выбилась из сил, и злодей толкнул ее с утеса. А под утесом на дне пропасти была деревня, а в деревне кузница, где в тот самый момент молодой кузнец ковал косу. Увидел он, что в пропасть человек летит, и подумал: «Плохо дело! Если человек упадет прямо на землю, непременно расшибется. Что делать? Как быть?» Хотел он броситься на помощь, но что сделаешь голыми руками? Вот если бы корзина была, можно было бы спасти человека! С быстротой молнии доковал кузнец косу, сбегал на гору Цзинганшань, нарезал большую охапку прутьев, сплел огромную корзину и вернулся обратно. Подоспел он как раз вовремя: человек упал прямо в корзину!

Падая, девушка потеряла сознание, но вскоре очнулась, открыла глаза и с недоумением поглядела на кузнеца — как же она могла спастись? Тут кузнец рассказал ей всю правду. А девушка, выслушав его, поведала о своих мытарствах. Потом, не скрывая, призналась:

— Вот ты мне подходишь.

Кузнец уже давно горевал о том, что не может найти себе подходящую жену. Поженились они и стали жить вместе.

Каждый из них работал за семерых, не зная усталости, и жизнь их день ото дня становилась лучше. Вскоре родился у них сынок. Радости супругов не было конца. Так как оба они были неграмотны, то называли ребенка просто Лао Да, что значит первый сын. Прошло несколько лет, а мальчик уже успел побывать во всей Поднебесной. Никто не мог тягаться с ним по уму и смекалке. И решили тогда родители дать сыну имя согласно его способностям. Назвали они его Сай Бань Сянем, что значит «Мудрый как бог».

Вскоре родился у них второй сын, который тоже оказался необыкновенно способным. Однажды родители ушли в поле. Вернулись и видят, что амбар, который был крепко-накрепко закрыт на замок, открыт. Удивились они, позвала мать старшего сына, задала ему хорошую трепку и спрашивает:

— Кто открыл амбар?

Старший сын сказал, что это сделал брат. Не поверила мать, снова повесила замок, позвала второго сына и велела ему открыть амбар. Едва тот коснулся замка, как он щелкнул и открылся. Удивились отец и мать и назвали второго сына Яо Ши Тун, что значит «Открывающий замки». Затем у них один за другим родились еще четыре сына. Каждый из них обладал каким-нибудь талантом, выделяющим его из среды людей. И родители давали им имена соответственно их способностям. Третьему сыну дали имя Кан Бу Цзюэ, что значит «Неуязвимая голова», четвертому — Тан Бу Па, что значит «Несгораемый», пятому — Янь Бу Сы, что значит «Нетонущий», а шестому — Я Бу Бянь, что значит «Несгибаемый». Время летело стрелой. Выросли братья. Семья и раньше жила неплохо, а теперь зажила совсем богато и счастливо, словно трудолюбивые муравьи в муравейнике.

Приехал как-то в уезд новый начальник. Был он умный, ученый, стихи умел сочинять, из лука стрелял, знал толк в военном деле и в науках. С виду казался он справедливым и храбрым, на самом же деле был жаден и зол — только и знал что тянуть жилы из народа. В первый же день он освоился на новом месте и созвал всех торговцев. Явился по приказанию чиновника и кузнец, так как жил он с сыновьями зажиточно. Сказал он что-то наперекор чиновнику, тот рассердился и велел немедленно заковать кузнеца в кандалы и засадить его в тюрьму.

Услышал об этом старший сын Премудрый и сразу смекнул, чего добивается от них чиновник. Не за лишнее слово обвинил он отца, — просто деньги ему нужны, вот он и оклеветал старика. Созвал Премудрый младших братьев и стал с ними совет держать. Как ни были злы братья на чиновника, ради отца решили подчиниться. Собрали немного денег и отослали чиновнику. Но тому показалось слишком мало. Не взял он их гроши да еще при сыновьях отца поколотил. Вернулись братья домой, снова совет держат. На этот раз решили они воспользоваться своими способностями. Премудрый рассчитал, в какое время ночи тюремщики уйдут пьянствовать, и послал Открывающего замки и Несгибаемого в тюрьму спасать отца. Несгибаемый посадил на плечи Открывающего замки и в одно мгновение перенес его в тюрьму. Стражников уже не было. Открывающий замки едва коснулся огромного замка, как он тотчас же с лязгом открылся. Несгибаемый усадил на спину отца и брата и быстро перенес их домой. Едва вошли они в ворота, как услышали цокот копыт — это стражники гнались за ними. Схватили они кузнеца, связали его и снова бросили в тюрьму. Начальник уезда обвинил его в том, что он будто хотел поджечь тюрьму и бежал. За все это приговорил его к смертной казни — на другой же день должны были отрубить ему голову. Узнал об этом Премудрый и немедленно послал в тюрьму Несгибаемого, Отпирающего замки и Неуязвимую голову. Отпирающий замки распахнул ворота, Несгибаемый взвалил его и отца на спину и вернулся с ними домой. А Неуязвимая голова остался вместо отца в тюрьме. На другой день вывели узника из темницы — а это оказывается вовсе и не кузнец, а его сын. Разозлился чиновник и велел сначала отрубить голову сыну, а потом привести и казнить отца. Отдал чиновник приказ и стал ждать, когда приговор приведут в исполнение. Вдруг примчались к нему палачи, растерянные, испуганные. Всякий раз, когда они отрубали голову сыну кузнеца, на ее месте тут же вырастала новая. Не поверил чиновник, сам отправился к месту казни, тут увидел, что палачи правду ему сказали.

Испугался чиновник и приказал снова бросить узника в темницу. А на другой день велел его сжечь. Сложили огромную печь и доверху набили ее дровами. Узнал об этом Премудрый и послал в тюрьму Несгораемого. На другой день в печи такой раздули огонь, что кирпичи рас-

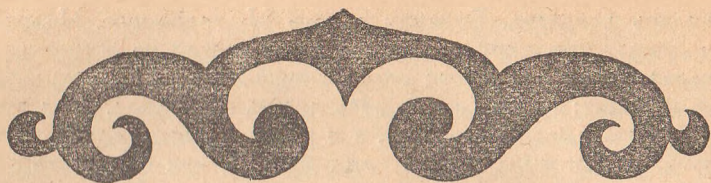
калились докрасна. Бросили в печь Несгораемого. Чиновник думал, что теперь от парня даже костей не останется, и через некоторое время велел затушить огонь. Открыли печь и видят: стоит парень весь дрожа от холода. Над головой у него надпись «снег», а в ногах надпись «лед». Перепугался чиновник и стал придумывать, как бы сжить со света парня. И решил он утопить его в реке. «На этот раз ему не спастись», — радовался чиновник. На другой день приказал он связать преступника и бросить его в реку. Однако вода доходила ему только до колен даже в самом глубоком месте. Тогда чиновник распорядился перебросить его на более глубокое место. Но куда бы его ни бросали, он не тонул; убедившись в своем бессилии, чиновник еще больше разъярился и распорядился, чтобы арестовали всю семью. Связали кузнеца и его сыновей, поставили их у скалы и столкнули на них огромную каменную глыбу величиной с дом. Но Несгибаемый принял ее на свои плечи и отшвырнул прямо к южным воротам уездного города. Вся семья вернулась домой целехонька.

Недаром говорит пословица: реки текут на восток, и никакие силы не могут повернуть их вспять. Так и чиновник: что ни придумывал, он не смог погубить братьев. А когда скала загордила ему дорогу, он сказал:

— Ну вот их и не видно, не иначе как они погибли!

И, разразившись глупым хохотом, шмыгнул в свой дом — точь-в-точь так змея уползает в свое логово.

КАЗАХСКИЕ СКАЗКИ

СМЕЛЫЙ АДА

Жил давным-давно один бедняк, всю жизнь он трудился в поте лица, но так ничего и не скопил. Был у него сын Ада, умный, смысленый. Все любили его и говорили, что это небо послало отцу такое счастье. Слава об Ада разносилась все дальше и дальше, одни говорили, что хану придется выдать за него самую красивую из своих дочерей, другие добавляли, что исполнится Ада восемнадцать лет, и он сам возьмет себе в жены ханскую дочь.

Вскоре после того как родился Ада, хан, переодевшись в простое платье, решил объехать свои владения и посмотреть, что творится на белом свете. Приехал он в деревню, где родился Ада, и спрашивает, не слышно ли чего нового. Кто-то и скажи ему:

— У нас в одном доме мальчик родился, так все говорят, что, как исполнится ему восемнадцать лет, женится он на самой красивой из ханских дочерей.

Услышал хан эти слова и опечалился. Подумал, подумал и решил дать за мальчика самую высокую цену. Отец Ада сперва не соглашался, но хан так уговаривал его, что бедняк согласился. Ведь в доме и вправду была нищета, ребенка кормить было нечем.

Хан взял мальчика, велел стражникам положить его в деревянный ящик, ящик забить, поставить на коня и ехать. Проехали они безбрежную степь, миновали бескрайнюю пустыню, а когда подошли к глубокой реке, велел хан своим стражникам сбросить ящик в реку. Посмотрел хан,

как тонет ящик в волнах, и подумал: «Посмотрим, Ада, как ты теперь женишься на моей дочери!» Он громко расхохотался и, довольный, отправился дальше.

Ящик качало на волнах, то вверх его уносило, то вниз, но — вот чудо! — он не шел ко дну, словно снизу кто-то поддерживал его. Плыл он, плыл и пристал к берегу возле самой мельницы. А мельница была всего в десяти с небольшим ли от императорского дворца. В этот день мельник отправился на берег по воду, видит, ящик плавает, и давай звать старуху, чтобы помогла выловить его. Сперва думали они, что в ящике клад какой-нибудь, а открыли — видят мальчик, толстенький такой, брови ровные, очи ясные, сидит в ящике и улыбается. У мельника своих детей не было, и думает он: «Не иначе как само небо послало нам сыночка». И стали старик со старухой воспитывать мальчика, лелеяли его, как сына родного.

Дни летели, словно капли дождя; месяцы мчались, как кони; годы текли, как вода. Восемнадцать лет прошло с тех пор, как мельник взял к себе Ада. Вырос он красивым, статным и могучим, словно карагач.

Отправился однажды хан осматривать свои владения, подъехал к воротам мельницы, увидел Ада и подивился: «Какой красивый юноша! Неужто он и вправду сын старика мельника?»

Стал спрашивать, и мельник рассказал ему всю правду: как восемнадцать лет назад прибило к берегу деревянный ящик, как увидели они в том ящике маленького мальчика, как приютили и воспитали его и каким трудолюбивым и смысленным он вырос.

— Видно, понравился он тебе, раз обо всем спрашиваешь.

Подумал хан, подумал и сказал:

— Сын у тебя и впрямь хорош, не можешь ли ты приказать ему отнести мое письмо жене?

— Жду мудрых указаний у твоих ног, — отвечал мельник.

Хан понял, что сын мельника тот самый человек, которого он восемнадцать лет назад посадил в ящик и бросил в реку. Чем больше он думал об этом, тем больше расстраивался. В этот день ему еще предстояло объехать другие места, и он написал жене: «Того, кто принесет это письмо, пусть схватят и убьют немедленно. А с остальными делами можно подождать до моего возвращения».

Ада, ничего не подозревая, взял письмо и отправился в путь. Шел он, шел, прошел невесть сколько полей и деревьев, стемнело, а дворца все не было видно. Юноша понял, что заблудился. Идти дальше было нельзя. Впереди виднелась деревушка, и Ада решил попроситься там на ночлег. Вошел он в деревню, нигде ни души, с трудом отыскал какую-то старушку. Посмотрела она на него, подивилась и спросила:

— Ты зачем сюда пришел и куда путь держишь?

— Я несу письмо жене хана, да вот сбился с пути, не знаю, как идти дальше, пусти меня переночевать. Век буду тебе благодарен.

— Нельзя, это пристанище разбойников. Они как раз сейчас должны вернуться. Тогда тебе несдобровать.

Ада так устал, что пропустил слова старухи мимо ушей. Он сказал, что у него нет никаких драгоценностей и опасаться ему нечего. Так он и остался. Перед тем как лечь спать, он положил письмо на стол, улегся и тотчас же захрапел.

В полночь у ворот послышался шум — вернулись разбойники. Ада крепко спал и ничего не слышал. Разбойники вошли в дом, видят, юноша спит, и спрашивают у старушки:

— Это что за человек?

Старушка рассказала им всю правду. Увидел тут атаман на столе письмо, схватил его и распечатал. Видит, хан безо всякой причины хочет убить человека. Разгневался атаман, изорвал письмо в клочки, схватил кисть и написал другое: «Когда придет этот человек, немедленно выдай за него самую красивую из наших дочерей. А с остальными делами можно подождать до моего возвращения».

Ада проспал всю ночь, а утром поднялся, увидел, что, кроме старушки, в доме никого нет и письмо его спокойно лежит на столе. Взял он его и отправился искать дворец.

Прочла жена хана письмо, взглянула на Ада, красивый, статный такой. Радостно стало у нее на сердце, велела она позвать любимую свою дочь и выдать ее за Ада. Скоро и свадьбу сыграли.

Прошло подмесяца, вернулся хан. Узнал, что Ада женился на самой красивой его дочери, и разгневался необычайно. Поклялся он, что никогда его дочь не будет принадлежать бедняку, и сказал:

— Я отдам свою дочь лишь тому, кто добудет мне три золотых волоса князя страны великанов.

— Я непременно добуду их, — пообещал Ада, простился с женой и отправился в путь.

Он прошел всю степь, пересек пустыню и очутился в каком-то городе. Хотел идти дальше, но стражники, охранявшие городские ворота, задержали его и стали расспрашивать, что он за человек, куда идет и может ли ответить на все их вопросы.

Ада рассказал стражникам о своем деле и добавил:

— Спрашивайте что хотите, на все отвечу.

— А ты не врешь? — спросили стражники и сказали: — Тогда, значит, ты и есть тот самый человек, которого мы ждали. Так вот слушай. В нашем городе есть прекрасный сад, а в саду фонтан. Прежде из этого фонтана струя била, чистая как серебро, а сейчас все высохло. Скажи нам, что случилось? Мы будем очень тебе благодарны.

— Я скажу вам, только не сейчас, а когда вернусь, — спокойно ответил Ада.

Стражники поверили, выпустили Ада из города, и он продолжал свой путь.

Пришлось ему перевалить через высокую гору, затем перебраться через глубокую реку, и вот однажды он снова подошел к огромному городу. Опять остановили его стражники и спросили, что он за человек, куда идет и не может ли ответить на все их вопросы.

Ада рассказал стражникам о своем деле и добавил:

— Спрашивайте что хотите, на все отвечу.

— А ты не врешь? — спросили стражники и сказали: — Тогда ты и есть тот самый человек, которого мы ждали. Так вот слушай. В нашем городе есть яблоня, на которой росли золотые яблоки. Прежде она пышно цвела и каждый год давала бесчисленное количество плодов, и вдруг дерево завяло, не зреют больше золотые яблоки, даже листочка ни единого нет. Скажи нам, что случилось. Мы будем очень тебе благодарны.

— Я скажу вам, только не сейчас, а когда вернусь, — спокойно ответил Ада.

Стражники поверили, выпустили Ада из города, и он продолжал свой путь. Он прошел уже семьдесят семь степей, пересек семьдесят семь пустынь, перевалил через семьдесят семь гор, переправился через семьдесят семь рек, побывал в семидесяти семи городах и, наконец, подошел к озеру Босытэн, которое лежало на пути в страну

великанов. На берегу озера он повстречал перевозчика. Перевозчик спросил его, что он за человек, куда идет и не может ли ответить на его вопрос.

Ада рассказал перевозчику о своем деле и добавил:

— Спрашивай что хочешь, на все отвечу.

— А ты не врешь? — спросил перевозчик и сказал: — Тогда, значит, ты и есть тот самый человек, которого я ждал. Вот уже несколько десятков лет гоняю я по озеру свою лодку. А сейчас стар стал, вся голова побелела, пора бы отдохнуть, да вот никто не приходит сменить меня. До каких же пор я буду работать здесь?

Подумал Ада, подумал и сказал:

— Я отвечу тебе, только не сейчас, а когда вернусь.

И перевозчик перевез Ада через озеро Босытэн. Пробрался юноша через густые-густые заросли колючего терновника и очутился у дворца князя великанов. Но князя в это время не оказалось дома, была только его старая бабушка. Она сидела на вертящемся стуле и сквозь стекла очков рассматривала вошедшего юношу. Красивый и стройный, он сразу понравился ей, и она приветливо спросила:

— Ты зачем пришел?

Ада почтительно поклонился и ответил:

— Я перешел через тысячи гор и десятки рек, чтобы добыть три золотых волоса с головы князя. Ноги мои в ранах и синяках.

Посмотрела старушка на пыльное платье Ада, на колючки в его волосах, пожалела его и говорит:

— Трудный путь прошел ты, юноша. Но погоди. Вернется князь, я придумаю, как помочь тебе.

— Спасибо тебе, добрая женщина, мне бы хотелось узнать еще три вещи: почему иссякла вода в фонтане, отчего высохла золотая яблоня и почему никто не приходит сменить старого перевозчика?

— Хорошо, — вернется князь, я спрошу его, а ты внимательно слушай, — отвечала старушка. С этими словами она превратила Ада в муравья и спрятала у себя в рукаве.

Вскоре солнце опустилось за горы и подул сильный ветер. Это вернулся князь великанов.

Вернулся он, заворчал:

— Что это здесь человеческим духом пахнет! — и стал рыскать по сторонам.

— Уж не рехнулся ли ты? — принялась ругать его

старуха. — Ведь я стерегла дом, кто же мог сюда пробраться? Посмотри лучше, что ты натворил. Только я убрала, ты опять все вещи поразбросал.

Увидел великан, что бабушка сердится, повалился на кровать, положил руки под голову и захрапел так, что казалось, гром гремит.

А бабушка прижала к себе голову великана и тоже притворилась спящей.

Прошла секунда, прошла минута, прошел час. Старушка ухватила золотой волос великана, дернула его, и золотой волос упал вниз.

— А-а! Бабушка, что ты делаешь? — крикнул князь, проснувшись от боли.

— Мне приснился сон, — отвечала бабушка, — стало страшно, вот я и схватилась за твои волосы. Я видела город, в котором раньше бил фонтан с серебристой водой, а теперь воды там больше нет, почему бы это?

— Если бы жители того города узнали причину, они бы до смерти обрадовались! Это все потому, что на дне фонтана сидит жаба. Если убить ее, снова появится серебристая вода, — сказал великан и захрапел так, что казалось, гром гремит.

Прошла секунда, прошла минута, прошел час. Старушка опять ухватилась за золотой волос великана, дернула, и волос упал.

— А-а! Бабушка, что ты делаешь? — завопил князь, проснувшись от боли.

— Мне опять приснился сон, стало страшно, вот я и схватилась за твои волосы. Я видела город, где раньше была яблоня с золотыми плодами, раскидистая и зеленая, каждый год на ней созревало много золотых яблок, а теперь она засохла. Почему бы это?

— Если бы жители узнали причину, они бы до смерти обрадовались. Это все потому, что корни дерева грызет мышь. Если убить ее, дерево снова будет давать золотые плоды, — проговорил великан и захрапел так, что казалось, гром гремит.

Прошла секунда, прошла минута, прошел час. Старушка опять ухватилась за золотой волос великана, дернула, и волос упал.

— А-а! — великан подскочил от боли.

— Какой страшный сон! Я видела перевозчика, который вот уже несколько десятков лет держит переправу

на озере Босытэн. Вся голова у него побелела, почему же никто не приходит сменить его?

— Ему надо передать руль человеку в красной одежде и быстро уйти, тогда он сможет отдохнуть! — проворчал великан.

Так прошла ночь. На другой день подул сильный ветер, и князь великанов опять ушел. Тогда старушка велела Ада вылезти из рукава, вернула ему прежний облик, отдала три золотых волоса и проводила его из дворца.

Долго шел Ада, почти целый год. По пути он отвечал на вопросы, которые задавали ему люди. И вот как-то раз подошел он к озеру Босытэн, вышел на берег и сказал перевозчику, чтобы тот дождался человека в красном и отдал ему рулевое весло. Старик обрадовался, поблагодарил юношу и проводил его в далекий путь. Через некоторое время подошел Ада к городу с засохшей яблоней и сказал стражникам, чтобы они убили мышь, которая грызет корни дерева. Стражники так и сделали. Скоро на дереве появились почки, распустились листья, зацвели цветы и завязались золотые плоды. Горожане щедро одарили юношу и проводили его в далекий путь.

Шел Ада шел, подошел к городу с высохшим фонтаном и сказал стражникам, чтобы они убили жабу, которая живет на дне фонтана. Стражники так и сделали, и вскоре из фонтана вновь забила серебристая струя. Жители подарили Ада роскошную повозку, красивого коня и проводили его в далекий путь.

Наконец Ада вернулся во дворец и передал хану три золотых волоса. Ханская дочь так радовалась, что и сказать трудно, а хан молчал — нечего ему было сказать.

Потом Ада сказал хану, что у озера Босытэн есть удивительное сокровище, только хан должен непременно идти за ним сам, да еще в красной одежде. Услышал это хан, тотчас же облачился в красный халат и отправился к озеру.

Увидел старый перевозчик человека в красном, обрадовался, подождал, пока тот подошел к нему, и быстро сунул ему в руки рулевое весло. Хотел хан оторвать руку от весла, да не тут-то было, так с тех пор хан и возит людей через озеро Босытэн.

ПУТЕШЕСТВЕННИК И ЛЕНТЯЙ

Шел как-то раз один путешественник со своим другом по дороге, путешественник впереди, друг позади.

Вечером подошли они к какому-то городу, отыскиали постоянный двор и остановились на ночлег. Путешественник решил развести огонь и приготовить ужин. Он достал немного денег и попросил приятеля купить немного рису и муки.

— Не пойду, — ответил приятель. — Я и так устал, целый день шел. «Пусть отдохнет», — подумал путешественник и принялся разводить огонь. Когда огонь разгорелся, он снова стал просить друга пойти в лавку.

— Я не умею покупать, — ответил друг, — зря только деньги истрачу. Что тогда будет?

Делать нечего, пришлось путешественнику идти самому. Он купил немного муки и бобов и сказал приятелю:

— Ну, теперь ты отдохнул, давай просеем муку и переберем бобы.

— Не могу, руки у меня чересчур неуклюжи.

Пришлось путешественнику самому просеять муку и перебрать бобы.

Через некоторое время путешественник снова обратился к приятелю:

— Братец, еда скоро поспеет, возьми чайник, сходи раздобудь чайку, я дам тебе денег.

— Не хочется, — отмахнулся приятель.

Рассердился путешественник, сам пошел за чаем. Когда ужин был готов, приятель тотчас вскочил и приветливо сказал путешественнику:

— Я и вправду ничего не умею, заставь меня что-нибудь сделать, ничего не выйдет. Хоть бы что-нибудь умел, и то хорошо было бы. А теперь давай поедим.

С тех пор путешественник зарекся водить дружбу с лентяями, а есть он своему дружку, конечно, не дал. Лентяй, который не любит трудиться, не может быть хорошим другом.

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ТУН

СЕСТРИЦА ДЛИННЫЕ ВОЛОСЫ

Возле перевала Доугаошань есть громадный водопад. Когда смотришь на него, кажется, будто девушка спустила с отвесной скалы свои длинные волосы. Местные жители называют водопад Белыми Волосами.

О сестрице Белые Волосы сложена легенда.

Давным-давно в окрестностях горы Доугаошань не было воды и люди уповали только на небо: пошлет оно дождь — земля пропитается влагой и люди утолят жажду. Когда же начиналась засуха, приходилось ходить за водой за семь ли к маленькой речке. Вода была здесь так же драгоценна, как масло.

В деревне возле горы Доугаошань жила одна девушка, ее густые темные волосы ниспадали до самых пят. Она укладывала их на затылке, но волосы на голове не умещались, и приходилось обматывать их вокруг шеи и плеч.

Все звали девушку Чан Фа-мэй — сестрица Длинные Волосы. Мать ее лежала в параличе, и девушка разводила свиней, чтобы прокормить себя и мать. Каждый день Фа-мэй, закрутив волосы вокруг шеи, отправлялась за семь ли к речушке за водой, затем рвала в горах траву и приготавлила корм для свиней. Так, в постоянных хлопотах, проходили дни.

Однажды Фа-мэй с бамбуковой корзиной за спиной добралась до перевала и, карабкаясь по нависшему над пропастью утесу, увидела редис, который рос прямо на камен-

ной стене. Листья у редиса были ярко-зеленые и удивительно красивые.

«Возьму-ка я его домой, — подумала девушка, — он, наверное, очень вкусный и ароматный».

Девушка ухватила за листья и изо всех сил дернула — показалась круглая головка редиса величиною с чайную чашку. А в каменной стене образовалось круглое отверстие, из которого потекла чистая вода. Вдруг редис вырвался из рук девушки и — хлоп! — снова заткнул отверстие в каменной стене — вода сразу же перестала течь.

Во рту Фа-мэй пересохло, ей очень хотелось пить. Тогда она снова выдернула редис, из отверстия опять потекла ключевая вода. Девушка прильнула к отверстию и принялась с жадностью пить. Вода была чистая, холодная и сладкая, как грушевый сок. Но едва она отняла губы от родника, как редис снова вырвался и с шумом заткнул отверстие.

Фа-мэй оцепенела от изумления и никак не могла понять, что происходит.

Вдруг подул сильный ветер, подхватил девушку и перенес ее на дно ущелья. Там на каменной глыбе восседало чудовище, с головы до ног заросшее рыжими волосами.

— Я открыл тебе секрет этого родника, — гневно закричал он, — но ты не должна говорить о нем людям! Если кто-нибудь придет сюда за водой, я убью тебя! Я дух горы, запомни это!

Снова подул ветер и вынес Фа-мэй к подножью горы. Опеченная, вернулась девушка домой.

Ни односельчанам, ни матери она не осмелилась рассказать о роднике. При одной только мысли о жестоком рыжеволосом хозяине горы дрожь пробегала по ее телу.

Однако Фа-мэй была девушкой добросердечной, и ей очень хотелось рассказать всю правду.

От мучительных раздумий Фа-мэй совсем извелась.

Всегда веселая, живая, она стала боязливой и робкой.

Фа-мэй видела, что земля на полях высохла, всходы пожелтели, в деревне и стар и мал отправлялись с ведрами за семь ли к речке и возвращались домой в поту, задыхаясь от усталости. Ей хотелось сказать людям: там, у горы Доугаошань, есть родник. Стоит только вырвать редис, расширить отверстие в скале — и вода хлынет потоком. Но едва девушка произносила: «У горы Доугаошань...» — как тут же вспоминала грозное чудовище, заросшее рыжими волосами, и слова застревали у нее в горле.

Она продолжала молча страдать. Не ела, не спала и стала похожа на немую, пораженную столбняком. Глаза ее утратили свой блеск, щеки пожелтели. Волосы, пышные и блестящие, стали сухими и тусклыми.

— Что с тобой, дитя мое? — спрашивала мать Фа-мэй, беря ее похудевшие руки в свои.

Старухи гладили ее длинные потускневшие волосы и тоже спрашивали:

— Что томит тебя, девочка?

Однако Фа-мэй молчала, крепко сжав губы.

Так проходили день за днем, месяц за месяцем.

Роскошные волосы девушки стали белыми как снег. У нее не было желания ухаживать за ними, не было сил закручивать их, и, распущенные, они покрывали ее головы до пят.

— Ай! — говорили все. — Такая молодая, а волосы совсем седые!

Фа-мэй неподвижно стояла у дверей и смотрела на прохожих.

— У горы Доугаошань... — бормотала она, но тут же до крови закусывала губы.

Однажды она наблюдала, как седобородый старик, дрожа и спотыкаясь от усталости, возвращался с далекой речки, неся ведро воды.

Вот он наткнулся на камень и упал. Вода вылилась, старик расшиб ногу, и кровь хлынула из раны.

Фа-мэй бросилась к несчастному и подняла его. Она оторвала кусок материи от полы своего халата, опустилась перед стариком на колени и перевязала рану.

— Ай-я, ай-я! — стонал старик. Глаза его были закрыты, морщины на лице обозначились еще резче. Девушка не сводила глаз со старика. «Из-за того, что ты боишься смерти, — сказала себе Фа-мэй, — земля совсем пересохла, хлеб на полях пожелтел и высох! Земляки ходят за водой в такую даль и совсем выбились из сил! Из-за твоей трусости старик расшиб себе ногу! Эх, ты!..»

И девушка стала колотить себя кулаками по голове.

Больше она не в силах была молчать.

— Отец! В горах Доугаошань есть родник, — закричала она. — Надо только вырвать редис, расширить отверстие, и вода хлынет потоком. Это правда, правда! Я собственными глазами видела!

И она рассказала, как обнаружила родник, умолчав лишь о том, что говорил ей горный дух.

Фа-мэй слыла доброй девушкой, и все поверили ее словам. Захватив с собой ножи и тесаки, люди отправились вслед за ней на отвесную скалу.

Фа-мэй обеими руками вырвала редис из каменной стены и, бросив его на землю, крикнула:

— Рубите! Скорее, скорее рубите!

Несколько ножей застучали о камень — редис вмиг был разрублен на мелкие кусочки. Родниковая вода с шумом забила из отверстия, но оно было маленькое, и воды вытекало немного.

— Долбите камень, — приказала Фа-мэй, — быстрее, быстрее!

Кирки с дробным стуком стали долбить стену — отверстие становилось все шире и шире. Мгновение, и вот оно уже величиною с пиалу. Еще мгновение — уже величиною с чан!

Родниковая вода с шумом хлынула вниз с горы.

Люди ликовали, смеялись, кричали.

Вдруг подул сильный ветер, и Фа-мэй исчезла.

Глядя на водопад, люди смеялись от радости и не заметили, что рядом с ними уже нет девушки.

Наконец кто-то спросил:

— А где Фа-мэй?

— Наверное, ушла домой, чтобы поделиться радостной вестью с матерью, — ответили ему.

И люди, охваченные ликованием, спустились к подножию горы.

Но девушка не возвращалась домой.

Ветер принес ее на дно ущелья, и рыжеволосый громовым голосом сказал:

— Я велел тебе никому не говорить об источнике, но ты не послушалась. За это я убью тебя!

Девушка откинула волосы и холодно ответила:

— Ради счастья людей я готова умереть.

— Но я не дам тебе умереть спокойно! — ответил горный дух, скрежеща зубами. — Ты будешь вечно лежать на скале, чтобы вода хлестала тебя, причиняя муки!

— Ради людей я готова стерпеть все, — гордо ответила девушка, — отпусти меня только домой, чтобы я попросила кого-нибудь присматривать за матерью и поросятами.

— Что ж, иди, — ответил горный дух, поразмыслив, —

но если ты не вернешься, я закрою воду и уничтожу всех жителей деревни! Когда придешь — сама ляжешь на скале, под струи падающей воды. Не докучай мне больше!

Фа-мэй кивнула в знак согласия.

Порыв ветра подхватил ее и вынес к подножью горы.

Взглянула девушка на водопад, который с шумом низвергался с высоты на поля, где блестела вода, на зеленеющие всходы, и радостно засмеялась.

Фа-мэй скрыла от матери правду, — ведь это могло убить ее, — только сказала:

— Мама, на горе Доугаошань появился родник, теперь больше не придется горевать, — потом добавила: — Подружки из соседней деревни зовут меня погостить. Я попрошу соседку ухаживать за тобой.

Поговорив с соседкой, Фа-мэй вернулась домой.

— Мама, может быть, я пробуду у подружек дней десять!

— Веселись себе вволю, — ответила мать, — соседка хорошая женщина, можешь не беспокоиться.

Дочь гладила лицо, руки матери, и слезы катились у нее из глаз.

Затем она попрощалась с поросятами, нежно погладив их мордочки и хвостики, и, наконец, подошла к дверям.

— Так я ухожу, мама!

Не оборачиваясь, девушка зашагала к горе Доугаошань, откинув назад свои длинные белые волосы.

На полдороге ей встретилась раскидистая густолиственная смоковница. Обычно, проходя мимо, Фа-мэй присаживалась под нею и отдыхала в холодке. Сейчас девушка погладила ствол дерева и с грустью произнесла:

— Милая смоковница! Отныне я никогда не смогу дышать под твоей сенью!

Вдруг из-за дерева вышел высокий могучий старик. Волосы и борода у него были зеленого цвета, и одет он был во все зеленое.

— Фа-мэй, ты куда? — спросил он.

Девушка вздохнула и опустила голову.

— Я все знаю, — молвил старик, — ты хорошая девушка, и я хочу спасти тебя. Я высек из камня женщину, похожую на тебя. Зайди за дерево и погляди!

Фа-мэй обошла вокруг дерева и замерла от изумления: перед ней стояла девушка, похожая на нее как две капли воды, только без волос.

— Горный дух велел тебе лечь под струи воды, — сказал старик. — Это невыносимая мука! Я положу каменную статую на скалу, пусть она вместо тебя несет наказание! Но ей не хватает твоих длинных белых волос, и, чтобы у горного духа не возникло подозрение, придется тебе расстаться со своими волосами. Потерпи немного.

Не дожидаясь ответа, старик стал выдергивать у девушки из головы волосок за волоском и прикладывать их к голове ее двойника.

Скоро на голове Фа-мэй не осталось ни единого волоса, зато каменная голова покрылась длинными белыми волосами, и — удивительное дело — они тут же пускали корни! Старик засмеялся.

— Ну, девушка, возвращайся домой! На полях твоей деревни уже есть вода, иди и трудись вместе со всеми! Скоро жизнь ваша станет еще лучше. — Он подхватил статую и умчался по направлению к перевалу. Там он взобрался на отвесную скалу и положил ее прямо под низвергающийся с высоты поток. Родниковая вода заструилась по длинным белым волосам, стекая вниз к подножию горы. Вода была белой-белой. Беловолосая вода!

Онемев от изумления, стояла девушка, опершись на смоковницу.

Вдруг она почувствовала легкий зуд на голове. Потрогала — волосы! И такие же длинные, как раньше — до самой земли.

Фа-мэй перекинула их на грудь и вскрикнула от удивления — они были темные! Совсем черные! От радости Фа-мэй заплясала!

Долго ждала она старика. Вдруг подул легкий ветерок, закачал ветки смоковницы, и она услышала знакомый голос:

— Горный дух ничего не заметил, Фа-мэй! Возвращайся спокойно домой!

Девушка взглянула на беловолосый поток, низвергающийся с Доугаошань, на зеленеющие у подножья горы всходы, на счастливых крестьян, работающих на полях, на смоковницу у дороги — и вприпрыжку побежала домой. Длинные волосы развевались у нее за плечами.

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ БАЙ

ДЕРЕВНЯ СОГНУТОГО РОГА

Жил на свете байский князь. У него был сын, наследник престола, и две дочери. Старшую звали Бай-хэ, а младшую — Бай-гуй. Бай-гуй была правдивой и искренней. С детских лет она питала привязанность к волам, знала их привычки, и те, в свою очередь, тоже понимали ее. Старшая сестра любила скакать на коне у горы Цзюньшань и стрелять из лука, а младшей нравилось кататься верхом на воле по берегу реки Эрхай.

Бай-гуй уже исполнилось семнадцать лет, и отец стал думать о том, чтобы выдать ее замуж. Узнав об этом, Бай-гуй сильно опечалилась, так как совсем недавно отец стал подыскивать невесту для наследника престола и, пригласив во дворец дочерей из богатых и знатных семей, велел сыну выбирать, но ни одна из них ему не понравилась. Тогда юноша попросил совета у мудрых старейшин, и те сказали:

— Лучшие цветы расцветают в глубине гор, лучшие девушки живут среди народа.

И юноша решил идти в горы, чтобы там найти себе невесту. Князь дал ему священный указ и велел, когда он выберет себе невесту, написать этот указ на воротах ее дома, чтобы можно было заключить с ее родителями брачный контракт. И вот наследник престола отправился на поиски невесты. Однако девушки, едва заслышав о его приближении, притаились. Тогда юноша наклеил отцовский указ на большой камень. Вдруг камень сорвался с места и полетел вслед за наследником во дворец. Император

сильно опечалился, пустил стрелу в камень, и тот упал у подножья горы Цзюньшань. С тех пор камень этот в народе стали называть Каменной красавицей. А наследник снова отправился к старейшинам за советом, и те сказали ему:

— Горные козлы не рождаются с шакалами и волками, крысы не вступают в брачный союз с котами.

Наследник послушался их совета, покинул дворец и под чужим именем стал жить среди простого народа.

Видя, как неудачно сложилась судьба брата и старшей сестры, которая, не найдя себе друга по сердцу, целыми днями пропадала на охоте, Бай-гуй огорчилась и сказала старому волу:

— Не можешь ли ты помочь мне найти хорошего мужа?

Вол трижды кивнул головой, и Бай-гуй была вне себя от радости.

Однажды поздно вечером ехала Бай-гуй верхом на воле. Над рекой сияла полная луна, по краям дороги тихо качались тополя и ивы, легкий ветерок доносил откуда-то нежные переливы флейты. Эти звуки очаровали принцессу, ей казалось, что она находится в каком-то сне. Вол медленно шагал вперед, как вдруг одна из служанок окликнула ее. Только тут принцесса очнулась и убедилась, что буйвол вышел за ворота дворца. В эту ночь девушка не могла заснуть, до самого рассвета звуки флейты звенели у нее в ушах.

На другой день она отправилась к отцу и заявила:

— Я не желаю выходить замуж, но если ты непременно хочешь, чтобы я нашла себе супруга, исполни одно мое желание.

— Что еще за желание? — спросил отец.

— Я хочу свадьбу по воле неба, — ответила дочь.

— Что это значит? — удивился князь.

— Я сяду верхом на вола, — пояснила Бай-гуй, — и поеду туда, куда он меня повезет. Возле какого дома вол остановится, в том доме и живет мой жених — бедный он или богатый, знатный или низкого происхождения — это для меня безразлично.

Опечалился отец, велел старшей сестре отговорить младшую, но принцесса твердо стояла на своем, и отцу пришлось дать согласие.

Бай-гуй села верхом на вола и той же самой дорогой, по которой ездила накануне вечером, добралась до какой-то деревушки. Это было живописное селение: зеленые ивы

шатром раскинулись над ней, фоном ей служила гора Цзюньшань, которую вверху будто делили надвое жемчужные облака, нависшие над перевалом. Бай-гуй увидела несколько мощных улочек и растерялась, не зная, куда ей свернуть. Потом она решила довериться своему волю, и тот медленно пошел вдоль большой улицы, затем свернул в проулок. Проулок становился все уже и уже. Рога быка уже не уместались в нем.

— Куда же теперь? — спросила девушка.

Вол трижды мотнул головой, согнул свои рога так, что они сошлись над головой, и с трудом протиснулся на следующую улочку. Деревню эту называли Луцзюй, что значит «Согнутый Рог». Вол остановился возле одного двора. Двор этот был окружен стеной, сложенной из камней. Они въехали в ворота, и принцесса увидела домик с каменными стенами и камышовой крышей. Внизу виднелось одно-единственное окошечко. На стене висело несколько связок чумизы, рядом были грудой свалены тыквы. Вол замычал и улегся на землю. Бай-гуй обрадовалась, слезла на землю и вошла в хижину. Высокая крепкая старуха с приветливым лицом сидела за ткацким станком и ткала. При виде дорогих одежд и украшений девушки старуха сразу поняла, что гостья знатного рода, и поспешила ей навстречу.

— Матушка, — сказала Бай-гуй, — сколько у вас в семье человек?

— Всего двое, девушка, — отвечала старуха, — я да сын.

— А где он?

— Спозаранку ушел в горы за хворостом, — старуха пододвинула скамейку, вытерла ее пучком травы и пригласила Бай-гуй сесть. — Осторожнее, не запачкайте одежду, в нашей хибарке еще никогда не было знатных гостей.

Бай-гуй присела, а хозяйка раздула огонь в очаге и поставила на треножник чайник. Когда огонь разгорелся, пламя осветило лицо девушки, ее большие темные глаза. Девушка смотрела приветливо. Старуха сразу поняла, что девушка добрая и простая. Она сняла с огня чайник, налила чаю и подала его девушке. Принцесса пила чай и рассказывала о том, зачем она пришла.

— Я пришла сюда по воле неба, чтобы выйти замуж, и теперь принадлежу вашей семье. Вы так добры ко мне, станьте моей матерью! — И принцесса упала перед старухой на колени.

Та не знала, радоваться ей или печалиться. Утирая слезы, она пыталась поднять девушку, приговаривая:

— Вставай, вставай, скажи, как мне быть. Я совсем растерялась.

В это время вернулся ее сын, сбросил во дворе вязанку дров и в изумлении уставился на принцессу. Это был молодой человек, высокий, как и его мать, с продолговатым худым лицом, высоким лбом и густыми черными бровями. Голова его была повязана белым платком, поверх белой нательной рубашки он носил накиннутую на плечи черную куртку. Одежда его во многих местах была заплатана, но даже заплатки сияли белизной. Несмотря на тяжелый труд, юноша, видно, привык к чистоте и аккуратности.

— Это мать так хорошо постирала тебе одежду? — спросила Бай-гуй.

Дровосек растерялся и молчал, тогда мать ответила за него:

— Едва скроется луна, как он уже точит свой топор, а на рассвете уже отправляется в горы за дровами. Сосновые ветки изодрали ему всю одежду, только и успевай ставить заплатки, стирать да крахмалить — совсем извелась!

— Хотите, я помогу вам! — сказала Бай-гуй, сняла свой длинный роскошный халат, засучила рукава, разожгла огонь и стала готовить пищу. Так принцесса и поселилась в хижине дровосека.

Услышав об этом, отец с горя едва не заболел. Бай-гуй отправилась приглашать его в дом мужа, но отец сказал:

— Я приду в твой дом только при одном условии: построй золотой мост и серебряную дорогу и вымости ее перед воротами дворца золотыми кирпичами.

С тех пор князь не желал больше знать свою дочь.

Однажды свекровь Бай-гуй заболела, денег на врача и на лекарства у них не было, и дровосек сильно горевал.

— Не печалься, — сказала Бай-гуй и отдала ему золотое кольцо со своей руки, — иди в город, продай кольцо и купи лекарства.

— А что это такое? — спросил дровосек.

— Золото.

— Золото? Да таким золотом вся земля усыпана там, где я рублю дрова.

— Не говори глупостей.

— Нет, правда, — повторил дровосек. — Слитки вон какие, больше кирпича.

— Ладно, — сказала Бай-гуй, — наруби завтра поменьше дров и принеси с собой золото, я погляжу.

На другой день дровосек взял с собой из лесу меньше дров, чем обычно, но прихватил целый слиток золота. Пока он дотащил его до дома — совсем умирался и, обливаясь потом, сказал:

— Устал до смерти, а принес всего полвязанки!

Засмеялась Бай-гуй от радости:

— Настоящее золото!

— Такая тяжелая штука, ни есть, ни жечь нельзя, название одно, и только!

— Хватит болтать, ступай лучше за лекарем! — приказала Бай-гуй.

Скоро мать выздоровела, и Бай-гуй велела дровосеку идти в горы за золотом, чтобы строить золотой мост и серебряную дорогу. Укладывая слиток за слитком, дровосек вымостил дорогу до самого дворца. Потом выстроил мост, от которого исходило золотое сияние. А один слиток он оставил и поднес князю. Тот созвал царедворцев и в сопровождении свиты среди ликующей толпы отправился по золотой дороге к дому зятя. Бай-гуй поддерживала отца, а зять наигрывал на свирели, указывая дорогу. Князь поднялся на мост с золотыми перилами и столбами, украшенными золотыми львами и фениксами. От яркого блеска глазам князя стало больно. Князь упал на колени, а вслед за ним — и вся его свита. Поклонившись золотому мосту, князь приказал устлать мост шитыми золотом коврами и только тогда перешел его. Подойдя к дому зятя, он низко поклонился его матери и признал дровосека своим зятем. Потом взял дочь за руку и сказал:

— Ты самая любимая и самая заботливая дочь!

Эта история произошла давно, но помнят ее до сих пор. Окрестности деревни Цзюньчжуан, как и прежде, очень живописны. От нее идет дорога, вымощенная желтым камнем. На солнце она сверкает золотом. А недавно кооператив выстроил шоссе, которая идет до самой деревни, и крестьяне говорят о ней: «Вот это действительно золотой мост и серебряная дорога!»

ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН И ЧЕРНЫЙ ДРАКОН

В давние времена в маленькой деревушке в окрестностях Дали жил Юнь Вай с семьей. Была у них в услужении совсем молоденькая девушка. Однажды мыла она овощи в ручье, как вдруг с горы упал зеленый персик. Девушка подобрала его и съела. А персик этот оказался жемчужиной дракона, и девушка забеременела. Жена Юнь Вая и говорит:

— Какое бесстыдство — не выйдя замуж, понести ребенка!

И хозяйева вытолкали ее за ворота, а она, оказавшись без крова, день за днем проливала горькие слезы.

У старой служанки Юнь Вая было доброе сердце, и, видя, что девушке некуда деваться, она от всей души жалела ее. Тайком от хозяев она поручила одному человеку построить для бедняжки шалаш в укромном местечке за деревней. В этом шалаше девушка и родила сына.

Перед тем как мальчику родиться, откуда ни возьмись прилетел феникс и, опустившись перед хижинкой, распростер над ней свои разноцветные крылья — казалось, радужная ширма защитила хижину от ветра и дождя. Когда женщина родила и как следует запеленала сына, феникс взлетел и бесследно исчез.

Мать и сын были очень бедны и жили впроголодь. Неожиданно им привалило счастье: неподалеку от них жил один богач. Был у этого богача конь, и ел этот конь лишь ту траву, которую косила эта женщина. Другой травы он в рот не брал. Вот благодаря этому коню мать с сыном и кормились. Каждый день, когда женщина уходила к реке косить траву, она брала с собой сына и укладывала его спать на краю поля, накрыв дождевиком. Она была так занята работой, что о ребенке почти не заботилась. Когда

он начинал плакать, приползала змея и кормила его своим молоком. Так она и выкормила его.

Когда сыну исполнилось три года, он сам стал косить и каждый день отправлялся на пустырь помогать матери.

В это время Черный дракон из Далийского сзера потерял свой драгоценный халат. Охваченный беспокойством, он спросил жену:

— Куда делся мой драгоценный халат?

— Не знаю! — ответила жена.

На самом же деле она была в близких отношениях с младшим Белым драконом и помогла ему похитить халат мужа. А муж, не найдя халата, страшно разгневался, перегородил устье реки Эршуй и отправился на поиски. Не находя выхода в море, вода стала прибывать. Чтобы отыскать свой халат, Черный дракон поднял ветер, вспенил волны, разрушил множество плотин, а народу сколько загубил! Но как ни бесчинствовал Черный дракон, Белый дракон по-прежнему прятал от него драгоценный халат и помалкивал. Вода поднималась все выше, даже мост Черного дракона в Сягуани снесло потоком.

Пришел однажды с поля сын и говорит матери:

— Видишь, какой страх нагнал на людей Черный дракон. Никому нет покоя. В уездном городе развешены императорские указы: кто сможет утихомирить Черного дракона, тому будет выдана награда. Я хочу с ним помериться силами.

Мать сильно встревожилась, стала удерживать сына, но того и след простыл.

Малыш отправился в город и первым долгом сорвал императорский указ.

Увидели это чиновники и хотели схватить его, но горожане стали просить:

— Не трогайте его, пусть идет к градоначальнику. Посмотрим, удастся ли ему поймать Черного дракона.

И чиновники привели мальчика к градоначальнику. Градоначальник поглядел на него, убедился в том, что он умен и сметлив, и все же не поверил, что ребенок может справиться с чудовищем.

— Ведь ты совсем еще дитя! Как же ты справишься с драконом?

— Справлюсь, только сделай то, что я тебе скажу.

— Ладно, я выполню все, что ты пожелаешь. Говори!

— Прикажите выковать из меди драконову голову, две пары железных кулаков, шесть острых ножей и триста железных хлебцев. Еще приготовьте три сотни пирожков на пару и сделайте из соломы трех больших драконов.

Когда чиновники приготовили все, что было нужно, мальчик надел медную драконову голову, руки и ноги всунул в железные кулаки, три ножа привязал к спине, один взял в рот и два в руки. Перед тем как броситься в реку, он обратился к людям:

— Сначала киньте в воду трех соломенных драконов, пусть Черный дракон поборется с чучелами. А когда он устанет, посмотрим, что делать дальше! — Затем добавил: — Когда я скроюсь под водой, смотрите внимательно. Как только вода пожелтеет, бросайте в нее пирожки, а когда почернеет — железные хлебцы. Если я одержу победу над Черным драконом, бросьте в воду охапку сена. Куда его прибьет вода, там и постройте мне кумирню!

Мальчик прыгнул в реку и тотчас же превратился в маленького Желтого дракона. Он тут же вступил в бой с Черным драконом, и волны поднялись на реке в несколько десятков чжан высотой. Жители Дали, в лодках скрываясь за волнами, стали помогать Желтому дракону.

Когда он проголодался, вода в реке покрылась желтой пеной. Он высунул из воды голову и раскрыл пасть. Тогда ему стали бросать пирожки. Насытившись, он стал драться еще упорнее. Когда же Черный дракон устал, поверхность реки покрылась черной пеной. Черный дракон раскрыл свою огненную пасть в поисках пищи, и люди начали бросать ему железные хлебцы. Проглотив их, Черный дракон не насытился, — только живот у него разболелся. Бился Желтый дракон с Черным три дня и три ночи, но тот не сдавался. Желтый дракон был ловким и быстрым, как змейка: он улучил момент, когда обессиленный битвой Черный дракон разинул пасть в поисках пищи, и скользнул ему прямо в живот. Все шесть ножей Желтого дракона вонзились в живот его врага. От боли Черный дракон заметался в воде, и поверхность реки окрасилась в черный цвет. Люди, сидевшие в лодках, не обращая внимания на бурлящую черную воду, стали бросать в нее железные хлебцы. Черный дракон не выдержал и взмолился:

— Вылезай, Желтый дракон, нет больше моего терпенья. Живот болит невыносимо! Если вылезешь, я уйду отсюда и никогда больше не вернусь, а ты останешься здесь!

— Как же мне выйти?

— Через задний проход!

— Не годится! Люди подумают, что ты сам меня выбросил, и я опозорюсь!

— Тогда выйди через мои ноздри!

— Нельзя! Люди подумают, что ты просто высморкался, и я опозорюсь!

— Тогда выйди через мои уши!

— Нельзя! Люди подумают, что ты выковырил меня вместе с серой. Нет, это не годится!

— Сжался надо мной, Желтый дракон, нет больше сил терпеть! Выберись у меня из-под мышки.

— Нет, нет, там ты меня можешь убить!

— Тогда выйди из моей ступни!

— Не годится, не годится, ты можешь меня раздавить!

Тут Желтый дракон снова стал колоть ножами внутренности Черного дракона, а тот ничем не мог защититься и снова взмолился:

— Желтый дракон, нет моих сил терпеть. Скорей выходи через мой глаз!

Тогда Желтый дракон вырвал у Черного один глаз и выбрался наружу. С тех пор Черный дракон стал одноглазым. Через щель в скале, что под храмом Речного ветра, он бежал прочь. Вода, затопившая Далийскую дамбу, хлынула через эту пробойну и ушла вместе с Черным драконом, а дамба показалась из воды. Черный дракон переселился в реку Нуцзян. Пробойна, что осталась в скале под храмом Речного ветра, сохранилась и по сей день, а скала превратилась в арку над ней.

Желтый дракон, победив Черного, так и не принял человеческого облика. Он остался в воде. Его мать на берегу, не переставая, звала сына, тогда Желтый дракон отозвался ей из-под воды:

— Мама, возвращайся домой, я останусь здесь.

Убитая горем мать, проливая слезы, сказала сыну:

— Ничего не поделаешь, если не можешь вернуться — не надо. Но ты хоть покажись из воды, чтобы я взглянула разок на тебя!

Тогда Желтый дракон высунул голову из воды. Мать взглянула и упала от страха замертво — вместо сына она увидела драконову голову.

Люди опечалились и похоронили мать дракона. После этого они бросили в воду охапку сена. А Желтый дракон

превратился в змейку и поплыл к Беседке благополучия. Тут ему и воздвигли храм в честь царя-дракона, а рядом с монастырем Трех пагод в Дали построили молельню в честь драконовой матери. Желтого дракона стали считать покровителем деревни Лютаоцунь.

Легенда гласит, что с тех пор Черный дракон возненавидел далийцев. Когда они переправляются через Нуцзян, то не осмеливаются говорить, откуда они родом, — иначе лодка перевернется. Поэтому далийцы и боятся плавать по реке Нуцзян. В тех местах сложили даже поговорку: «Хочешь отправиться к плотине реки Нуцзян, сначала женись»¹.

---

¹ То есть оставь потомство, которое продолжит твой род.

КРАПИВА И ПОЛЫНЬ

В глухой горной деревушке жила женщина с двумя детьми. Жили они очень бедно. Мать с самого утра уходила в поле и возвращалась лишь поздно вечером. Дома оставались семилетний мальчик и пятилетняя девочка. Девочку звали Да Чжэнь-бань, а мальчика Эр Де-де. Как только мать уходила, дети крепко-накрепко запирали ворота.

Возвращаясь с работы, мать стучалась в ворота и всякий раз говорила одно и то же:

— Да Чжэнь-бань, Эр Де-де, скорее открывайте ворота! Ваша мама пришла! Дун-дун-цян, дун-дун-цян, ваша мама пришла!

По стуку сестра с братом сразу узнавали, что мать вернулась, вне себя от радости бежали ей навстречу и забрасывали ее вопросами.

Позади их дома была небольшая гора, а в горе — черная пещера. В этой пещере жила злая колдунья. Она глаз не спускала с дома и следила за каждым движением его обитателей. Колдунья уже давно замыслила черное дело. Она заметила, в какое время мать уходит из дому и когда возвращается. Запомнила, как мать стучит в ворота, каким голосом окликает детей, и потихоньку, чтобы никто не слышал, училась подражать ей.

Однажды в июне, по старому летосчислению, когда уже начал созревать рис, мать поднялась пораньше и говорит:

— Доченька, наш рис вот-вот созреет, пойду покараулю в поле, чтобы птицы или дикие собаки его не съели. Ты с братцем хорошенько присматривай за домом, а я вечером вернусь и приготовлю вам поесть.

Мать ушла.

К вечеру, когда солнце село за гору, мать отправилась домой, но не успела она пройти и полпути, как столкнулась

с колдуньей. Женщина так и не сумела спрятаться, колдунья схватила ее и загрызла насмерть.

Стемнело. Дети с нетерпением ждали мать. Наконец они не выдержали, отперли ворота и пошли в поле, крича на ходу.

— Мама! — звали они. — Поскорей возвращайся, мы хотим есть!

В ответ издалека донесся голос:

— Да Чжэнь-бань, Эр Де-де, подождите немного, я сейчас вернусь!

Но голос показался им слишком грубым, совсем не похожим на материнский. Сестра схватила брата и потащила его обратно. Одним духом они домчались до дома и со скрипом замкнули ворота.

А старуха принялась стучать и, подражая голосу матери, приговаривала:

— Да Чжэнь-бань, Эр Де-де, скорее открывайте ворота! Ваша мама пришла! Дун-дун-цян, дун-дун-цян, ваша мама пришла!

Но девочка боялась отпирать ворота и стояла в нерешительности.

— Твой голос не похож на мамин, — тихонько сказала она. — Если ты действительно моя мама, просунь руку в щель, мы ее потрогаем.

Колдунья просунула в щель волосатую руку, девочка потрогала ее и говорит:

— Ты не наша мама. У нашей мамы рука гладкая, на запястье — яшмовый браслет, на пальце — серебряное кольцо, а у тебя ничего нет. Просунь свою ногу, мы и ее потрогаем.

Колдунья просунула в щель свою волосатую ногу, девочка потрогала ее и снова говорит:

— Ты не наша мама. У нашей мамы нога не волосатая. На ней розовые чулки и вышитые туфельки, а у тебя их нет.

Так и не удалось старухе обмануть девочку. Тогда она вихрем помчалась обратно к рисовому полю, переделась в платье убитой женщины, надела ее яшмовый браслет и серебряное колечко, натянула розовые чулки, обула вышитые туфли и в мгновение ока вернулась обратно.

— Да Чжэнь-бань, Эр Де-де, поскорее открывайте ворота. Ваша мама пришла, дун-дун-цян, дун-дун-цян, ваша мама пришла!

Но девочка не решалась открыть ворота и, как в первый раз, тихонько сказала:

— Твой голос не похож на мамин. Если ты действительно моя мама, просунь руку в щель, мы ее потрогаем.

Колдунья опять просунула руку в щель. Брат и сестра потрогали ее и сразу нащупали яшмовый браслет и серебряное кольцо.

— Это наша мама! Наша мама! — крикнул мальчик. — Скорее открывай ворота!

Но сестра дернула его за полу и велела замолчать.

— Если ты наша мама, — снова сказала она, — просунь в щель свою ногу, мы посмотрим, какая она.

Колдунья просунула в щель свою ногу, и брат с сестрой сразу нащупали вышитую туфлю и розовый чулок. Тут уж они окончательно поверили, что это их мать, распахнули ворота и впустили колдунью в дом.

Колдунья не умела готовить еду, да к тому же боялась, что при свете огня дети увидят ее настоящий облик. Поэтому, едва войдя в ворота, она сказала:

— Мои милые детки, я не буду готовить вам. Так поздно вредно есть, живот заболит, и придется пить горькое лекарство.

Дети испугались, что им придется пить горькое лекарство и, хотя были очень голодны, не осмелились сказать об этом. А колдунья села на постель и говорит им:

— Давайте сегодня спать все вместе!

Но девочка не согласилась.

— Я ведь никогда с тобой не сплю, — отвечала она, — нет, уж лучше я, как всегда, лягу у тебя в ногах.

— А тебе не страшно спать одной?

— Нет, не страшно.

Пришлось колдунье лечь с мальчиком, а девочка устроилась у них в ногах. Они укрылись одним одеялом и заснули. Прошло не так уж много времени, как вдруг Да Чжэнь-бань услышала какие-то странные звуки, как будто собака грызла кость, — хруст становился все громче и громче. Девочка набралась храбрости и спросила:

— Мама, а мама, что это ты там грызешь?

— Ничего не грызу, просто ем жареные бобы.

— Дай мне горсточку!

— Нельзя, нельзя, у тебя зубки маленькие, тебе не разгрызть.

Да Чжэнь-бань только было хотела ответить, но тут по-

чувствовала, что одна нога у нее затекла. Девочка вытянула ее и вдруг наткнулась на что-то мокрое и липкое. Тут она сразу все поняла и в испуге отдернула ногу.

— Мама, а мама, я хочу на двор, — сказала она колдунье.

— Сходи под постель!

— Нельзя, нельзя, я боюсь замочить духа земли!..

— Ступай тогда к двери!

— Нельзя, нельзя, я боюсь замочить духа двери!

Как ни злилась колдунья, пришлось ей согласиться.

— Упрямая девчонка; и так ей плохо, и этак нехорошо, ну ступай на двор! Только сначала подойди ко мне, я привяжу к твоей руке веревку. Если ты испугаешься, я дерну за веревочку и притащу тебя со двора!

Колдунья крепко-накрепко привязала девочку и отпустила ее на двор. А девочка, едва выйдя за дверь, потихоньку взяла с очага острый ножик и спрятала его за пазуху. Очутившись на дворе, она быстро перерезала веревку и привязала ее к ноге пятнистой собачонки. Затем прислушалась — вокруг царила тишина. Тогда девочка бросилась в сад, расположенный за домом, и проворно вскарабкалась на верхушку персикового дерева, усыпанного спелыми плодами.

Между тем у колдуньи разыгрался аппетит, и ей не терпелось поскорее съесть девочку. Она не выдержала и на весь дом заорала:

— Да Чжэнь-бань, а Да Чжэнь-бань, что ты там делаешь так долго! Сейчас же возвращайся!

Она кричала и то и дело дергала веревку к себе. Всякий раз, как она дергала веревку, собачонка заливалась отчаянным лаем. А Да Чжэнь-бань все не возвращалась.

Тогда колдунья выбежала на двор, со двора — в сад. Она обыскала все вокруг, но не могла найти даже следов девочки. Лишь когда луна и звезды стали особенно яркими, она, наконец, увидела ее на вершине персикового дерева.

Убедившись в том, что колдунья ее обнаружила, девочка сказала как ни в чем не бывало:

— Мама, персики такие сладкие и вкусные! Хочешь, я дам тебе две штучки?

— Я бы с удовольствием съела сладкий как мед большой персик, — сказала колдунья, — но только один, больше не надо. Брось мне его.

Девочка возразила:

— Плоды совсем спелые и, если упадут на землю, могут помяться. Ты лучше открой рот пошире, и я брошу тебе персик прямо в рот.

Колдунья разинула свою огромную пасть, похожую на огненно-красный таз, и стала ждать, когда в нее упадет сладкий персик. А девочка вытащила из-за пазухи сверкающий острый ножик и с силой бросила его вниз — ножик со свистом врезался колдунье в самое горло. Колдунья застонала и рухнула наземь. В тот же момент на месте, где она упала, образовались густые заросли крапивы с ярко-зелеными листьями, сочными и густыми.

Да Чжэнь-бань была в отчаянии. Пока она думала, как ей спуститься вниз, на востоке небо стало светлеть, и девочка вдруг увидела на западном склоне горы двух человек.

Друг за дружкой они спускались по склону вниз. Один из них, тот, что шел впереди, нес на спине красный ковер, тот, что следовал за ним, — белый. Это были торговцы. Скоро они поравнялись с персиковым деревом.

Обрадованная их приходом, девочка крикнула:

— Дяденьки, спасите меня! Посмотрите, сколько крапивы под деревом. Как же мне теперь спуститься?

Торговцы подошли ближе и действительно увидели, что под деревом буйно разрослась крапива. Они пожалели девочку и тут же раскинули под деревом свои ковры.

— Если я прыгну на красный ковер, — сказала девочка, — то стану вашей приемной дочерью. Если же на белый, то выйду замуж за того из ваших сыновей, который всех старше.

С этими словами девочка прыгнула, но промахнулась и упала на землю рядом с крапивой. И в тот момент, когда нога ее коснулась земли, она превратилась в высокую ярко-зеленую полынь, которая поднялась высоко навстречу солнцу.

С тех пор на обочине холмистых полей и вдоль тропок буйно кустится крапива; а неподалеку от нее тянется серебристо-зеленая полынь. И если неосторожный путник обжигается крапивой, стоит ему лишь сорвать пучок полыни и слегка потереть ею волдыри, как боль тотчас же утихает. С тех пор в пустынных горах и заброшенных балках уездов Дэнчжоу и Эрьюань рядом с крапивой всегда растет полынь.

ВОЛШЕБНЫЙ СОСУД

В Цзяньчжоу возле реки Фатяо жил плотник. Он был трудолюбивым, бережливым, честным и скопил немного денег. У плотника было три сына и одна дочь.

Старшие сыновья Чжао Би и Чжао Цай отличались хитростью, а третий сын, Чжао Юй, был простым, бесхитростным парнем.

Шли годы, плотник состарился и стал опасаться, как бы сыновья по молодости лет не промотали все его добро, которое должно было перейти к ним по наследству. Наконец он решил разделить все свое имущество на три части, выделил каждому сыну по двести лянов серебра и велел идти в чужие края учиться какому-нибудь ремеслу. Себе с дочерью он оставил ровно столько, сколько нужно было, чтобы прокормиться. Старшим сыновьям он приказал отправиться на границу к мастеру серебряных дел, а младшему велел идти к горе Баошань и поступить в ученики к плотнику.

Провожая сыновей в путь-дорогу, он наказал им:

— Через три года вы должны удвоить капитал и возвратиться домой богатыми. Если же промотаете денежки, лучше не показывайтесь мне на глаза.

Чжао Би и Чжао Цай сделали серебряных дел мастерами и через три года, удвоив капитал, довольные и богатые, вернулись домой.

Чжао Юй стал плотником, тоже разбогател и в самом радостном настроении отправился домой. Проходя вдоль реки в портовой части Нанкина, он увидел молодую женщину, которая сидела на берегу и заливалась слезами.

— Почему ты плачешь? — спросил юноша, подходя к ней. Но женщина даже не подняла глаз на него и продолжала рыдать. Тогда Чжао Юй спросил громче:

— У тебя какое-нибудь горе? Расскажи мне о нем, может быть, я сумею тебе помочь.

Женщина вытерла слезы, взглянула на Чжао Юя и, поняв, что человек он честный и благородный, поведала ему о своей беде:

— Раз уж ты так просишь, добрый человек, то я расскажу тебе всю правду. В прошлом году умер мой отец. У нас не было денег, чтобы похоронить его, и пришлось занять у старосты триста лянов серебра. Но возвратить долг мы не смогли, и староста взял моего мужа себе в батраки. — Тут женщина снова зарыдала.

— Ну и что, батрачил он? — спросил Чжао Юй.

— Батрачил. Каждый день пахал старосте поле, как вдруг позавчера вол заболел и сдох. Кто знал, что случится такое несчастье? И вот теперь староста требует, чтобы в трехдневный срок мы вернули ему стоимость вола и долг, иначе он грозитя передать мужа властям.

— Не плачь, — сказал Чжао Юй, — сколько лянов вы должны старосте?

— Девятьсот лянов чистым серебром, — ответила женщина сквозь слезы.

Чжао Юй отдал ей все, что заработал, — ровно девятьсот лянов, и у него не осталось ни гроша.

Молодая женщина не знала, как и благодарить Чжао Юя, взяла деньги и ушла, а юноша отправился к реке Фатяо и явился домой с пустыми руками.

— И не стыдно тебе в таком виде возвращаться домой, — холодно сказал старший брат, заметив, какое у Чжао Юя расстроенное лицо.

А второй брат, смерив его взглядом, зло бросил:

— Да ты посмотри, на кого он похож! Настоящий бродяга, нищий. Только отца позорит! Тебе отец дал триста лянов серебра, а ты что сделал с ними? В реке утопил?

Только сестра, увидев, каким несчастным вернулся третий брат и как насмеваются над ним старшие, возмутилась их жестокостью и встретила беднягу добром и лаской. Она расспросила его обо всем, приготовила угощение и накормила. Когда же старшие братья ушли, она узнала, чем младший так удручен, и преисполнилась к нему еще большим уважением.

— Милый братец, послушай свою сестренку, дома все равно тебе житья не будет, поищи лучше себе работу где-нибудь на стороне.

— Я и сам об этом думал, — ответил ей брат, — но где взять денег на дорогу?

— Ну, это не беда, — утешила его сестра, вытащила из прически золотую шпильку и отдала ее брату, а когда тот отправился в путь, трижды повторила: — Уж ты, братец, на этот раз постарайся ради сестры — вернись с лошадьми и волами, нагруженными поклажей, на зависть твоим бессловесным братьям!

Растроганный ее добротой, третий брат сказал:

— Моя добрая сестренка, на этот раз я либо вернусь с такой богатой поклажей, что даже птицы слетят с деревьев и лягушата выскочат из колодцев поглядеть на мое золото и серебро, либо совсем не вернусь!

С этими словами Чжао Юй простился с сестрой и вышел за ворота.

Шел он долго и вот однажды, когда стемнело, остановился в маленькой деревеньке, чтобы поискать ночлег, но никто не хотел пускать в дом одинокого нищего путника. Пришлось горемыке, несмотря на муки голода, уйти из деревни.

Недалеко от деревни возле дамбы Чжао Юй разглядел сквозь сгустившуюся мглу древнюю кумирню, которая пряталась в густых зарослях. Стены кумирни от времени совсем обвалились. Чтобы пробраться к ней, надо было по пути вырывать траву, иначе пройти было невозможно. Вдруг он столкнулся с белобородым старцем, который преградил ему путь.

— Не рви траву понапрасну, добрый человек, в кумирне никто не живет. Несколько дней назад люди видели, как оттуда выполз огромный удав, толщиной с ведро!

— Ничего, я знаю, как справиться с ним! — ответил Чжао Юй.

— Не стоит рисковать, — предостерег старец, — лучше не трогать это ядовитое свирепое чудовище! Побереги себя!

С этими словами старец, прихрамывая, удалился, опираясь на посох.

У Чжао Юя был большой петух и вязанка дров. Он развел жаркий костер, поставил на огонь котел и сварил петуха. Затем притащил огромный камень весом в сто десять цзиней, положил его на сундук, а под крышку сундука поставил бамбуковую подпорку. Рядом с сундуком он устроил себе постель. Когда петух сварился, Чжао Юй наелся, а кости побросал в сундук.

После этого он улегся на постель и заснул. В полночь его разбудил ветер, бушевавший снаружи, в нос ударил запах крови. Юноша открыл глаза и видит — огромный удав толщиной с ведро, шурша, вползает в кумирню. Сверкая глазами, которые своим блеском могли бы поспорить со светом фонаря, он устремился к сундуку, заглянул внутрь, увидел свое любимое блюдо — кости, и, забыв про осторожность, в нетерпении толкнул подпорку — огромный камень упал и придавил удава. Чудовище так неистово извивалось, что свалило на пол несколько глиняных статуэток богов. Наконец шумное дыхание удава затихло, и воцарилась тишина.

Тут только Чжао Юй вылез из постели и, увидев придавленного камнем удава, как решето затрясся от страха. Затем, набравшись храбрости, подошел ближе и убедился в том, что удав мертв. Одним взмахом своего острого ножа, того самого, которым он зарезал петуха, Чжао Юй отсек удаву голову — и тут, к его великому изумлению, из пасти удава выкатилась жемчужина, излучающая яркое сияние.

Чжао Юй положил жемчужину за пазуху, привел все в порядок и, вернувшись на свою постель, заснул крепким сном.

На другое утро жители деревни, вооружившись кто чем мог, с громкими криками направились к кумирне — они были уверены, что удав сожрал смелого юношу, — и вдруг видят: огромная, поблескивающая золотом змея неподвижно лежит на земле, а рядом крепко спит и даже похрапывает Чжао Юй. Люди разбудили юношу и принялись его расспрашивать. Чжао Юй рассказал обо всем, что произошло ночью. Все хвалили его за отвагу, а затем повели в деревню, поднесли ему в награду золото и серебро, но Чжао Юй отказался. Долго не хотели люди отпускать Чжао Юя, но делать было нечего, и все пошли провожать его до околицы.

Лето в том году выдалось знойное, и Чжао Юй, пройдя совсем немного, разомлел от жары и решил отдохнуть в тени придорожной ивы. Вдруг он увидел необыкновенного на вид юношу в белой одежде, который шел к нему по извилистой тропинке. Приветливо улыбаясь, юноша приблизился к Чжао Юю и заботливо, по-родственному, стал расспрашивать его обо всем. Они разговорились и стали друзьями. Юноша пригласил Чжао Юя погостить у него несколько дней. И вот Чжао Юй вместе с ним, не касаясь ногами

земли, понесся вперед. Неведомо, сколько степей и пустынных гор они перелетели, пока, наконец, не прилетели к большому Драконову омуту.

— Вот и мой дом, — сказал юноша в белом, указывая на омут, — закрой глаза, и я проведу тебя туда.

Чжао Юй зажмурился и спустился вслед за юношей в омут. В ушах у него зашумело, но тут юноша сказал:

— Мы прибыли, открывай глаза.

Чжао Юй открыл глаза — перед ним высился огромный дворец, все четыре стены которого были сделаны из хрусталя; он так сверкал, что даже больно было смотреть. Чжао Юй вместе с юношей вошел в драконов дворец, миновал несколько извилистых галерей и, наконец, очутился в главном зале. Тут было много редких, удивительных вещей. Юноша усадил гостя и сказал:

— Это — драконов дворец, сам я третий сын дракона, а зовут меня Ло Гуан. — Он приказал генералам-крабам и прислужникам-карам поить гостя чаем и ухаживать за ним. Густой аромат чая опьянил Чжао Юя. Затем любезный хозяин велел министру-черепахе и духу жемчужной устрицы подать вина и закуски. Никогда еще Чжао Юю не приходилось лакомиться такими вкусными морскими яствами.

— Сколько времени я развлекаюсь во дворце, но до сих пор еще не удостоился чести поклониться его хозяину!

— Повелитель драконов болен, — с печалью отвечал сын, — и не может принять тебя.

— Чем же он болен? — спросил Чжао Юй. — Может быть, позвать лекаря?

— Нет, не нужно, даже эликсир бессмертия ему не поможет. Есть одно только средство, которое может избавить его от недуга, — это жемчужина, светящаяся в ночи, что находится в пасти удава.

— Что же это за болезнь такая, которую лишь жемчужина может излечить? — удивился Чжао Юй.

— Не скрою от тебя, — со вздохом признался наследник престола, — вчера ночью был день рождения Повелителя драконов, он выпил вина на две чаши больше, чем обычно, принял свой первоначальный облик¹ и выбежал из дворца. К несчастью, ему повстречался какой-то человек, который отсек ему голову и похитил у него из рта драгоценную

¹ Согласно легенде, распространенной на западе провинции Юньнань, когда дракон принимает свой изначальный облик, он часто теряет разум.

жемчужину. А без этой жемчужины Повелитель драконов не может жить.

На лбу Чжао Юя выступил холодный пот, и он с трепетом сказал:

— Вчера ночью я убил в кумирне огромного удава и вытащил из его пасти светящуюся жемчужину. Неужели этот удав и был Повелителем драконов?

— Конечно, это был он, — со смехом сказал третий наследник престола, — но ты не беспокойся, нужно только отдать Повелителю драконов его драгоценность — и он будет спасен.

Чжао Юй поспешно вытащил из-за пазухи жемчужину, и передал ее сыну Повелителя драконов. Тот стремглав бросился в верхние покои и скоро выбежал оттуда с сияющим лицом.

— Повелитель драконов ждет тебя! — закричал он.

Чжао Юй поднялся вверх. Расшитый полог шевельнулся, и навстречу Чжао Юю вышел белобородый старец в желтом халате. Чжао Юй сразу догадался, что это и есть Повелитель драконов. Юноша бросился к нему, моля о прощении, но Повелитель, улыбаясь, сказал:

— Ты не виноват! Не ведающий о преступлении не виновен в нем. Поживи в моем дворце еще несколько дней!

И Чжао Юй зажил в покоях дворца.

Через несколько дней пришел Чжао Юй к Повелителю драконов и говорит:

— В вашем дворце я повидал такое, что простому смертному вовек не увидеть. Но пора мне возвращаться на землю. Завтра отправлюсь в путь-дорогу.

Видит Повелитель драконов, что юноша соскучился по дому, и говорит ему:

— Не спеши, завтра я велю сыну проводить тебя.

А наследник престола, дождавшись, когда они остались одни, тихонько сказал Чжао Юю:

— Завтра, когда мой отец предложит тебе в награду любое сокровище, ты не бери, а попроси у него сосуд, что висит за пологом.

— Чем же примечателен этот сосуд? — поинтересовался Чжао Юй.

— О, у него много достоинств! Что только твоя душа пожелает, то он тебе и даст. Попросишь дом — вмиг перед тобой дом вырастет.

Чжао Юй крепко запомнил слова наследника. На другой день Повелитель драконов протянул ему шкатулку, полную драгоценностей, и сказал:

— Эта шкатулка обладает волшебной силой. Наполнишь ее железом, а оно тотчас же превращается в серебро, наполнишь оловом — смотришь, вместо олова — золото. С этой шкатулкой ты станешь настоящим богачом!

— Хоть и трудно мне живется, а шкатулку эту я не возьму.

Тогда Повелитель драконов спросил, что бы он хотел получить в награду. В ответ Чжао Юй указал на сосуд за пологом и сказал:

— Мне хотелось бы вон тот сосуд!

— Это самая ценная вещь в моем дворце, и мне не хотелось бы отдавать ее простому смертному. Но раз уж это сокровище так тебе понравилось, отдам я его тебе на три года. Но помни! Через три года ты должен во что бы то ни стало вернуть его мне!

С этими словами Повелитель драконов снял сосуд со стены и собственноручно преподнес его Чжао Юю. Чжао Юй взял сокровище и в сопровождении наследника престола вернулся на землю.

Вышел Чжао Юй на берег, смотрит — нигде не видно ни деревьев, ни постоянного двора, а солнце уже садится на западе. Загрустил он — негде на ночь голову приклонить, но тут вдруг вспомнил о сосуде, спрятанном за пазухой, вытащил его и говорит:

— Сосуд, сосуд, сделай так, чтобы у меня был дом!

И слышит он, как из бутылки человеческий голос отвечает:

— А ты обернись да взгляни!

Чжао Юй обернулся, взглянул — и верно, стоит дом. Зашел он в него и переночевал.

С тех пор, о чем бы ни попросил Чжао Юй, сосуд исполнял любое его желание. Благодаря сосуду Чжао Юй мог иметь самые редкостные вещи в мире.

На другой день, отдохнув, юноша отправился в путь и скоро добрался до своих ворот. Но прежде чем войти в дом, он переоделся, сменив драгоценные одежды на лохмотья нищего, чтобы испытать братьев. Увидев, что младший брат вернулся таким же жалким, как и в первый раз, старший схватил плеть, выбежал за ворота и принялся хлестать его. Второй брат тоже стал в воротах, загородил дорогу млад-

шему. Чжао Юй упал на колени и зарыдал. Услышав шум, сестра выбежала и видит: пришел младший брат в жалком рубище, старший брат дубасит его, а средний не пускает на двор.

Вышла сестра за ворота и спрашивает:

— Ты, наверно, проголодался, братец? Я подогрею тебе жаренный в масле рис. Пойдем со мной, отдохнешь с дороги!

Она оттолкнула старших братьев и ввела младшего в дом. Еще с порога заметил Чжао Юй, что в доме полно приданого, и с удивлением спрашивает:

— Сестрица, ты замуж выходишь? А ну-ка, дай мне решето!

— Зачем тебе? — спрашивает сестра.

— Нужно!

Сестра дала Чжао Юю решето, а он приказал волшебному сосуду:

— Сосуд, сосуд, сделай так, чтобы решето доверху наполнилось серебром! — Не успел он договорить, как в решете чистым звоном зазвенело серебро.

Подивились злые братья звону серебра, проделали языком отверстие в оконной бумаге, взглянули — а у сестрицы в руках полное решето серебра! Тут они сразу же подобрели.

— Ах, какое доброе сердце у нашего младшего братца! — закричал старший брат, а второй добавил:

— Я всегда говорил, что младший братец, когда разбогатеет, не забудет нас!

Коварные братья бросились в дом и с лстивыми улыбками стали просить у младшего прощения.

А тот и не думал зазнаваться, лишь сказал:

— Завтра день кончины отца, и я хочу отметить его со всеми почестями.

В тот же день вечером Чжао Юй пошел на заброшенный пустырь возле дамбы, вытащил свое сокровище и говорит:

— Сосуд, сосуд, выстрой для меня дом, большой и прекрасный, как дворец, и вещи пусть будут там самые красивые, какие есть на свете.

Не успел он сказать это, как перед ним вырос дом — настоящий дворец. Поселился в нем Чжао Юй и стал жить, горя и забот не зная.

На другой день к Чжао Юю гостей съехалось видимо-невидимо. Человеческие голоса, ржанье лошадей — все

слилось в общем шуме. Никто из гостей не мог понять, каким образом Чжао Юй сразу разбогател и прославился. Выпив и закусив, гости отправились осматривать внутренние покои. Изумлению и зависти не было конца.

А злые братья, увидев, какой роскошный дом у Чжао Юя, задумали разделить с ним богатство и счастье и решили во что бы то ни стало переселиться к нему. Ночью они залезли в дом, легли на мягкие с парчовым пологом постели и уснули. Но Чжао Юй не мог простить братьям их жестокости. Гнев обуял его, он вышел за ворота, отыскал уединенное местечко и сказал:

— Сосуд, сосуд, перенеси сюда мой новый дом. Пусть мои братья лежат среди польни!

Братья сладко храпели на мягких постелях и вдруг проснулись от ломоты в костях. Вскочили — смотрят, а над ними звездный ковш, внутренние покои дворца исчезли неизвестно куда, сами они лежат на голом пустыре, поросшем польнью, а над ухом у них назойливо квакают лягушки.

Остолбенели братья, им и в голову не приходило, что младший брат перенес свой дом в другое место. Голод и холод давали себя знать, и братья стали злиться, вымещая друг на друге досаду.

— Все из-за тебя, — зло сказал старший брат. — Если бы ты не обидел младшего брата, мы не лежали бы сейчас на этом пустыре. Это ты сбил меня с толку!

— Нет, все из-за тебя, — сказал второй брат, — бедняков ты презираешь, только одно богатство и любишь! Не пожелал знаться с младшим братом, вот теперь у нас даже крова над головой нет. Это ты меня подвел!

МУДРАЯ ЖЕНА

Жили-были на свете юноша и девушка. Юношу звали Кун Цюе-лан, что значит «Павлин». Он был очень смышленным и с малых лет научился плотничать, пахать, охотиться и делать любую работу.

Девушку звали Мэй Мао-ньюй, что значит «Необыкновенная красавица». Она с малых лет искусно владела иглой, умела рисовать и вышивать. Никто бы не отличил цветы, вышитые ее руками, от живых. Все время девушка проводила во внутренних покоях, и отец часто похвалялся перед соседями:

— Мою дочь до сих пор еще никто не видел; кому посчастливится взглянуть на нее, тому я и отдам ее в жены.

Однажды отец Мэй Мао-ньюй задумал построить новый дом и пригласил себе в помощники Кун Цюе-лана. Три года работал юноша на стройке, и ни разу ему не удалось увидеть даже тени Мэй Мао-ньюй. Но вот однажды Кун Цюе-лан сквозь щель в полу увидел девушку, которая вышивала, сидя на камне под деревом. Она была так прелестна, что юноша подумал:

«Такие красавицы редко попадают на свете! Если бы мне удалось уговорить ее стать моей женой!»

Он все смотрел и смотрел на девушку, не в силах оторвать от нее глаз, и сам не заметил, как капелька слюны стекла с его губ и упала на вышивку. Мэй Мао-ньюй подняла голову и увидела Кун Цюе-лана. Он сразу показался ей умным и смышленным.

«Вот хороший парень! — подумала девушка, — с таким всю жизнь можно прожить!»

И хотя между юношей и девушкой не было сказано ни слова, они с первого взгляда полюбили друг друга.

Вскоре Мэй Мао-ной рассказала отцу о том, что Кун Цюе-лан уже видел ее. Она сразу призналась, что полюбила парня и хочет прожить с ним всю жизнь.

«Раз парень видел ее, пусть поженятся», — решил отец.

И вот Кун Цюе-лан и Мэй Мао-ной поженились. Околдованный красотой жены, парень совсем перестал работать: не пахал, не охотился и день за днем сидел дома возле красавицы. Мэй Мао-ной была очень огорчена, но как ни уговаривала мужа, ничего не помогало. Однажды она и говорит ему:

— Если ты не пойдешь работать, чем же мы будем дальше жить?

— Работать я могу. Но как мне оставить тебя?

Пришлось Мэй Мао-ной нарисовать два собственных портрета.

— Возьми, — сказала она, передавая их мужу, — и положи на противоположных концах поля. Когда будешь пахать и соскучишься обо мне, дойди до конца поля и взгляни на меня, потом дойди до другого и опять посмотри.

Взял Кун Цюе-лан портреты и отправился пахать. Следуя совету, он всякий раз, вспоминая о жене, смотрел на портрет, и грусть проходила. С тех пор Кун Цюе-лан каждый день ходил в поле. Поднимался рано, возвращался поздно и трудился не покладая рук. Однажды после полудня налетел сильный ветер, подхватил портрет жены и забросил его в императорский дворец. Поднял император портрет, взглянул на него и говорит:

— Какая красавица! Если бы можно было взять ее во дворец, чтобы дни и ночи она была рядом со мной, я мог бы считать, что прожил жизнь не зря.

С тех пор император только и думал, что о красавице, дела валились у него из рук. День и ночь мечтал он о ней, бродил повсюду, надеясь увидеть ее. Но прошло много дней, а ему не удалось даже напасть на ее след.

Однажды он наткнулся на Кун Цюе-лана, который вспахивал землю.

— Эй, земляк, скажи: сколько лопат ты выбрасываешь за день? — с интересом спросил император.

Этот вопрос поставил Кун Цюе-лана в тупик. Он ничего не мог ответить и почему-то сказал:

— Дома спрошу у жены и завтра отвечу.

Услышав такой ответ, император расхохотался и ушел. Вернулся Кун Цюе-лан домой, рассказал жене все, как было, а та и говорит:

— Надо было ответить ему вопросом.

— О чем же я должен был спросить его?

— Спросил бы, сколько шагов делает за день его конь.

Кун Цюе-лан крепко-накрепко запомнил слова жены. На другой день император снова пришел на поле и тотчас же спросил Кун Цюе-лана.

— Ну что, ответишь ты сегодня на мой вопрос?

Кун Цюе-лан выложил ему все начистоту!

— Жена велела спросить, сколько ваша лошадь делает за день шагов.

«Сообразительная у него жена», — подумал император, а вслух сказал:

— Твоя жена очень умная. Когда пойдешь домой, я провожу тебя, хочу взглянуть на нее.

В этот день Кун Цюе-лан пошел домой вместе с императором. Мэй Мао-нуй уже поджидала его у ворот. Император еще издали заметил красавицу и подумал: «Это и есть его жена, она, видно, догадывается, что я буду ее расспрашивать». Император тотчас подался всем телом вперед, уперся ногами в стремя, привстал и спросил:

— Отгадай: схожу я с коня или сажусь на него?

Мэй Мао-нуй ничего не ответила, не торопясь поставила одну ногу на порог и спросила:

— Скажи: вхожу я или выхожу?

Императору нечего было ответить. Приглядевшись к молодой женщине, император по уши в нее влюбился. Она и раньше ему нравилась. Ведь это была та самая красавица, портрет которой он хранил. Возликовал император и думает:

«Вот и нашел я свою красавицу! Задам-ка ей еще загадку».

Вынув из-за пазухи один вэнь и приказав слуге наполнить чашу рисом, император протянул монету красавице и говорит:

— Прошу тебя, купи на этот вэнь девять разных приправ и приготовь мне еду, — затем прибавил, кивнув на слугу, державшего чашку с рисом: — Потом сваришь этот рис так, чтобы он заполнил не одну, а семь чашек. Ну, сможешь это сделать?

Задумалась было красавица, но потом согласилась, взяла и монету и рис. Сначала она наполнила большую плошку ярко-зеленым душистым луком¹, затем наложила в большую красную лакированную чашу белоснежный рис и поднесла все это императору. Император на все лады стал расхваливать красавицу за ловкость и смекалку, а потом заявил, что непременно возьмет ее во дворец и сделает своей женой. Ничего не поделаешь, пришлось Мэй Мао-нью покориться. Когда пришло время расставаться с мужем, она украдкой шепнула ему:

— После моего ухода отправляйся на охоту, убей сто птиц, возьми их перья и шей себе одеяние. Затем оденься в эти перья и найди меня, а уж я придумаю что делать.

Глотая слезы, она отправилась вслед за императором.

Едва красавица поселилась во дворце, как характер ее сразу переменился: целые дни ходила она печальная, не разговаривала, не смеялась, и это очень огорчало императора. Чтобы развлечь ее, император находил людей, которые умели рассказывать анекдоты, петь песни, читать священные книги, — словом, делал все, чтобы развеселить ее, но Мэй Мао-нью даже не улыбнулась ни разу.

Императору ничего не оставалось, как вместе с ней грустить и молчать. А тем временем Кун Цюе-лан настрелял сто птиц, надел одеяние из разноцветных перьев и помчался в столицу. Когда он появился в таком виде перед дворцовыми воротами и стал танцевать, в толпе зрителей раздался громкий хохот. Услышав шум за воротами, Мэй Мао-нью сразу поняла, что пришел муж. Радуюсь встрече, она вышла к нему, весело смеясь. Увидел император, что красавица смеется, и спрашивает:

— Ты над кем смеешься? Неужели над тем бедняком в пестрой одежде, что потешает всех?

— Да, над ним, — ответила Мэй Мао-нью.

Император тотчас же приказал, чтобы Кун Цюе-лана привели во дворец, и велел ему танцевать для императрицы.

Кун Цюе-лан начал прыгать, а Мэй Мао-нью, глядя на него, весело смеялась. Император был вне себя от радости.

---

¹ Здесь игра слов: «душистый лук» и «десять приправ» имеют одно и то же звучание «цзючай».

— Слушай-ка, парень, уж очень хороша твоя одежда, давай поменяемся. Я дам тебе за нее все, что ты пожелаешь.

— Не могу, — ответил Кун Цюе-лан. — Она кормит меня.

— Вот глупый, — сказал император. — Если ты отдашь ее мне, разве тебе придется заботиться о еде? Захочешь серебра — дам серебра, захочешь золота — получишь золото.

— Ну, уж если император так хочет меняться, — согласился Кун Цюе-лан, — я не осмеливаюсь возражать. Но мне не нужно ни золота, ни серебра. Я согласен меняться лишь на одежду, которая сейчас на тебе.

— Что же, я согласен. Бери мое платье и облачайся в него, а я возьму твое.

Император нарядился в костюм из перьев, а Кун Цюе-лан облачился в императорский халат и куртку. Тут Мэй Мао-ньюй поняла — пришло время действовать, и громко закричала:

— Эй люди, что за чудовище явилось сюда! Убейте его немедленно!

Не успела она промолвить это, как в императорские покои ворвались стражники и без лишних слов прикончили императора. Так и стал Кун Цюе-лан императором. С тех пор муж и жена счастливо зажили в императорском дворце.

КАК ИМПЕРАТОР СОХРАНИЛ КРЫСАМ ЖИЗНЬ

И у крыс есть своя история.

В давние времена — не знаю точно, в какую эпоху и династию, — жил-был один жестокий император. В его роскошном дворце хозяйничали крысы, и справиться с ними не было никакой возможности. Они часто грызли кожаные и другие ценные вещи. Разгневался император и специальным указом повелел народу в течение трех месяцев начисто уничтожить всех крыс; а того, кто выпустит хоть одну крысу, он приказал схватить как преступника. Получив приказ императора, все взялись за дело и принялись ловить крыс. Не прошло и двух месяцев, как был выловлен весь молодняк. Остались лишь самые хитрые и ловкие крысы-матки, за которыми надо было охотиться терпеливо, с умом. Люди везде расставили крысоловки. Тем временем подошел срок, назначенный императором, а матерые крысы так и не вышли из своего логова. Люди приуныли, собрались вместе и начали обсуждать, что предпринять и как ответить жестокому императору. Один умный молодой крестьянин предложил самый лучший план, который все сразу одобрили.

Подошли весенние праздники, и, когда император собрался принести жертвы предкам, его подданные поднесли ему две ярко-красные свечи, на которых сияли золотые иероглифы. Император с удовольствием принял подарок, но почему-то спрятал свечи под стол. Аромат привлек целое стадо крыс, и они в мгновение ока объели весь воск со свеч. На другой день император отправился поклониться предкам и тут вспомнил о подарке. Он подошел к столу, нагнулся, протянул руку, и вдруг его пальцы наткнулись на что-то холодное. Удивился император, заглянул под стол, а там вместо алых, сияющих золотыми

иероглифами свеч лежат две черные бомбы. Император сразу все понял и думает:

«А ведь крысы тоже имеют свои достоинства: если бы не они, я бы погиб от руки бунтовщиков. Оставлю я маток, пусть размножаются».

И жестокий император издал новый указ, запрещающий уничтожение крыс. А кто осмеливался нарушить этот указ, того хватали и наказывали.

Народ так надеялся, что император погибнет от оружия, спрятанного в свечах! Кто же знал, что их заговор раскроют крысы!

Затаил злобу император и стал еще более жесток к людям.

С той поры крысиный род умножался. И сейчас крысы водятся везде, где только живет человек, а начало этому положил злой император.

КАК ЧАН ШЭН ОБРЕЛ СОКРОВИЩЕ

В далекие-далекие времена жили два брата. Старшего звали Чан Бао, а младшего Чан Шэн. Братья не ладили между собой и жили порознь. Когда они разделились, старший брат, пользуясь тем, что кормил отца, забрал себе все имущество. А младшему достались лишь две старые клячи. Взял он их и поселился вместе с женой в ветхой соломенной хижине на окраине села. Своей земли у Чан Шэна не было, и он кормился тем, что возил на своих клячах дрова и продавал их. Жили они очень бедно — для лошадей не было даже охапки сена. Несчастные животные совсем выбились из сил и в конце концов сдохли. Тогда Чан Шэну с женой стало еще труднее.

Однажды Чан Бао справлял день рождения отца и пригласил много гостей. Чан Шэн тоже пришел к старшему брату, чтобы поздравить отца. Поглядела невестка на его рваную, изношенную одежду, рассердилась и говорит:

— Как только тебе не совестно на глаза людям показываться. Всякий стыд потерял! В таком виде впору только в собачий лаз лезть, а не в парадные двери заходить.

Во время праздничной трапезы невестка не позволила Чан Шэну сесть рядом с гостями, а налила ему остатки прокисшего бульона, положила в миску несколько костей и усадила в укромном уголке подальше от гостей. Расстроился Чан Шэн, но не сказал ни слова. А когда вернулся домой, обида все сильнее и сильнее разбирала его. Он решил уйти из дому, а жену оставить. Купил пару травяных сандалий, забросил за спину котомку и отправился в путь. То там, то здесь подряжался на работу и этим зарабатывал себе на пропитание. Незаметно проле-

тели три месяца. Однажды он брел в потемках по дороге, тщетно пытаясь найти место для ночлега. Вдруг видит: на вершине горы, в сосновом бору, кумирня стоит, и решил переночевать там. Ноги у него ныли от усталости. Он едва дотащился до двери и перевел дух. Но только было он хотел войти, как вдруг услышал какой-то шорох. Заглянул внутрь и испугался: в кумирне на перекладине лежал огромный, сверкающий золотом змей. Он разинул огненную пасть, из нее выкатилось семь сверкающих жемчужин, и кумирня озарилась ярким светом. Вслед за жемчужинами из пасти вылезло семь крохотных человечков, каждый величиной с большой палец. Все они были одеты в красные брючки и зеленые курточки. Человечки выстроились на перекладине и принялись петь. Глядя на все это, Чан Шэн задрожал как осиновый лист, но не осмелился издать ни звука. К счастью, он был за дверьми и лишь благодаря этому спасся.

Едва начало светать, как Чан Шэн спустился с горы, чтобы как-нибудь утолить голод. Пройдя пять ли, он встретил старика, который спросил:

— Куда путь держишь?

— Вчера вечером я брел в темноте по дороге, — ответил Чан Шэн, — заночевать было негде, и мне пришлось остановиться вон в той кумирне, что стоит в сосновом бору на вершине горы.

— Ты мог погибнуть, — со страхом сказал старик, — как только ты осмелился остановиться в той кумирне? Неужели ты не знаешь, что там живет чудовище, которое пожрало несметное число людей?

— Совершенно верно, — ответил Чан Шэн, как ни в чем не бывало. — Сегодня утром я вошел в кумирню и увидел там целую грудку человеческих костей.

— Теперь ты уж не посмеешь туда войти, — заметил старик.

Но Чан Шэн возразил:

— Чего мне бояться? Я могу справиться с чудовищем.

Старик замахал руками.

— Не верю, не верю! Если бы ты и в самом деле победил его, я дал бы тебе все, чего ты пожелаешь.

— Но я могу и вправду справиться с ним.

Старик обрадовался и говорит:

— В таком случае убей чудовище сегодня же вечером. Тогда подарю тебе пять тюков серебра.

— Зачем мне столько? — рассмеялся Чан Шэн, — хватит и одного.

— А что тебе нужно, чтобы справиться с чудовищем? — спросил старик.

— Всего лишь два котла: один побольше, другой поменьше; пять больших кастрированных петухов и вязанку дров.

Старик собрал все, что потребовал Чан Шэн, и отдал ему. Чан Шэн поставил в кумирне большой котел, налил в него воды и наложил полную печурку дров. Затем затопил печь и стал варить петухов. А когда они были готовы, потушил огонь.

Позади кумирни лежала бамбуковая корзина с сеном, и Чан Шэн спрятался в ней. В глухую полночь змей почуял запах вареного мяса. Он сполз с перекладки и бросился к котлу. Услышав в кумирне шум, Чан Шэн проворно вылез и начал следить за каждым движением змея. Едва лишь он сунул голову в большой котел, в котором лежали вареные петухи, как Чан Шэн тотчас прищемил его малым котлом, сам вскочил на дно перевернутого котла, выхватил острый нож и рассек змея надвое. Затем вспорол ему брюхо, и оттуда покатались блестящие золотые слитки. Чан Шэн запрятал их в бамбуковую корзину и прикрыл сеном. Затем забрался на перекладину, снял с нее семь маленьких человечков и семь жемчужин и спрятал их за пояс. Вскоре совсем рассвело, Чан Шэн выбежал из кумирни и, спустившись с горы, отправился к старику.

— Я убил чудовище! — закричал Чан Шэн. — Теперь ты можешь спокойно поститься и читать свои сутры.

Старик не поверил, побежал в кумирню и там увидел, что змей и вправду мертв. Он был вне себя от радости, без конца благодарил храбреца и, вернувшись домой, тут же послал слугу с тюком серебра к Чан Шэну.

Чан Шэн купил в городе двух лошадей, нагрузил их золотом и серебром, собрал свои пожитки и отправился домой.

Утомившись в дороге, он остановился отдохнуть рядом с драконовым омутом. Вынул из-за пояса свои жемчужины, и в тот же момент пещера озарилась ярким светом. Маленькие человечки стали петь. Их тоненькие дрожащие

голоса были необыкновенно приятными. Понравилось пение третьей дочери Повелителя драконов, которая как раз вышла погулять из отцовского дворца, и пошла она в том направлении, откуда оно доносилось. Шла, шла и попала в пещеру. Услыхав за спиной шаги, Чан Шэн быстро убрал жемчужины и человечков. Посмотрела принцесса на Чан Шэна, удивилась и спрашивает:

— Что ты здесь делаешь?

— Шел мимо, устал и решил отдохнуть, — отвечает Чан Шэн.

— Это ты так красиво пел? — спрашивает принцесса.

Чан Шэн подумал и говорит:

— Да, я.

Обрадовалась принцесса.

— Как хорошо, что ты умеешь петь. Завтра день рождения Повелителя драконов. Приходи к нам во дворец, будешь петь три дня подряд.

— Петь я могу, — сказал Чан Шэн, — да вот только одежда моя обветшала так, что на людях появиться стыдно. Ты лучше посади меня куда-нибудь, куда не проникают ни дождь, ни ветер, и я буду там петь.

— Не бойся, — ответила принцесса, — я дам тебе несколько хороших костюмов.

— Не надо мне никаких костюмов, — сказал Чан Шэн. — Пойдем.

Чан Шэн снова взнуздal лошадей и отправился вслед за принцессой. Но когда он подошел к самому берегу и увидел черный омут, то страшно перепугался и остановился.

— Чего же ты не идешь? Боишься? — спросила принцесса.

— Да как же я пойду, я не смею.

— Не бойся, — сказала принцесса, — зажмурь покрепче глаза и возьми в зубы кончик расшитого пояса моей юбки. А как я скажу тебе — открывай глаза. Пошли.

Зажмурил Чан Шэн глаза, прикусил зубами пояс принцессы и шагнул в омут — в ушах у него сразу засвистело. Прошло совсем немного времени, и принцесса сказала:

— Открывай глаза.

Чан Шэн открыл глаза и видит: перед ним огромный дворец, блистающий золотом, разрисованный драконами

и фениксами. Ничего не понимая, пошел Чан Шэн, понурив голову, за принцессой. Когда они подошли ко дворцу, принцесса спросила его:

— На какой порог ты желаешь ступить: на золотой или серебряный?

— Ни на золотой, ни на серебряный не желаю, — ответил Чан Шэн. — Хочу на деревянный.

— Ладно, — согласилась принцесса, — тогда мы оба ступим на деревянный.

Они взошли на деревянное крыльцо и очутились во дворце. Тут принцесса опять спрашивает его:

— На какую скамью ты желаешь сесть: на золотую или серебряную?

— Ни на золотой, ни на серебряной не желаю. Хочу сесть на деревянной.

— Ладно, — сказала принцесса, — тогда мы оба сядем на деревянную. — С этими словами она взяла деревянную скамейку, и они уселись на нее.

Пришло время ужинать. Принцесса спрашивает Чан Шэна:

— Из каких тарелок ты желаешь есть, из золотых или из серебряных?

— Ни из золотых, ни из серебряных не желаю, хочу из глиняной есть.

— Ладно, — сказала принцесса, — и я буду есть из глиняной.

Потом принцесса указала на лежавшие на столе серебряные и золотые палочки и спросила:

— Какими палочками ты будешь есть — золотыми или серебряными?

— Ни золотыми, ни серебряными, я буду есть бамбуковыми.

— Ладно, — согласилась принцесса, — тогда и я буду есть бамбуковыми.

В день рождения Повелителя драконов принцесса послала людей приготовить для Чан Шэна помещение, в которое не проникали бы ни ветер, ни дождь. Чан Шэн взял с собой жемчужины и маленьких человечков, которые три дня и три ночи подряд пели песни. Гости были очарованы пением и без конца хвалили юношу, который так красиво пел. Через три дня разъехались гости, и Чан Шэн сказал принцессе:

— Мне пора уходить.

Долго уговаривала его принцесса пожить еще несколько дней, но он так и не остался. На прощанье она спросила Чан Шэна, указывая на золото, серебро и драгоценности:

— Что тебе нравится? Выбери!

— Ничего мне не надо, — отказался Чан Шэн.

Принцесса давала ему золото, серебро, жемчуг, яшму. Чан Шэн не брал; предложила императорский халат и яшмовый пояс — тоже отказался! Тогда принцесса сняла со стены ярко-красную тыкву-горлянку для масла. Взглянул Чан Шэн на красивую игрушку, подивился и спрашивает:

— Зачем она мне?

— Эта вещь очень полезная, — сказала принцесса. — Что ты у нее попросишь, то она и даст. Захочешь, к примеру, построить дом, попросишь сегодня вечером, а утром проснешься — дом уже стоит. Захочешь покататься верхом — тотчас же перед тобой появится мул или конь. Захочешь новые туфли — будут у тебя новые туфли.

Чан Шэну очень понравилась красная тыкву-горлянка. Он взял ее и спрятал за пазуху. Потом снова прикусил кончик расшитого пояса принцессы, закрыл глаза, и дочь Повелителя драконов вывела его на берег. Здесь он распрощался с нею, оседлал своих коней и отправился домой.

Увидела жена, что муж вернулся без единого слитка серебра, в том самом рубище, в котором ушел из дому, и стала насмехаться над ним:

— Вижу я, что за три года ты ничего не нашёл, кроме двух тюков камней, даже новой одежки себе не справил. Эх, пропащий ты человек! — с этими словами жена Чан Шэна ушла, не пожелав даже взглянуть на него.

Чан Шэн ничего не сказал, принес воды и сам помылся. Поесть жена ему тоже не дала. Тогда он вытащил тыкву-горлянку и сказал ей:

— Тыква, а тыква, быстро накрой мне два стола.

В одно мгновение появились два стола, а на них пышущие жаром блюда. Чан Шэн наелся до отвала, потом вышел во двор и говорит жене:

— Завтра день рождения отца, я хочу пригласить гостей.

Рассердилась жена и говорит:

— У тебя у самого есть нечего, а ты еще гостей вздумал приглашать. Люди придут, чем угощать их будешь?

— Не твоя это забота, — ответил Чан Шэн.

Он одним духом добежал до дома старшего брата, ворвался во двор и громко крикнул:

— Брат, невестка! Приглашаю вас завтра ко мне! Я хочу отпраздновать день рождения отца.

Взглянула невестка на потрепанное платье Чан Шэна и, не обратив никакого внимания на его слова, взяла ведро и отправилась по воду. Старший брат осмотрел младшего с головы до ног и говорит:

— За эти несколько лет ты даже одежды себе не справил, а еще гостей зовешь. Где же ты денег возьмешь на угощение?

— Не беспокойся, это мое дело, — ответил Чан Шэн.

Затем он навестил родителей и вернулся в свою хижину. Вечером Чан Шэн вытащил тыкву-горлянку и говорит:

— Тыква, а тыква, преврати эту хижину в красивый двухэтажный дом с просторным двором, чтобы в нем можно было свободно проехать на лошади.

На другой день утром Чан Шэн увидел, что на месте его хижины стоит большой дом под черепичной крышей. Тогда Чан Шэн приказал тыкве-горлянке снарядить четверо носилок, чтобы доставить на них отца, мать и старшего брата с невесткой. Увидела невестка деверя, одетого чин по чину в новую рубашку и куртку, да еще носилки, посланные за гостями, и в изумлении спросила мужа:

— Откуда Чан Шэн взял столько денег? Еще вчера он был в грязных лохмотьях, а сегодня так вырядился да еще прислал за нами праздничные носилки.

Старший брат расстроился, но не сказал ни слова и вместе с женой отправился в гости к младшему.

В день рождения отца Чан Шэн запер маленьких человечков вместе с жемчужинами в помещение, куда не проникали ни дождь, ни ветер. Они пели хорошо, так что гости заслушались и забыли о том, что надо уходить. Невестка с жадностью поедала яства и не поднимала головы от тарелок. Красивого пения она и вовсе не слышала. Вдруг она обнаружила, что ножки обеденного стола стоят на золотых кирпичах. Жадность охватила ее. Убедившись в том, что никто на нее не глядит, она схватила золотые кирпичи, крадучись вышла и спрятала их в старой бамбу-

ковой корзине. Но духи земли заметили это и вернули Чан Шэну его золотые слитки.

После обеда невестка взвалила на спину корзину и побежала домой. Опустила корзину на пол, смотрит, а там золотых слитков нет и в помине.

Пользуясь добротой младшего брата, старший брат с женой зачастили к нему, стараясь чем-нибудь поживиться.

Однажды Чан Бао и говорит Чан Шэну:

— Где ты, братец, взял столько денег? Наверно, грабил на дорогах?

Тут Чан Шэн рассказал брату, как убил змея в кумирне, как в пещере возле Драконового омута встретился с дочерью Повелителя драконов и как водяная принцесса отдала ему волшебную тыкву-горлянку. А под конец добавил:

— Все богатства мои получены благодаря этой красной тыкве, она все может сделать.

Услышал Чан Бао слова брата и, вытаращив глаза, взмолился:

— Дорогой братец, дай мне свое сокровище хотя бы на два денька!

Чан Шэн был добрым, простодушным парнем. Видя, как ласковы стали с ним брат и невестка, он одолжил им свою тыкву-горлянку. Взял Чан Бао тыкву-горлянку и стрелой помчался домой. Едва влетел в ворота, тут же крикнул жене:

— Принес я сокровище брата!

Тут он вытащил тыкву-горлянку и помахал ею перед лицом жены. А та от радости залилась смехом.

— Вот удача! Теперь ни за что не отдадим ее Чан Шэну!

На другой день Чан Бао решил погулять по городу, вытащил тыкву и говорит:

— Тыква, а тыква, я хочу прокатиться на добром муле.

Тыква немедленно подвела к нему мула. Чан Бао вскочил на него и отправился гулять. Доехал он до морского берега, взглянул на зеленые волны и сразу охладел к верховой езде. Вот бы покататься на священном корабле, почувствовать себя вольной птицей.

— Горлянка, а горлянка, не хочу я ездить верхом, хочу походить по морю на корабле.

В тот же момент из волн морских вынырнул большой корабль. Обрадованный Чан Бао схватил тыкву и прыгнул на борт корабля. Но не успел он там поудобнее усесться, как вдруг корабль перевернулся, и Чан Бао вместе со всем экипажем пошел ко дну.

Оказывается, красная тыква-горлянка была сокровищем дна морского. Едва оказавшись на море, она тут же вернулась во дворец дракона.

Так Чан Шэн лишился волшебной тыквы-горлянки. Но жизнь его все равно текла как по маслу. Семь маленьких человечков и семь волшебных жемчужин остались у него, и он всегда мог заработать себе на жизнь пением.

ЛО ША

Рассказывают, что давным-давно район Дали был сплошь покрыт водой. Да и сейчас еще в низменных местах и у подножья гигантских деревьев можно найти бело-снежные ракушки.

В те далекие времена народ жил в местности Хуадяньба. Потом в Дали появился злой дракон. Вода ушла, и земля обнажилась. Бодисатва Гуаньинь велел людям переселиться в низину. Но люди уже привыкли к горам и, прожив в низине несколько дней, снова вернулись в Хуадяньба. Рассердился Гуаньинь и сделал так, что в Хуадяньба совсем не стало никакой растительности. Пришлось людям снова переселиться из Хуадяньба в Дали.

В то время люди еще не умели говорить, и Гуаньинь обучил их этому. С тех пор жизнь людей день ото дня становилась лучше.

Но вот появился в Дали злой волшебник по имени Ло Ша. Безобразный, с мордой собаки, крючковатым носом и острым подбородком, с куриными лапами вместо рук и ног, с шестью зубцами на макушке и с огромными крыльями, которыми целыми днями с утра до ночи хлопал. Чудовище особенно любило человеческие глаза. Захочется ему чих-нибудь глаз, налетит, вырвет и съест. В день ему нужно было больше трех сотен глаз. Он ослепил почти всех жителей в районе Дали. При одном только упоминании о нем людей охватывала дрожь. Видя страдания народа, Гуаньинь очень переживал и решил избавить народ от этой напасти. Приняв вид белобородого старца, он поднялся на гору Утайфэн и на самой вершине выстроил сверкающий всеми цветами радуги дворец с золотыми бубенцами. Затем он попросил хозяина горы Цаншань дедушку Ду и князя Биньчжоу по имени Чжан

Цзин, чтобы они помогли ему одолеть злого волшебника.

С тех пор жители Дали часто видели трех старцев вместе с Ло Ша. Вначале Ло Ша не доверял старцам и держался очень настороженно. Заметив это, Гуаньинь как-то сказал ему:

— Я знаю, что ты очень любишь человечьи глаза. Хочешь, я буду ежедневно давать их тебе по три даня?

— Это было бы очень хорошо! — обрадовался Ло Ша.

И Гуаньинь стал каждый день собирать по три даня улиток. Придав им вид человечьих глаз, он отсылал их Ло Ша.

Видит злодей — сдержал Гуаньинь свое слово — и страшно обрадовался. С тех пор стали три старца закадычными друзьями Ло Ша.

Однажды Гуаньинь превратил воду в вино, улиток в глаза, а бобовый сыр в человечьи мозги, разложил все это на столе и пригласил Ло Ша на пирушку. Злодей не заставил себя ждать. Гуаньинь заранее пригласил своих друзей — дедушку Ду и Чжан Цзина. Зная, что Ло Ша любит играть в шахматы, будда, прежде чем садиться за стол, предложил волшебнику сыграть.

— У нас столько времени. Посмотрим, кто из нас умнее. Если я проиграю — отдам тебе этот драгоценный дворец с золотыми бубенцами. Если же проиграешь ты — уступишь мне свои владения.

— Сколько же тебе земли надо? — спрашивает Ло Ша.

— Немного, — отвечает Гуаньинь, — столько, чтобы на ней моя желтая собака могла сделать три прыжка и чтобы моя накидка могла покрыть ее.

Стал Ло Ша разглядывать красивый дворец, а сам думает: «Вот было бы здорово поселиться в таких хоромах. Если я выиграю, он будет мой, а проиграю — потеряю какой-то клочок земли. Не велика беда, может быть я и выиграю!» Чем больше он думал, тем веселее становилось у него на душе, будто он и в самом деле уже поселился в роскошном дворце.

— Что ж, пусть будет по-твоему, — сказал он.

Подумал Гуаньинь и говорит:

— Однако слова словами, а нужна гарантия. Давайте составим письменный договор и пригласим свидетеля.

— Ладно, — согласился Ло Ша. — Договор пусть напишет Чжан Цзин, а свидетелем будет дедушка Ду.

Чжан Цзин достал тушечницу, приготовил тушь, бумагу и только было собрался писать, как вдруг заквакали лягушки под горой Утайфэн. Они кричали так громко, что насмерть напугали старика — он даже писать не мог. Схватился Гуаньинь за свой посох, да как замахнется.

— Лягушки, а лягушки, отправляйтесь в другое место, нечего здесь шуметь! Из-за вас мы договор не можем составить.

Замолчали лягушки, и Чжан Цзин написал договор. С тех пор в окрестностях Утайфэн ни в марте, ни в апреле не услышишь лягушечьего кваканья.

Договор, написанный Чжан Цзином, гласил:

«Гуаньинь и Ло Ша играют на спор в шахматы. Если Ло Ша выиграет, Гуаньинь должен отдать ему свой драгоценный дворец с золотыми бубенцами. Если же выиграет Гуаньинь, то Ло Ша отдаст ему клочок своей земли, чтобы желтая собака Гуаньинь могла одолеть ее в три прыжка и чтобы эту землю можно было накрыть накидкой Гуаньинь».

Когда Чжан Цзин кончил писать, дедушка Ду, поглаживая свою бороду, сказал:

— Если вы хотите, чтобы я был свидетелем, я согласен.

— Ты еще не раздумал? — спросил Гуаньинь у Ло Ша.

— Конечно нет, — ответил волшебник.

Сели они играть в шахматы, и Гуаньинь выиграл. Кликнул он свою желтую собачонку, та подпрыгнула и перелетела на противоположный конец владений Ло Ша. Тогда взмахнул Гуаньинь своей накидкой и накрыл все владения волшебника от края до края. Увидел это Ло Ша, разгневался, взмахнул когтистыми волосатыми лапами и, заикаясь, сказал:

— Откуда я мог знать, что собачонка так прыгнет? И разве мог я догадаться, что твоя накидка покроет всю мою землю? Где же мне теперь жить? Нет, не могу я уступить тебе всю землю.

— Не сердись, — засмеялся Гуаньинь, — я отдам тебе этот дворец, живи в нем на здоровье.

Ло Ша не знал, что ответить, а тут еще Гуаньинь говорит:

— Сколько времени спорим, а до сих пор и крошки во рту не было, ты небось проголодался. Давай поедим, а уж потом закончим разговор.

Взглянул Ло Ша на разложенные по столу человечесьи глаза и мозг, на блюда с лапшой, и потекли у него слюнки. Не успел Гуаньинь договорить, как волшебник сразу же набросился на еду. Вначале он проглотил человечесьи мозги, затем — глаза, потом набил рот лапшой. Но тут вдруг Гуаньинь махнул рукой, и лапша мигом превратилась в железную цепь.

— Эх ты, вояка! Нет спору, ты скор на расправу с людьми, а вот меня тебе не связать, — с ненавистью бросил Гуаньинь.

Схватил Будда железную цепь и хотел приковать злого волшебника-людоеда к дворцовой колонне. Видит Ло Ша — дело плохо. Высунул он свой толстый, длинный, до самой реки Эрхай язык и хотел запрудить реку, чтобы затопить Дали, погубить Гуаньинь и весь народ. Но Будда заранее послал на восток кузнецов, умевших делать плуги. Кузнецы уже приготовили расплавленное железо. Не успел злой волшебник высунуть язык, как кузнецы облили его расплавленным металлом. От боли злодей без чувств повалился на землю. Тут-то Гуаньинь и привязал его к колонне, покрытой красным лаком. И едва он сделал это, как колонна превратилась в холодное как лед железо. Гуаньинь вышел из дворца, захлопнул ворота, и дворец тут же превратился в темную пещеру.

Видит Ло Ша, что смерть уже не грозит ему, стал слезно умолять Гуаньиня:

— О великий господин, когда же ты выпустишь меня из этой пещеры?

Воткнул Гуаньинь у входа в пещеру железную палку и, указав на нее, молвил:

— Когда зацветет это железное дерево, а у лошади вырастут рога, я выпущу тебя.

С тех пор и томится Ло Ша в горной пещере. Но вот однажды прошел мимо горы уездный начальник. Было жарко, начальник устал и остановился у пещеры отдохнуть, а свою парадную шляпу повесил на железную палку. Увидел Ло Ша красную кисть на шляпе и решил, что зацвело наконец дерево. Обрадовался, запрыгал — заходила ходуном гора. Не помня себя от страха, помчался прочь от горы уездный начальник, а крестьяне, сажавшие рисовую рассаду на полях, в страхе разбежались.

Гуаньинь тут же догадался, в чем дело, и бросился к горе.

— Эй ты, храбрец, тебе что, жизнь надоела? Чего шумишь?

Тут повалился Ло Ша в ноги Гуаньинь и говорит:

— О великий господин, я только сейчас видел, как расцвело железное дерево. А ведь ты обещал мне, что, если оно зацветет, ты выпустишь меня на волю.

— Ты, верно, ослеп! — грозно сказал Гуаньинь. — Это были не цветы, а красная кисть на шапке чиновника.

Гуаньинь крепко-накрепко прикрутил его к железному столбу, и пришлось Ло Ша смириться. С тех пор злой волшебник не смел больше думать о свободе.

ДВА ПРИЯТЕЛЯ

Жили-были два приятеля, один — добрый, другой — злой. Отправились они вместе на границу Бирмы торговать. Добряк погнал восемь откормленных мулов с лоснившейся шерстью, а злой всего двух мулов и очень худых — одни кожа да кости! Позавидовал злой своему напарнику и задумал погубить его.

Приятели ехали и днем и ночью. Ехали, ехали и доехали до широкой серебристой реки, через которую был перекинут железный мост. Погнали они своих мулов по мосту. Вдруг злодей и говорит добряку:

— Слушай, дружище, видел ты когда-нибудь двуглавых рыб?

— Не видел.

Тут злодей подбежал к перилам, крепко ухватился за них и, тыча пальцем вниз, заорал:

— Гляди, гляди, двуглавая выплыла, скорей иди сюда. Опять скрылась... Вон опять вынырнула!

Добряк выставил ногу за перила, взглянул вниз, а тем временем злодей толкнул его, и он полетел в воду. Очень довольный собой, злодей быстро погнал мулов и вскоре скрылся из виду.

Но добрый погонщик умел плавать и, когда солнце скрылось за гору, выкарабкался на берег. Быстро стемнело. Парень не знал, куда направиться, и пошел наугад. Через некоторое время он ощупью добрался до кумирни горного духа.

— Горный дух, а горный дух! — обратился погонщик к божеству. — Со мной случилась беда на мосту. Всех моих хороших мулов угнал злой напарник, а у меня с собой ни одного вэня. Я умираю от голода и жажды, мне негде переночевать. Скажи, что делать?

— Полезай на дерево, — сказал горный дух, — и сиди там до полуночи. Да хорошенько прислушивайся и крепко-накрепко запоминай все, что услышишь.

Залез погонщик на большое дерево перед кумирней, наострил уши, сидит — не шелохнется. Вдруг подул сильный ветер, раздались удары: «Гу-дун! Гу-дун!» — и сверху что-то свалилось.

— Шакал, откуда ты явился? — спросил горный дух.

— А вон с того холма напротив, что неподалеку отсюда, — ответил шакал.

— Есть там что-нибудь интересное?

— Есть, есть, — отвечает шакал, — живут в той стороне мать и дочь, бедные, бедные. Перебиваются с хлеба на воду и не знают того, что в середине их двора, под корнями гранатового дерева, зарыты два котла, один с золотом, другой с серебром.

— Хорошо бы сделать так, чтобы эти женщины вырыли золото и серебро, — сказал горный дух.

— Жаль, что я всего-навсего шакал и не могу изменить своего облика! Если бы мне удалось превратиться в молодого парня, я пошел бы к этой девушке. Говорят, мать ищет ей жениха.

— Ну, хватит болтать, ложись лучше спать, — сказал горный дух, — да будь осторожнее, а то как бы ветер не разнес твои слова.

Замолчал шакал, свернулся клубком и громко захрапел.

Прошло еще немного времени, вдруг затрещали сучья, явился огромный тигр.

— Тигр, а тигр, откуда ты пришел? — спросил горный дух.

— Вон с той горы, что высится на западе.

— Есть там что-нибудь интересное?

— Есть, есть, — ответил тигр, — там на отвесной скале я видел огромного удава, во рту у него сверкнула жемчужина, разгоняющая ночной мрак.

— Жемчужина вещь хорошая, — сказал горный дух, — но как достать ее из пасти удава?

Тигр ответил:

— Как жалко, что я тигр и не могу принять другого облика. Если бы я превратился в человека, то взял бы ветку того самого гранатового дерева, под которым

зарыты золото и серебро, и завладел бы этим сокровищем. Ведь удав больше всего боится запаха гранатового дерева. Стоит ему учуять этот запах, как он тотчас выплюнет жемчужину.

— Хватит разговаривать, — сказал горный дух, — время позднее, ты устал. Ложись спать.

Замолчал тигр, свернулся клубком и громко захрапел.

Прошло еще немного времени, и послышался шум — это леопард явился.

— Леопард, а леопард, ты откуда пришел? — спросил горный дух.

— Ходил в столицу к императорскому дворцу.

— Есть там что-нибудь интересное?

— Есть, есть, — ответил леопард, — императрица после родов заболела грудницей, к ней пригласили несметное количество лекарей, наготовили гору лекарств, а вылечить не могут. Сейчас по всей столице развесили императорский указ: кто сможет излечить императрицу, тому в награду либо денег дадут, либо чиновничью должность.

— Как же можно без чудодейственного лекарства вылечить такую опасную болезнь? — спросил горный дух.

— Жаль, что я всего лишь леопард и не могу изменить своего облика. Если бы я мог превратиться в лекаря, то взял бы чудодейственное растение линчжи с крыши кумирни, отправился бы в столицу и вмиг вылечил бы императрицу.

— Хватит разговаривать, — сказал горный дух, — время не раннее, отправляйся спать.

Свернулся леопард клубком и громко захрапел.

А молодой погонщик тем временем сидел на дереве и крепко-накрепко запоминал все, что говорили звери горному духу. Через некоторое время шакал, тигр и леопард проснулись и с ревом умчались прочь. Начало светать. Погонщик слез с дерева, а горный дух и говорит ему:

— Ну, все запомнил?

— Все.

— Иди и сделай так, как они говорили, — сказал горный дух.

Простился с ним молодой погонщик, быстро забрался на крышу кумирни, сорвал линчжи, завернул его в вышитый платок, затем спрятал в пояс и отправился искать мать с дочерью, которые жили на холмах.

Долго искать не пришлось. Сначала поклонился он матери, поведал ей о своих мытарствах и сказал, зачем пришел.

Обрадовалась старуха и говорит:

— Раз сам горный дух этого захотел, то вы обязательно поженитесь.

И парень женился на ее дочери.

Вечером он и говорит:

— Что-то разболелись у меня ноги, согрейте воды, я их вымою.

Согрела старуха воду, а жена налила ее в таз. Попарил муж ноги, а на боль по-прежнему жалуется.

— Бывало, дома мне ничего не помогало, — говорит он, — а как попарю ноги в настое корней гранатового дерева — боль как рукой снимет.

Взяли мать с дочерью заступы и стали откапывать корни гранатового дерева, а парень помогал им. Копали, копали и выкопали из-под корней два котла: один с золотом, другой с серебром.

Старуха нашла себе хорошего зятя, дочь — мужа по сердцу, а тут еще им богатство привалило: котел золота да котел серебра, и зажили они втроем счастливо.

Прошло несколько дней, подлечил погонщик ноги и стал прощаться со свекровью и женой — собрался идти в столичный город лечить императрицу. Едва сдерживая слезы, стала жена уговаривать мужа не ходить далеко, да и свекрови не хотелось зятя отпускать.

— В столице видимо-невидимо знаменитых врачей, а ты простой погонщик, откуда же тебе знать, как лечить? Оставайся лучше дома!

— А я все-таки вылечу, — стоял на своем погонщик, — смените гнев на милость! Вот увидите, вылечу императрицу и снова вернусь к вам!

Делать нечего — смирилась свекровь, стала уговаривать зятя захватить хоть немного денег в дорогу.

— Кто беден дома, должен быть богат в пути! Будут у тебя деньги — все обойдется благополучно.

— Ничего не возьму, — замахал руками зять. — Разве что ветку гранатового дерева!

Взял он с собой личжи, ветку гранатового дерева и помчался на западную гору, чтобы добыть из пасти удава волшебную жемчужину.

На отвесной скале, в пещере, он и на самом деле нашел удава; стоило только молодому погонщику помахать перед ним веткой гранатового дерева, как из его пасти выкатилась жемчужина. Подобрал ее погонщик и отправился в путь.

Прибыл в столицу и видит — возле императорских ворот люди собрались, во всеуслышание императорский указ читают. Пробрался погонщик вперед и сорвал императорский указ. Увидел это начальник караула, разгневался и как закричит:

— Эй, деревенщина, как посмел ты сорвать императорский указ. Посмотри на себя! Да разве с такой рожей можно постичь законы врачевания?

— А ты не очень-то задавайся! — оборвал его погонщик. — Если бы у меня не было чудодейственного лекарства, я не осмелился бы сорвать императорский указ!

Чиновник доложил о прибывшем императору, и тот приказал немедленно привести его во дворец.

Посмотрел император на деревенского парня и недоброжелательно спросил:

— А ты действительно сможешь лечить?

— Непременно вылечу!

— Ладно, даю тебе три дня срока, — согласился император, — если за это время ты вылечишь императрицу, я щедро награжу тебя, а не вылечишь — казнию!

— Ручаюсь, что через три дня императрица будет здорова! — заверил его погонщик.

Он отдал императору линджи и сказал:

— Возьми эту чудесную траву, мелко растолки, хорошо вымой чистой водой, затем клади на больное место один раз в день. На третий день болезнь как рукой снимет.

И верно! После того как лекарство три раза приложили, опухоль спала, и императрица выздоровела. Вне себя от радости, император отыскал погонщика и спрашивает его:

— Хочешь быть чиновником?

— Какой из меня чиновник? Я простой неграмотный крестьянин.

Тогда император щедро одарил парня золотом, серебром и драгоценностями и велел своему послу проводить его домой.

По приказу императора был выстроен новый дом, в котором и поселился погонщик вместе с молодой женой и ее матерью.

И вот однажды услышал добрый погонщик, как за воротами его дома нищий просит милостыню. Голос оказался ему очень знакомым. Открыл добряк ворота, взглянул, а это тот самый приятель, который столкнул его в реку! Как только увидел его добряк, так сразу забыл все свои обиды.

— Эй, приятель!

— Какой я вам приятель! — сказал нищий, клянча подавание. — Когда это бывало, чтобы богатый человек во-дил дружбу с нищими.

Тогда добряк напомнил ему:

— Неужели ты забыл про двуглавую рыбу?

Услышав эти слова, нищий поднял голову, узнал своего бывшего напарника и задрожал от страха.

— А ты не бойся, приятель, — сказал ему добряк. — Я уже забыл прошлое. Заходи, поговорим.

Сгорая от стыда, нищий зашел в дом. Видит, живет тот в белоснежном черепичном доме вместе с женой, прекрасной, как бутон. И загорелись в его сердце обида, злость и зависть. Но он продолжал по-прежнему лицемерно расспрашивать приятеля, что случилось с ним после того, как они расстались. Добряк выложил ему все, что с ним произошло, да еще предложил погостить несколько дней. А когда злодей уходил, добряк дал ему золота и серебра. Однако тому всего этого было мало. Он распрощался с приятелем и мигом домчался до кумирни горного духа. Стемнело. Завистник начал жаловаться горному духу, точь-в-точь повторяя слова своего доброго приятеля. А тот ему и говорит:

— Залезай на дерево и внимательно слушай. Только запомни все слово в слово.

Наступила полночь, завыл ветер, раздался стук. Сверху свалился какой-то зверь и закричал:

— Господин горный дух, а господин горный дух, я сегодня страшно проголодался. Дашь ли ты мне что-нибудь поесть?

— А ты не торопись, шакал, — сказал горный дух, — подожди немного.

Через некоторое время раздался треск сучьев — явился огромный тигр.

— Господин горный дух, а господин горный дух, я сегодня страшно проголодался. Что у тебя есть? Давай сейчас же, — закричал он.

— А ты не волнуйся, старина, — возразил горный дух, — подожди немного, а уж потом рычи.

Через некоторое время послышался топот. Это явился бурый медведь и тоже стал жалобно просить, чтобы ему дали поесть.

— Господин горный дух, а господин горный дух, нет ли у тебя какой-нибудь еды? У меня в животе урчит от голода.

— А вон на том дереве, перед нашей кумирней, висит тухлое мясо, — сказал горный дух, — возьмите его и поделите между собой.

Медведь залез на дерево, стащил злодея вниз, и звери, разорвав добычу на равные части, сожрали его.

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ТАЙ

УЛИТКА И ЗАЯЦ

У зайца, как известно, передние ноги короткие, а задние — длинные. Он ловко скачет по пригоркам, мчится по лугам. И зовут его у нас поэтому «Везде носится».

Как-то раз, набегавшись, завернул заяц к речке напиться и увидел у воды улитку, которая куда-то ползла. Поглядел на нее заяц, поглядел и давай насмеяться:

— Ну и урод! А ползет-то еле-еле, небось за день больше трех вершков не пройдеши! Да ты, никак, не торопишься? Эх, лучше бы уж катилась, чем ползла, все скорее было бы! Ха-ха! Совсем как мертвая!

А улитка невозмутимо говорит зайцу:

— Старший братец заяц, я уж от рождения такая, везде поспеть не могу! Но осмелюсь предложить тебе: давай померимся — кто быстрее бегаёт?

— Эх ты, гнилая репа! — захохотал заяц. — Ползи хоть целых три года, потом я побегу — все равно догоню тебя.

— Так согласен? Значит, завтра встретимся вон около той кочки! — так же невозмутимо сказала улитка.

На следующий день вся улиткина семья собралась вместе, пришли и дальние родственники, и знакомые, и знакомые знакомых. Собралось улиток видимо-невидимо. Окружили они кочку плотным кольцом. Тут и заяц прибежал.

Глядь — а улитка все на прежнем месте у воды сидит!

— Эх ты, безногая тварь, все еще с места не сползла!
Как же мы мериться-то будем?

— Не бойся, братец заяц, я сейчас добегу до кочки! —
отвечает улитка.

Ухмыльнулся заяц и запрыгал к кочке.

Подскочил и кричит:

— Ну, где же ты?

— Здесь я, — отвечает одна из улиток.

Удивился заяц, потом подпрыгнул и стал бегать вокруг кочки. Обежал ее до половины и кричит:

— Эй, где ты, тихоход?

— Здесь, — отвечает улиткина старшая сестра.

Обежал заяц всю кочку, снова окликнул улитку.

На этот раз ее братец ответил зайцу.

Разозлился заяц и стал бегать вокруг кочки. Кричит, а ему каждый раз все тот же голос (для зайца все улиткины голоса одинаковы) отвечает.

Долго бегал заяц, потом повалился у воды и застонал. Глядь — а улитка на том же месте сидит!

Заяц от удивления даже рот разинул, да так широко, что верхняя губа лопнула. С тех пор у зайцев три губы.

ПРАЗДНИК ОБЛИВАНИЯ ВОДОЙ¹

«Каждый год бывает праздник обливания водой, кого увидишь — окати водой» — говорится в одной из китайских пословиц. Водой обливаются вовсе не потому, что жарко, и не для того, чтобы смыть грязь. Почему же возник такой праздник? Эта история расскажет обо всем с начала до конца.

Жил давным-давно один колдун. Жестокость его не знала пределов: кого захочет убить, того и убьет, что решит, то и сделает. Задумал злодей царить один во всей Поднебесной, ведь он обладал огромной волшебной силой: в воде не тонул, в огне не горел; лук, стрелы, секира и нож были бессильны против него. Постоянными грабежами колдун собрал несчетные богатства: золото, серебро, драгоценности, а рабов и красавиц сколько было у него! Никто не осмеливался стать ему поперек пути. Было у него шесть жен, одна другой краше, но ему было мало; и вот добыл он себе седьмую жену красоты необычайной, которая больше всех пришлась ему по душе.

Однажды ночью, когда колдун особенно развеселился, любимая жена завела с ним такой разговор:

— Говорят, ничто тебя не берет: в воде ты не тонешь, в огне не горишь; ни лук, ни стрелы, ни секира, ни нож не могут причинить тебе вреда. Выходит, ты будешь жить вечно?

— Кто его знает, ведь и у меня есть уязвимое место.

— Что может угрожать такому могущественному, как ты? — продолжала допытываться жена.

— Об этом я могу сказать только тебе, — понизив го-

---

¹ Праздник обливания водой отмечается на седьмой день сезона Ясной погоды (Циннин), начинающегося с 4-5 апреля.

лос, признался колдун. — Я могу погибнуть от собственного волоса. Стоит только его затянуть вокруг моей шеи.

— Ни небо, ни земля не в силах справиться с тобой, как же ты можешь бояться какой-то волосинки? — продолжала допытываться красавица.

— Ты не знаешь, как крепок мой волос; он может задушить меня, — еще тише ответил колдун.

Выслушала его красавица и подумала:

«Если все это правда, мы сможем избавиться от колдуна. Скольких людей мы спасем от его злодейств! Только надо сначала попробовать».

Она дождалась, когда колдун уснул, вырвала у него волос и перехватила им горло злодея. Едва она это сделала, как голова его покатилаь по земле. Красавица была вне себя от радости.

Однако не прошло и мгновенья, как голова вспыхнула ярким пламенем, а из пламени выпрыгнуло множество чертенят. Женщина оцепенела от страха и громко закричала. На крик сбежались остальные шесть жен. Одна из них, женщина умная, быстро подняла с земли голову колдуна. И — вот удивительно! — сразу же исчезли огонь и чертенята. После этого жены колдуна уже не осмеливались бросать голову на землю. Сменяя друг друга, женщины стали держать ее, каждая — по году. До тех пор, пока голова не умерла, из нее непрерывно текла кровь. Поэтому каждый год, когда одну из женщин сменяли, ее обливали водой, чтоб смыть с нее кровь и чтоб голова снова не воспламенилась. И только после семи лет таких обливаний, когда каждая из семи женщин выдержала это испытание, голова наконец умерла.

С тех пор ежегодно в этот день люди обливаются водой. Так этот праздник и называется — «пошуйцзе» — «праздник обливания водой».

ДВУГЛАВЫЙ ФЕНИКС

Жили когда-то два товарища, были они ровесниками и очень любили друг друга. Что бы ни делал один из них — он непременно советовался с другим, что бы ни ел — делил пополам с другом. Но вот один из друзей захворал и умер. Второй так убивался, что в конце концов тоже заболел и умер. После смерти они превратились в двуглавого феникса, у которого были четыре ноги, два крыла и два сросшихся вместе туловища, поэтому друзья всегда были вместе и каждый день перелетали с дерева на дерево в поисках пищи.

Однажды бродил охотник по лесу и увидел двуглавого феникса, который клевал плоды на верхушке дерева. Когда одна голова находила зрелый плод, она не съедала его, а делила поровну с другой головой. Глядя на эту трогательную дружбу, охотник не осмелился убить феникса.

Вернувшись домой, охотник рассказал обо всем, что видел, и скоро весть о двуглавом фениксе распространилась повсюду. Дошла она и до императора, и тот послал своего лучшего охотника, начальника охотничьего ведомства, в лес, чтобы поймать диковинную птицу. Охотник несколько дней бродил по лесу, но так ничего и не нашел. Но однажды утром он увидел двуглавого феникса, который клевал плоды на вершине дерева. Охотник вскинул ружье, прицелился, но тут феникс взлетел и сел на другое дерево. Охотник снова прицелился — феникс опять перелетел. Так повторялось много раз. Охотник потерял всякую надежду. Близилась ночь, и он решил отправиться домой. Дома он долго ломал голову над тем, как поймать феникса, и, наконец, придумал один способ. Несколько ночей подряд плел он силки и однажды, еще затемно, расставил силки в лесу на дереве, усыпанном плодами. Когда

рассвело, прилетел феникс, стал клевать плоды и запутался в силках. Охотник поймал его и принес императору. Тот посадил феникса в самую лучшую клетку, каждый день кормил отборными плодами и яствами, поил сладкой водой. Но и здесь головы по-прежнему нежно заботились друг о друге, ели и пили только вместе. Видя такую горячую любовь, император возненавидел феникса и решил разрубить головы. Он стал кормить только одну голову, но голова отказалась от пищи. Все попытки кормить ее силой окончились неудачей. Рассердился император и крикнул:

— Этот феникс вовсе не слушается меня!

Созвал он на совет всех своих приближенных.

— Если кто-нибудь из вас придумает, как разлучить головы, чтобы вместо одного получилось два феникса, я отдам этому человеку половину царства.

— Я знаю, что ваше величество не откажется от своих слов, — сказал один из сановников, — поэтому беру на себя эту трудную задачу, но только при условии, чтобы мне отдали феникса домой. За месяц я добьюсь своего.

Император согласился и еще раз подтвердил свое обещание, а затем отдал феникса вместе с клеткой.

Сановник принес клетку домой и повесил ее на карниз. Каждый день он собственноручно кормил обе головы самыми отборными яствами и фруктами, сам поил их. Целыми днями сидел возле калитки и наблюдал, как головы в полном согласии клевали еду. Теперь сановник только и думал о том, как разлучить головы и получить обещанные императором полцарства. Много дней прошло, прежде чем он, наконец, заметил, что бывают моменты, когда головы отворачиваются друг от друга. Таким моментом он и решил воспользоваться.

И вот на другой день, дождавшись, когда головы отвернулись друг от друга, он шепнул одной из них на ухо что-то невнятное и быстро вышел из комнаты. Вторая голова тут же спросила:

— Что сказал тебе советник?

— Он сказал что-то, но что именно, я не знаю, — ответила первая голова.

Советник поступил так же и на второй и на третий день — едва только вторая голова отворачивалась, как советник снова шептал первой на ухо и тут же выходил из комнаты. Вторая голова тут же спрашивала:

— Что сказал тебе советник? Скажи, я тоже хочу знать!

Но каждый раз первая голова не могла объяснить, что же именно шепнул советник, и каждый раз ответ был один и тот же: «Он сказал что-то, но что именно, я не разобрала!»

— Быть может, сановник хочет меня убить? — с беспокойством спросила вторая голова. — Почему ты не хочешь сказать мне правду?

Так прошло еще несколько дней.

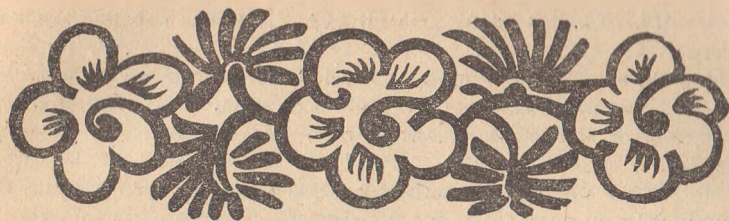
Голова, которой не удавалось услышать, что шепчет сановник, все меньше и меньше верила своему горячо любимому другу.

Теперь друзья часто ссорились, и однажды до того разругались, что соединявшая их перемычка разорвалась. Так из двуглавого феникса получились два одноглавых.

Увидел это сановник, обрадовался, схватил фениксов и потащил их во дворец. Представ перед императором, он тут же потребовал обещанные полцарства.

— Не беспокойся! — сказал император. — Мы об этом еще поговорим!

И потом всякий раз, как сановник заводил речь об этом, император под разными предлогами уклонялся от разговора. Так сановник и не получил ничего. И охотник, поймавший двуглавого феникса, тоже не дождался награды.

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ЯО

КАК В ЛУНУ СТРЕЛЯЛИ

В древние-древние времена было на небе только солнце, ни луны, ни звезд не было. И как только наступал вечер, сразу становилось темно, хоть глаз выколи. Но вот однажды ночью появилась на небе луна. Было на ней семь граней и восемь углов, была она не квадратная и не круглая и походила на камень, только что скатившийся с горы. Лучи от нее исходили горячие и ядовитые, словно огненные стрелы. Все злаки засохли, а люди по ночам изнывали от жары и не могли спать.

— О небо! Нам не нужна такая горячая луна! Мы застрелим ее! — кричали они, тяжело дыша и обливаясь потом.

У подножья большой горы жили в то время муж и жена, совсем еще молодые. Мужа звали Я-ла, был он метким стрелком и охотился в горах на разных зверей. Жену звали Ни-э, она была искусной рукодельницей, все время сидела дома, ткала или вышивала.

Увидела Ни-э, что луна такая жестокая, и говорит Я-ла.

— Ты — меткий стрелок, сбей луну с неба, спаси людей!

Ударил себя Я-ла кулаком в грудь, взял лук и стрелы и взобрался на самую вершину горы, что позади дома. Стиснул зубы, собрался с силами, натянул лук и выстрелил в луну. Но стрела пролетела полпути и упала на

землю. Сто стрел выпустил он подряд, и все сто падали на землю. Выпустив все стрелы, Я-ла поднял голову, поглядел на раскаленную луну, потом опустил голову и поглядел на увядшие всходы, на пожелтевших, измученных жарой людей и глубоко вздохнул.

Вдруг рядом что-то скрипнуло, огромный камень отодвинулся в сторону, вышел из горы белобородый старик и говорит:

Свирепый тигр живет в горах на юге,
Он самый сильный зверь во всей округе.
А в северных горах, где ветер свищет, —
Оленя быстроногого жилище.
Ступай же в горы и ищи по следу,
Зверей убей и мяса их отведай.
Тигровый хвост достаточно упруг,
Чтоб сделать из него отличный лук.
Когда в руках побольше будет силы,
Натянешь тетиву из толстой жилы,
Стрелу из рога выточишь одну
И — угодишь прямехонько в луну.

Сказал это старик и скрылся, а камень снова стал на прежнее место.

Я-ла понял старика и спустился с горы, чтобы посоветоваться с женой, как поймать оленя и тигра.

— Ты так метко стреляешь, — сказала жена, — убей тигра и оленя, и все тут.

— Я уже пробовал стрелять в большого тигра с Южной горы и в высокого оленя с Северной. Их шкура толста и упруга, ее не пробьешь стрелой! Нужны большие силки, а где их достанешь?

Подумала Ни-э, провела рукой по своим длинным волосам и говорит:

— Возьми мои волосы и сделай из них силки. — И с этими словами Ни-э отрезала свои длинные косы.

И, о чудо! Не успела она их отрезать, как выросли новые. Ни-э опять отрезала их, и опять появились новые, словно шелковая нить кокона! — оборвешь ее, а нить снова появляется.

Не зная отдыха ни днем, ни ночью, муж и жена плели сетку, и вот через тридцать дней огромные силки с тяжелой петлей были готовы. Поставили они силки в Южных горах у норы тигра. Проголодался тигр, вышел из норы и попал в силки. Стал он метаться, на спине катался и ревел так, что горы задрожали. Тогда муж и жена вы-

кололи тигру глаза железной иглой, раскрыли ему топором череп и потащили домой.

Затем пошли они в Южные горы и поймали высокого оленя.

Съел Я-ла мясо оленя и тигра, и в его теле прибавилось силы на целую тысячу цзиней. Сделал он лук из тигрового хвоста, натянул вместо тетивы жилу, выточил стрелу из рога оленя и поднялся на вершину горы. Натянул он лук, прицелился... «тэн» — пропела стрела и понеслась прямо к луне. Вдруг из огненного диска луны пошел дым, и искры, разлетевшись по небу, превратились в звезды.

А стрела из оленьего рога, поразив луну, вернулась обратно и упала прямо в руки Я-ла. Он снова натянул лук и выстрелил в луну. Так он стрелял сто раз подряд. Все небо теперь было усеяно звездами, а луна стала круглой, как колесо, и вертелась в небе. Но она по-прежнему была раскаленной и посылала свой жар на землю. Посевы все так же засыхали, а лица у людей были желтыми и измученными.

Приуныл Я-ла, взял свой лук, спустился с горы и говорит жене:

— А луна все такая же горячая! Как же быть? Закрывать бы ее чем-нибудь, вот было бы хорошо!

Ни-э в это время как раз ткала парчу. Что за узоры на ней были! Красный домик, золотисто-желтое коричневое дерево у ворот, стадо белых барашков и белый заяц на лужайке. Под деревом она вышила себя и хотела вышить еще Я-ла, когда услышала, что мужу надо чем-нибудь закрыть луну.

— Возьми этот кусок парчи, — сказала она мужу, — привяжи его к стреле из оленьего рога, запусти стрелу в небо, да и закрой луну!

Я-ла так и сделал: привязал парчу к стреле и поднялся на вершину горы. Стрела пропела и понеслась к луне. С тех пор луна стала светить мягким белым светом, прозрачным, холодным и таким приятным! Люди под горой радостно засмеялись.

Я-ла стоял на вершине и, улыбаясь, глядел на луну. Вдруг он увидел, как изображение Ни-э на парче, коричневое дерево, белые барашки и белый заяц — все оживло. Ни-э с луны помахала ему рукой, а Ни-э, которая стояла

внизу, у ворот, легко поднялась и плавно полетела ввысь. Когда она достигла луны, две Ни-э слились в одну.

Увидел Я-ла, что Ни-э улетела на луну. Дрогнуло его сердце, и он как подкошенный сел на камень. Широко раскрыв глаза, глядел он на луну, и вдруг у него вырвался вопль:

— Ни-э, почему ты не выткала и меня на этой парче? Ни-э, спустись! Ни-э, спустись!

Ни-э даже заболела от волнения. Она заплела свои волосы в длинную-длинную косу и, когда луна поравнялась с горной вершиной, наклонила голову и бросила косу на вершину. Ухватился Я-ла за косу, подтянулся, словно обезьяна, и взобрался на луну.

Крепко-крепко взялись они за руки, и так весело им стало!

С тех пор Ни-э ткёт на луне под коричневым деревом парчу, а Я-ла присматривает на лугу за белыми барашками и белым зайцем. Сладкой как мед стала их жизнь.

— Видите черные тени на луне? — это Я-ла и Ни-э!

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ЛИ

ЦИНЦИН И ХУН-ХУН

Давным-давно жил один император, и была у него дочь по имени Цин-цин. Выросла она умницей и красавицей. Все сановники и военачальники восхищались принцессой и всячески ей угождали, добиваясь ее руки. Одни посылали ей в дар драгоценности, другие демонстрировали перед ней свое военное искусство. Но принцесса разбивала вдребезги все подарки, а на военные состязания и смотреть не хотела. Никто не подозревал, что принцесса любила метельщика дворца Хун-хуна. Между тем Цин-цин придумала хитроумный план и посоветовалась с Хун-хуном.

И вот Цин-цин неожиданно заболела, перестала есть и пить. Император созвал во дворце всех знаменитых лекарей, но никто не мог помочь принцессе. Цин-цин неподвижно лежала на постели. Тогда император приказал повесить указ, который гласил: «Кто сумеет вылечить принцессу, тот будет императорским зятем». Хун-хун тотчас же сорвал указ и вызвался помочь больной. Узнал об этом император, страшно разгневался и воскликнул:

— Знай, если ты не вылечишь мою дочь, тебе тотчас же отрубят голову!

— Ладно, — ответил Хун-хун.

Взял он чашку, налил в нее обыкновенной воды и подал Цин-цин. Принцесса выпила и тут же выздоровела.

— Это волшебное лекарство! — сказала она.

Теперь Хун-хун должен был стать императорским зятем. Император был вне себя от гнева. Ведь Хун-хун

простой метельщик. А тут еще завистливые придворные подливали масла в огонь. Поэтому император изменил свое решение: пусть сама принцесса сделает выбор, как она скажет, так и будет. Император был уверен, что принцесса ни за что не согласится выйти замуж за Хун-хуна, и никак не ожидал, что она ответит:

— Поступи так, как обещал в своем указе.

От гнева император потерял покой, стал метаться по дворцу и кричать на принцессу:

— Если ты выйдешь замуж за Хун-хуна, я выгоню тебя вон!

Но принцесса твердо стояла на своем:

— Чтобы люди не перестали верить тебе, я должна выйти замуж за Хун-хуна.

Император еще больше рассвирепел. Забыв свою отцовскую любовь, он велел исколоть и разрисовать лицо Цин-цин и выгнал принцессу вместе с Хун-хуном. Молодых посадили в маленькую лодку и дали им с собой немного хворосту и пищи. Цин-цин тайком захватила лук и стрелы. Сорок девять дней носилась лодка по волнам, и, наконец, ее прибило к берегу. Это был уезд Яньсянь на острове Хайнань. Тут изгнанники и поселились. Вскоре у них родились близнецы — мальчик и девочка. Вот они как раз и являются предками народности ли. Хун-хун из лука убил горного кабана. Цин-цин и Хун-хун питались его мясом и жили очень счастливо. И теперь, когда мы идем охотиться на кабанов, мы берем с собой лук и стрелы. На равнине кабанов было мало, и Цин-цин с Хун-хуном поднялись на гору Пяти пальцев. Принцесса не умела лазить по горам, она оступилась, из-под ноги покатился камень. Он ударился о большой камень у подножья горы, и принцесса увидела искру. Вернувшись она домой, взяла два камня и стала их бить друг о друга. Полетели искры. До сих пор у нас пользуются кремнем и кресалом, чтобы высечь огонь. Однажды принцесса Цин-цин нашла в долине семена, смастерила деревянную соху и научилась обрабатывать землю. И по сей день женщины народности ли обрабатывают землю сохой. Посеяла Цин-цин рис, созрел он, но не было котла, чтобы сварить кашу. Сообразительная Цин-цин срубила бамбук, сделала сосуд, налила в него воды, положила рис и поставила на огонь. С тех пор люди у нас научились готовить рисовую кашу. У принцессы были очень красивые длинные серьги. По сей

день женщины народности ли носят красивые длинные серьги. На ногах у принцессы были серебряные браслеты. По сей день женщины народности ли носят такие браслеты. Лицо Цин-цин было исколото и разрисовано, но Хун-хун считал ее очень красивой. С тех пор женщины народности ли стали раскрашивать себе лица¹.

Где же могила Хун-хуна и принцессы Цин-цин? А ее нет, потому что они не умерли. Только однажды пошел Хун-хун на охоту и исчез. Говорят, что он стал бессмертным и живет на самой вершине горы Учжишань. Если не верите, подойдите к горе и громким голосом крикните:

— Хун-хун! — И гора тихонько ответит вам: «Хун-хун!»

Но сколько бы вы ни искали Хун-хуна, вы его никогда не найдете. Принцесса Цин-цин тоже не умерла. Она превратилась в зеленую рощу, которая разрослась по всей горе. С тех пор народность ли поклоняется духу леса. Говорят, что этот дух и есть принцесса Цин-цин.

---

¹ Этот обычай существовал до освобождения, теперь он почти не встречается.

ДРАГОЦЕННАЯ ШКАТУЛКА

У подножья горы Пяти пальцев жил юноша по имени Я-дань. Это был честный трудолюбивый человек и хороший охотник. Стоило ему натянуть тетиву своего лука, и стрела попадала в цель: сто выстрелов — сто попаданий. Если он целился в глаз оленя, то уж можно было не опасаться, что он попадет в ногу. Люди хвалили его и говорили:

— Если Я-дань задумает сбить с неба луну, то уж добьется своего!

И вот однажды, охотясь возле горы Пяти пальцев, он услышал прерывистый, еле слышный зов о помощи, который доносился из глубины леса, и, не раздумывая, бросился туда.

Забравшись в самую чащу, где деревья поднимались под самые облака, а под густыми разросшимися кронами царил сплошной мрак, охотник увидел огромного сверкающего черного змея, длиною более чем в три чжана и толщиной с бревно, которым зерно обдирают. Прижав к стволу большую обезьяну, змей пытался задушить ее.

Глаза обезьяны сверкали, как огненные звезды, она громко стонала. Лево́й рукой обезьяна прижимала к себе сверкающую драгоценную шкатулку, а правой, в которой была зажата ветка, отчаянно отбивалась от змея. А змей разинул пасть, похожую на кровавую чашу, высунул длинный красный язык, выставил острые зубы, намереваясь проглотить свою жертву. В этот момент обезьяна почувала запах человека и обратила на него умные сверкающие глаза, в которых светилась мольба о помощи:

«Спаси меня, Я-дань!» — казалось, говорила она.

Я-дань украдкой кивнул ей, выхватил из своего ягдташа оленьей кожи отравленную стрелу, вставил ее в лук

и, натянув тетиву, что было силы, спустил ее — стрела со свистом впилась змею в горло. Вторая попала прямо в красный глаз. Из пасти ядовитого чудовища вырвались клубы дыма, змей захрипел. Я-дань вставил в лук третью отравленную стрелу, натянул тетиву до отказа и нацелился в шею гада — стрела пронзила насквозь его горло и словно гвоздем прибила его к стволу дерева. Из пасти вырвалось желтое облако дыма, и, стеноя от боли, змей издох. Радуюсь избавлению от смертельной опасности, обезьяна соскочила с дерева и от души поблагодарила Я-даня.

— Спасибо тебе за спасение! — сказала она. — В награду за твою доброту я отдаю тебе эту драгоценную шкатулку, которая несколько тысячелетий передавалась из поколения в поколение.

С этими словами она передала юноше сверкающую золотом драгоценную шкатулку примерно в один чи длиной и три цуня¹ шириной.

— Нет, нет, возьми ее обратно, я спас тебя вовсе не из-за этого... — сказал Я-дань и протянул сокровище обратно.

Но умная обезьяна уже прыгнула на высокое дерево.

— Я-дань, — крикнула она оттуда, — стоит тебе только захотеть чего-нибудь, скажи об этом шкатулке, и желание твое тут же исполнится. — Тут обезьяна помачала рукой на прощанье и скрылась в дремучем лесу.

Получив драгоценную шкатулку, Я-дань решил испытать ее. В глухую полночь, когда все уже крепко спали, он шепнул шкатулке:

— Дай мне четырех буйволов.

И тут же, к его удивлению, из шкатулки вышли четверо маленьких буйволов, послушных его воле. Не прошло и мгновенья, как они приняли обычные размеры. Я-дань кормился охотой, поэтому он отдал буйволов одному бедняку. Слухи о сокровище Я-даня стали передаваться из уст в уста и скоро достигли ушей правителя Ао-у. Жадный и жестокий, он послал несколько человек из своей свиты за Я-данем, чтобы силой отнять у него драгоценную шкатулку. Ничего не поделаешь, пришлось Я-даню следовать за посланцами. Слуги не пустили его в покои правителя, — охваченный гневом, он ходил вокруг и украдкой наблюдал, как Ао-у забавляется чудесной шкатулкой.

¹ Чи — мера длины, равная 0,32 м; Цунь — 3,4 см.

А тот, едва получив драгоценность, решил испытать ее волшебные свойства.

— Хочу самую красивую молодую девушку! — закричал он. — Быстро подавай мне ее!

Но из шкатулки так никто и не вышел.

Тогда он закричал еще громче:

— Хочу миллион золота... тридцать три жены... хочу...

Он совсем задохнулся, требуя от шкатулки то одного, то другого, но так ничего и не получил. От гнева Ао-у задрожал, пот градом катился по его лицу. Он вытащил из-за спины драгоценный меч и расколол шкатулку на мелкие куски. Но и это его не успокоило. Он кликнул слуг, велел сжечь шкатулку, а пепел выбросить.

Опечалился Я-дань, увидев, что осталось от шкатулки. Вдруг на его глазах пепел, смешавшись с глиной, превратился в сверкающий черный камень. Я-дань быстро подобрал его, положил в котомку и вернулся домой. На другой день он отправился на охоту и взял камень с собой. Следом за ним вышли на охоту и слуги Ао-у. Поднявшись на седловину горы, Я-дань увидел более десятка оленей и припал к земле, собираясь пустить стрелу в одного из них. Но в этот момент из его заплечной котомки вылетел черный камень и ударил по голове оленей, одного за другим. Животные замертво упали на землю, а камень снова залетел в котомку хозяина. Я-дань получил богатую добычу. Все это видели слуги правителя и, когда они вернулись домой, рассказали о случившемся Ао-у. Тот немедленно послал за охотником слуг и приказал им силой отнять у него черный камень, сказав при этом, что волшебный камень якобы он сделал собственными руками. Опять пришлось Я-даню, скрывая гнев и горе, безропотно удалиться. Правитель выбрал благоприятный день — третий день третьей луны, — когда погода выдалась ясная, и в сопровождении свиты отправился на охоту. Я-дань, крадучись, следовал за ними. Возле горы Пяти пальцев, на отмели у речки, паслось стадо в несколько десятков оленей. Правитель и его свита легли на землю. Как и ожидали, камень вылетел из котомки и стал бить оленей по головам. Ао-у, а вслед за ним и вся его свита, громкими криками выражали одобрение. Вдруг камень полетел обратно, стукнул по голове правителя, потом его челядь и только после этого спокойно лег рядом с Ао-у.

Еще не очнувшись от обморока, Ао-у будто сквозь сон слышит: «Олени и Ао-у подбиты, как только Ао-у очнется, очнутя и олени...»

И верно, едва Ао-у и его слуги очнулись и бросились за добычей, как олени вскочили и с легкостью ветра скрылись в горах. Рассердился Ао-у на драгоценный камень, тут же забросил его в речку и, довольный, вернулся обратно.

А в это время Я-дань сидел за большой скалой и во все глаза смотрел, как Ао-у и его приближенные забрасывали драгоценный камень в речку. Сердце его будто ножом полоснуло. Он опрометью бросился к берегу, но волны, плескаясь, уже проглотили сокровище.

«Ну, на этот раз конец драгоценному камню!» — подумал Я-дань.

Вдруг из глубины выплыла огромная красная рыба и, видно очень довольная чем-то, стала плавать вдоль берега. Я-дань и спрашивает ее:

— Красная рыба, а красная рыба, не видела ли ты моего драгоценного камня?

— Я, красная рыба, плаваю то здесь, то там, откуда мне знать, где находится твой драгоценный камень?

Тогда Я-дань спросил маленькую рыбку:

— Рыбка, не видела ли ты мой драгоценный камень?

— Откуда мне знать, куда делся твой драгоценный камень? — отвечает рыбка. — Я ведь плаваю то там, то здесь.

Тут Я-дань увидел рыбку с белой чешуей и, поклонившись, спросил ее:

— Белая рыбка, не знаешь ли ты, где мой драгоценный камень?

— Я плаваю то здесь, то там, где мне знать, куда делся твой камень! — отвечает рыбка с белой чешуей.

Наконец Я-дань обратился к камбале:

— Не видела ли ты мой драгоценный камень? Скажи мне, пожалуйста!

— Хорошо, скажу тебе всю правду. Красная рыба проглотила твой драгоценный камень! Я собственными глазами видела.

Я-дань тут же отыскал красную рыбу и говорит:

— Красная рыба, отдай мне, пожалуйста, мой камень!

— Ха, вот надоедливый! — ответила красная рыба, притворившись оскорбленной. — Я ведь сказала уже тебе, что плаваю повсюду и мне нет дела до какого-то там драгоценного камня!

— Но ведь только что камбала собственными глазами видела, как ты проглотила его! Отдашь ты мне камень или нет? — рассердился Я-дань.

— Ничего я не знаю! Никакого драгоценного камня не глотала! — упорствовала красная рыба.

— Ну, ладно! Вот вычерпаю из речки всю воду, тогда ты иное заговоришь! — пригрозил Я-дань и взялся за работу. Лишь через три месяца и три дня осушил он речку, как вдруг в последний день на берег пришел слуга правителя и, увидев красную рыбу, решил выловить ее.

— Не трогай ее, иначе... я пушу воду и утоплю тебя! — закричал Я-дань, но упрямый слуга все-таки залез в воду и поймал красную рыбу. Рассвирепел Я-дань и спустил воду. Тут слуга перетрусил, выполз на берег и бросился наутек, а Я-дань снова принялся вычерпывать воду и, когда показалось дно, схватил красную рыбу и отнес ее домой.

Красная рыба была очень красива, Я-дань пожалел ее и решил пустить в большой чан с водой.

Каждый день, как обычно, юноша отпраивался на охоту, но, вернувшись, всегда находил в котле готовый обед. Удивленный этим, он стал спрашивать соседей, какая это добрая душа печет ему хлеб и варит обед, но никто в деревне не признавался. «Что-то здесь не так!» — подумал догадливый А-дао.

И вот однажды после завтрака он сказал вслух: «Ну, пора идти в горы на охоту!» — взял лук и стрелы и вышел за дверь. На самом деле Я-дань и не думал уходить; спрятавшись за большим деревом и своими зоркими охотничьими глазами стал наблюдать за домом. Сначала он слышал только пение птиц на горе и журчание речки у ее подножья. Вокруг цвели удивительные цветы, буйно росли травы, деревья слегка покачивались от ветра, воздух был напоен густым ароматом цветов. Вдруг Я-дань увидел, как из чана выпрыгнула рыба, сбросила с себя чешую и превратилась в красивую девушку.

Увидев ее, Я-дань невольно прошептал:

— Вот бы мне такую жену!

А тем временем девушка принялась хлопотать по хозяйству. Я-дань подкрался к окну и длинной палкой зацепил лежавшую на полу рыбку чешую. Когда он тихонько подтягивал палку к себе, чешуйчатая одежда зашуршала,

и девушка оглянулась. Звонким, ласкающим слух голосом, в котором слышалась тревога, она стыдливо спросила:

— Кто это поддепил мою одежду? Я раздета, никому нельзя заходить сюда!

— Не бойся, девушка! Одежда у меня есть! — с этими словами Я-дань зашел в комнату и протянул девушке черную в красных цветах юбку и пеструю кофту.

— Где же ты взял такую красивую одежду? — спросила девушка.

— Все это я заработал охотой, выменял на оленей, — ответил юноша, любуясь девушкой, которая в обновке стала еще красивее. И они в песне выразили свои горячие чувства.

Как лицо твое прекрасно!
На тебя гляжу,
Но сказать о чувстве в сердце
Слов не нахожу, —

с волнением пел Я-дань, а девушка тоже песней, вздыхая, ему отвечала:

Я хочу, чтоб господин мой
Полюбил меня,
Чтоб пришлось ему по вкусу
И моя стряпня.

Только маковки бамбука
Вдалеке видны.
Горько жить, когда с любимым
Мы разделены.

Жерновам — коль камень твердый —
Сырость не страшна.
А любви, скрепленной словом,
Сваха не нужна.

Девушка пела с чувством, а Я-дань отвечал ей взволнованно:

Пламя яркое бросает
Отблески повсюду,
Я лицом моей любимой
Любоваться буду.

Не влечет меня богатство:
Брось — пройду я мимо.
Сердцем я стремлюсь к тому лишь,
Чтобы жить с любимой.

Красная рыба робко взглянула на красавца Я-даня. Взмолвленная песней, она и сама не заметила, как прижалась к его груди. С того дня она стала любимой женой охотника.

Однажды правитель Ао-у верхом на коне проезжал мимо дома Я-даня и увидел Красную рыбу.

— Никогда в жизни не видел я такой красавицы! — в волнении закричал он, не отрывая глаз от девушки, пока она не скрылась в доме.

Вернувшись домой, правитель не мог ни есть, ни спать. Посоветовавшись со своими приближенными, он задумал украсть жену у Я-даня. И вот один из приближенных правителя придумал план, о котором шепнул на ухо Ао-у. Жестокий правитель кивнул головой и расхохотался, свирепо сверкнув глазами. На третий день утром, едва солнце показалось на небе, пять слуг правителя пришли в дом Я-даня и приказали ему идти в горы заготавливать дрова. Очень не хотелось Я-даню идти с ними, и все же он согласился — не перечить же правителю! А тем временем Ао-у, переодевшись в черное платье владыки ада Янь-вана, поджидал Я-даня в лесу, спрятавшись за большим деревом и держа наготове палку с остро отточенным концом. Когда Я-дань стал рубить дрова, Ао-у подкрался к нему сзади и стал колоть его острой палкой, пока не заколол до смерти. Слуги правителя, притворившись, будто ушли от страшной опасности, прибежали в деревню и сообщили, что Я-даня убил владыка ада.

Только одна добрая охотничья собака с быстротой ветра примчалась к дому Я-даня, тоскливо завывала и повела за собой Красную рыбу в горы. Сердце ее едва не разорвалось на части, когда она увидела мертвого мужа. Слезы градом катились по ее лицу, рыдания сотрясали горы. Вдруг она увидела горную мышь, которая хотела полакомиться мертвечиной. Красная рыба схватила камень и одним ударом прикончила мышь. Вскоре показалась другая мышь, во рту у которой уже была зажата кора «тысячелетнего дерева». Она накрыла ею мертвую мышь, и та через мгновение ожила и бросилась прочь. Тогда Красная рыба точно так же покрыла тело мужа этой корой, и тот вскоре ожил, будто очнулся от страшного сна. Проливая счастливые слезы, муж и жена вместе вернулись домой.

Убедившись, что замысел его не удался, Ао-у придумал другой коварный план. Он велел передать Я-даню, что в шестой день шестой луны он должен отправиться вместе с ним на охоту, а сам задолго до этого приказал вырыть на дорожке яму в тысячу чжан глубиной, будто для того, чтобы устроить оленю ловушку. На самом же деле он решил заживо закопать Я-даня.

В шестой день шестой луны, когда Я-дань собрался на охоту и седлал своего коня, Красная рыба, глотая слезы, обняла мужа и сказала:

— Мой дорогой Я-дань! Правитель Ао-у опять задумал погубить тебя! Крепко запомни, что я скажу: если, проезжая по дорожке, ты заметишь, что впереди закачалась верхушка высокого тростника, — немедленно скачи к нему и кричи. Выполнишь мой наказ, тогда мы еще свидимся...

Я-дань кивнул головой. С болью в сердце они расстались.

Сначала Я-дань и Ао-у гарцевали на своих конях рядом, но через некоторое время правитель приказал Я-даню ехать вперед, а сам, беспокоясь, как бы не попасть в яму, отстал.

Ехали они, ехали, пока, наконец, не подъехали к высокой горе, вокруг которой рос зеленый тростник. Вдруг Я-дань увидел, как закачалась верхушка высокого тростника. Он тут же повернул коня в ту сторону и поскакал к тростнику, громко крича. Спустя мгновение он услышал позади себя страшный треск, будто гора раскололась — это коварный и злобный, свирепый и жадный правитель Ао-у вместе со свитой и лошадьми рухнул в глубокую яму, которую сам себе вырыл.

Справедливость и доброта победили коварство, злобу и жадность, а юная красавица Красная рыба и ее храбрый и честный Я-дань зажили с тех пор спокойно и счастливо.

ИСТОРИЯ ОДНОГО УМНИКА

Жил когда-то один умник по имени Да Хуэй.

Пошел он однажды к тестю, напился пьяным и завалился спать на его кровати. Только было хотел он закрыть глаза, как вдруг увидел висевшую над изголовьем тыкву-горлянку. Заглянул в нее — а там мед. Обрадовался Да Хуэй, кончиком стрелы просверлил в тыкве дырку и снова лег, так, чтобы мед капал прямо ему в рот. Вскоре его глаза закрылись, и он крепко заснул.

На другой день, когда рассвело, тесть позвал зятя завтракать, а ему не встать — мед облепил его и он приклеился к постели. Да Хуэй так рванулся, что висевшие на потолочной балке кабаний клык, олений и другие охотничьи принадлежности упали и раскололись. Разгневался тесть, стал ругать Да Хуэя:

— Недотепа, какие вещи испортил! Как я теперь буду охотиться на кабанов?

— Не печалься, я знаю, что делать, — поспешил Да Хуэй утешить его, — я возвращу тебе все сполна, и если хочешь, то в стократном размере.

Он велел тестю вырыть на горе яму, залез в нее и приказал закопать себя по самый нос. Яму велел обнести изгородью с калиткой, а к калитке привязать веревку из ползучих растений, а конец веревки подвести к яме. Наконец все было готово.

Завидев пробегавших мимо кабанов, кабарг, оленей, медведей, дикообразов, обезьян и других зверей, Да Хуэй стал грозно вращать глазами и страшно засопел. От изумления звери остановились, зашли в загон и лишь переглядывались, не понимая, что за диковина перед ними. В этот момент хитрец с силой дернул веревку, и ворота захлопнулись! Да Хуэй выбрался из ямы, со всех ног

бросился к тестю и рассказал ему обо всем. Тот сильно обрадовался, пошел к загону, взглянул — как раз сотня зверей!

Да Хуэй взял себе только одного оленя, зашил ему веки, вскочил на него и отправился в путь. По дороге он встретил китайца-торговца верхом на коне. Да Хуэй и говорит:

— Посмотри, какой у меня хороший конь: на его рога можно столько всего навесить! Видишь, висит мой халат и мешок с рисом. И бегаёт он быстро — как птица! Поистине драгоценный конь!

Разволновался торговец, захотел конями меняться, а Да Хуэй упрямится. Долго уговаривал его торговец, наконец тот согласился. Когда китаец вскочил на оленя, Да Хуэй говорит:

— Мой конь очень быстрый, и если тебя не привязать, пожалуй свалишься. Давай я привяжу твои ноги к коню, так будет безопаснее.

Тут Да Хуэй выдернул нитку из века оленя, а тот увидел человека, испугался и понёсся вскачь через леса, через колючие заросли. Торговец упал и расшибся насмерть, а Да Хуэй верхом на его лошади, покатываясь со смеху, отправился дальше.

Через некоторое время он встретил ещё одного торговца, который предложил ему купить нож. Ещё издали приметив его, Да Хуэй у обочины дороги зарыл в землю лепешку из клейкого риса, а когда тот приблизился, бамбуковым ножом выкопал ее и стал есть. Удивился торговец и спрашивает:

— Что ты это откопал?

— Лепешку, — отвечает Да Хуэй.

— А вкусно? Дай мне попробовать.

Да Хуэй вырыл из земли ещё кусочек и дал торговцу. А тот после долгого путешествия по горам сильно проголодался. Лепешка показалась ему такой вкусной. Вот он и спрашивает:

— Как же ты узнал, что здесь зарыта лепешка?

— А мой нож обладает таким свойством, — отвечает хитрец, — что везде может откапывать лепешки.

«Так вот, оказывается, какой у него нож, — подумал торговец, — если я с ним поменяюсь, то мне не придется таскать с собой в дорогу рис и овощи. Я всегда смогу выкапывать из земли такие лепешки. Вот будет здорово!»

— Твой бамбуковый нож может только откапывать из земли лепешки, — говорит он, — а мой железный нож лучше. Им можно резать очень быстро и легко. Давай меняться, хочешь?

Сначала Да Хуэй не соглашался, но после долгих уговоров согласился, и торговец ушел, благодаря небо и землю за удачу.

Пошел Да Хуэй дальше. Шел, шел и, наконец, остановился, чтобы сварить что-нибудь поесть. Когда рис был почти готов, вдалеке показался китаец с железным котлом. Да Хуэй спешно сложил печурку из трех камней, положил рис в горшок, подогрел его на медленном огне, затем разбросал печурку, а огонь погасил. Когда подошел торговец, от риса так и валил пар, а огня между тем нигде не было. Удивился торговец, а Да Хуэй и говорит:

— Я свою похлебку варю без огня; только брошу рис в воду — и она вмиг готова!

«С таким горшком не нужен ни хворост, ни огонь, — подумал торговец, — куда ни пошел, еда всегда готова. Очень удобно! Если бы мне с ним сменяться!» Вот и говорит он Да Хуэю:

— Мои котлы очень выгодная штука! Они никогда не портятся! И сыновья и внуки твои будут ими пользоваться! Давай сменяемся?

— Ну что ж, раз это так выгодно, давай! — с радостью согласился Да Хуэй.

Получил торговец горшок и, счастливый, пошел дальше. Через некоторое время он остановился, поставил печурку, налил в котелок воды, бросил в нее рису и стал ждать. Ждал, ждал, а вода все не кипит. Еще подождал — все бесполезно. Попробовал воду — холодная! Тут только он понял, что его надули, и в гневе закричал:

— До сих пор я сам обманывал людей, а на этот раз лиец провел меня!

Схватил он котелок вместе с водой и рисом и выбросил их в ущелье.

Однажды увидел Да Хуэй кабана и говорит ему, указывая на муравьиную кучу:

— Эй, старший братец кабан! Я слышал, как муравьи грозились выесть твои глаза и нос, будь осторожнее!

Задрав вверх голову, кабан и говорит:

— Подумаешь, муравьи, я одним ударом могу всю их кучу разорить. Вот, смотри!

С этими словами он ринулся на муравьиное гнездо, но тут же напоролся на стрелу, которую Да Хуэй заранее воткнул в ствол дерева у самых его корней. Стрела проткнула кабану горло, и он сдох. Только было Да Хуэй решил забить его и съесть, как вдруг увидел медведя. Испугался Да Хуэй и стал думать, что бы такое ему предпринять. Поднял голову, увидел плывущие по небу тучи и говорит медведю:

— Поди возьми у тучи огонь, мы поджарим кабаньего мяса и хорошо поедим.

Когда медведь ушел, Да Хуэй разжег костер, поджарил мясо. Затем начинил кишки жареным мясом и печенью, сварил колбасу и запрятал за пазуху у пояса. А медведь бежал вслед за гонимыми ветром тучами и с нетерпеньем ждал, когда появится огонь. Но огонь так и не появился. Пришлось медведю ни с чем вернуться к Да Хуэю, а тот начал ругать его:

— Зачем же ты ходил за огнем так долго? Кабан убежал, что теперь есть будем?

Говорит, а сам вздыхает. Потом погладил себя по животу, вытащил из-под одежды колбасу, отломил кусок и принялся есть.

— Что это ты жуешь? — спрашивает медведь.

— Нечего есть, — отвечает Да Хуэй, — вот и приходится собственными кишками питаться!

— Дай и мне попробовать!

Да Хуэй дал ему кусок, тот попробовал и говорит:

— Как вкусно! Дай еще немножко!

— Что же я буду делать, если мы съедим все мои кишки? Теперь твоя очередь — отрежь ты кусок от своих кишок!

— Боюсь! — говорит медведь. — Это ведь больно!

— Я тебя научу, как это сделать, — отвечает Да Хуэй. — Закрой глаза, я сам отрежу — ты и не почувствуешь!

Медведь послушался его, крепко зажмурил глаза; Да Хуэй в тот же момент с силой вонзил нож ему в шею, а сам стремглав бросился в пещеру и спрятался там. Медведь сделал несколько прыжков, свалился и сдох. Да Хуэй долго отсиживался в пещере. Вдруг видит — мимо пещеры муравей ползет, и спрашивает его:

— Муравей, муравей, скажи мне, умер медведь или нет?

— Давно, — отвечает тот, — я уже вволю напился его крови.

Только тогда Да Хуэй осмелился выбраться из пещеры, разжег костер, нажарил медвежьего мяса, наелся до отвала, забрал с собой медвежью желчь и отправился дальше.

Услышал как-то Да Хуэй кваканье лягушки и увидел трех оленей.

— Эй, братцы олени, я слышал, что лягушки грозятся отведать вашего мяса! Не верите — послушайте сами!

Насторожились олени: и вправду лягушки квакают.

— Такие малявки, а еще грозятся! Вот мы сейчас выпьем всю воду и растопчем их, посмотрим, что они будут делать?

И олени принялись пить воду. Когда животы их раздулись, Да Хуэй услышал писк птицы на дереве и закричал:

— Эй, послушайте, люди пришли на охоту, бегите, бегите скорее!

Испугались олени и бросились опрометью бежать. Один из них недалеко убежал, свалился и сдох.

Да Хуэй наварил оленьего мяса и стал есть. Тут лягушка высунулась из воды и говорит:

— У тебя оленье мясо? Дай мне немножко!

— А ты сама залезай в котел и ешь!

Лягушка послушалась, прыгнула в котел и сварилась. В это время подскочила другая лягушка; он и ей говорит:

— Только что твой братец попросил у меня оленьего мяса, я и велел ему лезть за ним в котел. Ступай быстрее, не то он сам все съест один!

Вторая лягушка тоже прыгнула в котел и тоже сварилась. Прискакала третья лягушка, Да Хуэй и ее отправил туда же. Но эта лягушка прыгнула на плавающее сверху мясо и обварила только ноги. От страшной боли она выпрыгнула и скрылась в воде.

А Да Хуэй попил кипяток и хохотал во все горло:

— Ну и аромат: оленье мясо с лягушатиной — до чего же вкусно!

Однажды Да Хуэй пошел к речке ловить рыбу и увидел обезьян, резвящихся на деревьях.

«Вот я их поймаю сейчас», — сказал себе Да Хуэй, раскинул рыбачью сеть и говорит обезьянам, указывая на осиное гнездо:

— Эй, братцы, осы недовольны тем, что вы играете и шумите, они грозятся покусать вас!

— Подумаешь, — говорят обезьяны, — стоит нам схватить их, и им конец!

И обезьяны толпой пошли к осиному гнезду, чтобы его разорить. Осы с жужжанием вылетели из гнезда и принялись жалить обезьян. Разве знали они, что дело кончится так печально? Морды у обезьян вспухли, и они, схватившись за головы, в панике бросились кто куда. А Да Хуэй, громко хохоча при виде этого зрелища, закричал им вслед:

— Не бегите в горы — там осы закусуют вас до смерти, бросайтесь в воду — только там спасетесь!

Обезьяны, толкаясь, ринулись к реке, одна за другой попрыгали в воду, и все до одной попались в рыбачью сеть.

Но однажды произошло следующее.

Проходя мимо речки, Да Хуэй увидел рака и сказал ему с холодной усмешкой:

— Как медленно ты ходишь! Чтобы переползти даже небольшой камень, тебе нужен целый год, а то и больше!

— Хотя я и ползаю медленно, — отвечает рак, — но тебе все равно не перегнать меня!

— Хорошо же! — говорит Да Хуэй. — Согласен ты соревноваться со мной? Я пойду вон туда и окликну тебя. Если ты не отзовешься, значит я опередил тебя и, значит, ты в проигрыше!

— Согласен, — говорит рак, — но если я возьму верх, ты не будешь пить мою воду. Если же победишь ты, то можешь делать в речке все, что тебе угодно.

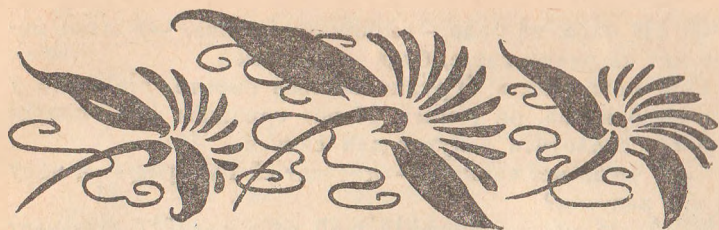
Наконец они договорились. Рак немедленно оповестил обо всем всех своих братьев и сестер во всех речках.

Да Хуэй подошел к одной речке, окликнул рака — тот немедленно откликнулся. Тогда Да Хуэй перебежал к другой речке и опять закричал:

— Эй, рак, где ты? — А тот опять впереди оказался.

Встревожился Да Хуэй, со всех ног бросился вперед. Подбегает к третьей речке — и опять рак откликнулся на его зов. Совсем испугался Да Хуэй, вмиг добежал до четвертой, потом — до пятой речки, — рак опять отзывается!

Устал Да Хуэй, задохнулся, в ногах — ломота, но остановиться он не посмел и, стиснув зубы, продолжал идти вперед. Еще один пересохший ручей остался позади, а рак все откликается на зов Да Хуэя. У пятой речки Да Хуэй совсем обессилел, небо и земля завертелись у него в глазах, ноги так занули, что казалось, они вот-вот переломятся. Во рту пересохло — точно кожа в нем потрескалась, сердце едва не выпрыгнуло из груди. Тут упал наш умник на землю и испустил дух.

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ЛИСУ

МОЛЛЮСК

Жил когда-то один юноша, не было у него ни отца, ни матери, так и звали его Гуа-цзы, что значит «сирота». Гуа-цзы ловил рыбу, но всякий раз на удочку ему попадался моллюск.

«Зачем мне эта нечисть!» — думал Гуа-цзы и выбрасывал моллюска в реку. Но на другой день моллюск снова попадался на удочку.

«И чего только этот моллюск привязался ко мне?» — дивился рыбак.

И вот взял Гуа-цзы этого моллюска, принес домой и опустил в жбан с водой. С этого дня каждый раз, когда он возвращался с рыбалки домой, на столе его ждал готовый обед.

«Вот чудеса! Нет у меня ни отца, ни матери, ни сестер, — раздумывал сирота, — кто же готовит?» И вот однажды он сделал вид, что отправляется на рыбную ловлю, а сам, крадучись, вернулся с полдороги и спрятался в углу комнаты.

В полдень моллюск с плеском выпрыгнул из жбана и обернулся прелестной девушкой в красивом платье и с драгоценными жемчужными сережками в ушах. Девушка подошла к корзине, набрала полное решето риса и начала обрушивать его. Тут Гуа-цзы все понял. Он выскочил, крепко обнял девушку, а та снова стала превращаться в моллюска.

— Не надо, не надо, — закричал юноша, — у меня никого нет на целом свете, будь моей женой.

Они поженились. Трудно жилось сироте. Не было у него ни буйвола, ни свиней. И вот однажды жена попросила его сколотить закуток для свиней.

— У меня нет свиней, — отвечает ей Гуа-цзы, — к чему же мне закуток?

— А ты не спрашивай! Знай себе делай! — отвечает жена.

Гуа-цзы послушался и сколотил закуток.

— Теперь делай хлев! — говорит жена.

— У меня нет коровы, — возразил муж, — зачем же нам хлев?

— Не шуми, знай себе делай, — отвечает жена.

Построил сирота и хлев.

— Теперь построй овчарню, — говорит жена.

— У нас нет овец, зачем же нам овчарня?

— Ты знай делай да помалкивай.

Гуа-цзы построил и овчарню.

— А теперь сделай курятник, — не унималась жена.

— Откуда у меня куры, и зачем мне курятник? — недоумевал муж.

— Поменьше болтай — побыстрее делай! — торопила жена.

Построил сирота и курятник.

Когда свинарник, коровник, овчарня и курятник были построены, женщина встала посреди свинарника, хрюкнула — и свинарник наполнился свиньями. Потом замычала — и в хлеву появились коровы. Стоило ей заблеять — и в овчарне стало полным-полно овец! А когда она закудахтала — в курятнике заклохтали куры.

С этого времени супруги зажили счастливо, нужды не зная.

По соседству с Гуа-цзы жил его дядя, человек очень богатый. Было у него три дочери, к которым юноша когда-то сватался. Однако дядя презирал его за бедность и не отдал ему ни одну из трех дочерей. Теперь же, видя, что дом у племянника — полная чаша, дядя потерял покой и стал нашептывать племяннику:

— У тебя ведь не жена, а моллюск! Зачем тебе эта вонючая образина? Гони ты ее в шею! Я отдам тебе самую красивую дочь!

Послушался его племянник, вернулся домой и говорит жене:

— Эй ты, вонючая образина! Иди-ка ты прочь от моего дома!

— Ах, вот как? — говорит ему жена. — Ну что ж, только боюсь, пожалеешь потом, да будет поздно!

— Иди, иди вон! — повторил муж.

Жена пошла прочь, но с полдороги еще раз спросила:

— Смотри, Гуа-цзы, а вдруг раскаешься?

— Иди, иди, мерзкая тварь!

Жена подошла к берегу, вошла в воду. Вот вода дошла ей уже до подбородка, а она все кричит:

— Сирота, еще не раздумал?

— Иди, иди прочь! — отвечает он ей.

Забулькала вода, и женщина скрылась в глубине. В тот же момент все свиньи, коровы, овцы и куры бросились вслед за ней. Гуа-цзы попытался было задержать одну корову, но она сшибла его с ног. Свинья, которую он схватил, укусила его и убежала. Даже слепая овца и та покинула его. Все скрылись в реке вслед за хозяйкой. Тогда сирота пошел к дяде и говорит:

— Ну вот, ушла моя жена в реку, теперь ты можешь отдать свою дочь мне в жены.

Но тут дядя и говорит:

— А сколько ты дашь мне коров и овец? Где твои стада?

Откуда же мог взять Гуа-цзы коров и овец, когда последняя слепая овца убежала от него? Загоревал он, затоковал о жене. Каждый день ходил на берег реки и заливался горючими слезами. Однажды к нему подбежала охотничья собака и говорит:

— О чем горюешь, сирота?

— Тоскую по жене, ушла она от меня в реку! — отвечает Гуа-цзы.

Залаяла собака и убежала¹.

Через мгновение прилетел фазан и спрашивает:

— Ты почему сидишь здесь и плачешь?

— Моя жена ушла в реку, вот я и тоскую по ней.

---

¹ Согласно преданию у народности лису собака дала человеку зерно для посевов и с древних времен помогала ему. В новый год с утра первой кормят собаку. В этой сказке даже собака отказалась помочь сироте, что говорит о том, какое непоправимое несчастье его постигло.

Фазан засвистел, будто захохотал, и улетел, словно спущенная с тетивы стрела¹. Видно, не торопился он помочь Гуа-цзы.

— О чем ты плачешь? — спрашивает лягушка.

— Я тоскую по жене, которая ушла в реку, — отвечает Гуа-цзы.

— Не горюй! — говорит лягушка. — Обмолоти мне два доу² соевых бобов, и я приведу к тебе твою жену.

Обрадовался Гуа-цзы, намолотил два доу бобов и накормил лягушку.

— Когда увидишь свою жену, — сказала ему лягушка, — смотри не смейся. Подойди к ней и крепко обними. Если же ты засмеешься, то испортишь все дело.

— Хорошо, — отвечает Гуа-цзы, — не буду смеяться.

Лягушка съела два доу соевой муки, вытерла рот и начала пить воду. Не прошло и мгновения, как она осушила всю речку — показалось дно. Видит Гуа-цзы, сидит его жена за ткацким станком и ткет. Потерял он голову от радости, не вытерпел и засмеялся. Лягушка тоже захохотала, вода хлынула у нее из пасти и унесла на волнах саму лягушку. А сирота снова зарыдал.

— Не горюй, — говорит ему лягушка, — приготовь мне еще два доу бобовой муки, я еще раз попробую выпить всю воду из реки, только смотри ни в коем случае не смейся.

Снова намолотил Гуа-цзы два доу бобовой муки, лягушка съела ее и начала пить речную воду. Вот опять показалось дно. На этот раз Гуа-цзы не смеялся. Увидев жену, он бросился к ней и крепко-крепко прижал ее к себе.

— Вот видишь, мои слова сбылись! — со смехом сказала жена.

Так и встретились снова супруги. Тут Гуа-цзы впервые увидел своего тестя: оказывается, жена его была дочерью дракона!

А дракону очень не хотелось, чтобы дочь его была женой человека. Вот он и говорит зятю:

— Давай устроим состязание. Посмотрим, кто из нас смекалистей. Если ты возьмешь верх, отдам тебе дочь, если я — то и не мечтай о ней. Завтра же и начнем. Ты

¹ В народе лису считают, что фазан кричит к добрым гостям или хорошим новостям. Гуа-цзы думал, что фазан прилетел к нему, с доброй вестью о жене, а тот даже не посочувствовал ему.

² Доу — мера объема, более 10 литров.

спрячешься, а я буду тебя искать. Если не найду — ты выиграл, найду — проиграл.

Гуа-цзы рассказал все жене, а та и говорит:

— Не горюй, я знаю, что делать.

На другой день она превратила мужа в иголку, воткнула ее в нитки, из которых пряла ткань, а сама принялась за работу. Пришел отец, потянул носом и говорит:

— Что-то здесь человеческим духом пахнет!

— Что ты, отец, — отвечает дочь, — откуда здесь быть человеческому духу? Я давно здесь пряду и не видела, чтобы кто-нибудь приходил.

Искал-искал дракон, так и не нашел Гуа-цзы. А зять его тут как тут — из материи выпрыгнул.

— Ну, зятек, ты, оказывается, не глуп! — признался тесть.

На другой день настал черед прятаться тестю.

Жена и говорит:

— Я уверена, что отец обернется диким быком и замешается в стадо. Хватай того быка, что всех злее.

Отправился Гуа-цзы к стаду. Смотрит, все быки как быки, только один бросается на людей и кусается. Схватил его Гуа-цзы за рога. Тут тесть принял свой первоначальный облик и признал себя побежденным.

— Ну, зятек, — говорит он, — ты и на самом деле умный парень! А теперь давай посмотрим, кто из нас искуснее в «выжигании земли»¹.

Он отвел зятю большой участок и велел в один день очистить его. Пошел Гуа-цзы к жене и говорит:

— Задал мне твой отец задачу: за один день вырубить под пахоту огромный участок земли. Разве это мне под силу?!

— Не бойся, — говорит жена. — Нужно только срубить по два дерева в начале и в конце участка, а потом сказать: «Отец-дракон, мать-дракон, вырубите деревья!» И все будет в порядке.

На другой день взял с собой Гуа-цзы начищенный до блеска нож и отправился на участок. Там он вырубил по два дерева в начале и в конце участка и сказал: «Отец-дракон, мать-дракон, вырубите деревья!» Едва он произнес эти слова, как деревья стали с шумом и треском ва-

---

¹ Выжигать землю — значит срубить деревья, жечь кустарники, корчевать корни и сжигать сорняки.

литься на землю. В одно мгновение весь участок был вырублен. Тестю ничего не оставалось, как признать победу зятя.

— А ты молодец! — сказал он. — Но это еще не все. Завтра ты должен будешь убрать вырубленный участок. Пошел Гуа-цзы к жене.

— Завтра тесть велит мне убрать весь участок. Разве могу я сделать это за один день?

— Не бойся! — говорит жена. — Сожжешь по куче хвороста в начале и в конце участка, а потом скажешь: «Отец-дракон, мать-дракон, выжгите мне землю!» И все будет сделано!

На другой день Гуа-цзы пришел с факелом на участок, поджег две кучи хворосту, а потом сказал: «Отец-дракон, мать-дракон, выжгите мне землю!» Не успел он произнести этих слов, как через мгновение все сгорело дотла. Тесть опять признал себя побежденным и говорит:

— Умен, умен, что и говорить. Завтра будешь корчевать корни.

Снова Гуа-цзы пошел к жене.

— Твой отец велит мне завтра выкорчевать все корни.

— Не печалься! — отвечает жена. — Собери две кучи в начале и в конце участка и скажи: «Отец-дракон, мать-дракон, выкорчуйте корни», — и все будет готово!

Гуа-цзы так и сделал. На другой день он собрал по две кучи корней на противоположных концах поля, произнес заветные слова — и тут все корни сами вылезли из земли. Тесть опять признал свое поражение, похвалил зятя и велел ему на другой день сажать просо. Он протянул ему целый мешок зерна и дал один день на то, чтобы посеять его.

Гуа-цзы уже в которой раз пошел советоваться с женой. Та выслушала его и говорит:

— А ты не робей! Засей по горсти проса в начале и в конце поля, а потом скажи: «Отец-дракон, мать-дракон, посейте мне просо!» — и все будет сделано.

На другой день Гуа-цзы принес на поле мешок проса, посеял по две горсти его в начале и в конце поля и сказал то, что велела ему жена. Едва он произнес заклинание, как все просо само рассыпалось по полю.

Тесть сразу признал себя побежденным и говорит:

— Ничего не скажешь, умен! А завтра нужно собрать просо! Даю тебе на это один день!

«Как же я могу убрать столько проса?» — подумал Гуа-цзы и снова пошел к жене.

— Твой отец велел мне завтра собрать все просо! — пожаловался он ей.

— Не беспокойся! — утешила его жена. — Возьми с собой два больших мешка и положи их на противоположных концах поля. Потом крикни: «Отец-дракон, мать-дракон, соберите просо!» — и все будет вмиг сделано.

На другой день не успел Гуа-цзы произнести заклинание, как просо само посыпалось в мешки.

Принес он мешки с просом домой, а тесть и говорит:

— У меня все зерна наперечет, подсчитай, все ли тут?

«Столько проса только за год можно перечесть!» — подумал Гуа-цзы и снова пошел к жене за советом, а та ему и говорит:

— Ты только скажи: «Отец-дракон, мать-дракон, сосчитайте просо!» — и все будет в порядке.

Послушался Гуа-цзы жены и через мгновение уже знал, сколько проса в обоих мешках. Оказалось, что не хватает двух зерен.

— Ты не видел, около поля никого не было? — спрашивает тесть.

Подумал Гуа-цзы и говорит:

— Была пара пятнистых голубков.

Тогда тесть протянул ему стрелу и велел убить обоих.

«Как же я убью двух голубей одной стрелой?» — подумал Гуа-цзы и опять пошел советоваться с женой.

— А ты не горюй! — говорит жена. — Расколи стрелу на две и, когда увидишь на поле двух голубков, скажи: «Отец-дракон, мать-дракон, убейте голубей!» — и все будет в порядке.

Гуа-цзы сделал, как наказывала ему жена, расколос стрелу на две половинки, прошептал заклинание, и стрела сразила обоих голубей. В их желудках Гуа-цзы нашел два недостающих зерна.

Пришлось тестю признаться:

— Ничего не поделаешь! — сказал он. — Ты действительно парень сметливый!

Началось состязание в охоте.

— Твой отец хочет, чтобы я пошел с ним в горы на охоту! — сказал Гуа-цзы жене.

— Когда будешь уходить, — посоветовала жена, — захвати с собой огуречных семян. Каждый раз на привале сажай в землю по два семечка. К ночи отец будет звать тебя спать с ним рядом в болоте. Ты слушайся его и ложись рядом, но как только он заснет, перебирайся на более высокое место, только свой плащ оставляй на дереве внизу. Если он прикажет тебе охотиться с ним в горах, дождись, пока он поднимется на гору, а сам беги на другую, только плащ оставляй на той горе, на которую он велел тебе идти. Крепко запомни это и никогда не забывай.

Жена твердила ему это без конца, пока не убедилась, что Гуа-цзы все понял, и только тогда отпустила его со спокойной душой.

На другой день тесть с зятем отправились на охоту. Помня наказ жены, Гуа-цзы каждый раз на привале сажал два огуречных семечка...

Подошла ночь, пора было располагаться на ночлег. Тесть, конечно, облюбывал себе местечко на болоте и велел зятю ложиться с ним вместе. Дракон лег головой на юг, а зять — головой на север. В полночь тесть заснул, а зять тихонько поднялся и перешел на более высокое и сухое место, только свой плащ оставил висеть на дереве, под которым спал тесть. Внезапно налетел ураган, полил дождь, с горы хлынул поток воды. Деревья валялись от ветра, камни с шумом катились с горы вниз. От грохота сотрясались горы и долины. Но прошло мгновение, горный поток иссяк, дождь перестал. Тесть решил, что Гуа-цзы утонул, и, чтобы убедиться в этом окончательно, закричал:

— Эй, зятек!

— Ау, я здесь! — тотчас откликнулся тот.

Ничего не поделаешь, пришлось тестю опять похвалить зятя за находчивость.

Наутро тесть и говорит:

— Сегодня мы с тобой пойдем на охоту. Я взберусь на эту гору и подниму оленя, а ты внизу устрой ему засаду.

— Ладно! — согласился Гуа-цзы, но как только тесть стал подниматься на гору, он повесил свой плащ на дерево, а сам быстро взобрался на другую гору. Вдруг хлынул бешеный горный поток, вырвал на той горе все деревья и вместе с ними унес плащ Гуа-цзы. Тесть не сомневался, что зять его погиб, и крикнул:

— Эй, зятек!

Но тот сразу же откликнулся:

— Я здесь!

Пришлось тестю снова признать, что зять его умен и находчив.

Дважды насылал тесть горный поток на Гуа-цзы, но зять оставался невредим. Тогда он увел его в далекие-далекие края. Они перевалили через высокие горы, прошли через дремучие леса, пока, наконец, не вышли на берег большого моря. Оно было безбрежно и глубоко, а вода в нем черная-черная. Высокие волны грозно накатывались на берег. Выйдя на берег, тесть прыгнул в пучину и морским путем добрался до дому. Теперь он уже не сомневался, что Гуа-цзы погибнет: разве найдет он дорогу обратно? А если бы даже и нашел, то ему нечего будет есть, и он умрет с голоду. Дракон и не подозревал, что посаженные по всему их пути огурцы уже созрели. По ним Гуа-цзы находил дорогу, ими же и утолял голод. Когда дракон приплыл домой, зять его был уже там. Увидев его, тесть не выдержал и похвалил:

— А ты, зятек, и умный и находчивый!

Тогда дракон назначил четвертое испытание: состязаться в стрельбе в скалу. Чья стрела попадет в скалу, не отскочив от нее, тот и победит.

Пошел Гуа-цзы советоваться с женой.

— Не беспокойся, — сказала она, — помажь наконечник стрелы смолой и можешь быть уверен в победе.

На другой день, когда началось состязание, первым стал стрелять тесть. Он пустил три стрелы, но все они, наткнувшись на камень, отскакивали назад. Наступил черед Гуа-цзы стрелять. Он тоже выпустил три стрелы, и все они благодаря смоле приклеились к камню. Тесть решил, что зять прострелил камень, и признал свое поражение.

Наконец, дракон назначил ему пятое испытание. Он велел Гуа-цзы пойти к обезьянам попросить гонг. Рассказал Гуа-цзы об этом жене и попросил у нее совета.

— Когда придешь к обезьянам, — сказала ему жена, — они начнут спрашивать, какая у тебя фамилия. Ты молчи и не шевелись. Когда же они спросят: «Твоя фамилия не Хоу?»¹ — ты сразу же кивай головой. Если

---

¹ Хоу — обезьяна (китайск.).

обезьяны будут угощать тебя водкой, пей лишь из той чашки, у которой протекает доньшко.

И она дала ему чашку с протекающим дном и мешочек с иголками. Когда все было подготовлено, Гуа-цзы отправился к обезьянам за гонгом.

Обезьяны окружили его со всех сторон и спрашивают:

— Твоя фамилия Юй?

Гуа-цзы ничего не ответил.

— Может быть, твоя фамилия Фын?

Гуа-цзы опять промолчал.

— Может быть — Хоу?

Тут уж Гуа-цзы старательно закивал головой.

— Значит, ты наш родственник, — закричали обезьяны.

Сбежалось великое множество обезьян, и все стали просить его выпить с ними. Каждая наливала ему полную чашку, но он переливал все в свою, с протекающим дном, и когда пил, то в рот попадало немного, почти все вытекало на землю. Пировали долго, пока обезьяны не напились допьяна и не повалились на землю. Тогда Гуа-цзы потихоньку проник в дом, схватил гонг и бросился бежать.

Недалеко от логова обезьян гонг ударился о дерево и зазвенел. Обезьяны проснулись и бросились в погоню. Время от времени Гуа-цзы останавливался и втыкал на дороге иголки. Бегущие впереди обезьяны наткнулись на иголки и поранили себе ноги. Остальные обезьяны не осмелились преследовать Гуа-цзы, и он благополучно вернулся домой.

Когда он принес гонг дракону, тот предложил ему состязаться: кто лучше сыграет на гонге.

Тесть первым изо всех сил ударил в гонг, но Гуа-цзы почти ничего не услышал. А когда в гонг ударил Гуа-цзы, в ушах у тестя так зазвенело, что он оглох и тут же умер. А Гуа-цзы и девушка-моллюск прожили вместе в согласии и довольстве до конца дней своих.

ИСТОРИЯ ГОРЛИЦЫ

Есть у племени луйбань любимая птица — горлица, которую тоже называют «луйбань». Старые и малые радуются, стоит им только услышать о ней. Горлица приносит счастье, будит надежды, возвещает о приходе весны. С первым ее криком поля и склоны гор по берегам реки Нунцзян зеленеют. Весной, когда ветер перестает бушевать, на каштанах набухают почки. Когда трава меняет цвет, у подножья горы Гаолигун, на берегах реки Нунцзян, где живет народность лису, можно увидеть горлицу «луйбань». Спрятавшись в чаще деревьев, она сливается с зеленой листвой, если не приглядишься — не различишь. Оперение у птицы ярко-зеленое, как малахит, глаза — будто рубины, лапки, как кораллы. Когда она кричит в чаще каштанов, прохожие, охотники на кабаргу, крестьяне, работающие на полях, девушки, пришедшие в лес за дровами, и девчонки-пастушки поднимают голову вверх, щурятся и, затаив дыхание, слушают горлицу.

О чем же она поет?

«Весна пришла, выходи в поле!» — поет она. Ее трели очень длинные, более десяти минут тянется каждая, а голос подобен флейте...

Почему же так хорошо поет горлица «луйбань»? Вот послушайте, что рассказывают об этом.

Давным-давно жили два человека. Один был сыном богача, а другой — сыном бедняка. Сговорились они однажды пойти на рыбную ловлю, срубили банановое дерево, спустили его вместо плота на воду и поплыли вниз по течению, отталкиваясь шестом. Вдруг видят — огромный карп плывет. Вытащил сын богача большой нож, замахнулся на карпа, да не попал — лишь разрубил бревно надвое. Так оба парня, сами того не желая, разделились:

каждый плыл по течению на своем куске бревна. Течение выбросило их к подножию небольшой горы, которая делала реку на два потока: восточный и западный, подхватило бревна и тоже понесло их в разные стороны — один к востоку, другой к западу.

Прибило бедняка к какому-то селению. Домов здесь было много, а людей нигде не было видно. Не только людей, ни одной собаки или курицы не встретилось на пути. Станным показалось это бедняку.

Он, крадучись, пошел по деревне. Но по-прежнему не увидел ни одного человека. Тогда он зашел в какой-то дом — но и там было пусто. Вдруг раздались голоса. Бедняк внимательно прислушался: голоса доносились из шкафа.

— Не нужно открывать шкаф, не нужно! — твердил чей-то голос.

Парень послушал-послушал, потом набрался храбрости и открыл шкаф. Из него выпрыгнули две молоденькие девушки и, дрожа, спросили:

— Ты зачем открыл шкаф? Чудовищный змей и гигантский ястреб поедают жителей нашей деревни. Змей проглотил нашего отца, ястреб разорвал нашу мать, вот нам и приходится прятаться в шкафу.

— Не бойтесь, девушки! — успокоил их юноша. — Я могу убить ядовитого змея своим длинным ножом. А из арбалета могу подстрелить ястреба. Пойдемте со мной! С этими словами он свистнул, но вдруг забушевал ледяной ветер, и девушки поспешили спрятаться в шкаф. Вместе с порывом ветра появился огромный удав. Сверкая золотыми пятнами, он высунул голову из пещеры. Юноша всунул нож в отверстие пещеры и повертел острием. Тогда змей с шипением высунул из пещеры две головы и сразу наткнулся на нож. Удар — и вот змей уже рассечен на две части. Мгновение он еще бился на земле, но скоро сдох.

Юноша позвал девушек и, поддерживая их, выбежал за ворота.

Вдруг на небе показалась черная туча. Она заслонила солнце, и стало темно. Девушки дрожали от страха. Это летел ястреб. Он покружил над вершиной горы, вначале полетел налево, потом — направо. Юноша снова свистнул и, когда ястреб пролетал мимо, натянул тетиву; стрела

со свистом взвилась и попала прямо в глаз ястребу. Тот перекувырнулся в воздухе и камнем упал вниз.

— Ай-я! — воскликнули девушки. — Какой ты молодец! — Убил змею, подстрелил ястреба, отомстил за наших отца и мать, за односельчан. Теперь мы готовы пойти за тобой хоть на край света!

Отвечает им юноша:

— Есть у меня один друг, с которым нас разлучила судьба. Я должен во что бы то ни стало найти его, без него я не возвращусь домой!

Девушки согласились идти вместе с ним. Перешли они девяносто девять гор, переправились через девяносто девять рек. Больше года шли, но сына богача никак не могли найти. Тяжело было юноше, но он упорно продолжал поиски.

Сестры шли за ним. Старшая очень любила наряжаться, но красотой не отличалась. А младшая уродилась красавицей, но любила трудиться. Лицо ее часто было все выпачкано сажей, так что сразу не видно было всех ее достоинств.

Однажды погнался юноша за кабаргой и глубоко в горах увидел на дереве обезьяну.

— Не видела ли ты моего друга? — спросил он ее.

— У-хэ, у-хэ! — ответила обезьяна.

Юноша еще раз спросил ее, и опять услышал: «У-хэ, у-хэ!»

Рассердился он и пустил в нее стрелу. Обезьяна вскрикнула и умерла. В тот же момент из леса выбежал какой-то человек с ребенком на руках. Человек этот выхватил нож, намереваясь убить юношу. Тот взглянул на него и сразу признал в нем своего приятеля.

— Эй, друг! — поспешно крикнул он. — Я искал тебя больше года! Наконец-то отыскал! А что это за ребенок?

— Моя жена сидела на дереве, зачем ты убил ее? — сказал тот. — А это мой сын, ты лишил его матери. Она спасла меня, когда я тонул, и мы с ней поженились...

Тяжело стало на сердце у юноши, когда он услышал слова своего приятеля.

— Ничего не поделаешь, дело сделано, — сказал бедняк, помолчав, — но ты не горюй, пойдем обратно в деревню.

И он рассказал приятелю обо всем, что с ним произошло, не забыв упомянуть и о девушках, которых он вел

с собой, и о том, как они красивы и что он может выбрать себе в жены любую. Посмотрел сын богача на девушек, видит — старшая нарядная, красивая, и взял ее в жены. А младшая сестра и сын бедняка давно уже полюбили друг друга и тоже поженились.

Так друзья с молодыми женами вернулись домой.

У старшей сестры муж был богатый, и она зажила счастливо: нарядно одевалась, сладко ела. А младшая сестра вместе с мужем трудилась не покладая рук. Однажды вернулась младшая сестра с поля, умылась и пошла с ведрами к водоему. А там сын богача в это время как раз удил рыбу. Увидел он в лотосовой чаше женщину и остолбенел от изумления — такая она была красивая. Вгляделся — да ведь это младшая сестра его жены! И замислил он тогда недоброе.

На другой день привесил он к поясу нож, закинул за спину арбалет и пошел к бедняку звать его на охоту. Пришли они к обрыву, где в ущелье всегда дул сильный ветер. Трава от ветра колебалась, и казалось, будто дикие звери пробегают по ней.

— Видишь, кабаны, бей их скорее! — крикнул богатый бедняку, желая обмануть его. Бедняк поправил секиру, бросился вперед и с размаху рубанул, но секира лишь рассекла воздух. Парень замахнулся с такой силой, что не удержался на ногах и свалился в ущелье. Долго он летел вниз, пока, наконец, не оказался на дне. А когда он открыл глаза, то увидел себя в окружении маленьких человечков, величиною с муравьев. И понял он, что попал в муравьиное царство.

Приглядевшись внимательнее, он заметил, что человечки готовятся к севу. Булавами они рубили папоротник. Но работа подвигалась слишком медленно: за целый день они вырубали всего один папоротник. Когда же это они очистят все поле? Пожалел юноша человечков, вытащил нож и стал сам рубить папоротник. Человечкам его длинный нож казался горным пиком, пронзающим пространство. Не прошло и мгновенья, как девятьсот му земли были прополоты. Благодарные человечки-муравьи отдали юноше все запасы своего продовольствия, но он никак не мог насытиться. Испугавшись, что великан уничтожит все их запасы, король муравьиного царства приказал заточить его в пещере. Но человечкам было не под силу даже сдвинуть великана, и тогда король нашел другой

выход: он мог повелевать обезьянами и, собрав целую толпу их, приказал схватить великана. Как ни сопротивлялся юноша, ему не удалось справиться с обезьянами — их было слишком много, и они затащили его в пещеру. Но муравьи были по-прежнему расположены к доброму великану и частенько тайком приносили ему поесть. К тому же юноша сам охотился в пещере на диких зверьков — тем и кормился.

Заточенный в пещере, он часто вспоминал родную деревню. Однажды он срубил тростник, сделал из него дудку и стал наигрывать на ней красивые мелодии. В них говорилось о том, как красиво и тепло у него в родных краях. Эти мелодии успокаивали и поддерживали юношу в его безрадостном существовании. Его напевы были так приятны на слух, что все пернатые и звери, обитавшие на горе, собирались их послушать. Однажды к юноше подлетел ворон и говорит:

— Почему ты так хорошо играешь?

— Да потому, что, когда я играю, я вспоминаю свою родину, — ответил узник.

— Отдай мне твою дудку, — говорит ворон, — и я верну тебя на родину.

Получил ворон дудку, заиграл на ней, да так хорошо, не то что раньше каркал. Забрал он дудку, а обещания своего не сдержал. Видит юноша, обманул его ворон — и запел печальную песню. Услышал эту песню один муравей и спрашивает:

— Ты почему плачешь?

— Выманил у меня ворон дудку обманом, — ответил юноша, — а сам улетел.

— Не плачь, — говорит муравей, — я верну ее тебе.

Взобрался муравей на высокое дерево, подполз к ворону сзади и больно укусил его. Вскрикнул ворон, а трубка и вывалилась у него изо рта. Обрадовался юноша, схватил нож и с размаху ударил им по стволу дерева. А в это время муравей полз по стволу — удар пришелся ему как раз по поясу. Вот поэтому и сейчас у муравьев талия тонкая, будто перетянута. Юноша страшно огорчился, бросился к муравью и залечил его рану.

И снова заиграл узник на своей дудке, да так хорошо, что птицы и звери — жители горы — опять стали собираться его слушать. Прибежал еж и спрашивает:

— Почему ты так хорошо играешь?

— Я вспоминаю свою родину, — отвечает юноша.

— Я отведу тебя на родину, следуй за мной, — говорит еж. И стал еж копать выход. Прошло девяносто девять дней, копать осталось уже совсем немного. Как раз в это время над ними проезжал всадник. Лошадь копытом продавила землю, образовалось круглое отверстие. Поглядел в него юноша, увидел солнце, вдалеке — родную деревню и от радости запрыгал. А еж продолжал копать, расширяя отверстие, чтобы юноша мог пролезть в него.

— Я очень устал, — сказал наконец еж, — я потею и дурно пахну, но ты не должен произносить слово «воняет», иначе выход на волю опять засыплет землей.

Юноша обещал ему не говорить этого слова, и еж снова с усердием принялся копать. За работой он вспотел, от него пошел дурной дух. Юноша забыл наказ ежа и говорит:

— Ой, как воняет!

Тут же отверстие завалило землей.

Юноша мог бы выбраться наружу, но еж пропал. Рядом не было никого, кто показал бы бедняге дорогу, а один юноша ничего не мог сделать. Тогда он выбрался из тоннеля и снова заиграл на своей дудке. Пролетала в небе горлица, услышала она песню и спрашивает:

— Отчего ты так хорошо играешь? Так приятно тебя слушать.

— Я вспоминаю свою родину, — отвечает юноша.

— Не горюй, я отведу тебя туда, но ты должен за это отдать мне свою дудку.

— Если ты и вправду отведешь меня домой, — отвечает юноша, — то я буду тебе очень благодарен и отдам дудку.

Тогда горлица полетела к своим друзьям просить помощи. Горлиц слетелось видимо-невидимо, и все они уселись на драконовый бамбук, у которого ствол длинный-длинный. Под тяжестью горлиц верхушка бамбука склонилась до самой земли, горлицы приказали юноше крепко ухватиться за верхушку и, когда он это сделал, разом поднялись — бамбук выпрямился, верхушка его стрелой взлетела вверх и выбросила юношу на землю. Отдал он свою дудку горлице. С тех пор и поет она так хорошо — прямо заслушаешься, а все потому, что юноша отдал ей свою дудку.

А с сыном богача произошло следующее: когда обманутый им юноша свалился в ущелье, сын богача вернулся домой и говорит сестре своей жены:

— Твой муж стрелял в кабана, зазевался и свалился в ущелье. Ты не горюй, — сказал он, когда жена бедняка зарыдала, — какой толк в слезах! Выходи лучше за меня. Будешь сладко есть, в шелках ходить и жить вместе со своей старшей сестрой. Но женщина отругала его хорошенько и говорит:

— Он жив, я знаю, и буду ждать его! Он обязательно вернется!

Разозлился богач, запер ее в подземелье и приставил человека сторожить ее.

Вернулся бедняк домой, подходит к воротам — видит, дом пуст, весь травой зарос. Пошел искать жену, да нигде ее не найдет. Приблизился к воротам богача, слышит, женщина плачет, а голос очень похож на голос его жены. Спросил он стражника, а тот отвечает:

— Это жена хозяина заболела.

Бедняк не поверил и бросился в дом. Выбежал богач, схватил бедняка, а тот спрашивает:

— Где моя жена?

— Не знаю, — отвечает богач.

Ворвался бедняк в дом, открыл подземелье и увидел свою жену, крепко связанную, с лицом, залитым слезами. Развязал он ее, взял на руки и выбежал из дому. Схватился богач за арбалет, хотел было пустить в бедняка стрелу, а тот одним ударом ножа уже прикончил его.

С тех пор муж с женой снова стали пахать землю, поднимать целину и зажили счастливо.

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ НУН

ИЗУМРУДНАЯ КАПЛЯ

На южной границе провинции Юньнань, между гор, сплошь усыпанных цветами, есть долина Хэйдиба, что значит Черное дно. В той долине живут люди народа нун. Деревню сплошной стеной окружают сизые сосны, изумрудные кипарисы, темно-зеленые бамбуки, гигантские пальмы и банановые деревья. Река Яньганхэ разделяет долину на две части; низвергаясь с восточных отрогов Яньганшаньских гор, она щедро орошает ее плодородные земли. С севера и юга долину обступают величественные горы. Всего два-три ли отделяют их друг от друга, и каменные склоны, высоко вздымаясь к небу, кажутся стенами огромного желоба. Поэтому местные жители называют еще Черную долину Цанцзы — что значит желоб. Здесь всегда нестерпимо жарко. Зимой в двенадцатый месяц по лунному календарю люди в горах носят ватную одежду, а в долине в легких платьях изнывают от жары. Благодаря жаркому климату и обилию воды природа здесь богатая и урожаи щедрые.

О том, почему климат здесь такой жаркий и почему с гор Яньганшань течет река, существует в этих местах предание.

Много-много лет назад, в осеннюю страду, как-то выдался особенно хороший вечер. Небо было усеяно звездами, дул тихий прохладный ветерок. В домах уже зажгли лучины, и старики, сидя у нагретых канов, строили планы о том, что купить после сбора урожая. Дети

играли в прятки на току и прятались в скирды, девушки и парни ушли далеко в лес и разбрелись парами, чтобы поговорить о любви.

Когда луна поплыла на запад, вернулись домой дети. Усталость сморила их, и они пристроились возле теплых канов. В лесу смолкли смех и песни молодежи... Вдруг с неба упала звезда и огненным шаром прокатилась по небосводу. Она неслась с огромной быстротой, с каждым мгновением увеличивалась в размерах и, наконец, с оглушительным треском взорвалась прямо над долиной. Казалось, небо разверзлось и раскололась земля, в ужасе проснулись люди. Сверкающий шар, подобно молнии, озарил все вокруг, багрянцем окрасил дома. Во все стороны веером рассыпались искры, и вскоре затрещал огонь, пожирая деревянные постройки. Затем огонь перекинулся на скирды и окрестные леса. Крики и плач людей смешались с ржанием лошадей, с грохотом падающих балок и воем бушующего огня. Ни один человек не смог прорваться сквозь сплошную стену огня. Погибла вся деревня. В живых осталось лишь несколько юношей и девушек. Разговаривая о любви, они не заметили, как ушли далеко в лес и забыли о доме. Издали заметив пожар, они вскарабкались на голые скалы и стали ждать рассвета. Наступило утро, а огонь все бушевал. Несколько дней долина была охвачена ослепительным пламенем, окутана черным дымом. Пришлось уцелевшим от пожара людям перебраться далеко в горы и поселиться на горе Каменная россыпь. Там они пережились, появились у них дети, но жили они очень бедно. А пожар в долине продолжал полыхать. Прошло много-много лет, прежде чем огонь угас. Пламя уничтожило все живое, не пощадило ни одной травинки и оставило после себя выжженную пустыню.

Однажды на жителей Каменной россыпи обрушилась беда: пришла к ним засуха. За девять месяцев не выпало ни капли дождя, пруды пересохли, а земля покрылась трещинами в палец толщиной. Засохли верхушки деревьев, увяли посевы, даже дикie травы погибли.

В деревне Каменная россыпь жил юноша Янь-ган, сильный, умный и смелый. Была у него старая мать да невеста Ло-ин, дочка соседа дяди Лина, с которой он только что обручился. Обе семьи жили в дружбе и согласии.

Однажды ранним утром взял Янь-ган свое золотистое бамбуковое коромысло, нацепил на него две бадьи и отправился по воду за семнадцать ли от дома. Его коромысло было прочным и гибким и выдерживало тяжесть в несколько цзиней. Сверху коромысло казалось позолоченным, так оно сверкало на солнце, а внутри было покрыто затейливым коричневым узором. Куда бы Янь-ган ни ходил, он всегда брал коромысло с собой.

Возвращаясь домой, юноша с грустью смотрел на высохшие поля. Взял он горсть земли, помял, она тут же рассыпалась.

«Что же мы будем есть зимой, если засуха не кончится», — подумал Янь-ган.

Уже совсем стемнело, когда он подходил к деревне. Издалека до него донесся голос Ло-ин. Она стояла на холме и кричала:

— Ну, как, братец, принес воду?

— Принес!

Девушка побежала ему навстречу, и они вместе вернулись домой. Услышав их голоса, мать Янь-гана и дядя Лин, который пришел к ней в гости, вышли им навстречу. Янь-ган поставил бадьи на землю, до краев наполнил водой черпаки, сделанные из тыквы-горлянки, и протянул их матери и дяде Лину. Вода была мутная, но старики пили ее с наслаждением, не отрываясь, будто мед.

— Смерть как пить хочется, — то и дело повторяли они.

Ло-ин помогла старухе внести в дом бадьи и стала готовить горные коренья и травы. Янь-ган рассказал дяде Лину о засохших посевах, а потом сказал:

— Давайте уйдем отсюда! Поищем другое место, где жить будет лучше.

— Черная долина — вот где мы будем сыты и одеты! — со вздохом сказал старик.

— Уж не помутился ли у тебя рассудок? — с беспокойством заметил Янь-ган. — Разве можно жить в таком пекле? Там и камни превращаются в золу.

Тогда дядя Лин поведал юноше историю о том, как огонь пожрал Черную долину. И как однажды в Каменную россыпь пришел колдун и, стуча в барабан, стал вещать. По его словам, далеко за восточным краем Черной долины есть Родниковая гора, а в той горе — глубокая пучина. На дне той пучины лежит жемчужная капля. Если

добыть эту каплю, то можно возвратить жизнь долине. Но на дне той глубокой пучины живет огромный золотой паук. Он опутал пучину паутиной, и никто не может проникнуть туда. Чтобы достать жемчужную каплю, надо сначала добраться до горы Свежих цветов — гора эта лежит далеко-далеко к западу от Черной долины, — а потом вытаскать жало из брюшка царицы пчел. Только этим жалом и можно умертвить золотого паука. Когда жители деревни Каменная россыпь узнали это, двое юношей отправились за жемчужной каплей, но погибли, так и не добыв ее. Один умер еще в пути, а другой — когда вернулся в родную деревню.

Едва дядя Лин закончил свой рассказ, как Янь-ган воскликнул:

— Я пойду за жемчужной каплей.

Мать юноши и невеста испугались.

— Ты что выдумал? — ударились в слезы мать, — разве не слышал, что погибли все, кто пытался добыть жемчужную каплю?

— Если я не пойду, мы помрем с голоду. Видишь, что нам приходится есть? Дикая трава да коренья, а через несколько дней и их не будет. Я должен во что бы то ни стало добыть жемчужную каплю, только тогда мы живем хорошо!

Убедившись в том, что юноша непреклонен, дядя Лин в душе одобрил его поступок. Он попросил юношу не беспокоиться о матери и несколько раз напомнил ему, что осторожность — залог успеха. Мать и невеста горько плакали, но больше не отговаривали его.

Весть о решении Янь-гана взволновала всех жителей Каменной россыпи. На другое утро односельчане вышли провожать его.

Напекли ему в дорогу ячменных лепешек, а Ло-ин положила в карман ароматную поджаренную пчелиную куколку. Она берегла ее с тех пор, когда они вместе с женихом собирали мед диких пчел.

На восходе солнца Янь-ган вскинул на плечо свое золотое коромысло, простился с матерью, дядей Лином, невестой и односельчанами и отправился в дальний путь, на запад, к горе Свежих цветов. Шел он и днем и ночью, переправился через множество больших и малых рек, перевалил через несметное число горных хребтов. Когда голод одолевал его — он ел дикие плоды и растения, когда

жажда томила — пил из горных потоков. От усталости ломило кости. На ноги, казалось, привязали тысячепудовые гири, но Янь-ган не унывал: он думал только о жемчужной капле. Наконец подошел он к высокой горе, вершина которой терялась в тучах. Белые облака клубились вокруг нее, легкий ветерок доносил аромат цветущих трав. Янь-ган сразу догадался, что это и есть гора Свежих цветов. Цепляясь за ветки и ползучие травы, он стал карабкаться на вершину. Три дня и три ночи взбирался он, наконец достиг цели. Огляделся Янь-ган, видит — неподалеку еще одна круча. А там на фоне прозрачного голубого неба пестреют невиданные цветы и травы. Это и была гора Свежих цветов. Обрадовался юноша и бросился бежать к ней, но вдруг что-то больно обожгло лицо. Это были пчелы. Они слетели с горы и отчаянно жалили. Отогнал их Янь-ган золотым коромыслом и побежал дальше. Приблизился к самой горе и видит: над нею тучами роятся пчелы. Их столько, что за ними даже травы не видать. Похолодел Янь-ган от ужаса — как же пробраться ему к вершине горы и добыть золотое жало царицы пчел? Сел он на камень и начал думать да гадать, но так ничего и не придумал. Случайно сунул он руку в карман и нащупал там забытую пчелиную куколку. Взглянул на нее, сразу веселее стало: вспомнил, как в позапрошлом году вместе с Ло-ин собирал мед далеко в горах и как отгонял пчел дымом. Теперь он знал, как добыть жало из брюшка королевы пчел!

Хотел было Янь-ган снова пуститься в путь, но задумался: а где взять дым? На всей горе нет ни кустика, ни травинки — растет одно-единственное драконовое дерево¹. Разве может он один отыскать столько дров, чтобы отогнать дымом всех пчел?

Вдруг услышал Янь-ган хлопанье крыльев и тревожное карканье. Поднял юноша голову и видит: схватил орел вороненка из гнезда и взмыл ввысь, крепко держа в когтях добычу, а ворон за ним летает. Схватил Янь-ган коромысло, прицелился и угодил злодею прямо в голову. Разжал орел когти, выпустил вороненка, а сам камнем рухнул вниз.

---

¹ Драконовое дерево — в народе нун считается священным.

— Карр-карр! — закричал ворон, покружился над Янь-ганем и вдруг заговорил человеческим голосом: — Благодарю тебя, юноша, ведь ты спас моего сына!

Но Янь-ган был так расстроен, что ничего не ответил. Опустив голову, он погрузился в свои невеселые думы.

— О юноша, что так печалит тебя? Почему ты молчишь? Говори, может быть, я помогу тебе.

Янь-ган был тронут участием птицы и рассказал ей о своей беде. Рассмеялся ворон:

— Ну, это дело не трудное. Не успеешь ты поесть, как вся гора будет завалена хворостом.

С этими словами ворон покружился над головой юноши и громко закричал: «Карр! Карр!»

На его зов слетелась целая туча воронов. Ворон что-то прокаркал им, — птицы разлетелись в разные стороны и быстро вернулись, держа в клювах ветки или сухие стебли. Скоро гора Свежих цветов была завалена кучами хвороста. Обрадовался Янь-ган, но тут же спохватился: дрова есть, но где взять огонь? В деревне его легко добыть: подуешь на угли, и тут же вспыхнет пламя. А здесь кана нет! Но тут вдруг вспомнил Янь-ган, как однажды, преследуя волка, запустил в него коромыслом и промахнулся. Ударилось коромысло о камень, брызнули во все стороны искры, и загорелась вокруг них сухая трава.

Отыскал Янь-ган камень, высек огонь, поджег сухую ветку и запалил хворост. Гору окутал густой дым. Красные языки пламени охватили полнеба. Одни пчелы погибли, другие улетели — казалось, на горе никогда и не было пчел. Бросился Янь-ган к драконову дереву, на котором висело пчелиное гнездо, прицелился, запустил коромысло и сбил гнездо. Вылетела из него царица пчел и тут же скрылась. Похолодел Янь-ган, отчаяние охватило его.

— Карр-карр! — раздался снова крик.

Оглянувшись Янь-ган, а ворон уже тут как тут и в клюве держит пчелу величиной с воробья. Схватил ее юноша, вспорол толстое брюшко и вынул сверкающее золотое жало.

Спрятал он за пазуху золотое жало и пустился в путь на восток. Шел он так долго, что потерял счет лунам¹.

¹ В старом Китае летосчисление велось по лунному календарю.

Наконец добрался он до Родниковой горы. А на горе той раскинулись дремучие леса, сырые, темные, а в них кишмя кишат змеи ядовитые и звери хищные. Все вокруг поросло колючками, лишайниками, мхом. Но Янь-ган не струсил, он хотел во что бы то ни стало добыть жемчужную каплю и спасти народ от голода и нищеты. Размахивая коромыслом, юноша смело шагал вперед. Жемчужная капля лежала в пучине, а пучина находилась в самой чаще леса, среди болотистой низины. Склонились над пучиной плакучие ивы. Золотой паук оплел ее своей паутиной, но и сквозь паутину было видно, как со дна, булькая, поднимаются пузыри, сверкающие как сапфиры. У самой пучины Янь-ган почувствовал ледящий холод и задрожал всем телом. Вдруг он увидел золотого паука величиной с таз. Зловеще сверкая глазами, паук застыл в ожидании посреди паутины. Швырнул юноша в паука коромыслом, но коромысло ударилось о него и отлетело далеко в сторону, не причинив пауку никакого вреда. Золотое чудовище выпустило из себя нить и спустилось по ней в глубь пучины. Попробовал Янь-ган оборвать паутину, но она облепила руки — будто в кандалы заковала, никак не освободишься! А паук уже проворно поднимался вверх по нитке, широко разинув ядовитую пасть — вот-вот укусит! Прижался Янь-ган к паутине, двумя пальцами вытащил из кармана золотое жало и вонзил в глаз паука. Тот перекувырнулся и камнем полетел в пучину, а вслед за ним рухнула вниз золотая паутина, увлекая за собой Янь-гана. В воде паутina ослабла, юноша высвободил руки, отбросил паутину и начал шарить по дну.

Долго искал он, ооченел от холода и совсем было потерял надежду найти жемчужную каплю, как вдруг видит: в белом песке что-то светится зеленым огоньком. Отгреб он песок, а перед ним изумрудный камень — блестит, даже глазам больно. Взял Янь-ган камень — от холода пальцы сразу же онемели. Тогда он положил камень в рот, но и рот свело от холода, и Янь-ган никак не мог разжать губы. Вдохнул он и нечаянно проглотил камень. Сразу в животе у него смерзлось, кровь застыла в жилах, и юноша потерял сознание.

Когда Янь-ган очнулся, он уже был великаном. Глубокая пучина теперь едва закрывала его ноги. Раскрыл Янь-ган рот — и хлынул поток воды длиною в несколько десятков чжанов.

Вспомнил Янь-ган о родной деревне, о засухе и размахисто зашагал домой. Ничто не могло остановить его; если на пути встречались деревья, он легко отбрасывал их в сторону. Вслед за ним среди леса протянулась широкая просека. Теперь он мог без труда перешагнуть через любую гору. Так он быстро добрался до высокого хребта у восточного края Черной долины. К этому времени живот его так раздуло, что Янь-ган от боли рухнул на землю. Рот его раскрылся, и из него нескончаемым потоком хлынула вода.

Жители Каменной россыпи вдруг услышали шум водопада. Густой туман поднялся над восточным краем долины, и на окрестные горы обрушился ливень — только через три дня и три ночи дождь прекратился, туман рассеялся, жара спала. Осторожно спустились с гор люди и увидели на востоке низвергавшийся вниз поток воды. Пошли они вдоль потока и встретили юношу Янь-гана. Тело его превратилось в горный хребет, голова в горную вершину, а рот — в пещеру, из которой беспрерывно лилась чистая вода. И назвали люди эту гору Яньганшань, а реку — Яньганхэ. Стала Черная долина такой же, какой была прежде, и снова люди поселились в ней. Теперь здесь всегда зелено, будто вечно царит лето. Природа стала еще красивей, чем прежде: круглый год цветут цветы, и птицы распевают песни. И земля стала плодородней. А народ нун из Каменной россыпи вновь переселился в край, где жили его предки. И теперь с каждым годом жизнь его становится богаче и краше.

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ЦЗИНПО

КОШКА И БАРС

В далекие-далекие времена кошка и барс жили одной семьей. Кошка была куда умнее барса. Все, чего не умел делать барс, умела делать кошка, поэтому она часто учила барса уму-разуму. Однажды кошка и говорит барсу:

— У людей есть огонь. Давай попросим у них немного, чтобы готовить пищу.

И кошка отправилась к людям просить огня. Ей дали факел, и она пустилась было в обратный путь, но тут увидела, как люди варят рисовую кашу, соблазнилась вкусным запахом и решила отведать этого кушанья. Однако, вспомнив, что дома ее ждет барс, кошка схватила факел и заторопилась обратно. Она уже подходила к воротам своего дома, как вдруг почувствовала, что ей очень хочется каши. Она загасила факел и опять побежала за ним к людям. Но каша еще не сварилась. Кошка взяла у людей огня и, как в первый раз, ушла ни с чем. У ворот своего дома она снова погасила факел и в третий раз вернулась к людям. Так она бегала несколько раз, пока, наконец, каша не была готова. Люди дали кошке немного каши. Ах, какая она была вкусная!

«Ну и люди! — подумала кошка, — и огонь у них есть, и кашу они умеют варить!»

На этот раз кошка не взяла у людей огня и помчалась домой. Дома она сказала барсу:

— Люди такие умные! Куда умнее меня. Поэтому я ухожу от тебя к людям.

Но барс был другого мнения. Он сам не пошел и кошке запретил идти к людям. Задумалась кошка: «Как бы заставить его согласиться?» И тут ее осенило.

— Дружок барс! — воскликнула она. — Ведь ты еще не умеешь лазить по деревьям! Пойдем-ка, я научу тебя!

Барс обрадовался, поверил кошке и отправился вслед за ней. Но кошка была хитра. Она научила барса взбираться на дерево, а как спуститься на землю, не показала.

Влез барс на самую макушку, а спуститься не может. А кошка, перепрыгивая с ветки на ветку, спустилась на землю и побежала к людям.

Сидит барс на дереве, смотрит вниз и не знает, что делать. В животе у него урчит от голода. Думал-думал барс и решил спуститься вниз точно так, как это делала кошка. Он прыгнул на ветку, но ветка не выдержала его тяжести, сломалась. Барс шлепнулся на землю и сломал себе шею.

С тех пор барс никогда не поднимает головы, потому что шея у него сломана, и в животе у него всегда урчит от голода. Взбираться на деревья он умеет и сейчас, но спускаться вниз до сих пор не научился.

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ГАОШАНЬ

РЕКА СОЛНЦА И ЛУНЫ

На берегу горного потока жили муж и жена; мужа звали Да-цзянь, жену — Шуй-шэ. Жили они тем, что рыбу ловили. Сеть у них была большая, удочки длинные, и они могли ловить рыбу даже на глубоком месте. Улов обычно бывал богатый, и супруги жили нужды не зная.

Однажды в полдень, когда в небе ярко сияло солнце, вошли они в горный поток, чтобы наловить рыбы. Вдруг раздался грохот, земля задрожала, вода забурлила, и стало темно. Муж и жена глянули — беда: солнце исчезло, на небе тьма, на земле тоже тьма. Помогая друг другу, они выбрались на берег и ошупью кое-как дотащились до дому.

К счастью, вечером взошла луна, и супруги, сев у ворот, принялись чинить сети. Но тут снова раздался грохот, скалы содрогнулись, дом покачнулся. Луна сверкнула и исчезла. Небо покрылось тьмой, земля тоже покрылась тьмой. Ошупью супруги пробрались в дом и легли спать.

С этого дня на небе не было ни солнца, ни луны, дни и ночи стали темные и тоскливые.

Муж и жена при свете очага занимались домашними делами, а рыбу ловили при свете горящих сосновых веток.

Скоро всходы на полях засохли, листья на деревьях пожелтели.

Цветы не распускались, плоды не зрели, птицы умолкли.

Окутала землю кромешная тьма,

— Как же мы жить будем? — уныло спросил Да-цзянь свою жену Шуй-шэ.

Жена нащупала рукой камешек, бросила его в воду, тяжело вздохнула и сказала:

— Не только нам трудно, всем теперь трудно жить.

— Не иначе как солнце и луна упали на землю. Может, в горы, может, в лес, — сказал Да-цзянь. — Пойду поищу их.

— Ладно! Пойдем вместе, — ответила жена.

Взяли они большой факел и пошли по горам и лесам.

Увидели вдалеке костер, подошли ближе — смотрят: у костра маленькая женщина, согнувшись, окучивает мотыгой сахарный тростник и после каждого взмаха мотыги отдыхает.

— Ты почему так лениво работаешь? — спрашивает ее Шуй-шэ.

А маленькая женщина грустно так отвечает:

— Нет ни солнца, ни луны, тростник не растет, а вырастет, так будет несладкий. Чего же мне зря стараться?

— Работай, не ленись, — сказал Да-цзянь. — Мы идем искать солнце и луну.

Посмотрела маленькая женщина на темное небо и говорит:

— Солнце и луна упали, разве можно их найти?

— Мы верим, что найдем их!

Они зажгли новый факел и пошли дальше.

Повстречали они пастуха, который при свете костра пас скот. Лежит он на земле и тяжело вздыхает.

— Ты что вздыхаешь, брат? — спросил Да-цзянь.

— Солнца нет, луны нет, трава не растет, буйволам есть нечего, — печальным голосом отвечает пастух.

— Хорошенько смотри за буйволами, братец! Мы идем искать солнце и луну, — сказала Шуй-шэ.

Пастух повернулся, почесался и сказал:

— Солнце и луна упали, разве можно их найти?

— Мы верим, что найдем их.

Уверенные в своих силах, они пошли вперед, освещая себе путь факелом.

Шли они, шли, переходили через горные хребты, переправлялись через реки, пробирались через густые леса.

Когда факел догорал, они зажигали другой. Шли они, шли, но в горах и в лесах так и не видели ни тени солнца, ни тени луны. На небе была тьма, на земле была тьма.

Однажды, взобравшись на большую гору, они увидели, что вдалеке мелькает свет — мигнет и исчезнет, мигнет и исчезнет.

— Там, наверно, солнце и луна! — радостно воскликнула Шуй-шэ.

И они бегом, с факелом в руках, направились к тому месту, где мелькал свет.

У дороги они увидели старика, он сидел у дверей своей хижины и тяжело вздыхал.

— Дедушка, там, впереди, мелькает свет, не туда ли упали солнце и луна? — спросил Да-цзянь.

Старик повернул к нему нахмуренное лицо, помедлил некоторое время и сказал:

— Да, солнце и луна там. Но они теперь не наши.

Муж и жена очень удивились, подошли к старику и разговорились с ним.

Старик рассказал:

— Недалеко отсюда есть глубокая река. А в этой реке — два злых дракона. Однажды, когда солнце взошло на небе, один дракон взвился вверх и проглотил солнце. Ночью на небе появилась луна, тогда вверх взвился другой дракон и проглотил луну. Когда эти злые драконы резвятся в реке, они играют солнцем и луной, словно большими шарами, — то изрыгнут их, то снова проглотят. Вы видели мерцание света — значит драконы играют. Им бы только позабавиться, а до того, что людям нельзя жить без солнца и луны, драконам дела нет.

— Дедушка, — сказал Да-цзянь, — мы с факелом в руках миновали много гор и рек в поисках солнца и луны, чтобы людям хорошо жилось, и вот теперь, наконец, узнали, где они.

И ответил ему старик:

— Драконы свирепы, как же вы одолеете их?

— Мы верим, что отнимем у них солнце и луну, — сказала Шуй-шэ.

Старик задумчиво посмотрел на них и ничего не сказал.

Муж и жена, взяв факел, пошли дальше.

Подойдя к берегу, они увидели двух страшных драконов, которые играли солнцем и луной. Солнце и луна то показывались, то исчезали, и река то освещалась, то погружалась во тьму.

Муж и жена лежали на берегу на высокой скале и тихонько разговаривали о том, как бы им убить злых драконов и добыть солнце и луну.

У драконов были огромные пасти, и они одним движением языка могли бы втянуть в себя и мужа и жену.

Как же быть? Судили они, рядили, но так ничего и не придумали.

Вдруг под скалой показался дымок. Посмотрели они вниз и увидели глубокую пещеру, из нее-то и шел дым.

— Эта пещера, должно быть, ведет на дно реки, где живут злые драконы, — сказал Да-цзянь. — Пойдем посмотрим.

— Пойдем! — ответила Шуй-шэ. Она спустилась со скалы и вошла в пещеру. Да-цзянь шел следом за женой.

В пещере было темно, пахло плесенью и сыростью.

Они прошли несколько поворотов; чем дальше они двигались, тем проход становился все шире и шире. Вдруг впереди показался огонь. Они прошли еще немного, смотрят — кухня. У очага стоит седая старушка и что-то стряпает.

Лицо у старушки доброе, приветливое, не может она быть злой.

Да-цзянь подошел и говорит:

— Здравствуй, бабушка! Еду готовишь?

Старушка, услышав человеческий голос, подняла голову — перед ней стояли юноша и девушка. Она быстро положила поварешку, подошла, схватила их за руки и сказала:

— Ой, я так давно не видела людей! Как вас зовут?

— Я рыбак, а это моя жена, рыбачка, ее зовут Шуй-шэ, а меня Да-цзянь. Что ты здесь делаешь, бабушка?

Старушка покачала седой головой, заплакала и рассказала, что с ней произошло.

В молодые годы она счастливо жила в своей семье, в доме на склоне горы. Однажды она работала на поле, где рос сахарный тростник. Вдруг налетел страшный порыв ветра, в небе появились два огромных дракона, они схватили девушку, посадили ее в эту мрачную пещеру и заставили каждый день готовить для них еду. Дни шли за днями, миновало много лет, волосы у девушки стали белыми, а круглое гладкое лицо покрылось морщинами.

— Уходите скорее! — сказала старушка. — Наигрались в реке, драконы могут явиться сюда. Они увидят вас и обязательно проглотят.

— Злые драконы проглотили солнце и луну, и люди на земле не могут жить, — сказал Да-цзянь. — Мы пришли, чтобы убить драконов и вернуть солнце и луну людям.

Старушка подумала немного и сказала:

— Я слышала, как во время еды драконы разговаривали. Один из них хвастался: «Нам ничего не страшно — ни на небе, ни на земле». Другой отвечал: «Но если найдется человек, который бросит в реку золотой топор и золотые ножницы, то нам придет конец; топор раздробит нам головы, а ножницы перережут горло». — «Так нужно их скорее сломать, — напугавшись, сказал первый дракон». — «Не беспокойся, они зарыты под горой, и о том никто не знает, а если кто-нибудь узнает, так не откопает их...»

— Вы хотите убить драконов и вернуть людям солнце и луну, — сказала старушка. — Для этого вам надо выкопать из-под горы Алишань золотой топор и золотые ножницы. Я ненавижу этих драконов и очень хочу вернуться домой.

— Бабушка, — сказал Да-цзянь, — мы выкопаем золотой топор и золотые ножницы, убьем драконов и освободим тебя.

Шуй-шэ вдруг вспомнила, что у них нет мотыг, а как же без них обойтись, и спросила:

— Бабушка, нет ли у тебя мотыг? Одолжи нам пару.

Старушка дала им большую поварешку и вилы с двумя остриями, сказав при этом:

— Эти вещи принадлежат драконам, возьмите их, они будут полезнее мотыг.

Да-цзянь и Шуй-шэ взяли поварешку и вилы, простились со старушкой и вышли из пещеры. Они снова зажгли факел и отправились к горе Алишань.

Когда они пришли туда, муж начал копать землю вилами, а жена отбрасывала землю черпаком. Сколько дней они так работали — неизвестно, но под горой образовалась большая пещера. Вдруг в глубине пещеры что-то загорело, блеснул красный свет, и они увидели золотой топор и золотые ножницы.

Обрадовались супруги!

Да-цзянь тотчас схватил золотой топор, Шуй-шэ — золотые ножницы, и муж с женой выбежали из пещеры.

Бегом они направились к реке, где жили драконы. В это время драконы как раз играли: то выбросят солнце и луну, то снова проглотят их.

Да-цзянь взобрался на скалу и оттуда бросил в реку золотой топор. Заслышав свист летящего топора, драконы заметались в воде, вздымая брызги и пену на несколько десятков чжан вверх. Вдруг головы драконов окрасились кровью, и они вытянули шеи, намереваясь взлететь в воздух.

Но тут Шуй-шэ бросила в реку золотые ножницы. Послышался звон, и в тот же миг отсеченные головы драконов пошли ко дну. Сразу же река успокоилась, на поверхности воды лежали, вытянувшись во всю длину, обезглавленные трупы драконов; воды реки окрасились в красный цвет.

Золотой топор и золотые ножницы, блеснув в воде, исчезли. И в это же время из пастей драконов выкатились солнце и луна и закачались, сверкая на воде.

Да-цзянь и Шуй-шэ, стоявшие на высокой скале, захопали в ладоши и засмеялись.

— Злые драконы мертвы, — сказал Да-цзянь. — Но солнце и луна в воде, как их поднять на небо?

Муж и жена растерянно смотрели на воду и ничего не могли придумать.

— Пойдем посоветуемся с бабушкой, — сказала Шуй-шэ.

Муж и жена снова вошли в мрачную пещеру. Старушка по-прежнему стояла у очага.

— Бабушка, злые драконы мертвы! — сказал Да-цзянь. — Пойдем отсюда.

Услышав, что драконы мертвы, старушка засмеялась и прослезилась от радости. Дрожащим голосом она сказала:

— Пойдем отсюда!

Старушка и супруги поднялись на скалу, возвышавшуюся на берегу реки.

В воде плавали солнце и луна.

— Бабушка, как поднять солнце и луну на небо? — спросил Да-цзянь.

Старушка подумала немного, потом сказала:

— От стариков я слышала, что если человек съест глаза дракона, то сразу же вырастет и станет сильным. Так вы и сделайте, тогда сможете втащить солнце и луну на небо.

Услышав это, муж и жена бросились в реку.

Да-цзянь вырвал глаза у одного дракона и проглотил их. Шуй-шэ вырвала и проглотила глаза другого дракона. И вдруг муж и жена стали огромного роста. Теперь они возвышались в воде, как две скалы.

Сначала они взяли солнце, чтобы поднять его на небо. На полпути солнце качнулось и упало обратно в реку. Трижды они его поднимали, и трижды оно падало вниз. Они попробовали поднять на небо луну, но у них тоже ничего не получалось.

Старушка, стоявшая на берегу реки, громко крикнула: — На берегу растут две высокие пальмы, выдерните их и вкатите ими на небо солнце и луну!

Муж и жена протянули руки к берегу, и каждый из них выдернул с корнем по пальме, затем они подняли солнце, подхватили его пальмами и подбросили высоко в небо.

Солнце, сверкая, покатилося по небу своим обычным путем.

Цветы и деревья ожили, люди заулыбались.

Когда солнце начало склоняться к западу, на небе появилась луна, которую Да-цзянь и Шуй-шэ подняли туда точно так же, как и солнце.

Ночью луна, сияя, покатилося по небу своим обычным путем.

При лунном свете люди хлопали в ладоши, пели и танцевали.

Да-цзянь и Шуй-шэ с пальмами в руках выбрались из воды и встали по обеим сторонам реки. Да-цзянь, подняв голову, смотрел на небо; Шуй-шэ, опустив голову, смотрела на реку.

Старушка, обращаясь к Да-цзяню, сказала:

— Сын мой, злые драконы мертвы, солнце и луна снова на небе, теперь мы можем вернуться домой.

— Я буду смотреть, чтобы солнце и луна снова не упали, — отвечал Да-цзянь. — Я хочу, чтобы солнце и луна вечно светили в небе на радость людям.

Старушка, обращаясь к Шуй-шэ, сказала:

— Дочь моя, злые драконы мертвы, солнце и луна снова на небе, теперь можно вернуться домой.

— Я буду смотреть, чтобы злые драконы не ожили. Я хочу, чтобы солнце и луна вечно светили в небе на радость людям.

— Какие вы хорошие! — сказала старушка, покачала седой головой и одна пошла к своему дому.

Да-цзянь и Шуй-шэ так и остались стоять на берегу реки.

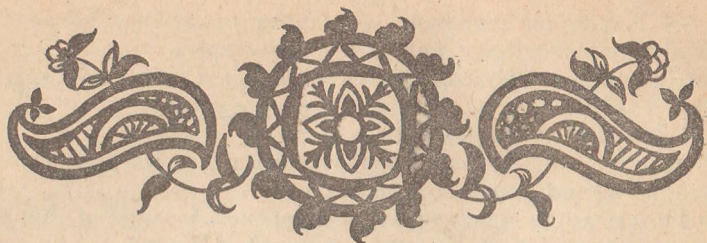
Шли дни, месяцы, годы.

Да-цзянь и Шуй-шэ превратились в две могучие горы, которые вечно охраняют берега реки.

Потом люди назвали эту реку рекой Солнца и Луны, а две горы — горой Да-цзяня и горой Шуй-шэ.

Люди каждый день вспоминают о Да-цзяне и Шуй-шэ. Каждую осень, надев красивые одежды, с бамбуковыми шестами и разноцветными шарами в руках, приходят люди на берег реки Солнца и Луны. Они подкидывают шары в небо и, подхватывая их бамбуковыми шестами, не дают им упасть на землю — так, как это делали с солнцем и луной Да-цзянь и Шуй-шэ.

Эти игры называются танцем с шарами.

УЗБЕКСКИЕ СКАЗКИ

РАЗБИТАЯ ПИАЛА

Давным-давно правил в Коканде жестокий хан Мадали. Богатствам его счету не было, но дороже всего ценилась его пиала. На ней был такой тонкий орнамент, что без увеличительных стекол, сделанных китайцами, его невозможно было разглядеть. Пиалу эту сделал самый лучший хорезмский мастер еще тысячу лет назад. Как жаль, что никто не выучился его ремеслу! Оно умерло вместе с мастером. Во дворце у хана Мадали эта драгоценная пиала стояла на золотой подставке, излучая изумрудное сияние. Сто отважных воинов днем и ночью охраняли ее.

Однажды хан с победой вернулся домой и велел трубить в рог. Музыканты подняли к небу самый большой рог. От его могучего рева задрожали стены дворца. Пиала упала на пол и разбилась. Услыхал хан об этом печальном известии и пришел в ярость, из ноздрей у него даже показалось пламя. Три дня не выходил он за ворота. А на четвертый велел призвать во дворец лучших мастеров и приказал им склеить пиалу так, чтобы не было ни одной трещинки.

Гончары отказались. Но хан стал топтать ногами, бить кулаками в грудь и ругаться:

— Бесплезные твари, если на чашке будет хоть одна трещинка, я велю повесить каждого третьего из вас!

Никто не осмелился перечить хану. Собрали гончары

осколки в мешочек и печально побрели домой. Весь вечер они возились с осколками, но даже самый старый и опытный мастер ничего не мог придумать. Когда рассвело, из гончарного ряда донеслись печальные вздохи и плач.

Тогда вышел старший из гончаров — Чернобородый Али и, заткнув уши, закричал:

— Не нужно плакать! Хан жесток, но слезами горю не поможешь. Может быть, старый Усман что-нибудь придумает. Ему уже сто лет, а он по сей день каждую пятницу привозит на базар целую тележку горшков. Тот, кто знает в них толк, готов отдать двадцать танга за каждый горшок. Потому что даже в знойный летний день вода в нем, как горный лед.

Гончары вскочили на коней и помчались в далекий кишлак искать старого Усмана. Старый гончар усадил гостей на кан и велел своим ученикам — они приходились ему правнуками — подать чай. Гончары выпили уже по двенадцать чашек, а старик все вертел своими огрубевшими пальцами черепки ханской пиалы. Солнце клонилось к западу. Наконец старик покачал головой и сказал:

— Нет, эту пиалу не склеишь!

Заплакали гончары, а старший из них, Чернобородый Али, воскликнул:

— Никто теперь не спасет нас!

— Ай, нет, — поспешил сказать старик, — я не дам вам умереть! Пойдите-ка вы к хану и попросите у него отсрочку на год. Год — срок большой, может быть мы что-нибудь и придумаем!

В тот год никто не видел старого Усмана, целыми днями сидел он дома и даже за ворота не выходил. А гончары со страхом в душе ждали последнего дня срока.

Незаметно пролетели триста шестьдесят четыре дня, и наступило утро триста шестьдесят пятого. Гончары со всего города собрались на площади; на женщинах были голубые паранджи. В это утро дети плакали особенно громко. Жестокий хан не знал, что такое любовь к людям, никогда никого не жалел. Он велел приготовить плаху и приказал палачу принести веревки покрепче. Воины забили в барабаны, объявляя о начале казни. У гончаров пропала последняя надежда.

Но в этот миг люди увидели Усмана. Старый гончар спокойно ехал на осле, а следом шли его внуки и осторожно несли большой сверток.

Прошел всего год, но как постарел Усман! Руки его дрожали, глаза потускнели. Он, как всегда, поздоровался со всеми и тихонько опустился на ковер рядом с гончарами, потом махнул рукой, и внуки развернули сверток. О, чудо! Гончары увидели драгоценную ханскую пиалу. Черепки, которые стоили не больше чем горсть земли, вновь превратились в ни с чем не сравнимую драгоценность. Как ни переворачивали гончары пиалу, сколько ни стучали по ней камушком, поверхность ее оставалась гладкой, без единой трещины, она лишь издавала мелодичный, чистый, серебряный звук. Звук этот вызывал безмерную радость в сердце каждого, заулыбались спасенные гончары. Слезы счастья полились у них из глаз, и они запели ликующую песнь.

Тогда старший из гончаров, Чернобородый Али, взял большой деревянный поднос и стал обходить всех. Женщины клали на поднос серьги и золотые браслеты, мужчины щедро кидали золотые монеты, дети не хотели отставать от взрослых и клали на поднос свои расшитые тибетейки. Когда поднос наполнился, Али с поклоном преподнес его старому мастеру. Но тот не принял подарок:

— Я вполне вознагражден за свой труд, я сохранил для людей эту прекрасную драгоценную пиалу, а вашим женам и детям сохранил мужей и отцов. Это самый лучший подарок для меня.

Не прошло и недели, как слава о старом Усмани разнеслась по всему Коканду. На площадях, на базарах, в каждой семье, в каждом доме и в каждой мечети только и говорили о нем.

— У старого Усмана золотые руки, он так склеивает фарфор, что ни одной трещинки не заметишь. Старые, ломаные вещи превращает в новые! Усман стар, дни его сочтены. Так неужели он не откроет нам секрет своего искусства?!

И гончары решили снова отправиться к Усману. Старший из них, Али, и пять самых искусных мастеров оделись по-праздничному, воткнули за уши цветы гвоздики, сели на коней и торжественно, словно это было свадебное шествие, отправились в деревню.

Старый гончар терпеливо выслушал гостей. Затем опустил голову, долго теребил огрубевшими пальцами свою белую бороду и, наконец, ответил:

— Нет у меня никакой тайны. Я так же замешиваю глину, добавляю песок, подливаю воду, как и вы. Так же обжигаю блюда и горшки и так же остужаю их. Только я с детства горячо люблю свое ремесло, и, что бы я ни делал, будь то глиняная крышка для крестьянина или фарфоровая пиала для хана, я во всем добивался совершенства и красоты. Другого секрета у меня нет. А этот секрет может постичь любой.

Так и вернулись гончары домой, ничего не добившись. Они не поверили старику и стали упрекать его: очень уж он скрытен, не хочет научить их своему мастерству. Правнук его, Гафар, думал так же. Однажды стал он перед дедом на колени и говорит:

— Пожалей нас, прадедушка! Ведь у тебя никого нет, кроме меня и сестренки Сурмуахун. Мы с малолетства слушаемся тебя и почитаем. Передай нам свое мастерство, и мы будем еще лучше заботиться о твоей старости и похороним тебя как полагается!

Но старый мастер не сказал ни слова, посмотрел только суровым взглядом на юношу и молча ушел в свою гончарню. С этого дня невесело стало в доме Усмана. Гафар все время ходил грустный, хмурился, а у его сестренки глаза часто были мокрыми от слез. Старик же с утра до заката сидел один в своей мастерской и молчал.

Пришла пятница. Гафар думал, что дед пошлет его на базар продавать горшки, но тот сам нагрузил тележку и отправился в город. Гафару стало стыдно и горько. Неужели он обидел деда? Но печальнее всего было то, что дед не верил ему.

Грустный, сидел он на берегу арыка и размышлял об этом, как вдруг услышал крик сестры. Сурмуахун звала его, стоя в дверях мастерской.

— Ты почему забралась в мастерскую? Разве ты не знаешь, что дед терпеть не может этого! — с опаской сказал юноша.

Но сестра потянула его за собой.

— Скорее! — говорила она. — Пока его нет, мы сможем узнать его тайну!

Гафар вошел вслед за сестрой, а шустрая Сурмуахун разгребла кучу земли и вытащила оттуда сверток:

— Смотри! — воскликнула она и тихо добавила: — Когда я приносила деду поесть, я видела, как он рассматривал эти черепки...

Гафар развернул сверток, глядь... что за диво! Разве это не осколки ханской пиалы?!

«В моем искусстве нет вовсе никакой тайны, — вспомнил юноша слова деда, — только я с детства горячо люблю свое дело». Тут луч правды разорвал тьму, Гафар все понял: старик трясущимися руками создал эту драгоценную пиалу ничуть не хуже мастера из Хорезма! А сколько надо было для этого терпения и сил! Какую награду мог он потребовать за такой труд! А он молчал. Молчал, чтобы избавить гончаров от ханского гнева и спасти их от смерти.

Гафар, опустив голову, вышел из мастерской, теперь он понял, почему дед никого не пускал в свою мастерскую. Стемнело. Закрутилась пыль на дороге, Усман на телеге возвращался с базара домой. Белая повязка на его голове пожелтела под лучами солнца, в уголках глаз прятались слезинки. Но в глазах Гафара дед сейчас вовсе не был белоголовым стариком: он казался ему настоящим героем. Гафар пошел навстречу деду и почтительно поцеловал его дрожащую руку. Глаза их встретились. Они хотели сказать что-то друг другу, но слова застыли у них на губах.

— Живи тысячу лет, мой дорогой барашек! — тихим голосом сказал дед. — Только по-настоящему люби свое дело, и я готов поручиться, что ты превзойдешь твоего деда...

Эти слова навсегда запали в душу юноши. Пусть помнят их и те, которые вступают в жизнь.

ДАУРСКИЕ СКАЗКИ

МЫНГУНХУ

Жили-были старик со старухой. Было у них семь дочерей, две из них — слепые. Каждый день ходили они всей семьей рубить хворост, потом продавали его, покупали рис, овощи — тем и жили.

Задумался как-то старик: кто же возьмет в жены его слепых дочерей? Да и работать они не могут. Думал-думал и, наконец, придумал.

Однажды взял он с собой в горы всех семерых дочерей. Дал каждой по кожаному мешку и говорит:

— Вчера рубил я хворост и видел в горах много спелого винограда. Ступайте наберите по полному мешку, тогда и возвращайтесь домой.

Сели дочери на старую телегу и поехали в горы. Когда наступил полдень, старик оставил слепых дочерей в горах, а сам с остальными пятью дочками потихоньку вернулся домой.

Хотя винограда в горах было много, слепые девушки до самого заката так и не сумели наполнить свои мешки. Они устали, пот лил с них градом. Наконец девушки решили отдохнуть. Вдруг старшая сестра изумленно воскликнула:

— Ой! Мешки-то без дна! Не удивительно, что мы не смогли наполнить их доверху!

— Значит, отец нарочно бросил нас здесь, в горах, — он хочет от нас избавиться! — проговорила младшая.

Наступила ночь. Свернувшись под деревом, сестры уснули.

Но вот настало утро, зачирикал на дереве воробей и разбудил сладко спавших девушек. Проснулась старшая сестра и принялась шарить рукой по стволу. Вдруг нащупала что-то круглое и мягкое. «Наверно, это что-нибудь вкусное», — решила она и, подумав немного, поделилась своей находкой с сестрой. Не успели они проглотить последний кусок, как почувствовали, что начинают видеть.

Снова наступила ночь, и опять девушки легли спать под тем же самым деревом. Но спали они плохо, всю ночь им снились сны. Когда рассвело, старшая сестра говорит:

— Сестра, ты хороший сон видела?

— Откуда ты знаешь? — удивилась младшая и рассказала, что ей приснилось.

— Ну и чудеса! Мы видели совершенно одинаковые сны. Так давай пойдем туда, куда мы шли во сне!

С этими словами старшая сестра повела за собой младшую. Шли они, шли — и все время на север. Прошли около четырех ли, смотрят — речка перед ними. Вода в ней чистая, прозрачная! Взобрались на берег, засучили рукава и промыли глаза речной водой. Что за чудо! Девушки стали видеть еще лучше, чем вчера! Не останавливаясь, зашагали они дальше. Не прошли и трех ли, как увидели два колодца: один золотой, другой серебряный. Набрали они воды сначала в золотое ведро, потом в серебряное и отпили по нескольку глотков. Вот чудесато! Они стали видеть лучше прежнего! Обрадовались сестры и еще быстрее зашагали на север. Шли они, шли и вдруг увидели два дерева: одно золотое, другое серебряное. На золотом дереве висели два золотых плода, а на серебряном — два серебряных. Сестры съели по одному плоду с каждого дерева и едва успели проглотить их, как совсем прозрели. Снова зашагали они на север. Не прошли и двух ли, как перед ними выросла деревянная хижина. Держась за руки, они подбежали к ней, открыли дверь и вошли внутрь. В западной комнате на канах у южной и северной стен стояли красные кожаные сундуки, доверху набитые женским платьем; во дворе стояло множество всякой посуды: котлы, ковши, чашки, тарелки; кругом все было чисто прибрано, а кладовая ломилась от риса, муки, масла и соли. Сестры поселились в хижине и стали жить да поживать.

И вот однажды случилось чудо. Возвращалась как-то домой старшая сестра. Едва успела подойти к порогу, как вдруг почувствовала, что под сердцем у нее шевельнулся ребенок, и тут же родила сына. А младшая сестра как раз собиралась сесть на кан, не успела она опуститься, как вдруг тоже родила мальчика. Стали они придумывать сыновьям имена и назвали старшего Алатаху, а младшего — Мынгунху.

С тех пор сестры зажили лучше прежнего. Прошло семь лет, и братья научились стрелять из лука по птицам, фазанам и зайцам — и стреляли очень метко.

Год шел за годом, и вот братьям исполнилось восемнадцать лет. Однажды, когда братья охотились в горах, они вдруг встретили седого краснолицего старца, опиравшегося на палку с изображением головы дракона.

— Пойдите! Куда вы идете? — окликнул он их с улыбкой.

— Мы идем в горы на охоту, почтенный старец! — ответили Алатаху и Мынгунху.

— И у вас нет лошадей? — снова спросил старец.

— Нет.

Покачал головой старец, подозвал братьев к себе и говорит:

— Бедные вы ребята! Послушайте-ка, что я вам скажу. В трехстах ли на восток отсюда есть прозрачный пруд. Около пруда растет высокая сосна. Под сосной стоит большой сундук. Как только наступает жаркий полдень, два гнедых коня спускаются с неба и купаются в этом пруду. Если сумеете их поймать, вам не придется больше ходить пешком! — Сказал это старец и исчез.

Два дня и две ночи шли Алатаху и Мынгунху на восток и наконец добрались до пруда. Спрятались они за сосной и стали ждать. Ждали они, ждали, и вот, когда терпение у них лопнуло, прилетели два гнедых жеребца и опустились в пруд. А братья тем временем осторожно нырнули в воду и, уловив момент, вскочили на коней. Кони выскочили из пруда и стрелой помчались по полю, потом взмыли в небо и снова нырнули в воду. Долго бились кони, но Алатаху и Мынгунху держались крепко, и коням не удалось сбросить седоков. Наконец кони успокоились и спросили:

— Как вас зовут?

— Меня Алатаху.

— А меня Мынгунху.

— Когда родились Алатаху и Мынгунху, сердца наши затрепетали от радости! И если у вас хватит сил открыть железный сундук, что стоит под сосной, то быть вам нашими хозяевами, — проговорили кони.

Братья уже знали, что кони эти умеют летать, и очень обрадовались. Одним ударом кулака они открыли огромный железный сундук толщиной в три дюня. А в сундуке лежали два легких седла, кожаные уздечки и два медных лука со стрелами.

И вот однажды матери Алатаху и Мынгунху увидели, что с востока мчатся по небу два всадника на горячих конях без подков. Испугались они, бросились в комнату и спрятались за деревянными сундуками. А братья слезли с коней, вошли в дом и удивились:

— Где же наши матери? Почему их не видно?

Женщины, слышав их голоса, сразу же догадались, что это их сыновья, и выскочили из-за сундуков. Братья рассказали им обо всем, что с ними случилось. С тех пор они каждый день стали ездить на охоту на своих летающих конях, закинув за плечи луки со стрелами.

Прошло несколько лет, и случилось несчастье: умерла мать Мынгунху. Однажды Алатаху и Мынгунху, как всегда, уехали в горы на охоту, а дома осталась одна мать Алатаху. Вдруг пол в комнате начал постепенно подниматься, и, когда поднялся до уровня кана, выскочило из-под него страшное чудище: голова — как яйцо, брюхо — словно камень, ножки тоненькие, как конопляные стебельки, руки черные, сквозь кожу просвечивают кости. У матери Алатаху от страха дыхание перехватило. А чудовище как закричит:

— Я тебя съем! Я тебя съем!

— Зачем меня есть? В кладовой мясо лежит! — заикаясь от страха, проговорила мать Алатаху.

— А я хочу тебя съесть! — продолжало чудище. — Обещай мне, что будешь относиться к Мынгунху, как к пасынку, тогда я пощажу тебя.

Сказал это оборотень и исчез.

С того дня женщина кормила мясом и мукой только своего сына, а Мынгунху давала гнилую требуху. Каждый раз после еды Мынгунху тошнило, и приходилось уходить шагов за двести от дома — там стояло дерево с пустой сердцевинной. Так продолжалось девяносто девять дней,

наконец Мынгунху не выдержал и как-то в полдень сказал Алатаху:

— Брат, давай с тобой потягаемся, кто лучше стреляет из лука? — Он показал рукой на дерево, а сам стал приготавливать седло.

— Хорошо, Мынгунху, но это дерево от нас всего в двухстах шагах, зачем же ехать туда на лошади? — удивленно проговорил Алатаху.

Братья остановились в ста шагах от дерева.

— Будем стрелять в это дерево, — сказал Мынгунху, — попробуй сначала ты.

Алатаху покачал головой:

— Нет, ты младший, стреляй сначала ты!

И состязание началось. Мынгунху приободрился, вскинул лук, но стрела лишь отщепила кусок коры от дерева. Алатаху с сомнением проговорил:

— Что это сегодня с тобой?

Он расставил пошире ноги, прицелился и пустил стрелу. Послышался свист, и стрела вонзилась в сердцевину дерева. Из ствола дерева, как из живота человека, раненого стрелой, хлынул поток. Алатаху бросился к дереву и увидел, что это были вонючие отбросы, которые изрыгал желудок Мынгунху. Он в ужасе побежал обратно, но не успел добежать до старого места, как Мынгунху закричал ему:

— Брат, это то, чем кормила меня тетка! Сегодня ровно сто дней, и дерево наполнилось до краев. — Он горестно вздохнул и продолжал: — Я покидаю тебя! Больше жить здесь не могу. — С этими словами он вскочил на коня и помчался на юго-восток.

Тут только Алатаху понял, в чем дело, и в отчаянии рухнул на землю.

Мынгунху взмыл в небо. Оглянулся — видит: Алатаху без памяти лежит на земле, тотчас же натянул поводья и поскакал назад. С трудом отыскал он холодной воды, побрызгал на брата, и тот очнулся.

— Брат, я не в силах больше сносить жестокость твоей матери! — со вздохом проговорил Мынгунху.

Как ни уговаривал его старший брат, он все-таки решил уехать. Алатаху взял в руки свою стрелу и проговорил:

— Возьми эту стрелу, если она заржавеет, значит нет меня больше на свете!

Мынгунху сказал ему то же самое и отдал брату свою стрелу. На прощанье братья крепко обнялись.

Алатаху вернулся домой опечаленный, но матери ничего не сказал.

— Мама, для кого ты приготовила масло и лали?¹ — спросил Алатаху.

— Для тебя, — ответила мать.

Алатаху изменился в лице и спросил:

— А для Мынгунху?

— А для него есть немного отвара из-под клецок.

Алатаху горько заплакал. Слезы ручьем лились на кан. Он теперь ни о чем не думал, ничего не делал, только сидел и плакал. Не мог он забыть Мынгунху!

А Мынгунху тем временем все скакал и скакал. Трудно даже сказать, сколько дней он скакал. Когда он бывал голоден, он ел дикие овощи и плоды, когда его мучила жажда — пил воду из реки. И вот однажды путь ему преградила высокая гора. Тут конь его взвился на дыбы и проговорил:

— Хозяин, хозяин, опасно ехать по этой дороге!

— Почему опасно? — торопливо перебил его Мынгунху.

— Под горой живет оборотень, голова у него — как яйцо, брюхо — словно камень, ножки тоненькие, как конопляные стебельки, руки черные и сквозь кожу просвечивают кости, он тебя съест! — И, чтобы приободрить хозяина, продолжал: — Сейчас мы помчимся, как молния. Что бы ни случилось, ты должен непременно прострелить ему голову — иначе не миновать нам гибели!

Мынгунху наострил лук и приказал коню:

— Вперед!

В тот момент когда конь, словно молния, проносился мимо оборотня, Мынгунху обернулся, пустил стрелу, и голова чудовища рассыпалась.

Миновав высокую гору, Мынгунху увидел огромное море, а на берегу бесчисленное стадо овец. Натянул он поводья и подъехал к стаду. Овец пас какой-то бедняк.

— Куда путь держишь? — спросил пастух.

— Да вот ищу какой-нибудь работы. А чье это стадо? Какое огромное!

— Это стадо бая Су.

---

¹ Л а л и — местное лакомство.

— А ты здешний?

— Нет, я издалека. Восьми лет меня отдали баю в пастухи, а в этом году мне сравнялось сорок.

Мынгунху решил остаться и пасти за него стадо. Дал он пастуху четыреста овец и велел возвращаться домой. Бедняк поблагодарил Мынгунху и сказал:

— Бай Су живет за морем, и овцы каждый день должны переходить море. Когда придет время гнать стадо, ты крикни: «Расступитесь, волны, дайте пройти!» И волны расступятся. А когда овцы вернутся домой, крикни: «Ступайте в загон, ступайте в загон, отдыхайте!» И овцы сами пойдут в загон. С детства я жил рабом в этом доме, каждый день должен был вылизывать ноги хозяйке, а кормили меня коровьим навозом. — С этими словами пастух пошел сгонять овец — пора было идти домой.

Мынгунху переоделся и стал как две капли воды похож на пастуха. Тогда он сказал своему коню:

— С сегодняшнего дня я буду звать тебя Хани, а себя — Тожеци. Как только я крикну два раза: «Хани!» — ты тут же лети ко мне.

И конь улетел.

Близился полдень. Тожеци погнал стадо домой; притворившись, что забыл о заклинании, он принялся бросать овец одну за другой прямо в воду. Жена бая Су, купавшаяся в море, увидела это и закричала:

— Расступитесь, волны, дайте пройти!

И овцы перебрались через море.

Разгневалась жена бая:

— Тожеци, ты что это?

— Ничего, с головой что-то неладно.

Когда начало смеркаться, жена бая окликнула пастуха:

— Тожеци, ты ел лепешки?

— Как раз сейчас ем.

На самом же деле он закопал лепешки из коровьего навоза в кучу мусора.

Прошло немного времени, и жена бая снова спрашивает:

— Ну как, съел?

— Съел, — ответил Тожеци, а сам незаметно пробрался в хлев и отрезал язык у коровы.

— Тожеци, ты забыл вылизать мне ноги! — Окликнула его жена бая, а Тожеци уже был тут как тут и коровьим языком стал вылизывать ей ноги. Жена бая по-

чувствовала, что язык у него стал шершавым, и спрашивает:

— Тожеци, почему у тебя такой шершавый язык?

— Потому что сегодня я ел дикие овощи.

— Ступай возьми масло, которым я мазала ноги, и выпей несколько глотков.

Тожеци не стал пить масло, а потихоньку вышел во двор, отрезал язык у собаки и стал лизать им ноги хозяйки.

— Как будто язык твой стал помягче! Ступай спать!

Так и стал Тожеци работать вместо бедняка и терпеть все тяготы невольничьей жизни.

У бая Су было семеро дочерей. Шестеро старших уже были замужем за сыновьями богачей, а младшую, которой в этот год исполнялось восемнадцать, должны были отдать в жены богатырю.

Однажды бай Су объявил: «Тот, кто сумеет разорвать мою цепь длиной в чи, тот и станет мужем младшей дочери».

Десять человек рассказали об этом ста, сто — тысяче, тысяча — всей округе, и вскоре все окрестные деревни и города узнали об этой новости.

Через два дня съехались женихи и расположились в десяти шатрах за околицей. Утром бай и его жена вынесли цепь, положили ее перед собой и предложили желающим попытаться счастья.

День шел за днем, а разорвать цепь никому не удавалось. На пятый день вышел вперед Тожеци. Но все вокруг закричали:

— Что тебе здесь надо, оборванец?! Да как ты смел подумать, что дочь бая может стать твоей женой?!

Но Тожеци, не обращая на них никакого внимания, подошел к цепи, взял ее в руки и, стиснув зубы, рванул. «Трах!» — цепь разорвалась. Стоявшие вокруг люди вскрикнули от изумления. Баю ничего не оставалось, как отдать младшую дочь в жены Тожеци.

Так Тожеци перестал быть рабом.

Однажды бай заболел, и захотелось ему печени или мяса медведя. Он думал, как поест — сразу выздоровеет.

На следующее утро шесть его зятьев взяли луки и стрелы, сели на коней и отправились в горы на охоту. А Тожеци вышел из деревни, крикнул два раза: «Хани! Хани!» — и Хани прилетел. Тожеци вскочил на коня и

полетел над деревьями, над облаками. Летел-летел и вдруг видит в ущелье между гор черного медведя. Натянул Тожеци тетиву, и стрела угодила прямо в цель. Он вырезал у медведя печень, положил на ее место печень зайца и оставил убитого медведя под деревом, а сам развел огонь и уселся отдыхать. В это время шестеро свояков увидели под деревом медведя, остановились и принялись наперебой спорить, кто первый увидел медведя.

— Кто это там шумит? — окликнул их Тожеци. Они подошли к костру.

— А, оказывается, это ты, Тожеци! Не продашь ли нам медведя?

— Продам.

— А сколько возьмешь?

— Денег мне не надо.

— Чего же ты хочешь?

— Есть у меня медная банка для табака, я разогрею ее и поставлю вам всем клеймо на мягком месте!

Шестеро свояков, боясь вернуться домой с пустыми руками и осрамиться перед тестем и тещей, согласились.

Подъезжая к деревне, Тожеци слез с Хани и вернулся домой пешком. Не прошло и получаса, как возвратились зятя с убитым медведем. Тожеци сделал вид, что ничего не знает, помахал им рукой и крикнул:

— Хороший медведь, жирный! Не дадите ли мне его потроха?

— Дадим! — ответили зятя и кинули ему потроха.

— Ох, и вкусно же они пахнут! И какие сладкие! А мясо вонючее, тухлое!

— Что ты там бормочешь?

— Я говорю, что не знаю, как и отблагодарить вас за вашу доброту! — неторопливо ответил Тожеци.

Бай съел печень, но болезнь не проходила. Мясо же медведя было вонючее и тухлое, даже собаки не стали его есть. А Тожеци сварил из потрохов суп и отослал тестю с тещей. Увидев горячий дымящийся суп, сладкий, ароматный, тесть и теща принялись уписывать его за обе щеки, пока не съели все до капли.

С тех пор зятя возненавидели Тожеци и решили его погубить... Двадцать дней они до третьей стражи¹ рыли на восточном конце деревни яму глубиной в девять чжа-

---

¹ Третья стража — время с 11 часов вечера до часа ночи.

нов. А чтобы никто об этом не узнал, забросали ее сверху ветками и присыпали землей.

Однажды они сказали Тожеци:

— Свояк, мы хотим потягаться, чей конь лучше.

Тожеци ничего не ответил, только головой кивнул. Вскочили шесть зятьев на коней и поскакали к месту состязания. Вскоре прискакал туда и Тожеци на своем Хани, и скачки начались. Хани скакал впереди всех. Но вот раздался треск, и Хани с всадником провалились в яму.

Тожеци так сильно разбился, что не мог и пошевелиться. Тут Хани вспомнил: «У дочери Яшмового императора¹ косы длиной в девять чжанов, только она может спасти моего хозяина». И Хани взмыл на небо. К счастью, как раз в это время дочь Яшмового императора собиралась выходить замуж и выбирала себе в конюшне коня. Хани обернулся гнедым жеребцом и тихонько опустился около конюшни. Дочь Яшмового императора выбрала его. Она села на Хани, сделала круг над Небесным дворцом и вышила вокруг него подушку. Когда она во второй раз взлетела над дворцом, Хани неожиданно опустился на землю. Дочь Яшмового императора испугалась, соскочила с коня и хотела было бежать, но Хани преградил ей путь своей головой; она бросилась назад, но Хани помешал ей своим хвостом, бросилась в сторону — Хани не пустил ее своим седлом и чепраком. Только тут дочь Яшмового императора обо всем догадалась и сказала:

— Хани, лети на небо и возьми мое священное лекарство. Положи его в ларец для украшений, что стоит в круглом красном шкафчике у меня во дворце.

Полетел Хани в Небесный дворец, остановился перед дверьми, что вели в покои принцессы, обернулся белым котенком и стал мяукать. Услыхала императрица, подумала, что это котенок ее дочери, и велела впустить его. Хани вошел во дворец, разыскал ларец с украшениями, спрятал его в рот и спустился на землю.

Выпил Тожеци волшебное лекарство, и раны его сразу зажили. Стал он благодарить дочь Яшмового императора, называл ее доброй спасительницей, а Хани приказал отвезти ее в Небесный дворец.

---

¹ Яшмовый император — высшее божество в даоской религии.

Вернулся Тожеци в дом жены, а шестеро зятьев, как увидали, что он жив, так снова потеряли покой — боялись, что Тожеци их убьет. Ушли они ночью в горы и повесились.

Однажды вынул Тожеци стрелу, которую дал ему старший брат Алатаху, взглянул на нее, и — о, ужас! — стрела наполовину заржавела! Не стал Тожеци медлить, распрощался с тестем и тещей, вскочил на Хани и полетел на запад. Летел он, летел, и вдруг на голову ему что-то капнуло. Хотел было он выругаться, но Хани говорит:

— Не ругайся, это твоя спасительница на небе знак подает.

Вспомнил Тожеци о доброй дочери Яшмового императора, слез с коня и говорит:

— Спустись, спустись, о спасительница!

Медленно спустилась на землю дочь Яшмового императора и проговорила:

— Отец сказал, что два дня назад я спасла человека и тем преступила закон Неба. Он выгнал меня, и жить мне теперь придется среди людей. Сели они на Хани и полетели. Сколько дней они летели, неизвестно, но наконец прилетели к дому Алатаху. Алатаху был болен, и земные лекари не могли ему помочь. Он лежал на кане почти бездыханным. Дочь Яшмового императора взяла волшебное лекарство, которое было у нее с собой, дала его Алатаху, и тот сразу выздоровел.

— Брат, — сказал он, — я болею с тех пор, как ты уехал, а твоя тетка умерла шесть лет назад... — И он залился слезами.

Говорят, что потом дочь Яшмового императора вышла замуж за Алатаху, и они вместе с Мынгунху и его женой зажили богато и счастливо.

СКАЗКИ ЭВЕНКОВ

СКАЗАНИЕ О ХРЕБТЕ СИНЪАНЬЛИНЬ

Говорят, что в древние времена в горах Синъаньлинь жил охотник по имени Ухэнай — молодец из молодцов, такого встретишь одного на сотню! Был он так силен, что побеждал тигра, а за столом ему не хватало и целой козули. Отличался он не только отвагой, но и красотой, и все девушки в округе рады были пойти за него замуж — даже те, кто и в глаза его не видел!

Ездил он на гнедом коне, в золотом седле сидел, платье и доспехи на нем серебром сверкали, а лук и стрелы были изукрашены драгоценными камнями. Его серебряное платье зимой согревало, а в зной приносило прохладу; драгоценные стрелы били без промаха. Даже самые свирепые звери в горных лесах боялись Ухэная.

На своем гнедом скакуне Ухэнай взмывал к вершинам Синъаньлиня, и топот его коня пробуждал объятые сном горы. Олени и шакалы, дремавшие в лесу, поднимали страшный крик, стада оленей обращались в бегство, медведи толпами валили из своих берлог.

Олени, любовавшиеся своим отражением на берегу прозрачного ручья, едва завидев в воде отражение охотничьей собаки, бросались наутек. Они летели с быстротой ветра, но собаки наседали на них со всех сторон. Олени бросались в воду, переплывали на другой берег, и тут их настигала стрела, посланная из леса умелой рукой Ухэная. Он сдирал с оленя кожу, обрезал мясо и делил свежую оленину поровну между всеми, а тонкую оленью кожу

отдавал девушкам на платье. Когда он охотился, на берегу реки возвышались горы убитых им козуль и оленей.

И вот однажды во время охоты Ухэнай услышал в лесу неподалеку от себя голоса. Он слез с коня и прислушался: разговаривали мужчина и женщина.

Женщина спрашивала мужчину:

— Есть ли на свете девушка умнее и красивее меня?

— Ты действительно умна и красива, — отвечал мужчина, — но младшая дочь хана Сивоту по имени Кала, что живет в том краю, где садится солнце, лучше тебя.

— А скажи, — спросил мужчина, — есть ли на свете юноша умнее и красивее меня?

— Ты в самом деле умен и красив, — отвечала ему женщина, — но юноша по имени Ухэнай, что живет в том краю, где восходит солнце, лучше тебя.

Услышал свое имя Ухэнай, взглянул в их сторону и увидел, что разговаривают вовсе не люди, а олени — самец с самкой. Услыхав о том, что в краю, куда садится солнце, есть самая красивая и умная девушка на свете, Ухэнай решил непременно найти ее. Вскочил он на коня, приказал собакам возвращаться назад и отнести добычу, а сам вихрем помчался туда, где садится солнце.

Зашумели сосны, забурили ручьи — по лесу громом отдавалось эхо от стука копыт. Сердце Ухэная горело надеждой, и пять дней пути пролетели для него незаметно. Вытащил он из кармана коусянь и заиграл свою любимую песню. Красивая это была песня! Птицы, заслышав ее, принялись кружить над Ухэнаем. Его игра развеселила весь Синъаньлинь. Ухэнай поднял голову и спросил птиц:

— Что за девушка дочь хана Сивоту?

И птицы отвечали:

— Она — прекраснейший бутон из тысячи прекрасных бутонов!

— Она — прелестнейшая из тысячи красавиц!

— Она — прекраснее небесной феи!

— Завидев ее тень, павлин спешит убрать свой пестрый хвост.

— Лицо ее — словно румяное яблочко.

— Глаза — словно две нежные луны!

— Она прекрасна, и голос ее словно колокольчик, — так он чист и нежен!

— Когда она поет, умолкают даже дрозды! А соловей весь дрожит от зависти.

— Жениться на этой девушке мечтают даже те, кто ее не видел!

— Те же юноши, что знают ее, разыскивают ее целыми днями!

Услыхал это Ухэнай и еще больше обрадовался.

Пришпорил он коня и поскакал дальше, только горы мелькали. Ухэнай играл на коусяне и в душе молился фее гор, чтобы там, где плывут бескрайние облака, оказался дворец хана Сивоту. И звуки музыки рассеяли облака, которые плотно окружали дворец, и перед глазами Ухэная предстали очертания роскошного строения. Коусянь зазвучал еще нежнее. Хан Сивоту был очарован звуками музыки и послал человека узнать, кто так хорошо играет. Ухэная повели во дворец. Первые двери охраняли лисица и дикая кошка; вторые — птица и летающий дракон; третьи — собака и обезьяна; четвертые — олень и тапир; пятые — медведь и кабан; шестые — тигр и леопард. Вошел он в шестые двери и увидел хана Сивоту. А хан смотрит — перед ним красивый юноша, да и к тому же так трогательно играет на коусяне, и говорит:

— Ты прекрасно играешь! Хочешь, я награжу тебя драгоценностями? Дам, что только пожелаешь!

А Ухэнай и отвечает:

— Твоя дочь — самая красивая девушка на свете! Я хочу, чтобы она стала моей женой! Я приехал сватать ее!

Обрадовался хан: хорошо иметь такого храброго и красивого зятя.

— Ладно, будь по-твоему! И дал согласие на свадьбу.

Узнала об этом младшая дочь Кала — и тоже обрадовалась, хотя не знала, каков из себя жених. Послала маленького белого зайчика — посмотреть. Посмотрел белый зайчик и, довольный, поскакал обратно — юноша показался ему очень красивым.

Но Ухэная тайком увидела старшая дочь хана и решила про себя: «Этот прекрасный юноша должен быть моим!»

Она поймала зайчика и говорит:

— Ты не должен сестре говорить правду! Скажи, что жених ее — восьмидесятилетний старик, страшный, с длинным носом, не скажешь так — я тебя убью!

Зайчик до смерти перепугался и сказал Кале неправду. Но Кала не очень ему поверила и послала черного зайчика

посмотреть на жениха. Черный зайчик тоже обрадовался за Калу, но и его поймала старшая дочь хана и сказала:

— Не говори сестре правду! Скажи, что он — длинноносый восьмидесятилетний старик с бородой до пояса! Не скажешь так — я тебя убью.

Черный зайчик тоже испугался и сказал неправду.

Кала очень огорчилась.

В этот момент входит старшая дочь хана и говорит:

— Кала, отец хочет выдать тебя за старого уroda, тебе нужно немедленно бежать.

Кала подумала-подумала и решила, что сестра права. Той же ночью она убежала из дворца. А старшая дочь хана обрадовалась и стала вертеться перед зеркалом, а потом побежала умываться. Она изодрала себе всю кожу, но не стала от этого белее, и как ни мыла лицо, оно оставалось все таким же уродливым. Она вырядилась в самые богатые одежды, но и это не помогло — разве станет медведь красивее, если на него надеть платье?

Близился день свадьбы, а Калы и след простыл! Хан был очень огорчен и не знал, что делать.

Тогда старшая дочь, хихикая, говорит ему:

— Отец, отдай меня вместо нее!

Хан подумал-подумал и согласился:

— Хорошо, выходи ты замуж.

Когда брачная церемония кончилась, Ухэнай поднял фату, и — о, ужас! — что за уродина! Разве это самая прекрасная девушка на свете? Однако пришлось смириться.

Поехал Ухэнай с молодой женой домой. Въехали они в лес, а там их увидела Кала.

— О небо, как он красив и мужествен! Я... я люблю его! — невольно воскликнула она и в отчаянии укусила себя за палец. Как она любила этого юношу! Недолго думая, выбрала Кала самый короткий путь, побежала вперед и положила на дороге вышитый ею кисет. Ухэнай нашел его. Кисет ему очень понравился, и он отдал его молодой жене. А та узнала работу сестры и выбросила кисет на дорогу. Не повезло Кале. Тогда она снова опередила Ухэная и бросила посреди дороги охотничий нож. Ухэнай поднял его и отдал жене, но она опять тайком выбросила его. Снова не удалось Кале привлечь к себе внимание Ухэная, и на глаза у нее навернулись слезы.

Родная деревня Ухэная торжественно встречала его. Но когда люди увидели молодую, они так и ахнули! Кра-

савец Ухэнай! Где были твои глаза? Да как ты мог жениться на этакой обезьяне?

С тех пор люди не слышали больше нежных звуков коусяня, а Ухэнай люто возненавидел тех оленей, что сказали тогда неправду.

Через месяц, как того требует обычай, новобрачные отправились навестить отца молодой. В первый день пути они заночевали у одной старухи. У старухи была дочь, но вот странное дело: как только молодая вошла в дом, девушка опустила голову, да так и сидела все время.

Ее звали к столу, но она не шла и почему-то прятала лицо. Да, это была Кала — она стала приемной дочерью старухи! Кала сразу же узнала сестру, а красавец Ухэнай поразил ее в самое сердце! Взглянул Ухэнай на девушку — и оба они замерли как зачарованные. Любовь дракона поймет лишь феникс, только прекрасный павлин под стать золотистому льву!

Посмотрела на них молодая жена — и вся съежилась. Сердца Калы и Ухэная бешено колотились, щеки пылали.

Кала выскочила за дверь и побежала на берег Хэйлунцзяна, Ухэнай бросился за ней. О бурная река! Умолкни, послушай, как бьются наши сердца!

Кала набралась храбрости и рассказала Ухэнаю, что она младшая дочь хана Сивоту — Кала, что ее обманула старшая сестра и ей пришлось бежать из дворца. Ухэнай крепко обнял свою суженую, а обманщица бросилась в колодезь.

Привез Ухэнай свою красавицу во дворец. Их встретили пестрые бабочки, веселые стрекозы и белые журавли. Их приветствовали белый зайчик и черный зайчик! Бабочки подарили им прекрасный букет, пчелы — сладкое вино, а павлины показали им свои танцы.

И снова заиграл коусянь! Вокруг забурило веселье. Белые облака, словно полог, висели над дворцом. Кала и Ухэнай надели блестящие, с жемчугом, шапки, подпоясались яркими, как радуга, поясами! Коусянь заиграл нежную песню любви. Народ праздновал свадьбу Ухэная и Калы!

Поселились молодые в горах Синьаньлинь. Луна служила им зеркалом, птицы возвещали им зарю, полосатый тигр и золотистый барс охраняли их дом. Олени возили их тележку, журавли пересылали письма. Они утоляли голод свежей олениной, а жажду — сладким оленьим молоком. Лес пел им песни, облака раскинули над ними свой чудесный шатер!

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ШЭ

ПЕТУХИ

Давным-давно, глубоко в горах жила старушка; ни сына, ни дочери у нее не было, жила она тем, что разводила бататы, шпинат и редьку. Проходила жизнь, горькая и холодная.

Была у старушки одна старая курица. Это был ее единственный друг. Старушка ее очень любила и усердно кормила. Курица несла в день два яйца; старушка меняла яйца на рисовую мякину и кое-как сводила концы с концами.

Но вот однажды снесенные курицей яйца вдруг исчезли. Старушка искала их, искала, не нашла и решила, что курица делает гнездо. Если курица не поторопится, то чем старушка будет жить? Курица и квохтала теперь не так, как раньше; это показалось старушке очень странным.

Прошло десять с лишним дней, яйца по-прежнему исчезали.

Однажды вернулась старушка с поля, а курицы нет. От горя расплакалась старушка, одной рукой нос утирает, другой слезы. В доме, вокруг дома, вокруг горы искала она курицу до самых сумерек и вернулась ни с чем. Закручинилась старушка. Плакала она с утра до вечера и с вечера до утра, и настала для нее жизнь еще более горькая, еще более одинокая.

Луна восходила и заходила, а старушка дни и ночи думала о курице, думала-думала и почти лишилась рассудка.

Однажды ночью приснился ей сон, будто явился к ней бог гор с широко улыбающимся лицом и говорит ей: «Не плачь, старая! Твоя курица скоро вернется. У тебя будет много несушек, а еще у тебя будет два сына!» Старушка проснулась с улыбкой. Не успела она открыть глаза, как слышит: «Ко-ко, ко-ко», — в доме квохчет курица. Она быстро поднялась с постели и видит: ее курица, хлопая крыльями, ищет на полу корм, а вокруг нее цыплята копошатся. Старушка подхватила курицу, прижала ее к груди и долго не отпускала, от радости даже прослезилась. Стайка цыплят с писком окружила старушку, она нежно погладила каждого цыпленка, а потом дала им корма. Про себя она думала: «Теперь все будет хорошо!»

Все это время курица несла яйца в горной пещере, высиживала там цыплят и вот привела их домой.

Цыплята день ото дня росли, и не прошло и месяца, как молодки стали нести яйца. Среди цыплят самыми крупными были два петушка. Белые как снег перья, красные гребешки, ярко-желтые ноги, длинные-длинные блестящие хвосты. Выпятив грудь и вытянув шею, они могли заглянуть на стол. Когда они расхаживали по двору, квохча «ко-ко-ко»¹, то даже хищные коршуны, завидев их, в страхе взлетали высоко в облака. И хотя петухи не умели нести яиц, старушка, глядя на них, радовалась, и сердце у нее билось сильнее.

Росли петухи, росли, и на ногах у них выросли длинные острые шпоры. Распушив перья на шее, они начинали драться. Вырвут друг у друга перья или расклюют алые гребни. И так с утра до вечера дрались они много раз. Однажды во время драки они разбили у старушки миску и котелок и подняли в хижине пыль. По ночам они тоже дрались, не давая старушке покоя. И старушка стала любить петухов все меньше и меньше.

Однажды рано утром, когда старушка еще не вставала с постели, над хижинкой застрекотала сорока. Из курятника выскочили два молодца и побежали к хижине, колотя друг друга на бегу. Только подбежав к старушке, они перестали драться и вместе крикнули: «Мама! Мама!» Старушка обомлела, не понимая, что случилось, и боясь открыть рот. Наконец она вспомнила, что говорил ей бог гор, и поняла,

---

¹ Говорят, что до того, как произошли рассказываемые события, петухи не умели петь и лишь квохтали, как куры.

что его предсказание сбылось. Глядя на этих двух юношей, старушка радовалась и смеялась от счастья. Старушка решила дать им имена. Чтобы они были счастливы, одному она дала имя Хао-юн, что значит счастливый, а второму — Хао-дао, что значит справедливый.

Только старушка отвернулась — хотела пойти приготовить им чего-нибудь поесть, как сыновья опять начали драться. Удивившись, она сердито спросила:

— Почему вы деретесь? Ведь вы же братья.

Оба юноши, каждый коснувшись пальцем своего носа, сказали:

— Я хочу быть старшим.

— Я хочу быть старшим.

Старушка все поняла, подумала и сказала:

— Вот что, идите в поле копать батат, копайте, пока не догорит свеча, кто больше накопает — тот и будет старшим братом.

— Хорошо! — в один голос сказали братья.

Старушка зажгла свечу, и братья побежали в поле.

Хао-юн, Счастливый, копал добросовестно, без передышки и накопал большую плетенку. А Хао-дао, Справедливый, выкопает куст и повернет голову — на брата посмотрит, выкопает второй куст — опять посмотрит. Видя, что Хао-юн перегоняет его в работе, он почесал в затылке, заметил, что ветер дует в сторону брата, и бросил в него несколько пригоршней песку; пока Хао-юн протирал глаза, Хао-дао потихоньку подкрался, взвалил на плечи полную плетенку брата и стремглав побежал домой.

Хао-юн протер глаза, видит: плетенка с бататами исчезла, брат тоже куда-то ушел. Хао-юн догадался, что не иначе как брат что-то подстроил. От волнения он весь похолодел. Но он не помышлял больше о драке, он поработал, и характер его уже стал другим; подавив гнев, он снова начал копать: «Срок еще не кончился, свеча не догорела», — думал он.

Все это видела сорска, сидевшая на ветке тутового дерева. Она сразу же крикнула ему: «Не закрывай глаза! Не закрывай глаза!» Но Хао-юн не понимал языка птиц. Сорока очень беспокоилась о том, что станет с юношей. Она стрелой полетела к горе и позвала двух ящеров. Прошлись они по полю и выкопали все бататы, Хао-юн мигом наполнил две большие плетенки и помчался домой, только пыль взвивалась.

Старушка с догорающей свечой в руках стояла в дверях. Увидев, сколько Хао-юн принес бататов, она заулыбалась. Нечего и говорить, что старшим братом был признан Хао-юн.

Шли дни за днями, а Хао-дао никак не хотел с этим примириться. Как только мать уходила из дому, он лез к брату с кулаками и колотил его раз от раза все сильнее.

Пошли однажды братья в горы за хворостом. Возобрались они на высокую гору, а под горой была глубокая река, вода в ней черная-черная, люди боялись этой реки. Хао-дао, воспользовавшись тем, что брат был неосторожен, толкнул его вниз. Но он не рассчитал силу толчка, не удержался и сам полетел вниз, в реку. Бултыхаются они в реке, то выплывут на поверхность, то снова уйдут под воду, нахлебались воды досыта, еще чуть-чуть — и утонут.

В это время бог гор, чтобы спасти братьев, поднял часть речного дна, и образовалась узкая каменная тропинка, потом он крикнул:

— Эй! Хао-дао! Хао-дао! Если ты хочешь жить, то оклики брата, дай ему руку и отныне стань добрее, не дерись больше. Стыдно быть таким, как ты. Если сделаешь, как я тебе говорю, то вы с братом выберетесь по тропинке на берег, а не сделаешь — погибнете.

Хао-дао сразу согласился, окликнул брата, претянул ему руки, и оба они вышли на берег.

— Между братьями согласие — горы станут нефритом, люди трудятся сообща — земля станет золотом. Запомните эти слова крепко-накрепко и никогда не забывайте! — сказал бог гор и исчез.

Хао-дао, поднявшись на берег, пропустил эти слова мимо ушей и сказал брату:

— Тут кругом пропасти, пойдем за хворостом в другое место.

Хао-юн поверил ему, и пошли они в густой лес. Неизвестно, сколько времени они шли, на какой взбирались горный хребет — тоже неизвестно. Братья вспотели, в животах у них урчало от голода, а Хао-дао все не останавливался. Солнце клонилось к закату, от долгой ходьбы у Хао-юна закружилась голова, он сел на землю отдохнуть, закрыл глаза. А когда открыл их — брат его Хао-дао исчез.

Хао-юну хотелось есть, он не знал, куда идти; стемнело, он бродил по дикому лесу и в конце концов умер в пещере глубоко в горах и превратился в эхо.

А Хао-дао, после того как завел брата в лес и оставил его там, торопливо пошел домой; он беспокоился, что брат пойдет за ним следом, и шел в обход по тропинке; он струсил и торопился, но споткнулся и упал в глубокую яму. Со всех сторон какие-то колючки, навстречу не выбраться, и Хао-дао стал звать на помощь. Он кричал во все горло, но в ответ не услышал ни звука. От страха он начал дрожать, потом стал кататься по дну ямы.

— Эй, Хао-дао! Что же ты не спешишь домой? — вдруг донесся с вершины горы насмешливый голос.

Хао-дао вздрогнул, поднял голову и увидел бога гор. Голова бога поднималась над темным лесом, который рос на горе. Бог гор помолчал, потом, поглаживая свои длинные усы, наставительно сказал:

— У тебя недоброе сердце, дитя. Ты забыл, что я говорил: «Между братьями согласие — горы станут нефритом, люди трудятся сообща — земля станет золотом». Разве можно на коромысле поднять одно ведро воды? Человек не должен отрываться от людей. Сегодня ты изменишь свое обличье и снова станешь петухом; каждый день, лишь только начнет светать, ты будешь искать брата, и так — изо дня в день, из года в год — до тех пор, пока не найдешь его...

Хао-дао начал было раскаиваться, уронил две слезы, но было поздно. Ничего не поделаешь, бог гор был прав. Он дал Хао-дао перья, красный гребешок. Петух вылетел из ямы, вытянул шею, заголосил: «Гэ-гэ-гэ»¹, — и отправился искать своего старшего брата.

Хао-юн, превратившись в эхо, откликался отовсюду.

И донныне петух так и не нашел своего брата.

Изо дня в день, из года в год — небо еще не посветлеет, а петух уже начинает искать своего старшего брата:

— Гэ-гэ-гэ-э-э... Гэ-гэ-гэ-э-э...

---

¹ «Гэ-гэ» — старший брат (китайск.).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Черкасова. Предисловие . . . . .</i>	3
--	---

ХАНЬСКИЕ СКАЗКИ

Как повелитель драконов был повержен двумя стрелами. <i>Перевод А. Тишкова . . . . .</i>	15
Сказка о сосне. <i>Перевод А. Тишкова . . . . .</i>	28
Золотой жеребенок и рубашка Огненного дракона. <i>Перевод А. Тишкова . . . . .</i>	31
Легенда о птице баньчуй. <i>Перевод А. Тишкова . . . . .</i>	35
Железный Петух роняет перья. <i>Перевод А. Тишкова . . . . .</i>	38
Девушка из дворца. <i>Перевод М. Черкасовой . . . . .</i>	42
Хитроумная жена. <i>Перевод А. Тишкова . . . . .</i>	52
Три брата. <i>Перевод М. Черкасовой . . . . .</i>	56
Мимоза. <i>Перевод А. Тишкова . . . . .</i>	60
Волшебное снадобье. <i>Перевод Б. Рифтина . . . . .</i>	66
Золотые каштаны и булыжники. <i>Перевод М. Черкасовой . . . . .</i>	68
Лис, обезьяна, заяц и лошадь. <i>Перевод М. Черкасовой . . . . .</i>	72
Сказание о Мэн Цзян-ньюй. <i>Перевод Б. Рифтина . . . . .</i>	74
Волшебный кнут. <i>Перевод А. Тишкова . . . . .</i>	81
Как пастушок добыл у солнца три волоса. <i>Перевод А. Тишкова . . . . .</i>	87
Ма-лян и волшебная кисть. <i>Перевод А. Тишкова . . . . .</i>	91
Женитьба феникса. <i>Перевод Б. Рифтина . . . . .</i>	96
Тай-шань. <i>Перевод Б. Рифтина . . . . .</i>	102
Дикие гуси. <i>Перевод М. Черкасовой . . . . .</i>	104
Хвастливая ласточка. <i>Перевод М. Черкасовой . . . . .</i>	107

МОНГОЛЬСКИЕ СКАЗКИ

Скрипка «Матуу». <i>Перевод В. Феоктистова . . . . .</i>	109
Легенда об охотнике. <i>Перевод В. Феоктистова . . . . .</i>	112
Хайлибу-охотник. <i>Перевод В. Феоктистова . . . . .</i>	121
Дубинка мести. <i>Перевод В. Феоктистова . . . . .</i>	124
Борец Балинь. <i>Перевод В. Феоктистова . . . . .</i>	127

ДУНГАНСКИЕ СКАЗКИ

Драконова табличка. <i>Перевод Б. Рифтина . . . . .</i>	132
---	-----

ТИБЕТСКИЕ СКАЗКИ

Как заяц льву отомстил. Перевод Б. Рифтина	136
«Гу-дун». Перевод Б. Рифтина	137
Как сватали китайскую принцессу. Перевод Б. Рифтина	139
Заяц-судья. Перевод Б. Рифтина	144
Господин и рабы. Перевод Б. Рифтина	146
Югуцзинь. Перевод Б. Рифтина	149
Как обезьяна путешествовать собиралась. Пере- вод Б. Рифтина	151
Как жаба на небо хотела прыгнуть. Перевод Б. Рифтина	153
Заяц и обезьяна. Перевод Б. Рифтина	155
Лягушка-наездник. Перевод Б. Рифтина	157
Золотая ваза и обезьяны. Перевод Б. Рифтина	167

УИГУРСКИЕ СКАЗКИ

Герой Али Курбан. Перевод В. Феоктистова	170
Шаль принцессы. Перевод В. Феоктистова	200
Король гранатового дерева. Перевод В. Феокти- стова	204
Золотая рыбка. Перевод В. Феоктистова	210
Пастушонок Аницзы. Перевод В. Феоктистова	217
Любовь женщины. Перевод В. Феоктистова	221

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ МЯО

Как зубы драконов превратились в звезды. Пере- вод А. Тишкова	232
Умная жена. Перевод В. Феоктистова	243
Тыква. Перевод В. Феоктистова	249
Сватовство. Перевод В. Феоктистова	252
Мечь. Перевод В. Феоктистова	255
Аньпинь и Маньцзоу. Перевод В. Феоктистова	260

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ И

Как богатырь Ничжисяло создал мир. Перевод М. Черкасовой	266
Уязвимое место. Перевод М. Черкасовой	273
Алун ищет отца. Перевод М. Черкасовой	275
Две радуги. Перевод М. Черкасовой	284
Слиток золота. Перевод М. Черкасовой	291

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ЧЖУАН

Вол, который сам пахал и боронил. Перевод М. Черкасовой	293
Лао-сань и чиновник. Перевод М. Черкасовой	301
Умный буйвол. Перевод М. Черкасовой	310
Сказка про каменщика. Перевод Б. Рифтина	313
Как Ма-ле и ее сын искали солнце. Перевод М. Черкасовой	316
Храбрый А-дао. Перевод М. Черкасовой	319

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ БУИ

Тигр и лягушка. *Перевод М. Черкасовой* 328

КОРЕЙСКИЕ СКАЗКИ

Шесть братьев. *Перевод М. Черкасовой* 331

КАЗАХСКИЕ СКАЗКИ

Смелый Ада. *Перевод Б. Рифтина* 336

Путешественник и лентяй. *Перевод Б. Рифтина* 343

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ТУН

Сестрица Длинные Волосы. *Перевод М. Черкасовой* 344

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ БАИ

Деревня Согнутого Рога. *Перевод М. Черкасовой* 350

Желтый дракон и Черный дракон. *Перевод М. Черкасовой* 355

Крапива и польнь. *Перевод М. Черкасовой* 360

Волшебный сосуд. *Перевод М. Черкасовой* 365

Мудрая жена. *Перевод М. Черкасовой* 374

Как император сохранил крысам жизнь. *Перевод М. Черкасовой* 379

Как Чан-шэн обрел сокровище. *Перевод М. Черкасовой* 381

Ло Ша. *Перевод М. Черкасовой* 390

Два приятеля. *Перевод М. Черкасовой* 395

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ТАИ

Улитка и заяц. *Перевод Б. Рифтина* 402

Праздник обливания водой. *Перевод М. Черкасовой* 404

Двуглавый феникс. *Перевод М. Черкасовой* 406

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ЯО

Как в луну стреляли. *Перевод Б. Рифтина* 409

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ЛИ

Цин-цин и Хун-хун. *Перевод Б. Рифтина* 413

Драгоценная шкатулка. *Перевод М. Черкасовой* 416

История одного умника. *Перевод М. Черкасовой* 424

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ЛИСУ

Моллюск. *Перевод М. Черкасовой* 431

История горлицы. *Перевод М. Черкасовой* 441

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ НУН

Изумрудная капля. *Перевод М. Черкасовой* . . . 448

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ЦЗИНПО

Кошка и барс. *Перевод М. Черкасовой* 456

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ГАОШАНЬ

Река Солнца и Луны. *Перевод А. Тишкова* . . . 458

УЗБЕКСКИЕ СКАЗКИ

Разбитая пиала. *Перевод Б. Рифтина* 466

ДАУРСКИЕ СКАЗКИ

Мынгунху. *Перевод В. Феоктистова* 471

СКАЗКИ ЭВЕНКОВ

Сказание о хребте Синъянглинь. *Перевод В. Феоктистова* 482

СКАЗКИ НАРОДНОСТИ ШЭ

Петухи. *Перевод А. Тишкова* 487

77 н.

СКА
НАРО
КИТ

